

Хазанов Анатолий Михайлович

Португалия и ее империя в эпоху Салазара и Каэтану

Москва, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

Португалия в конце XIX – начале XX вв.....	2 – 10
Период «относительного либерализма».....	10 – 13
15 миллионов в колониальной тюрьме.....	13 – 50
Расовая политика португальских колонизаторов.....	50 – 65
Идеология салазаризма.....	65 – 67
Салазар: 40 лет диктатуры.....	67 – 101
Португалия во II мировой войне. Салазар – пособник Гитлера....	101 – 124
«Поколение Кабрала»: путь в революцию.....	124 – 175
Освобождение Индией Гоа.....	175 – 196
Рождение Республик Гвинея – Бисау, Острова Зеленого Мыса....	196 – 204
Поражение в Гвинее – Бисау – начало конца португальского колониализма.....	204 – 227
На острова приходит свобода.....	227 – 232
Ангола: путь к независимости.....	232 – 248
МПЛА поднимает знамя восстания.....	248 – 282
Народ Мозамбика берется за оружие.....	282 – 328
Крах фашистского режима в Португалии.....	328 – 348

Португалия в конце XIX – начале XX вв.

С начала XVIII в. Португалия испытывала экономическую и политическую зависимость от Англии. В соответствии с существовавшими торговыми договорами Португалия экспортировала в Англию вина, а Англия экспортировала в Португалию изделия своей текстильной промышленности. Торговые договоры, служившие своеобразным отражением союза португальской винодельческой аристократии с английской аристократией (текстильными фабрикантами), давали значительные преимущества англичанам и способствовали гибели португальской текстильной промышленности – единственной отрасли промышленности, получившей развитие в Португалии.

Однако начиная с 1870 г. нарождающаяся португальская буржуазия предпринимает попытки (в ряде случаев, успешные) избавиться от импорта английских тканей. Для того, чтобы создать благоприятные условия для местной текстильной промышленности, португальское правительство ограничило ввоз в страну готовых текстильных изделий, увеличив импорт шерсти и хлопка, служивших сырьём для португальских текстильных мануфактур. Одновременно Португалия пошла на диверсификацию торговых партнеров, заключив торговые соглашения с Францией, Германией, Австрией, Испанией и другими странами, а также ввела протекционистские тарифы¹. В то же время началось бурное развитие и других отраслей промышленности – прежде всего горнодобывающей, кожевенной, строительство железных и шоссейных дорог. Если в 1852 г. в Португалии было не более 218 км дорог с щебёночным покрытием, то в 1884 г. их уже насчитывалось 9155 км, а в 1900 г. Дорожная сеть составила 14230 км. Быстро увеличивалась также протяженность железных дорог в стране. В 1856 г. она составила лишь 36 км, в 1892 г. - 1888 км, в 1902 г.- 2381 км, в 1912 г. – 2974 км. В 1894 г. Португалия вышла на десятое место в мире по густоте железнодорожной сети на 1 кв. км. Развитие транспортных

¹ Historia de Mocambique, vol. 2, Maputo, 1983, p. 64

коммуникаций в значительной степени способствовало промышленному развитию и росту капиталистических производственных отношений². Так если в 1853 г. Португалия не располагала ещё паровыми машинами для промышленных целей, в 1840 г. их было 4 с общей мощностью в 79 лошадиных сил, то в 1850 г. число паровых машин удвоилось, а в 1881 г. португальская промышленность располагала паровыми машинами с общей мощностью в 9087 л.с., а в начале нашего века это число удвоилось³. У Португалии к тому времени был сравнительно сильный торговый флот и около 3 тыс. км железных дорог, связанных с сетью испанских железных дорог.

Правда, по сравнению с другими странами Западной Европы промышленное развитие Португалии было незначительным. Например, если в начале 1900-х годов мощность португальской промышленности составила 11 тыс. л.с., Бельгия (территория которой была в два раза меньше португальской) имела промышленность мощностью в 729 тыс. л.с.⁴.

Однако число фабрик в Португалии быстро росло. В 1822 г. их было лишь 1031, в 1881 г. – 1350, а накануне Первой мировой войны было более 5000 фабрик. Число рабочих было в 1822 г. 15 тыс., в 1881 г. – 189 тыс., а накануне войны – 200 тыс.⁵.

Период предпринимательской горячки был непродолжительным. Он характеризовался учреждением многочисленных, но быстро лопавшихся спекулятивных компаний, акционерных обществ и т.д. Для того, чтобы поддержать отечественную промышленность, правительство прибегало к бесчисленным займам и вводило всё новые налоги, которые ложились непосильным бременем на обнищавшее крестьянство, итак уже жившее на грани голодной смерти. Кроме того, механизация сельского хозяйства привела к сокращению использования крестьян-сезонников, а колебания мировых цен, капиталистическая концентрация производства, сокращение

² Historia de Mocambique, vol. 2, Maputo, 1983, p. 64

³ Там же, p. 64

⁴ Там же, p. 64

⁵ Там же, p. 65

пахотных земель из-за расширения площадей, предназначенных для виноградоводства, шелководства и пастбищ для скота, привели к разорению части крестьянства и возникновению «избыточного» населения в деревне. Своеобразной формой протеста против этой системы угнетения и эксплуатации явилась массовая крестьянская эмиграция, главным образом в Бразилию. С 1872 по 1900 г. из Португалии эмигрировало около 580 тыс. человек, с 1904 г. число эмигрантов достигло 35 тыс. человек ежегодно⁶. С 1870 до 1930 г. из Португалии эмигрировали 1,5 млн. человек⁷. Португалия, по выражению К.Маркса, страдала не только от развития капиталистического производства, но и от «недостаточности» этого развития. Отражением противоречивости этого развития явился быстрый рост ростовщического капитала, появление большого числа эфемерных акционерных обществ. Если в 1852 г. было только два анонимных общества с капиталом в 500 конто, то в 1882 г. их было уже 257 с капиталом в 118 млн. конто. Если в 1872 г. было лишь 15 банков, то в 1875 г. их стало уже 51. В конце XIX банковская активность в основном сводилась к предоставлению ссуд, ростовщичеству и другим операциям кредитного характера. Позже к этому добавились помещение денег под проценты от эмигрантов, различные спекуляции и т.п.

Капиталистическое развитие Португалии осуществлялось прежде всего за счет внешних займов. Для развития промышленности, модернизации транспортной инфраструктуры, реформ административного аппарата, для отмены феодальных прав и привилегий, гражданских войн нарождающаяся и быстро набирающая силу португальская буржуазия нуждалась в деньгах. Поэтому золото, прежде поступавшее в королевскую казну из Бразилии, теперь (с середины XIX в.) заменили внешними займами. В 1890 г. государственный долг Португалии равнялся 573 тыс. конто, причем две трети этой суммы составлял внешний долг. Ссуды начали предоставляться Англией с 1850 г. и особенно возросли, когда началось строительство

⁶ Испания и Португалия, М., 1947, с. 403

⁷ Historia de Mocambique, vol. 2, Maputo, 1983, p. 65

железных дорог. В 1910 г. государственный долг Португалии составлял более 797 тыс. конто⁸.

Усиление налогов и английские займы не смягчили, а усугубили экономические и финансовые трудности страны. С помощью внешнего кредита в стране пустили глубокие корни английские, германские и французские компании, установившие полный контроль над наиболее важными, ключевыми отраслями хозяйства. Они, в частности, прибрали к рукам горнодобывающую промышленность, транспорт и дорожную сеть, электроэнергию, табак, текстильную промышленность, мукомольное производство и т. п.⁹.

Политика правительства привела страну к катастрофе. Государственный долг рос с невероятной быстротой, сделав положение Португалии похожим на положение крестьянина, попавшего в кабалу к деревенскому ростовщику. Начиная с середины XIX в. в течение 40 лет дефицит государственного бюджета увеличивался ежегодно в среднем на 8 млн. мильрейсов. Очень дорого обходилось содержание армии и флота, выплата процентов по займам, огромные расходы шли на королевский двор, широко использовавший право получения авансов из казны за счёт гражданского листа, а также казнокрадство¹⁰.

В 1892 г. португальское правительство, испытывавшее серьёзные финансовые трудности, объявило о государственном банкротстве. Это имело своим следствием сокращение суммы ежегодно выплачиваемой по займам на две трети. АНГЛИЯ И Германия предложили Португалии новые займы, чтобы она могла выйти из финансового кризиса. Однако Лиссабон предпочёл обратиться в 1897 г. к Франции с просьбой о предоставлении займа.

В передовых кругах Лиссабона и Порту появились республиканские тенденции, представители буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции развернули активную пропаганду, ратуя за обновление экономической и

⁸ Historia de Mocambique, vol. 2, Maputo, 1983, p. 66

⁹ Там же, p. 67

¹⁰ Испания и Португалия, М., 1947, с. 403

политической жизни страны, за избавление её от подчинения английскому капиталу и от паразитических элементов¹¹. Однако вплоть до начала XX в. Республиканское движение имело сравнительно низкую социальную базу, охватывая лишь интеллигенцию, и будучи оторвано от широких народных масс. В то же время постепенно в среде рабочих, ремесленников и мелкобуржуазной интеллигенции сформировалось социалистическое движение, одним из наиболее популярных лидеров которого стал член I Интернационала, прудонист, поэт Антеру ди Кентал. В 1872 г. Поль Лафарг и эмигрировавшие в Португалию испанские социалисты создали в Лиссабоне первые социалистические группы. В 1875 г. была основана Португальская социалистическая партия (окончательное её оформление произошло на Лиссабонском конгрессе в 1877 г.)¹².

Рост рабочего класса и его тяжелое материальное положение способствовали усилению республиканского движения в стране в начале XX в. На выборах в 1900 г. за республиканцев было подано лишь 3856 голосов, а в 1906 г. они получили уже 13204 голоса и тогда же провели в Лиссабоне 4 депутатов в парламент во главе с Афонсу Кошта. Но всё же партия не имела массовой базы в стране, она оставалась буржуазно-интеллигентской организацией. В 1902 г. имели место республиканские волнения в армии и флоте. В 1906 г. республиканцы возглавили новое восстание моряков. Стремясь любыми мерами подавить республиканское движение король Карлуш I (1889-1908) поручил формирование кабинета Жуану Франку, снабдив его диктаторскими полномочиями. В январе 1908 г. были распущены муниципальные советы, закрыты все газеты, кроме тех, которые отражали мнение правительства. Начались массовые аресты. Однако эти реакционные меры натолкнулись на упорное сопротивление широких слоёв населения, возглавленное республиканцами. Был организован заговор с целью свержения монархии, одним из участников которого был отец нынешнего президента Португалии Мариу Соареша, республиканец-либерал, которого

¹¹ Испания и Португалия, М., 1947, с. 404

¹² Там же.

правительство Ж.Франку заключило в тюрьму в Вила Висоза¹³. 1 февраля 1908 г., когда Карлуш I и наследник престола Луиш Филипп возвращались из Вила Висоза в Лиссабон, в их экипаж была брошена бомба и они были убиты, а принц Мануэл был ранен¹⁴. В.И. Ленин в статье «О происшествии с королем португальским» писал: «Мы жалеет о том, что в происшествии с королем португальским явно виден ещё элемент заговорщического, т.е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская Революция... Но до сих пор в Португалии удалось только напугать монархию убийством двух монархов, А не уничтожить монархию.» Ленин предсказал возможность того, что «республиканское движение в Португалии поднимается ещё выше»¹⁵. Это предвидение полностью сбылось.

После гибели Карлуша I и Луиша Филиппа на престол взойшёл 19-летний Мануэль II (1908-1910 гг.). Он пытался с помощью уступок сбить накал революционной борьбы: объявил амнистию участникам республиканского восстания во флоте в 1906 г., отменил изданный Ж. Франку декрет, увеличивший гражданский лист на 1 млн. франков и т.п.

Португальский историк Ж. Амаду так описывал его деятельность: «Не имея политического опыта, не будучи подготовлен к власти, король не сумел уничтожить хаос, который его окружал. Впрочем, кризис был настолько глубоким, что без полного обновления принципов и институтов никто не смог бы его предотвратить. Лучшим доказательством этого была слабость короля Карлуша. Король Мануэль пытался быстро добиться примирения враждующих сил. Но те, кто называл себя защитниками монархии, не мыслили прийти к согласию, будучи разделенными своей мелочной борьбой, амбициями и завистью. А республиканская пропаганда росла, расширяя сферу своего влияния»¹⁶.

¹³ M. Soares. Portugal amordacado. Depoimento Sobre os anos do fascismo, Lisboa, 1974, p. 18

¹⁴ J.C. Amando. Historia de Portugal, Lisboa, 1966, p. 62

¹⁵ В.И. Ленин. Соч., т. XII, с. 151

¹⁶ J.C. Amando. Op. cit., p. 63

4 октября 1910 г. в Лиссабоне вспыхнуло восстание, уже два года подготовлявшееся республиканцами и поддержанное армией и флотом. Король бежал через Гибралтар в Англию. 5 октября 1910 г. в Лиссабоне была провозглашена республика и было создано временное правительство во главе с доктором Теофиму Брага. Он был крупным ученым-филологом, труды которого о португальской литературе были широко известны в кругах интеллигенции.

Вскоре было созвано Учредительное собрание, подготовившее первую республиканскую конституцию Португалии, которая вошла в силу 20 августа 1911 г. Согласно конституции в стране было введено республиканское парламентское государственное устройство. Главой исполнительной власти стал президент, избиравшийся на 4 года, а законодательной властью стал парламент, который мог сменить президента и распустить правительство. Политическое руководство страной осуществляла партия, имевшая большинство в парламенте. В.И. Ленин отмечал, что Португальскую революцию 1910 г. «придётся, конечно, признать буржуазной» и подчеркивал, что «народной» она «не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, в ней заметно не выступают»¹⁷.

Революция 1911 г. мало изменила положение трудящихся масс Португалии и её колоний. В стране сохранились феодальные отношения, господство помещиков-латифундистов не было свергнуто, хотя им пришлось теперь делить политическую власть с буржуазией. Католическое духовенство сохранило свое политическое, экономическое и идеологическое влияние, поскольку церковь не была отделена от государства. В государственно-административном аппарате сохранили свои позиции монархические чиновники. Многие политические институты времен монархии были сохранены. Революция 1910 г. не внесла радикальных изменений в характер

¹⁷ В.И. Ленин. Соч., т. XXI, с. 395

производственных отношений в стране, не изменила её социально-экономической структуры, не стимулировала её промышленного развития, не ликвидировала свойственные Португалии формы «финансовой и дипломатической зависимости»¹⁸.

Углубился финансовый кризис в стране. Эксплуатация трудящихся в метрополии и колониях резко усилилось. Был увеличен налоговый пресс. Рабочий день остался неограниченным, рабочее законодательство не было разработано. Кое-что было сделано только в области просвещения и культуры. Была проведена реформа начального образования, были созданы специальные школы для подготовки учителей, реорганизованы средние, технические и высшие учебные заведения, открыты университеты в Лиссабоне и Порту¹⁹.

¹⁸ В.И. Ленин. Соч., т. XIX, с. 140

¹⁹ J.C. Amando. *Op. cit.*, p. 64-65

Период «относительного либерализма».

Когда в 1914 г. разразилась Первая мировая война, Португалия заявила о готовности выступить на стороне Антанты. Однако Англия отклонила это предложение, не желая делиться с Португалией плодами победы в войне.

В конечном счете, в 1916 г. Англия под нажимом Франции согласилась на участие Португалии в войне. Португальская армия (в составе которой было много солдат из африканских колоний) воевала в 1917 г. во Франции на стороне Антанты²⁰.

Еще до этого 23 февраля 1916 г. были реквизированы германские суда, находившиеся в португальских портах.

За участие в Первой мировой войне Португалия по Версальскому миру 1919 г. получила незначительную территорию на восточном побережье Африки к югу от реки Ровумы, известную под названием «треугольник Кионга», ранее входившую в состав Германской Восточной Африки.

Период с 1920 по 1926 гг. был самым беспокойным в истории Первой республики. В одном только 1920 г. сменилось восемь Кабинетов министров.

19 октября 1921 г. имела место печально знаменитая «Кровавая ночь», когда был убит ряд видных политиков, в том числе Антониу Гранжу, председатель правительства, которое было свергнуто в тот день демократической революцией.

Партии обвиняли друг друга в причастности к этому преступлению, которое вызвало волну протестов по всей стране²¹.

Экономическая, социальная и финансовая ситуация в стране была исключительно тяжелой. «Только диктатура может нас спасти», – таково было широко распространенное мнение в начале 1920-х годов.

Правительство Демократической партии, возглавлявшееся Антониу Мария да Силвой, находилось у власти почти два года, что казалось

²⁰ Amado J.C. Historia de Portugal. Lisboa, 1966, p.65

²¹ Сарайва Ж.Э. История Португалии. М., 2007, с.333

недопустимо долгим сроком другим партиям, стремившимся сменить демократов у руля правления страной.

В это время Португалия переживала острейший политический и экономический кризис, который сопровождался рядом стачек и восстаний. Анархо-синдикалистская Всеобщая Конференция труда была неспособна создать крепкую организацию рабочего класса. Коммунистическая партия Португалии возникла только в 1922 г. и ее влияние на рабочий класс было еще крайне незначительным.

28 мая 1926 г. генерал Гомиш да Коста, пользовавшийся поддержкой военно-диктаторского правительства Испании, поднял восстание в городе Брага. К восстанию быстро подключились все войска северной части страны. Захватив власть в Португалии, генерал Гомиш да Коста ликвидировал демократическое правительство и разогнал парламент. Но уже через несколько недель при участии Англии Гомиш да Коста был свергнут, и власть была захвачена другим генералом – Кармоной, связанным с банковским капиталом страны. Антиправительственное восстание 1927 г. было жестоко подавлено. В 1928 г. Кармона стал президентом республики²².

В связи с тяжелым финансовым положением правительство обратилось к Англии, которая предоставила заем, как обычно, на основе определенных уступок в колониях. Англии были предоставлены привилегии в порту Бейра в Мозамбике сроком на 90 лет. Особые преимущества были предоставлены в Лоренсу-Маркише и Южно-Африканскому Союзу. К 1929 г. 40% расходной части государственного бюджета Португалии составляли расходы по уплате долгов Англии. Около 1/3 всех государственных средств страны расходовалось на армию, флот и полицию²³.

В 1930 г. началась фашизация государственного строя Португалии. В апреле и в июле 1930 г. по всей стране прокатилась волна арестов оппозиционных демократических деятелей. 31 июля правительство, поставившее все оппозиционные партии фактически вне закона, созвало

²² Испания и Португалия. М., 1947, с.409

²³ Там же.

совещание, на котором было заявлено об образовании правящей партии – Национального союза.

В 1932 г. президент Кармона передал всю полноту власти в стране профессору Оливейре Салазару, назначенному премьер-министром и бывшему до этого (с 1928 г.) министром финансов.

Профессор Жозе Эрману Сарайва, автор «Истории Португалии», пишет: «О результатах Первой республики судили по-разному. По мнению одних, это был полностью негативный период, который заменил власть демагогией, дезорганизовал государственный аппарат, сделав его неспособным решать реальные проблемы, способствовал обнищанию страны, замедлил экономический прогресс, усугубил полуколониальную зависимость в отношении Англии и свелся к безответственной парламентской болтовне, прерывавшейся кровавыми эпизодами.

По мнению других, это была эпоха плодотворного и творческого подъема, когда был осуществлен первый опыт демократического правления, народ проявил заинтересованность к политическим процессам, были предприняты обновляющие шаги в сфере семейного и образовательного законодательства. Первая республика мужественно защитила заморские владения от алчности великих держав ценой вступления в Первую мировую войну и обеспечила формирование цивилизованного прогрессивного политического менталитета, проявленного интеллектуалами, которые объединялись вокруг журнала «Сеара нова».

Радикальный антагонизм этих интерпретаций отражает непреодоленные идеологические конфликты, препятствующие формированию целостной оценки, свободной от предвзятого отношения»²⁴.

²⁴ Сарайва Ж.Э. Указ.соч., с.335

15 миллионов в колониальной тюрьме.

Ангола была крупнейшей по территории колонией Португалии. Ее площадь составляла 1247 тыс. км². Население (к 1967 г.) – 5 млн. человек, из них 94% составляли африканцы и 6% – португальцы.

Вся хозяйственная жизнь Анголы была подчинена интересам правящего класса метрополии. Она была сориентирована на экспорт кофе, алмазов, нефти и других товаров, в которых нуждалась экономика Португалии.

Ангола поставляла метрополии большую часть потребляемого ею сырья и в то же время поглощала большую часть экспортируемой ею промышленной продукции.

Главной отраслью экономики этой колонии было сельское хозяйство, на долю которого приходилось 80% стоимости валовой продукции. Основными товарными культурами были кофе, сахарный тростник, хлопок, кукуруза, сизаль, масличная пальма.

Все лучшие земли принадлежали плантаторам-португальцам. Они владели около 1,5 млн. Га плодородной земли, в то время как африканское население, во много раз превышающее европейское имело лишь 1,8 тыс. Га худших земель.

Огромные земельные массивы (несколько сот тысяч гектаров) были заняты под кофейные плантации, которые принадлежали португальцам. Так, например, в округе Амбоин – одном из главных центров выращивания кофе, – из 31 тыс. Га только 1 тыс. Га принадлежала африканцам.

Как правило, крупными и средними земельными собственниками были португальские поселенцы, португальские и иностранные компании, а мелкими собственниками – африканцы.

Распределение валового дохода продукции сельского хозяйства между европейцами и африканцами было крайне неравномерно.

В мае 1949 г. один португальский агроном провел исследование распределения доходов в районе Казенго – одном из главных центров

производства кофе в Анголе. Оно показало, что только 36% всех доходов приходилось на африканское население.

Прибыльность европейских хозяйств объяснялась не столько тем, что они располагали некоторым количеством современного сельскохозяйственного инвентаря, сколько высокой степенью эксплуатации дешевого труда африканцев.

Африканские хозяйства были специализированы главным образом на производстве продуктов питания для собственных нужд и лишь иногда производили небольшое количество продуктов для продажи. Основу питания на севере страны составлял маниок, на юге – кукуруза. Те африканские хозяйства, которые в принудительном порядке заставляли выращивать хлопок и другие экспортные культуры, нещадно эксплуатировались при помощи основанной на произволе и обмане закупочной системы.

В глубинных районах хозяйства африканцев часто имели натуральный характер, там практиковались крайне отсталые методы земледелия. Единственным орудием труда служила мотыга. Сохранялось естественное разделение труда, свойственное ранним общественным формациям: мужчины вырубали лес, подготавливали почву для посева и занимались охотой; женщины вскапывали землю, выращивали сельскохозяйственные культуры и собирали урожай.

Натуральные хозяйства африканцев, основанные на общинной собственности на землю, постепенно разлагались под ударами развивающегося капиталистического производства. Закон, обязавший каждого мужчину старше 16 лет платить денежный налог от 180 до 300 эскудо, выбросил значительную часть прежде независимых африканских производителей на рынок труда.

В результате в Анголе наблюдалось сложное и своеобразное переплетение различных общественно-экономических укладов, включая патриархально-родовой, феодальный, мелкотоварный и капиталистический.

К концу 1960-х годов последний приобрел доминирующее значение не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Но наиболее развитые формы и внушительные масштабы получило развитие капитализма в промышленности.

В 1964 г. общая сумма инвестиций, вложенных в промышленность (исключая горнодобывающую), оценивалась в 3 млн. конто. В этом же году в Анголе насчитывалось более 3 тыс. промышленных предприятий, на которых работали 62,5 тыс. человек.

Однако в общем экономическом балансе страны удельный вес промышленности был значительно меньше, чем сельского хозяйства. Многие важные отрасли промышленности практически отсутствовали. Наиболее развитыми были две отрасли – горнодобывающая и обрабатывающая промышленность.

Горнодобывающая промышленность (особенно добыча нефти и железной руды) развивались очень быстрыми темпами.

В середине 1960-х годов горнодобывающая промышленность имела инвестированный капитал около 4 млн. конто, из которых 1,2 млн. были вложены в добычу алмазов, остальные – в добычу нефти, железной и марганцевой руды и фосфоритов.

Горнодобывающая промышленность почти полностью находилась в руках иностранного капитала.

Компания «Диаманг» (Компания душ диамантиш де Ангола) имела исключительное право на разведку и добычу алмазов на территории, составлявшей 81% площади Анголы. На этой территории «Диаманг» был «государством в государстве» и распоряжался материальными и человеческими ресурсами совершенно бесконтрольно.

«Диаманг» был дочерней компанией «Де Бирса», который в свою очередь был филиалом «Англо-Америкэн Корпорейшн оф саут Африка», президентом которой был знаменитый миллиардер Гарри Оппенгеймер. Специальные декреты, изданные в 1969 г., санкционировали контракты,

заключенные португальским правительством с «Диамангом», по которым последний получил исключительные права на разведку и добычу алмазов и других драгоценных камней на всей территории Анголы.

Но главным районом добычи алмазов был северо-восточный угол округа Лунда. Имея штаб-квартиру в Дундо, «Диаманг» осуществлял фактический суверенитет над этим районом, контролируя наем рабочей силы, школы, медицинские учреждения и даже имея свои вооруженные силы.

Добыча нефти в Анголе началась в июле 1952 г. после заключения правительством колонии контракта с «Карбонанг» (Компания де Комбустиваиш ду Лобиту). «Карбонанг» являлся дочерней компанией бельгийской компании «Петрофина». В 1955 г. была добыта нефть южнее Луанды в Бенфика, а в конце того же года «Карбонанг» получил лицензию на строительство нефтеперерабатывающего завода. В 1957 г. «Карбонанг» был переименован в «Петрангол» (Компания Консессионариа де петролеус де Ангола), в которой 45% капитала принадлежала «Петрофина».

В конце 1968 г. американская компания «Галф ойл» начала добычу нефти в анклав Кабинда. Была создана дочерняя компания «Кабинда галф ойл», принадлежавшая американским владельцам. До 1967 г. «Галф ойл» вложила в разведку нефти в Кабинде около 800 000 конто. В 1968 г. она инвестировала в добычу нефти более 1 млн. конто.

«Диаманг», «Петрофина», германская фирма Круппа являлись безраздельными хозяевами огромных природных богатств Анголы и получали от их эксплуатации баснословные прибыли.

Наличие в Анголе разных социально-экономических укладов определило сложную и своеобразную социальную структуру ангольского общества. Европейцы – это колониальные чиновники, судьи, офицеры, помещики, промышленная буржуазия, а также рабочие, учителя, врачи.

Африканское население Анголы можно было разделить на две группы: эксплуатируемые трудящиеся (батраки, вольно-наемные,

«законтрактованные») и собственники (родоплеменная верхушка, землевладельцы, сельская буржуазия).

В группе африканцев-собственников относительно многочисленный слой составляли африканцы-землевладельцы. Некоторые африканцы имели сравнительно большие плантации кофе – размером от 100 до 300 Га.

Большинство ангольских крестьян, владевших мелкими земельными участками, представляло собой так называемых независимых производителей, не эксплуатировавших чужого труда. Фактически же они подвергались эксплуатации со стороны крупных плантаторов и сельскохозяйственных компаний, у которых они были вынуждены арендовать сельскохозяйственный инвентарь, семена, мельницы и т.д.

В результате удельный вес африканского сектора по производству сельскохозяйственной продукции значительно уступал удельному весу европейского сектора, хотя в сфере производства в середине 1960-х годов были заняты 4,6 млн. африканцев и всего лишь 172 тыс. европейцев.

Так в 1959 г. на европейский сектор приходилось 65 800 тонн кофе, а на африканский – только 22 тыс. тонн (то есть около трети общего объема производства), а в 1961 г. соответственно 97 307 тонн и 20 793 тонн.

Все это свидетельствовало о растущей конкуренции между двумя социально-этническими слоями населения Анголы и об экономическом наступлении, которое вели европейские поселенцы на позиции африканцев. Эти изменения были связаны также с постоянно увеличивавшейся иммиграцией европейского населения, сгоном африканцев с земли и ростом численности наемных рабочих из разорившихся мелких крестьянских собственников.

Беспоощадная эксплуатация со стороны плантаторов, иностранных компаний и скупщиков, необходимость платить денежный налог – все это заставляло африканцев уходить из деревень в города. Этому, по свидетельству протестантского миссионера Т. Окумы, способствовали также «истории, рассказываемые вернувшимися из Лобиту и Луанды..., о больших

возможностях получить там работу... Они уверяют, что портье или курьеры зарабатывают не менее 400 эскудо в месяц. Обычно же рабочий в деревне счастлив, если ему удастся заработать половину этой суммы²⁵».

Другая причина массовой миграции в города – стремление избежать контрактации (вербовки) на принудительные работы. По свидетельству того же Окумы, многие африканцы бежали в города после того, как племенные вожди получали от колониальных властей предписание подготовить определенное количество африканцев («контрактадуш») для принудительных работ на строительстве мостов, дорог, зданий и т.п. Многие искали спасения в городах от долгов плантаторам и торговцам.

Таким образом происходил процесс размывания африканского крестьянства: значительная его часть, разоряясь, пополняла ряды растущего класса наемных рабочих.

Соотношение между африканскими и европейскими рабочими в середине 1960-х годов составляло 8:1 на крупных предприятиях и 3:1 на мелких предприятиях. Белых рабочих было примерно 11 тыс., а рабочих-африканцев – приблизительно 49 тыс.

Средняя заработная плата европейца составляла, по официальным данным, 36 756 эскудо в год. Рабочие-африканцы получали в среднем 8340 эскудо в год или 23 эскудо в день, то есть в четыре с лишним раза меньше, чем европейцы.

По данным Т. Окумы, несколько лет проживавшего в Анголе, европейские квалифицированные рабочие зарабатывали в три с лишним раза больше, чем квалифицированные рабочие-африканцы за ту же работу.

Особую группу африканского населения составляла национальная интеллигенция. В связи с необходимостью иметь помощников из местного населения в различных областях административной и хозяйственной деятельности (клерков, переводчиков, телеграфистов, счетоводов и т.п.) колонизаторы вынуждены были создать для небольшой части африканцев

²⁵ Okuma Th. Angola in Ferment. Boston, 1962, p.48

некоторые возможности получения среднего образования. Это привело к появлению небольшого слоя образованной африканской элиты. Это имело своим результатом ломку родоплеменных институтов.

Деятельность образованной элиты сыграла большую роль в модификации традиционных отношений в африканской деревне и подрыве авторитета родоплеменной верхушки. «Деревенский вождь или старейшина требует помощи от тех, кто умеет читать и писать по-португальски, – свидетельствовал Т. Окума, – Ведь административные чиновники постоянно требуют статистические сведения от деревенских старейшин, последние зависят от образованной элиты также в вопросах, связанных с выдачей свидетельств о рождении, уплатой налогов, регистрацией земель и т.п. Петиции к властям тоже могут составлять лишь те, кто умеет читать и писать. В результате статус традиционного старейшины узурпируется в деревне молодым образованным африканцем»²⁶.

Африканская интеллигенция была двойственна по своей природе. С одной стороны, колонизаторы предоставили ей значительные привилегии по сравнению с остальной массой населения, с другой – она была поставлена в подчиненное положение от португальских колонизаторов. Отсюда проистекали колебания, нерешительность и соглашательские настроения части ангольской интеллигенции. Однако значительная часть национальной интеллигенции Анголы была настроена революционно, она особенно остро осознавала унижительность и несправедливость положения, в которое были поставлены африканцы при колониальном режиме. Именно представители национальной интеллигенции играли руководящую роль в национально-освободительной революции, в которой участвовали все основные классы и социальные слои африканского общества.

Мозамбик был второй по территории и первой по численности населения колонией Португалии. Ее территория составляла 783 тыс. кв. км. Население (1967 г.) – примерно 6,8 млн., в основном народы банту.

²⁶ Okuma Th. Цит. соч., p.44

Европейцев насчитывалось около 90 тыс. (главным образом португальцы). Кроме европейцев в городах жили выходцы из Азии - индийцы и арабы.

В структуре внешней торговли Мозамбика как в зеркале отражалась навязанная этой колонии роль поставщика сырья для стран Запада и рынка сбыта промышленных товаров метрополии и других развитых стран. Если экспорт Мозамбика состоял главным образом из сельскохозяйственного и минерального сырья (хлопок, сахар, плоды кажу, копра, сизаль, нефть - сырец и др.), то импорт в основном из готовых изделий (уголь, текстиль, вина, промышленное оборудование, подвижной состав железных дорог, металлоизделия, рельсы и шпалы, мука, обувь и т.д.). Колониальный, уродливый характер экономики Мозамбика проявлялся, в частности, в том, что всего лишь несколько культур – хлопок, сизаль, масличные и тростниковый сахар - составляли примерно 75% стоимости экспорта (в том числе хлопок примерно 25% и сахар 17%).

Хотя по весу экспорт и импорт Мозамбика были примерно равны, по стоимости ввоз значительно превышал вывоз. Так в 1962 г. импорт составил 3908125 конто, а экспорт - только 2615832 конто.

Значительная часть импортированных Португалией из Мозамбика продуктов перепродавалась затем в другие страны. На долю Португалии приходилось около трети импорта и более трети экспорта Мозамбика, за ней следовали ЮАР, Англия, ФРГ, США, Родезия.

Мозамбик имел также огромное значение в системе мирового капиталистического хозяйства вследствие своего географического положения, что позволяло Португалии наживать огромные барыши на реэкспорте. Геополитическое положение Мозамбика, дававшего выход к морю огромным внутренним районам континента – от богатого золотом Трансвааля до изобилующей медью Катанги, приносило колонизаторам ежегодный дополнительный доход примерно в 20 млн. ф. ст.

Большие прибыли, в частности, давала эксплуатация железных дорог, служивших кратчайшим выходом к морю для продукции горнодобывающей промышленности Замбии и Катанги.

Административный центр колонии Лоренс-Маркиш (после провозглашения независимости Мапуту) служил морским портом для крупного промышленного центра ЮАР Йоганнесбурга. Значительная часть судов с товарами для Замбии и Южной Родезии также разгружалась в Лоренсу-Маркише или Бейре, которая была связана железной дорогой с Солсбери. Кроме того, нефтепровод Бейра-Умтали снабжал нефтью расистский режим Смита в Южной Родезии.

Огромные доходы приносили португальским властям в Мозамбике таможенные пошлины (с португальских товаров они взимались в половинном размере), подоходный налог, налог на предметы роскоши, оборонный и профсоюзный налоги, лицензии и почтовые сборы.

Для экономики Мозамбика, так же как и других колоний Португалии, было характерно постепенное внедрение иностранных капиталов во все отрасли хозяйственной жизни. Значительная часть капиталов, вложенных в различные предприятия колонии, была непортугальского происхождения. Ряд компаний, действовавших в Мозамбике, полностью или частично принадлежали иностранному капиталу («Сена шюгар стейтс», «Мозамбик Галф Ойл Компани», «Мозамбик Пан Америкэн Ойл Компани» и др.)

Основу экономики Мозамбика составляло сельское хозяйство. Хотя промышленность (горнодобывающая, обрабатывающая) и играла некоторую роль, ее удельный вес в народном хозяйстве был незначителен.

Примерно треть территории колонии была, по подсчетам специалистов, пригодна для земледелия, однако использовался только 1 % пригодных к обработке земель. Все наиболее плодородные земли принадлежали европейцам-фермерам и крупным сельскохозяйственным компаниям. В конце 1959 г.-1960 гг. площадь земель, возделываемых европейцами, составляла 885 тыс. акров; земли, принадлежавшие

сельскохозяйственным компаниям, составляли 3978677 акров, а обрабатывавшиеся африканцами – только 1236 тыс. акров.

Африканское земледельческое хозяйство было основано на мелкой, земельной собственности. Преобладающая часть сельскохозяйственной продукции, произведенной в хозяйствах африканцев, не приобретала товарной формы, а потреблялась самими производителями. Лишь незначительная ее часть продавалась для того, чтобы иметь возможность купить одежду, сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения, а также уплатить налоги. По подсчетам экономистов, на рынок поступало не свыше 15-20% валовой продукции африканского сектора сельского хозяйства.

Низкая степень товарности африканского сектора объяснялась низкой агротехнической культурой африканского земледелия.

Общая стоимость всех сельскохозяйственных излишков, продававшихся ежегодно африканцами, составляла 24 – 25 млн. долл. Это означало, что каждый из 5 млн. мозамбикцев, занятых в сельском хозяйстве, получал в год в среднем не более 4 – 5 долл. или 12 – 15 эскудо в месяц.

Из культур, выращиваемых в хозяйствах африканцев и шедших на экспорт, наибольшее значение имел хлопок. Экспорт хлопка приносил португальским колонизаторам наибольшие прибыли и служил самым важным источником получения иностранной валюты.

Хлопок выращивался мелкими африканскими производителями в принудительном порядке в так называемых «концессионных зонах». Эти зоны были сданы в концессию дюжине крупных португальских компаний. Эти компании - концессионеры снабжали крестьян семенами, инвентарем, удобрениями, а за это получали право скупать у них по дешевке хлопок. Каждая крестьянская семья обязана была выращивать хлопок на участке от 0,25 до 1 Га и не имела права выращивать какие-либо другие культуры. Поэтому она оказывалась полностью зависимой от компании-концессионера, которая скупала его урожай по ею же устанавливаемым ценам.

Весь хлопок экспортировался в Португалию. В 1920-е годы португальская текстильная промышленность зависела от хлопка, ввозившегося из США и из Бразилии. Этот импорт обходился ежегодно примерно в 750 млн. эскудо. Когда Салазар пришел к власти, Ангола и Мозамбик производили только 800 т., в то время как ежегодная потребность текстильной промышленности Португалии составляла 18 тыс. т. Тогда колониальные власти ввели систему принудительного труда. Каждый африканец - мужчина от 18 до 55 лет должен был доказать, что живет на средства, заработанные собственным трудом. Для этого он был обязан 6 месяцев в году отработать либо на общественных работах, либо в хозяйствах португальских колонистов, либо в концессионных зонах.

В результате того, что многих африканцев заставили отказаться от выращивания продовольственных культур, тысячи людей погибли от голода и болезней. Зато производство хлопка выросло с 1932 по 1937 г. в шесть раз, а с 1937 по 1946 г. в два раза, составив 65% всего импорта Португалии. Уже в 1953 году производство хлопка в Мозамбике и Анголе превысило потребности португальской текстильной промышленности и в 1955 г. излишки были экспортированы в другие западные страны.

Португалия стала единственной из маленьких стран, покрывавших все свои потребности хлопком из колоний.

В 1960 г. накануне первых раскатов грома над португальской империей в виде ангольской революции Мозамбик произвел рекордное количество хлопка – 140 тысяч т.

О том, в каких условиях жили крестьяне в «концессионных зонах», дает представление яркий рассказ одной из жертвы этой системы - крестьянина Габриэля Маурисиу Нантимбу: «Я сын крестьянина, уроженец Имбухо, хлопкового района в Кабу Делгаду. Мне 25 лет. Мой отец имел маленький участок земли. Мы выращивали кукурузу и хлопок, и нам этого было вполне достаточно для удовлетворения наших нужд. Мы продавали излишки белым в городе. Когда «Компания Агрикола Алгодоейра» получила

монополию на выращивание хлопка в нашем районе, нас обязали выращивать хлопок на нашем участке. Компания давала нам семена, а потом скупал весь урожай. Но платила очень мало. У нас не было времени заниматься другими культурами. Вы, возможно, знаете, что хлопок требует постоянной заботы. Ведь нужно удалять сорняки.

Мы знали, что тех, кто отказывался выращивать этот злополучный хлопок, ПИДЕ (секретная служба – А.Х.) арестовывала и надолго высылала работать на плантациях на островах Сан-Томе. У нас тогда был страх, страх перед белыми, страх лишиться наших семей и обречь детей на смерть от голода. История моего дяди заслуживает того, чтобы ее рассказать. У него был участок хлопка, как и у нас. Однажды он заболел. Патрон из Компании пригласил его к начальнику поста («шефеду пошту»). Когда мой дядя сказал, что тяжело болен, тот грубо ответил: «Ты ничего не стоишь. Это все отговорки, потому что ты не хочешь работать. А если и все другие заболеют, что же вообще прекратить все работы? – Есть разные болезни, одни позволяют работать, другие – нет», ответил мой дядя, – но я не могу работать, ноги дрожат и у меня лихорадка». Его арестовали и отправили в ад Сан-Томе, где он находится до сих пор»²⁷.

О тяжелых условиях жизни африканцев свидетельствовали и иностранные наблюдатели, которые сумели побывать в Мозамбике накануне начала вооруженной борьбы в сентябре 1963 г. Согласно свидетельству одного американского пастора, условия жизни крестьян в это время были хуже, чем на протяжении веков до завоевания страны белым человеком: «У африканцев сегодня еды меньше, чем в ту эпоху, когда густые джунгли гарантировали людям изобильную охоту».

Вынужденные реагировать на резкую критику международной общественности, а также в ООН и ОАЕ, португальские власти предприняли попытки реформировать систему принудительного выращивания хлопка, особенно после восстания в Анголе в 1961 г. Они упразднили наиболее

²⁷ Colonialismo e lutas de libertação. 7 cadernos sobre a guerra colonial. Porto, 1974, p.80

скандальные черты системы принудительного труда. Экспорт мозамбикского хлопка значительно сократился в 1963-1964-х годах. Но он упал особенно сильно, когда в результате всеобщего восстания, возглавленного ФРЕЛИМО, колониальная власть потеряла контроль над огромными регионами Ньяса и Кабу Делгаду. Португальцы были вынуждены перенести культивирование хлопка в центральные районы, где концессии были постепенно заменены другой системой, получившей название «контролируемая конкуренция». Но это несколько не улучшило положение африканских крестьян. Теоретически независимые и свободные, они были вынуждены продавать свой урожай скупщикам - агентам прежних концессионеров. Цена, по которой его продавали, была лишь немного выше прежней. Кроме того, крестьянин теперь должен был сам покупать семена.

По официальным данным, после реформ производство хлопка упало до 130 тыс. т. в год, что обусловило упадок португальской текстильной промышленности.

В эпоху Салазара и Каэтану Мозамбик стал ареной активного внедрения иностранного капитала. К 1968 г. международный консорциум, в котором участвовали американские, германские, французские, итальянские, южноафриканские и португальские капиталы, подписал с правительством Салазара контракт о строительстве в мозамбикской провинции Тете грандиозной ГЭС Кабора-Басса. Плотина Кабора Басса должна была стать самой большой в Африке и четвертой в мире (мощнее только две в России и одна в Канаде). Мощность ГЭС оценивалась в 3,6 млн. кВт-часов. Она должна была позволить оросить 140 тыс. кв. км. Земли и привлечь в этот район 1 миллион колонистов, укрепив тем самым социальную базу колониализма.

Строительство этой грандиозной плотины отвечало интересам так называемого «дьявольского союза» Лиссабона – Претории - Солсбери. Оно могло принести определенные блага и привилегии белому населению, но несколько не улучшало положения африканцев. Напротив, оно укрепляло

позиции колонизаторов и, следовательно, затрудняло обретение свободы и независимости африканским населением Мозамбика.

Подлинным бедствием для народа Мозамбика была вербовка рабочей силы в соседние страны. Десятки тысяч мозамбикцев ежегодно отправлялись в ЮАР и Родезию. Согласно заключенной 11 сентября 1928 г. между правительством Португалии и правительством ЮАС конвенции, на золотые рудники Трансвааля ежегодно поставлялись 80-100 тысяч рабочих из Мозамбика.

По условиям конвенции, за регистрацию контракта и его возобновление португальское правительство взимало с южно-африканских предпринимателей плату в 2 шилл. 9 пенсов за каждого рабочего в месяц, а с завербованных африканцев – по 1 шилл. в месяц.

Помимо этого, португальское правительство получало с отправляемых за границу рабочих пошлину за регистрацию паспорта в 10 шилл. и за возобновления контракт – 5 шилл. в год.

Еще большая выгода от этой торговли живым товаром для португальских властей состояла в том, что в течение первых девяти месяцев действия контракта владельцы рудников выплачивали заработную плату африканцу полностью, и он мог тратить все по своему усмотрению в ЮАР. Потом за каждый рабочий день у него изымались из заработной платы 1,9 шилл., которые выплачивались по возвращении в Мозамбик в португальских эскудо. Эти задержанные деньги, выплачиваемые в эскудо, южноафриканские власти возмещали Португалии в золотых слитках, которые составляли главную основу валютной выручки салазаровского режима. В 1958 г. эта выручка составила 93,2 млн. эскудо, в 1959 г. – 89,7 млн., в 1960 г. – 97,5 млн. эскудо.

Южноафриканско-португальская конвенция 1928 г. несколько раз пересматривалась – в 1934, 1936 и 1940 гг. Последняя версия конвенции 1940 г. давала право южноафриканским властям импортировать на рудники и шахты ЮАР до 100 тыс. «законтрактованных» рабочих из Мозамбика. В

обмен за этот «живой товар» южноафриканское правительство гарантировало Салазару, что 47,5 % всего морского импорта в Йоганнесбург будет идти через Лоренсу-Маркиш.

Обеспечение порта Лоренсу-Маркиш гарантированным объемом транзитной торговли имело огромное значение для Португалии, так как позволяло поддерживать на высоком уровне экономическую конъюнктуру столицы Мозамбика. В середине 1960-х годов объем торговли в порту Лоренсу-Маркиш был больше, чем в Лиссабоне.

В свою очередь конвенция о поставке рабочей силы приносила огромные выгоды южноафриканским и иностранным бизнесменам. Она обеспечивала рудники и шахты ЮАР исключительно дешевой рабочей силой. Без этого дешевого труда африканцев южноафриканские золотые рудники не смогли бы приносить баснословные прибыли их владельцам.

Режим, созданный для рабочих на этих рудниках, напоминал режим концлагерей. Африканцы из Мозамбика, работавшие на шахтах ЮАР, испытывали на себе все ужасы бесчеловечной дискриминации со стороны расистов. Среди рабочих были широко распространены туберкулез, силикоз и другие болезни. Заработанную плату им выдавали лишь частично или даже вовсе не выдавали под тем предлогом, что они получают ее по возвращении в Мозамбик.

Будущий диктатор Португалии, бывший тогда министром колоний, Марселу Каэтану писал в одном из своих отчетов: «Длительное пребывание туземцев португальских территорий на рудниках Трансвааля подтачивает их расу тяжелыми заболеваниями (пневмония, силикоз, туберкулез). Кому хоть раз пришлось побывать на рудниках Рэнда, тот не мог не заметить, что чернокожие живут и работают в условиях, скорее напоминающих условия звероводческой фермы»²⁸.

Португальское правительство, наживавшее огромные барыши на прибыльной торговле «живым товаром», являлось главным виновником

²⁸ Fryer P. And Pinheiro P.M. Oldest ally: A portrait of Salazar's Portugal. London, 1961, p. 17; *Democratie novella*, 1957, №1, p.750

быстрого сокращения населения португальских колоний. По немногим данным, с 1902 по 1958 г. на шахтах Рэнда умерло более 80 тыс. мозамбикских рабочих.

Касаясь последствий, к которым приводил вывоз местных рабочих за границу, Марселу Каэтану писал: «Того, кто посетит территорию провинции Сул ду Саве, поразит ее обезлюдение. Кроме женщин и стариков, там почти, никого не осталось. Прекрасный народ, который населяет эту провинцию, постепенно вырождается и теряет свою жизнеспособность».

Хотя конвенция, заключенная между Португалией и ЮАР, предусматривала поставку в ЮАР ежегодно до 100 тыс. мозамбикцев, фактически их там оказывалось значительно больше. В 1954 г. власти в Трансваале зарегистрировали 173.433 африканца из Мозамбика. Помимо африканцев, отправлявшихся в ЮАР португальскими властями, туда ежегодно бежали в поисках хлеба и работы десятки тысяч эмигрантов, нелегально пересекавших границу.

Монополия ЮАР на вербовку рабочей силы в Мозамбике простиралась до 22° южной широты. К северу от этой линии и до р. Замбези лежала зона деятельности родезийских вербованных компаний. Ежегодно они контрактировали 200 тыс. африканцев для работы главным образом на рудниках.

Мужское население Мозамбика к югу от Замбези (от 15 до 55 лет) в середине 1960-х годов оценивалось приблизительно в 600 тыс. человек. Из них 400 тыс. человек постоянно находились за границей. Смертность рабочих на шахтах ЮАР была очень высока. По некоторым данным, с 1915 по 1965 г. 85 тыс. мозамбикцев умерли, работая на этих шахтах.

Разорявшиеся крестьяне пополняли ряды сельскохозяйственных и промышленных рабочих, которых в Мозамбике насчитывалось несколько десятков тысяч. Как правило, они не порывали связи с деревней. По истечении определенного срока, на который они нанимались на работу, африканцы возвращались в родные деревни и продолжали обрабатывать свои

земельные участки. Большое число рабочих передвигалось ежегодно в поисках работы, покрывая значительные расстояния как внутри Мозамбика, так и за его пределами. Постоянные рабочие составляли лишь незначительную часть мозамбикского пролетариата. Миграция рабочей силы и сезонный характер работы представляли собой серьезный тормоз на пути консолидации пролетариата, формирования его классовой сознательности.

В городах образовалась небольшая прослойка интеллигенции (врачи, учителя, адвокаты). К ним приникали по своему общественному положению мелкие чиновники, служащие в торговле и промышленности. Доступ к этим профессиям был открыт только для умеющих читать и писать по-португальски («ассимилядуш») африканцам, составлявшим 0,75% взрослого коренного населения Мозамбика.

Подавляющее большинство португальцев составляли чиновники колониального аппарата, служащие торговых и промышленных компаний, надсмотрщики, офицеры армии и полиции, квалифицированные рабочие, врачи, адвокаты, инженеры и т.п.

Португальцы составляют также слой мелких и средних предпринимателей. Среди них можно было выделить немногочисленную крупную буржуазию, к которой относились владельцы крупных предприятий, главным образом в сельском хозяйстве. Весьма значительным и быстро растущим слоем европейского населения в Мозамбике являлись фермеры. Наибольшее число фермерских хозяйств было расположено в долине Лимпопо, где португальское правительство создало зону так называемой направляемой колонизации.

Другая колония Португалии – Гвинея-Бисау находилась на западе Африканского материка. Ее площадь составляла 36125 кв. км. По переписи 1950 г. в колонии проживало 511 тыс. человек. Этнический состав населения был очень сложен. В стране проживало около 20 этнических групп. По языковому составу они все относятся к нигеро-кордофанской семье. Наиболее многочисленные этносы – баланте, фульбе, манджак, папел.

Самым крупным этносом Гвинеи-Бисау являются баланте. Они заселяют западную часть страны от границы с Сенегалом до гвинейской границы, занимая плодородные земли, пригодные для выращивания риса. Они самые лучшие рисоводы страны. Руководитель Партии африканской независимости Гвинеи и Островов зеленого мыса (ПАИГК) Амилькар Кабрал рассматривал социальные отношения у баланте как пример первобытнообщинной доклассовой общественной организации.

«У баланте мы находим общество, полностью лишенное стратификации, в котором только совет старейшин деревни или союза деревень может принимать решения, касающиеся жизни этого общества. У баланте земля находится в общей собственности всей деревни, но каждая семья получает надел, необходимый для ее существования. Орудия производства принадлежат отдельным семьям или лицам. Баланте (в отличие от фульбе), несмотря на сильную тенденцию к полигамии, в подавляющем большинстве моногамны. Женщины участвуют в производстве, но в этом случае являются собственницами того, что производят», – отмечал А.Кабрал.

Другими социальным полюсом гвинейского общества А.Кабрал считал фульбе, населяющих главным образом восточную и северо-восточную части страны.

У этой народности отмечалась уже отчетливо выраженная и довольно сложная социальная дифференциация. На самом верху общественной лестницы стояли вожди, старейшины и религиозные проповедники (фульбе исповедуют ислам). Ниже их располагались ремесленники и бродячие торговцы. И, наконец, на самой нижней ступеньке этой социальной иерархии находилась наиболее многочисленная группа – крестьяне. Несмотря на сохранение определенных традиций, связанных с коллективным принципом владения землей, вожди и старейшины обладали рядом привилегий, делавших их фактическими собственниками земли и делавших им возможность эксплуатировать чужой труд.

Крестьяне, которые зависели от вождей, вынуждены были в течение определенного периода года работать на них. Здесь, таким образом, по существу имела место феодальная рента, получаемая в форме «отработок».

По словам А. Кабрала, «очень важную роль в социально-экономической структуре фульбе играют ремесленники, которые составляют, если так можно выразиться, эмбрион промышленности по переработке сырая, начиная от кузнечного дела и до обработки шкур».

По мнению А. Кабрала, баланте и фульбе составляли в социальном и культурном отношении как бы два полюса, между которыми располагались все другие народности и племена, исповедовавшие местные традиционные религии и ислам, сохранившие первобытнообщинную организацию и пришедшие к развитым феодальным отношениям.

А. Кабрал отмечал, что среди приверженцев автохтонных религий была этническая группа манджак, которая уже ко времени появления португальцев в Африке имела развитые общественные отношения, которые можно квалифицировать как феодальные.

В городах в отличие от деревень наряду с африканским было и европейское население, социальный состав которого был неоднороден. Верхний его слой составляли высшие колониальные чиновники, управляющие компаний, офицеры.

Эта элита составляла весьма узкую и замкнутую касту, наглухо изолированную не только от коренного, но и от остального европейского населения колонии. За элитой следовали средние чиновники, мелкие торговцы, торговые служащие, служащие компаний и лица свободных профессий. Самый низший слой европейского населения был представлен рабочими (как правило, это были квалифицированные рабочие, уровень жизни которых был намного выше уровня жизни рабочих-африканцев).

В группе африканского населения городов верхний слой составляли средние и мелкие чиновники и лица свободных профессий, за ними следовали торговые служащие, работавшие по контрактам (их не следовало

смешивать с торговыми служащими, работавшими без контракта, которые могли быть уволены в любой момент), мелкие собственники. Это был слой африканской мелкой буржуазии.

Специфической особенностью социальной структуры «португальской» Гвинеи был сравнительно высокий процент африканцев, занимавших посты средних и мелких чиновников в колониальном аппарате, а также составлявших среднее звено в торговле и других отраслях хозяйства. Это объяснялось не каким-либо особым либеральным курсом метрополии в этой колонии, а прежде всего малочисленностью европейцев из-за климата и нехваткой из-за климата и нехваткой среди них подготовленных кадров.

В «португальской» Гвинее не было больших городов и не отмечался рост городского населения, что было связано с отсутствием промышленности и с проводившейся Португалией политикой ориентации экономики колонии на производство сельскохозяйственного сырья.

Вследствие этого число африканских рабочих занятых в промышленности, было крайне невелико. Любопытно, что в 1950 г. рабочих-африканцев было меньше, чем лиц, находившихся в услужении у европейцев. Их численность не достигла и 8 тыс., из них в обрабатывающей промышленности было занято 3382 человека. Среди африканских рабочих был очень высок удельный вес детей и подростков.

Большинство рабочих составляли молодые люди, недавно пришедшие из деревень и сохранявшие с ними тесную связь.

Положение гвинейских рабочих было исключительно тяжёлым.

Очень близка к рабочим по своему общественному положению была сравнительно многочисленная группа лиц наемного труда: торговые служащие работавшие без контракта, обслуживающий персонал портов пароходов и других видов транспорта, слуги, приказчики магазинов и т.д.

Трудящееся население городов наряду с крестьянством Гвинеи-Бисау испытывали на себе всю тяжесть колониального, расового и социального гнета. Уже в силу своего общественного положения оно являлось

революционной силой гвинейского общества и сыграло важнейшую роль в национально-освободительной борьбе.

Сельское хозяйство колонии специализировалось на производстве сырья на экспорт. На него приходилось около 95% всего экспорта. Это были кокосовые орехи, рис, земляные орехи, пальмовые плоды, миндаль.

В Гвинее-Бисау не было крупных европейских сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Деятельность европейцев сводилась к скупке и перепродаже на внешние рынки товаров, производимых в африканских хозяйствах. Мелкие африканские товаропроизводители полностью контролировались через сферу обращения европейскими торговыми фирмами. Для собственного потребления африканские крестьяне выращивали рис и кукурузу.

Промышленность практически отсутствовала, если не считать нескольких мелких предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья.

Это объяснялось, прежде всего, малочисленностью европейцев.

В период между двумя мировыми войнами. Вся внутренняя и внешняя торговля была монополизирована несколькими компаниями – «гувейя», «ултрамарина» и «Барбоза и Кошта». Они скупали у крестьян экспортное сырье. Или же принадлежала монополия на снабжение крестьян потребительскими товарами.

Широко практиковался принудительный труд.

В промышленности квалифицированный рабочий получал от 6 до 15 эскудо в день. Иногда к этому добавляли от 800 г до 1 кг риса. Слуги у европейцев получали от 200 до 300 эскудо в месяц.

В стране была всего одна больница в Бисау на 500 коек. Один врач приходился на 1000000 жителей.

Лишь 1% населения имел возможность получить начальное образование. Была, правда, одна средняя школа, но 60% ее учащихся

составляли дети европейцев. Церковь осуществляла полный контроль над системой просвещения.

После начала вооруженной антипортугальской борьбы в Гвинее-Бисау (1962 г.) сельское хозяйство – основа экономики – оказалось в плачевном состоянии. Площадь обрабатываемых земель сократилась с 1 млн. акров в 1953 г. до 309 тыс. акров в 1972 г. Производство риса (главной продовольственной культуры) уменьшилось на 71% – со 100 тысяч т в 1953 г. до 29 500 т. в 1972 г., земляных орехов (главной статьи экспорта) на 56% – с 64 тыс. т. до 28 тыс. т.

К 1974 г. Гвинея-Бисау, которая когда-то обеспечивала свои потребности в рисе за счет собственного производства, оказалась вынужденной ежегодно импортировать свыше 30 тыс. т. риса. В 1974 г. торговый дефицит достиг рекордной цифры – 28 млн. долларов.

Острова зеленого мыса (ОЗМ) или Кабо-Верде были ближайшей к метрополии португальской республикой. Они расположены в 455 км к западу от мыса, носящего то же название и представляющего собой крайнюю западную точку африканского континента. Эта «заморская провинция» состояла из десяти относительно крупных островов и пяти маленьких островков. Весь архипелаг разделяется на две группы островов – северную-наветренную (Барлавенту) и южную-подветренную острова (Сотавенту). Общая площадь архипелага – 4035 кв.м. Население, согласно переписи 1960 года составляло 201 549 человек. Большую часть населения составляли потомки африканцев – рабов, привезенных на острова XVI-XIX вв. с гвинейского побережья Африки для работы на плантациях.

Африканцы (главным образом народы, относящиеся к языковой группе Банту) составляли около 32%, мулаты – 65%, лица европейского происхождения, главным образом португальцы – 3%²⁹.

Следует отметить, что на численность населения прямо воздействовали периодически повторяющиеся засухи. Продолжаясь, в

²⁹ Statesman's yearbook, 1964-1965, London 1965, p, 1352.

среднем, пять, а порой десять и более лет. Засухи были основной причиной гибели от голода десятков тысяч жителей. С 1747 по 1960 годы жители архипелага пережили 50 засушливых лет, унесших 200 000 человеческих жизней³⁰.

Чтобы избавиться от голода, жители ОЗМ покидали родину, часто они нанимались матросами на американские китобойные суда, а после окончания сезона охоты, селились в Америке, где работали на хлопковых плантациях, на текстильных фабриках или на золотых приисках. Наряду с добровольной иммиграцией происходил и насильственный вывоз Кабо-вердианцев в колонии Португалии. Начался он в 1863 году, когда португальское правительство дало указание губернатору с ОЗМ переселить 1000 человек на острова Сан-Томе и Принсипи для работы на какаовых плантациях.

С 1900-1973 туда было вывезено около 80 000 человек. Условия труда на плантациях были каторжными, а его оплата была такой мизерной, что у эмигрантов не было никакой возможности скопить деньги для возвращения на родину или для переезда в другие страны. Кабо-вердианцы вывозились и в другие Португальские колонии – Анголу, Мозамбик, Гвинею³¹.

На ОЗМ распространялся административный и гражданский и уголовный режим, установленный для всех «заморских провинций». Во главе колонии стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в городе Прая. При генерал-губернаторе был правительственный совет, имевший совещательные функции. Учитывая, что в колониях проживало значительное число португальцев, в 1821 г. им было предоставлено право избирать семь депутатов в парламент метрополии, в том числе одного от ОЗМ и португальской Гвинеи. Административное устройство ОЗМ несколько отличалось от других португальских колоний и приближалось к системе, установленной в самой метрополии. ОЗМ были разделены на 12 консельо, а те, в свою очередь, делились на приходы. Поскольку большинство жителей

³⁰ Данилов П.П., Шмельков П.М. Республика Кабо-Верде, м, 3001, с. 18

³¹ Там же, с. 20

(65%) составляли «ассимиландуш» (мулаты, говорившие по-португальски) он рассматривались как граждане Португалии и по сравнению с жителями других колоний пользовались определенными привилегиями. Более того, с конца XVIII в. ОЗМ были превращены в особый военно-административный район португальской империи, откуда черпались кадры для колониальной администрации Гвинеи, Анголы, Мозамбика, Сан-Томе и Принсипи.

ЗОМ имели для Португалии особое значение из-за их исключительно выгодного географического положения. Расположенные на перекрестке важнейших морских и воздушных путей, связывающих Америку, Европу, Африку и Дальний Восток, ОЗМ превратились в один из крупнейших коммуникационных центров в Атлантике. В порты архипелага заходило большое количество пароходов, совершавших трансокеанские рейсы.

На острове Сан-Висенти была создана крупная нефтезаправочная база, которая обеспечивала горючим значительную часть трансатлантических судов. В аэропорту «Ишпаргуш» на острове Сал делали посадку самолеты различных международных авиалиний. В 1957 г. На ОЗМ совершали посадку 534 самолета и останавливался 4291 корабль³². В 1960 г. В порты ОЗМ вошло 4739 пароходов.

В экономическом отношении, ОЗМ представляли собой один из самых отсталых районов португальской колониальной империи. Промышленность в колонии почти полностью отсутствовала. Сельское хозяйство было развито слабо. На развитии сельского хозяйства отрицательно сказывались частые засухи. Недостаточное количество осадков, низкий агротехнический уровень.

Португальцы не использовали имевшиеся на ОЗМ ресурсы и возможности для экономического развития. Они не стремились увеличивать урожай сахарного тростника и налаживать производство сахара, чтобы не создавать конкуренции португальским сахарозаводчикам. Совершенно не использовались обладающие целебными свойствами минеральные воды,

³² Силва Ж. де. Португальские колонии в Африке. М., 1962, с. 536

обнаруженные на островах Санто-Антан и Брава, чтобы не наносить ущерба соответствующей отрасли промышленности метрополии. С полей постепенно исчезла культура хлопчатника, поскольку для колонизаторов было выгоднее выращивать его на плантациях Анголы и Мозамбика. Прекращение производства хлопка привело к свертыванию текстильной промышленности³³.

Основной земельный фонд колонии был сосредоточен в руках небольшой группы феодалов-латифундистов, в то время как подавляющее большинство жителей островов страдало от безземелья и было вынуждено наниматься к ним на работу в качестве батраков, либо арендовать землю. Условия аренды, как правило, были очень тяжелыми. Арендная плата достигала иногда более половины стоимости урожая. На островах широко практиковалась и система принудительных контрактов. Подавляющее большинство населения влачило жалкое, полуголодное существование. Особенно бедственные последствия приносили засушливые годы. С 1942 г. По 1947 г. 30% населения ЗОМ погибли от голода³⁴.

Население островов страдало также от острой нехватки пресной воды. Выступая в конце 1954 г. В национальном собрании Португалии, Депутат Бенту Леви сказал, что «эта тревожная проблема касается главным образом острова Сан-Висенти и его быстро растущим двадцатитысячным населением, которому нечего пить и нечем мыться». Для местного потребления выращивались кукурузы, сладкий картофель, бобы, сахарный тростник, маниок. Специально для экспорта возделывались преимущественно в крупных хозяйствах кофе, потом клещевина (из которой приготавливают касторовое масло), горчица. Кроме того, на экспорт шли шкуры. Экспорт в 1962 г. Составлял в стоимостном выражении 22 млн. Эскудо, импорт – 197 миллионов Эскудо. Небольшая часть населения занималась рыболовством, а также разведением скота. По данным за 1961 г., на островах насчитывалось 11 440 коз, 8140 голов крупного рогатого скота,

³³ Данилов П.П., Шмельков П.М. Указ. соч.

³⁴ Африка. Энциклопедический справочник, М., 1963 г., с. 368

9540 свиней и 4840 ослов. Частым явлением на островах был падеж скота, связанный с острой нехваткой пастбищ и кормов. На островах был развит кустарный промысел, связанный с обработкой кораллов, производством плетеных и гончарных изделий, переработкой сельскохозяйственного сырья. Обрабатывающая промышленность была представлена мелкими предприятиями по обработке выловленной рыбы, добыче соли, производству извести.

В портовых городах существовал относительно многочисленный слой портовых рабочих (грузчики, носильщики, механики и т.д.). Ведущую роль в экономике ОЗМ играл португальский банк «Банко Насионал Ультрамарино», а также несколько иностранных компаний, в том числе «Компания де сан-висенти де Кабо-Верди», занимавшаяся доставкой на острова угля и другого топлива.

Острова Сан-Томе и Принсипи, расположенные в гвинейском заливе, составляли единую административную единицу в португальской колониальной администрации. До 1961 года частью этой единицы был также анклав в Дагомее – Сан Жоан Баптиста де Ажуда, но после завоевания Дагомеей независимости она освободила эту территорию, выдворив резидента Португалии за пределы страны.

Площадь Сан-Томе и Принсипи – 964 кв. км. По данным переписи 1950г, население обоих островов составляло 63,6 тыс., из них африканцев насчитывалось 54,5%, мулаты – 7,1%. Общая численность португальцев не превышала 6 – 7 тыс. Столицей колонии и резиденцией колониальных администраций был город Сан-Томе (8 тыс. жителей).

Ежегодно тысячи рабочих, законтрактованных в Анголе или Мозамбике, вывозились на эти острова в трюмах морских судов (подобно тому, как это было во времена работорговли).

«Сан-Томе! – писал в своих воспоминаниях баптистский миссионер Л. Эддикот. – Для африканцев Анголы это лишь другое название страха и отчаяния. Сколько из них, будучи сосланы туда, никогда не вернулись!»

Африканское население Сан-Томе и Принсипи, значительную часть которого составляли законтрактованные, было лишено всяких человеческих прав и подвергалось бесчеловечной эксплуатации, унижениям и различным формам расовой дискриминации. Право на владение собственностью, на образование и медицинское обслуживание принадлежало только европейцам.

Экономика островов имела отсталый аграрный характер. Главной экспортной культурой было какао. Кроме какао на экспорт шли кофе, бананы, кокосовые орехи, пальмовое масло и ценная древесина. Сельскохозяйственные продукты составляли 96% экспорта.

Все эти богатства островов принадлежали не африканскому населению, а нескольким иностранным компаниям – «Компания де Илья де Сан-Томе», «Силва е Гоувейа», «Компания агрикола ултрамарина» (КАУ), контролируемым португальским банком «Банко насионал ултрамарино». Используя дешёвый принудительный труд африканцев, эти компании получали баснословные прибыли. Производство основных экспортных продуктов в 1963 г. составило (в тоннах): какао – 9,5, кофе – 0,2, копра – 5,3, плоды кокосовой пальмы – 2,03, пальмовое масло – 1,6.

По направлению основных экспортных грузопотоков Сан-Томе и Принсипи несколько отличались от других португальских колоний. Португалия покупала только треть экспорта (а не подавляющую его часть, как это было в других колониях). Главными покупателями экспортных продуктов островов были Голландия, США, ФРГ, Франция, Португалия.

О распределении экспорта в 1963г. можно судить по следующим данным (в тыс. эскудо): Португалия – 59 888, португальские колонии – 1 171, иностранные государства – 97 702, всего 158 761.

В результате политики колонизаторов, сознательно стремившихся придать экономике Сан-Томе и Принсипи монокультурный характер, 60% дохода от экспорта давал только один продукт – какао. Какао выращивалось на плантациях, принадлежавших примерно 30 компаниям.

Главную рабочую силу составляли тысячи рабочих, принудительно завербованных для работы на этих плантациях в Анголе, Мозамбике и на Островах Зелёного Мыса. Из 30 тыс. рабочих, работавших на плантациях, только 5 тыс. были местными уроженцами, а остальные были законтрактованными или политическими заключёнными.

Производство какао характеризовалось крайне низким уровнем агротехники. Поскольку выращивание какао-бобов требовало больших капиталовложений для покрытия крупных издержек производства, связанных с принудительной вербовкой и транспортировкой рабочей силы, плантаторы прибегали к полурабским методам эксплуатации рабочих. Они стремились извлечь дополнительную прибавочную стоимость путём невероятной интенсификации труда и низкой его оплаты.

Принудительный характер труда, примитивные методы производства, отсутствие всякой механизации обусловили исключительно низкую производительность труда рабочих на плантациях какао.

Сельскохозяйственное общество Сан-Томе и Принсипи в докладе за 1964 г. пришло к выводу, что феодальная экономическая структура колонии может привести к полному экономическому краху. В докладе отмечалось, что правительственные расходы не соответствуют потребностям, что отсутствуют эффективные агротехнические методы, что правительство даже не рассматривает вопроса о предоставлении долгосрочных сельскохозяйственных кредитов. Общество выражало мнение, что правительство должно принять срочные меры, чтобы спасти колонию от полного банкротства.

Однако такие меры не были приняты и в последующие годы. По данным доклада о положении на Сан-Томе и Принсипи, представленного 1 марта 1966 г. Национальному Собранию Португалии, производительность труда на плантациях составляла лишь 300 кг на одного человека, в то время как в Коста-Рике она составляла 850, на Фернандо-По – 700, и в Гане – 475.

В этом же докладе отмечалось, что в последние годы сельское хозяйство Сан-Томе и Принсипи переживало тяжёлый кризис в связи с падением цен на какао на мировом рынке. К этому внешнему фактору кризиса добавились внутренние факторы: высокая себестоимость производства и низкая производительность труда.

Положение африканцев на Сан-Томе и Принсипи мало чем отличалось от положения рабов. Хотя формально контракт мог быть заключён на срок не более четырёх лет, практически срок его действия не был ограничен, и законтрактованные, попавшие на эти «острова смерти», почти не имели шансов когда-либо вернуться на родину. Лидер антисалазаровской оппозиции генерал У. Делгадо в своих мемуарах, опубликованных в 1964 г., вспоминал, что ещё в 30 – е годы он видел на Сан-Томе людей, насильственно вывезенных туда много лет назад и теперь репатриировавшихся на родину в Анголу, в связи с предстоявшим приездом на остров президента Португалии Кармоны. «Похожие на чучела, прикрытые лохмотьями, эти люди готовились к смерти, так как потеряли связь со своими селениями»

Туберкулёз, сонная болезнь, малярия беспощадно косили ряды законтрактованных. На 60 тыс. населения приходилось всего 7 врачей! Оба острова имели только одного фармацевта и одну аптеку!

Не лучше обстояло дело и с образованием. Из 20 начальных школ 10 были закрыты для детей африканцев. Средние школы были представлены всего одним лицеем и одним миссионерским училищем. Высшее образование на Сан-Томе и Принсипи вовсе отсутствовало (как и в других колониях)

Макао (до 1999 г.) – португальское владение, расположенное на территории Южного Китая, площадью 16 кв. км. С населением около 350 тыс. человек.

Арендванный в 1557 г. у Китая Макао стал первым принадлежавшим европейцам торговым пунктом на китайском побережье. В

1874 г. Португалия вынудила китайское правительство отказаться от суверенных прав на эту территорию

Побывавший в 1999 г. в Макао автор этой книги убедился в том, что, несмотря на более чем 400-летнее господство португальцев, он сохранили все черты китайского города. 96% жителей Макао составляли китайцы.

Экономика колонии имела крайне отсталый характер. За исключением спичечных фабрик и мастерских по производству знаменитых китайских фонариков, промышленность практически отсутствовала. Население занималось в основном рыболовством, выращиванием овощей и кустарными промыслами.

После захода солнца на улицах Макао появлялись прилавки для торговли, маленькие столики и стулья. Улицы были освещены ярким светом ресторанов под открытым небом, магазинов для моряков, прачечных и жилых домов. Острый запах приготовляемой экзотической пищи наполнял улицы. У меня было впечатление, что все 350 тысяч жителей Макао покинули свои дома, чтобы есть, отдыхать и расслабляться вне дома.

Весьма удручающее впечатление на меня произвёл район, где живут рыбаки. Это своеобразные дома с арками, у них много суеверий, согласно которым, например, нельзя красить дома – это считается плохой приметой («из дома уйдут добрые духи»). Если разобьётся зеркало – в доме не будет счастья. У рыбаков есть поговорка: «Чем больше в доме окон, тем больше будет денег».

В Макао нет домов, имеющих номера 4 и 13, - этих цифры считаются несчастливymi. Самые счастливые цифры - это 8 и особенно 88. Серьёзной проблемой Макао была нехватка кладбищ. Территория колонии была мала, и хоронить людей практически было негде. В Макао очень плохая вода, и нас много раз предупреждали, чтобы мы не пили некипячёную воду.

В 1960 – е годы в Макао отмечалось некоторое оживление экономической деятельности. В одном только 1963 г. было построено 80

новых мастерских. В начале 1964 г. насчитывалось 500 мастерских, размещавшихся, как правило, в одной комнате или просто под навесом.

Причины переживаемого Макао экономического бума объяснялись стабильным статусом этой португальской колонии и связанным с ним притоком капиталов (главным образом из Гонконга и Японии). В Макао было налажено производство металлических и деревянных лодок, обуви, рубашек и т.д.

В начале 1964 г. стало известно, что в Макао строились 8 военных кораблей для Индонезии. Некоторые источники указывали, что их постройку оплачивала КНР.

Относительный экономический подъём нашёл особенно яркое проявление во внешней торговле колонии. Главное место в торговле Макао занимали КНР и Гонконг. Экспорт в Португалию вырос с 1962 по 1964 г. с 585 тыс. патак до 1,6 млн. патак, экспорт в Канаду – с 700 тыс. до 2,7 млн. патак.

Жизненный уровень трудящихся колонии был одним из самых низких в мире. На фабриках и в мастерских в широких масштабах использовался детский труд. Вот как описывал эксплуатацию детей в мастерских по производству хлопушек австралийский публицист Колин Симпсон: «Мы видели этих детей за работой: каждый из них сидел за маленьким столом или за ящиком, на котором лежал пакет величиной с тарелку. Думаю, что их было не меньше, чем 500, а может быть, 1000. Они работали очень искусно и быстро, обрезая края наполненных порохом пакетов инструментом наподобие маленького компостера. Они получают 10 авос (меньше двух пенсов или двух американских центов) за каждую хлопушку. Все эти маленькие рабочие были школьного возраста, но, очевидно, они не посещали школу».

Граница между Макао и КНР, судя по всему, не находилась «на замке» и была достаточно прозрачной. Несмотря на низкий уровень жизни в Макао, туда ежедневно нелегально прибывали беженцы из КНР. Этих людей

гнали в эмиграцию тяжёлые условия жизни. Мне рассказывали, что за нелегальный проезд в Макао беженцам приходилось платить 4 тысячи американских долларов. Несмотря на это, они жили в Макао в ужасных условиях – в тесных каморках или даже в джонках на реке Жемчужная. Португальские власти всячески пытались воспрепятствовать выезду в Макао нелегальных иммигрантов, постоянно проводили проверки документов, но всё это не давало ощутимых результатов. Самым крупным источником доходов для португальских властей и предприимчивых дельцов в Макао были знаменитые игорные дома, снискавшие этой колонии название «Монте-Карло Дальнего Востока».

До 1962 г. в течение 28 лет монопольное право владения игорными домами в Макао прочно удерживала в своих руках компания «Тай Хинг», принадлежавшая Фу Такяму и его сыну Фу Ямчину. Однако, в 1962 г. игорные дома в Макао стали собственностью синдиката, контролируемого проживавшим в Гонконге Стенли Хо, который подписал в Лиссабоне контракт с португальским правительством, давший ему монополию на игорный бизнес в Макао. За это он обязался уплачивать ежегодно 4 млн. патак – на 1.5 млн. больше, чем компания «Тай Хинг».

Помимо игорных домов, Макао снискал сомнительную известность своими опиумными и героиновыми притонами, публичными домами, приносившими колониальной администрации и местным бизнесменам солидные доходы. «Эта колония – средоточие игорного бизнеса, порока и коррупции, - писал издававшийся в Лондоне журнал португальских антифашистов, - поэтому она привлекает профессиональных шулеров и преступников».

О нравах, процветавших в Макао можно судить хотя бы по тому факту, что в июне 1964 г. португальская полиция арестовала четырёх американцев и одного китайца после того, как выяснилось, что они выиграли в казино 12 500 фунтов стерлинга при помощи фальшивых игральных костей, налитых свинцом.

В Макао процветала контрабандная торговля опиумом. Опиум, ввозившийся в больших количествах из КНР, превращался здесь в героин – «крем опиума» (из фунта опиума получали немногим меньше унции героина). Героин, изготовленный в Макао, проникал затем во многие азиатские страны.

Поскольку Португалия в 1944 г. не подписала Бреттон-Вудское соглашение и не признавала мировой цены на золото, Макао стало центром контрабандной торговли золотом и центром притяжения для валютчиков и контрабандистов всего мира. Контрабандная торговля золотом приобрела здесь огромные масштабы. Только с 1946 по 1962 гг., по официальным данным, через Макао прошло золота на 601 млн. долларов. Португальские власти отчисляли в свою пользу пошлину – 42 цента за каждую унцию ввезённого золота. Могущественной империей дельцов и контрабандистов, появлявшихся на «золотом рынке» Макао управлял «король золота» Педру Жозе Лобу. Через своих агентов он скупал и перепродавал большую часть золота, поступавшего в Макао. Он организовал золотой синдикат и имел по существу монопольное право на импорт золота в колонию. «Волк» (по-португальски Лобу означает «волк») беспощадно уничтожал своих конкурентов, ревниво оберегал монополию на золотой бизнес. Его сын Рогерио был владельцем авиалинии, связывавшей Макао с Гонконгом и служившей для транспортировки золота из этой английской колонии в Макао. Главным рынком сбыта золота была Индия. Контрабандный ввоз золота в Индию пагубно влиял на экономику и финансы этой страны. «Золотой синдикат» Лобу получал огромные доходы от контрабандной торговли золотом – в среднем 1 млн. фунтов стерлинга в год.

Наряду с Лобу одним из наиболее могущественных «столпов» Макао являлся миллионер Хо Ин. Начав карьеру мальчиком на побегушках в бакалейной лавке в Кантоне, Хо Ин разбогател и создал пароходную компанию, которая в 1957 г. начала перевозить пассажиров из Гонконга в Макао. Он построил пять гостиниц в Макао, владел крупнейшей

транспортной компанией, четырьмя банками, двумя газетами и участвовал в «золотом бизнесе». Он был владельцем роскошного дворца, в котором был свой кинотеатр.

Правительство КНР вплоть до 1999 г. мирилось с существованием на своей земле португальской колонии. Это объяснялось тем, что игорный бизнес в Макао приносил немалые доходы и континентальному Китаю. «У Мао нет никакой охоты наложить лапу на землю, которая прекрасней Неаполя и страшнее ада», - писала в своё время итальянская газета «Коррьере делла сера». Касаясь того же вопроса, американский журнал «Тайм» заметил: «Легендарный Макао: призрачный город греха, контрабанды и азартных игр, Пекин терпит, как и соседний Гонконг, главным образом потому, что имеет удобный источник твёрдой валюты».

Только в 1999 г. Макао вновь перешёл к Китаю и получил китайское название Аомынь.

Восточный Тимор был самым отдалённым из португальских владений, о котором мало что было известно жителям метрополии. Эта колония отстояла на 3200 км. От Макао – ближайшей к нему другой португальской колонии. Салазаровские власти прилагали огромные усилия, чтобы держать эту далекую «заморскую провинцию» в состоянии герметической изоляции от мира и строго следили за тем, чтобы никакая информация о положении на Тиморе не просочилась вовсе. Отдаленность и изоляция на протяжении долгого времени помогали португальским колонизаторам не только держать мир в неведении относительно того, что делается на Тиморе, но и дезинформировать мировое общественное мнение сфабрикованным ими мифом о «цивилизаторской миссии» Португалии в Азии.

«Тимор- слава Португалии на Дальнем Востоке», - так назвал свою статью, опубликованную в журнале «Ревиста миллитар» за 1962 г. Один из видных апологетов португальского колониализма генерал Элио Фелгаш³⁵.

³⁵ «Revista militar», Lisboa, 1962, № 11, pp. 797 - 813

«Тимор – убедительное и самое блестящее доказательство славного прошлого и самое живое свидетельство мудрой туземной политики...наиболее сильное свидетельство величия португальской экспансии на Дальнем Востоке», – уверяет он читателей.

Посмотрим, в чем же усматривали апологеты колониализма «славное прошлое» и «мудрость туземной политики Португалии». Границы владений Голландии и Португалии на Тиморе были определены по договорам 1859, 1893 и 1904 гг. (последний был ратифицирован в 1908 г.). В результате многочисленных кровавых экспедиций португальцев и португальско-голландских войн, население восточного Тимора сократилось, а экономическое и культурное развитие территории было парализовано на долгие годы. Совершенно несостоятельны были попытки некоторых португальских историков возложить всю ответственность это на голландцев. «Интриги голландцев продолжались – пишет Фелгаш, - и под их давлением португальцы и верные им тиморцы были вынуждены передислоцироваться на восток, обосновавшись в Дили. Шёл 1769 год. С этого времени и почти до XX века...разделение власти на острове мешало эффективной деятельности лиссабонского двора».

На самом деле эффективной деятельности португальских колонизаторов на Тиморе мешало не столько разделение власти на острове, сколько их нежелание содействовать экономическому и социальному прогрессу колонии. Единственно, что интересовало и привлекало португальских колонизаторов на острове, был сандал, торговля которым приносила огромные прибыли. Именно сандал, как признает Фелгаш, был «причиной многих войн, которые вели португальцы с голландцами и туземцами».

В конце XIX начале XX в. Сандал уступил место кофе, выращивание которого с этого времени стало приносить наибольшие доходы. После второй мировой войны ведущее место в экономике Восточного Тимора заняли три культуры, выращивавшиеся на экспорт: кофе, каучук и копра, составлявшие

85% общей стоимости экспорта, причем кофе приходилось 56%. 20% импорта колонии составляло нефтяное оборудование, которое ввозила американская компания «Тимор ойл», созданная после обнаружения на острове нефти. Наряду с американским в экономику Восточного Тимора также активно пытался внедриться японский капитал. В начале 1965 г. Португальское правительство подписало контракт с японскими фирмами о строительстве рыбных заводов на Тиморе. В связи с этим издававшийся в Лондоне антифашистский португальский журнал писал: «во время второй мировой войны Тимор испытал японскую интервенцию. Те, кто сопротивлялись интервентам, а таких было много, были замучены и убиты. Однако Салазар забыл обо всем этом. Он представил теперь японцам специальную лицензию на создание и эксплуатацию рыбного концерна на Тиморе». В 1970-е годы Восточный Тимор вошел в состав Португалии в качестве заморской провинции». (Всего в период с 1514 г. по 1975 г. Административный статус острова менялся 19 раз). Он был представлен в национальном собрании Португалии и имел собственные органы управления: губернатора, законодательный и исполнительный советы. Промышленность Восточного Тимора находилась в зачаточном состоянии. Почти вся торговля на острове, как внутренняя, так и внешняя, находилась в руках китайцев³⁶.

На экспорт шли кофе, копра, воск. Провинция импортировала практически всё, что потребляла. В 1970-м году стоимость экспорта составила 113 000 конто, импорта 207 000 конто. Таким образом, провинция существовала за счет метрополии, перечислявшей в фонд восточного Тимора ежегодно примерно 100 000 конто (бюджет провинции в 1970 году составлял 150 000 конто, а ВВП – 489 000 конто, что в пересчете на душу населения составляло 822 эскудо).

Жители Восточного Тимора не знали даже таких примитивных орудий труда, как плуг. Чаще всего они возделывали свои клочки земли заостренными палками. Чего стоили рассуждения Салазаровских апологетов

³⁶ Thomaz L. F. De Ceuta a Timor, Lisboa, 1994, p.604

колониализма о цивилизаторской деятельности Португалии на Тиморе и о том, что Тиморцы имели равные с жителями метрополии права, лучше всего показывает тот факт, что в 1965 году на 540 000 жителей Восточного Тимора приходилось всего двадцать врачей, 4 больницы и одна средняя школа, в которой было всего 135 учащихся.

По так называемому трехлетнему плану развития на 1965 – 1967 год португальское правительство выделило Тимору всего 618 750 ф. ст. Из этой суммы только 220 950 ф. ст. были предназначены на развитие здравоохранения. Эта цифра была настолько мизерной, что даже официальный представитель Тимора в национальном собрании Португалии Карвалью подверг критике эту «помощь», назвав ее совершенно недостаточной для страны, «где туберкулез, малярия и проказа ежегодно уносят много жертв», и где «детская смертность достигла угрожающих масштабов».

Бюджет Восточного Тимора составлял всего 1.5 млн. ф. ст. в год. При этом даже по официальным данным, более 20% бюджета (около 350 млн. ф. ст.) расходовалось на вооруженные силы³⁷.

Корреспондент австралийской телевизионной компании Р. Реймонд, побывавший на Восточном Тиморе, писал в австралийском журнале «бюллетин»: «На Тиморе невероятная отсталость. Люди живут в постоянном страхе перед полицейскими и агентами службы государственной безопасности. По городу Дили слоняются солдаты, и каждая беседа здесь не обходится без упоминания о полиции и службе государственной безопасности, которая может арестовать любого человека и заключить его в тюрьму без суда». Такая ситуация на Восточном Тиморе существовала вплоть до падения фашистского режима в Португалии в результате «революции гвоздик» 25 апреля 1974 года.

³⁷ «Diario de Lisboa», 18.03.1965

Расовая политика португальских колонизаторов.

Правовая основа отношений между африканцами и португальцами начала складываться только в конце XIX — начало XX в. после полного завоевания Анголы и Мозамбика. В это время окончательно оформилась система управления колониями, важной чертой которой были разные административные учреждения для белых и для африканцев.

В 20-х и особенно в 30-х годах XX в. (после установления в Португалии фашистского режима) в основу межрасовых отношений в колониях была окончательно положена доктрина так называемой искусственной ассимиляции.

Эта доктрина имела своей отправной точкой тезис о «неполноценности» и «неисторичности» африканской расы и вытекающий отсюда взгляд на европейцев как на естественных опекунов и наставников африканцев. Пытаясь подвести «научную» базу под теорию ассимиляции, премьер-министр Португалии Марселу Каэтану писал: «Чернокожие должны управляться и обучаться европейцами. Африканцы не умели развить страны, которые они населяли в течение тысяч лет, они не сделали ни одного полезного изобретения, ни одного сколько-нибудь ценного технического открытия, ни одного завоевания, которое имело бы значение в эволюции человечества, не сделали ничего, что могло бы сравниться с достижениями в области культуры и техники европейца или даже азиата»³⁸.

Утверждения М. Каэтану и ему подобных о расовой неполноценности негроидной расы не имеют ничего общего с действительностью. Ко времени прихода колонизаторов африканцы стояли на сравнительно высокой ступени развития: они знали способы выплавки железа и были искусными мастерами в производстве гончарных, деревянных, золотых, кожаных и текстильных изделий, в ряде районов существовали классовое общество и государства. Политическое, экономическое и культурное развитие африканских народов

³⁸ M. Caetano. Os nativos na economia africana. Coimbra, 1954, p. 16

затормозилось в результате того, что они попали под господство колонизаторов.

Следовательно, неверен и ненаучен основополагающий тезис, на котором базируется вся доктрина ассимиляции о том, что социально-экономическая и культурная отсталость африканских народов объясняется неполноценностью «цветных» рас, которые могут стать «цивилизованными» только с помощью белых и которые нуждаются в руководстве белых.

Исходя из антинаучного взгляда на африканцев как на отсталую расу, португальская колониалистская доктрина причисляла их к категории «нецивилизованных». Целью португальской миссии в колониях объявляется всеобщая ассимиляция, т. е. приобщение африканцев к цивилизации. «Освоение» африканцем португальской цивилизации — обязательное условие его вступления в «лузитанское общество». В соответствии с этим все население колоний было разделено на две категории: «нецивилизованных» («туземцев»), т. е. тех, кто лишен гражданства и, следовательно, всяких гражданских и человеческих прав, и «цивилизованных» («асимилядуш»), т. е. тех, кто считается полноправным гражданином Португалии.

Африканец мог перейти из категории «нецивилизованных» в категорию «цивилизованных», если умел свободно читать, писать и говорить по-португальски, исповедовал христианство, получал достаточный доход, чтобы обеспечить себя и свою семью, соблюдал правила хорошего поведения, не уклонялся от воинской повинности и не являлся дезертиром.

«Уже в этих требованиях в определенной степени чувствуется расистский подход, — писал Э. Мондлане — Чтобы соответствовать этим требованиям, африканец должен быть гораздо более «цивилизованным», чем многие белые, получающие права гражданства с момента своего рождения: ведь 45% населения Португалии неграмотно, а у многих нет достаточных средств для содержания семьи»³⁹.

³⁹ Э. Мондлане. Борьба за Мозамбик. М., 1972, с. 46—47

Требования, предъявляемые африканцам для вступления в «лузитанское общество», были практически невыполнимы для коренных жителей колоний, 97% которых составляли неграмотные, а заработная плата была слишком низка, чтобы обеспечить себя и свою семью.

Не удивительно поэтому, что согласно переписи 1950 г., из общей численности населения Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау) 10 355 тыс. человек 10 119 тыс. официально считались «нецивилизованными»⁴⁰. Если учесть, что среди 236 тыс. «цивилизованных» было 135 тыс. европейцев, то станет ясна истинная цена утверждений апологетов империализма о «цивилизаторском подвиге» Португалии в Африке.

По данным переписи 1955 г., из 117 405 «цивилизованных», зарегистрированных в Мозамбике, насчитывалось 65 798 белых и лишь 4554 африканца. В Анголе на 137 тыс. «цивилизованных» белых приходилось всего лишь 32 тыс. «цивилизованных» африканцев или 0,7% всего населения, хотя африканцев в Анголе в 32 раза больше, чем европейцев⁴¹.

Обострение внутривластной обстановки и рост антисалазаровской оппозиции в Португалии в начале 60-х годов, вооруженное восстание в Анголе, потеря колониальных владений в Индии заставили португальские правящие круги заняться изысканием путей и средств для максимального ослабления национально-освободительного движения и «успокоения» мирового общественного мнения. В этих условиях в правительстве Португалии усилилось влияние «либерального» крыла, возглавляемого Адриану Мореира. Была проведена серия реформ, которые португальская пропаганда объявила «реформами великого значения».

6 сентября 1961 г. было объявлено об отмене Статута туземцев Гвинеи, Анголы и Мозамбика 1954 г., который до этого времени регулировал юридическо-административное положение африканцев в колониях. Прежнее деление жителей колоний на «цивилизованных» и «нецивилизованных» было

⁴⁰ «Recenseamento de populacao civilizada em 21 de setembro de 1950», vol. 1. Lourenco Marques, 1953.

⁴¹ «Recenseamento geral da populacao civilizada em 1955». Lourenco Marques, 1958.

аннулировано, и все коренные жители Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау) стали считаться полноправными гражданами Португалии.

Однако эта реформа ничего не изменила на практике и имела в основном демагогический характер. Целью этой реформы,— заявил, выступая перед Специальным комитетом ООН в июне 1962 г. лидер партии ПАИГК Амикар Кабрал,— было «лишить врагов португальского колониализма эффективного оружия в борьбе за права африканцев... Но португальцы не имели успеха по следующим причинам. Во-первых, народ Гвинеи не принимал участия в выработке нового закона, который является результатом одностороннего акта, враждебного его законным чаяниям. Во-вторых, португальское гражданство, в сущности фиктивное, навязано африканцу Гвинеи без его согласия... Африканцы Гвинеи никогда не боролись за то, чтобы приобрести португальское гражданство... Наконец, повседневная жизнь народа Гвинеи (экономическая, политическая, социальная и культурная) за исключением нескольких поверхностных перемен, в частности в названиях законов, не изменилась ни на йоту»⁴².

Хотя деление на «цивилизованных» и «нецивилизованных» было формально отменено, в ходу были документы, удостоверяющие личность, в которых отражено это деление. На обложке удостоверения тех, кто ранее считался «нецивилизованным», написано «провинция Ангола» или «провинция Мозамбик». В нем указаны месторождения, место жительства. Ничего этого нет в удостоверениях тех, кто имел права гражданства до 1961 г. Таким образом, административные и полицейские власти легко могли отличить новых «граждан» от старых и юридический статус тех и других остался различным. Новое законодательство официально признало, что эволюционный процесс ассимиляции или приобщения «туземцев» к португальской цивилизации еще не завершен и что эта задача продолжает оставаться главной в «заморских провинциях».

⁴² A. Cabral. Revolution in Guinea. An African People's struggle. Selected texts. London, 1969, p. 22-23

После прихода к власти премьер-министра Португалии Марселу Каэтану он выступил с демагогическими обещаниями широкой либерализации в области внутренней, внешней, экономической и колониальной политики. Он даже пытался на словах отмежеваться от политического курса Салазара.

Однако все эти ухищрения вряд ли могли ввести в заблуждение тех, кто знал, что Каэтану в течение многих лет был правой рукой Салазара и играл значительную роль в выработке Конституции 1933 г., которая утвердила фашистскую «унитарную и корпоративную республику».

Впрочем, став премьер-министром, Каэтану в первой же речи заявил о своей верности фашистской идеологической доктрине, ясно дав понять, что цели правительства остаются прежними и что все изменения будут касаться только тактики и методов их достижения.

С середины 1971 г. Каэтану начал новый тур конституционного маневрирования. В июне 1971 г. были внесены изменения в португальскую конституцию. В 1972 г. были приняты Национальной Ассамблеей «Органический закон заморских территорий» и «Административно-политические статуты» заморских провинций.

Согласно этим законам Ангола и Мозамбик получили статут штатов и так называемую автономию «без ущерба для единства страны». Статья 5 Конституции Португалии получила следующую редакцию: «Португальское государство — унитарное, но может включать автономные районы с политической и административной организацией, соответствующей их географическому положению и условиям социальной среды»⁴³.

В ст. 31 Конституции введен параграф, по которому государство имеет право и обязано содействовать экономическому и социальному развитию страны и каждой из частей и районов, которые ее составляют, и справедливому распределению доходов⁴⁴.

⁴³ «Епока» Lisboa, 8. VI 1971.

⁴⁴ Ibidem.

Согласно этому законодательству, заморские «штаты» должны иметь собственные «правительственные органы», армию, полицию, судебные органы, финансовую систему и автономию во внешних сношениях.

Однако то, что на первый взгляд кажется значительной уступкой Лиссабона африканскому освободительному движению, при более глубоком анализе оказывается фикцией. С ловкостью политического шулера Каэтано так сформулировал новые законодательные положения, что то, что он дал одной рукой, он тут же отнял другой. С одной стороны, закон дает право Анголе и Мозамбику иметь «собственные правительственные органы», причем ст. 5 административно-политического статута предусматривает, что «генерал-губернатор и законодательная ассамблея — это правительственные органы самой провинции», а с другой стороны, ст. 8 того же статута предполагает, что «губернатор является на территории провинции высшим агентом и представителем правительства Республики (т. е. Португалии.—А. Х.), высшей властью над всеми другими гражданскими и военными лицами, которые служат в провинции»⁴⁵.

С одной стороны, штатам дается автономия в области внешней политики, а с другой — уа штаты распространяют «свою власть государственные органы нации (т. е. португальской нации.— А. Х.), неуклонно исходящие из того, что условия, в которых осуществляются внешние сношения, подлежат компетенции государственных органов Республики» (т. е. Португалии.— А. Х.), ибо «все должно служить одной цели: единству нации ради всеобщего прогресса»⁴⁶.

Согласно новому законодательству, Ангола и Мозамбик могли иметь свои законодательные ассамблеи и консультативные советы. Председателем законодательной ассамблеи являлся генерал-губернатор и «по предложению генерал-губернатора... Правительство Республики может декретировать роспуск законодательной ассамблеи». Кроме того, этот «правительственный

⁴⁵ Цит. по: «MPLA. Le Reformisme de Caetano – une nouvelle manoeuvre du colonialisme portugaise», 24.III 1973, p. 7

⁴⁶ Ibid., p. 6

орган самой провинции» может законодательствовать только по «вопросам, интересующим исключительно эту провинцию и не являющимся компетенцией Национальной Ассамблеи или Правительства» (Португалии — А. Х.)⁴⁷.

Что касается новых законодательных органов, то главная их особенность состоит в том, что большинство мест в законодательных ассамблеях и консультативных советах по-прежнему сохраняется за белыми. О социальном составе депутатов можно судить по ст. 29 административно-политического статута, согласно которой выбранными в законодательную ассамблею могут быть лица, «являющиеся португальскими гражданами по происхождению, совершеннолетними, умеющие читать и писать по португальски (и это в колониях, где более 90% населения неграмотно! — А.Х.) и живущие в провинции не менее трех лет»⁴⁸.

25 марта 1973 г. португальские колонизаторы разыграли фарс выборов в местные законодательные органы - в Анголе, Мозамбике и Гвинее (Бисау). Поскольку избирательные права регламентировались вышеуказанными условиями, в выборах смогло принять участие ничтожное меньшинство африканцев. «Мало кто знал даже фамилии кандидатов или не представлял себе, что означают эти выборы», - сообщал корреспондент агентства Рейтер⁴⁹. В Анголе было избрано всего 32 члена законодательной ассамблеи, а остальные 20 назначены колониальными властями. В Мозамбике из 50 выбиралось лишь 20, в Гвинее (Бисау) — 5 из 17⁵⁰.

Из 6 млн. жителей Анголы право на голосование получили лишь 584 тыс. человек, из них 20% составили белые колонисты. Выборы проводились в атмосфере террора, запугиваний и фальсификаций. Не приходится удивляться, что в результате из 32 избранных членов законодательной

⁴⁷ Ibid., p.7

⁴⁸ Ibid., p.8

⁴⁹ «За рубежом», 1973, № 15, с.12

⁵⁰ Там же.

ассамблеи Анголы 25 — европейцы, управляющие крупных компаний и банков, богатые землевладельцы и коммерсанты⁵¹.

В изданном Каэтану «Органическом законе заморских территорий» говорится (раздел XV, ст. II): «Экономическая и социальная жизнь заморской провинции регламентируется и координируется главным образом положениями Конституции и будет особенно нацелена на ... а) заселение территории»⁵².

Таким образом, правительство Каэтану было намерено продолжать свою политику поощрения европейской и южноамериканской иммиграции в колонии. В основе этой политики лежало, с одной стороны, стремление дать выход «избыточному» безработному населению Португалии с тем, чтобы ослабить остроту социальных противоречий и облегчить преодоление экономических трудностей, а с другой — увеличить «белое» население колоний, составлявшее главную социальную опору колониальной диктатуры. Для поощрения переселения португальское правительство предоставляло каждой европейской семье, приезжающей в Анголу, по 80 га бесплатной земли, выдавало денежную ссуду, которая должна быть погашена в течение 25 лет. Устройство каждой европейской семьи стоило Анголе 1 млн. эскудо. Чтобы африканская семья могла заработать такие деньги, ей нужно было бы проработать тысячу лет. Португальская иммиграция крайне отрицательно сказывалась на положении африканского населения колоний. Она означала для коренных жителей, прежде всего, отчуждение у них земель и естественных ресурсов и т. д.

«Органический закон» (раздел XV, ст. IX) предусматривал «финансовую автономию» заморских провинций, однако статья 59 административно-политического статута фактически сводит это положение на нет. Она гласит: «Финансовая автономия провинции может в определенных случаях подвергаться ограничениям, которые обязательны при

⁵¹ «MPLA. Le Reformisme de Caetano», p. 8

⁵² Ibid., p. 9

тяжелом положении ее казны или в случае, когда эта ситуация может иметь своим следствием опасность для нации»⁵³.

Органический закон (раздел XV, ст. IV) предусматривает единство денежной системы во всех провинциях (главная денежная единица — эшкуду). Все эмиссионные банки должны находиться в метрополии⁵⁴. Органический закон вводит обязательное начальное образование и разрешает использование местных африканских языков, но только в качестве «инструмента обучения португальскому языку»⁵⁵.

Таким образом, реформы Каэтану — это конституционный трюк, имевший целью перекрасить фасад колониального режима, сохранить в неприкосновенности весь механизм расового угнетения, а главное — ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Выступая на сессии Совета Безопасности ООН, состоявшейся в Аддис-Абебе в начале 1972 г., Амикар Кабрал заявил: «Кто не знает, что, так называемое многорасовое общество так же, как и так называемые реформы португальского колониализма,— не что иное, как неуклюжие попытки увековечить колониальную эксплуатацию нашего народа, закамуфлировать примитивный расизм, который во все времена был характерен для португальского присутствия в Африке?...Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть лекции по колониальному праву Марселу Каэтану в Лиссабонском университете, в которых он, основываясь на аргументах Гобино, Леви-Брюля и нацистов, доказывает, что черный стоит ниже португальца. Достаточно прочесть недавние лекции генерала Каулзы ди Арриаги для высшего португальского командования, в которых он утверждает, что африканские народы — наименее интеллигентные из всех народов мира»⁵⁶.

Несмотря на упомянутые выше реформы, африканцы остались на более социальной ступени общества, чем европейцы. Существовавший

⁵³ «MPLA. Le Reformisme de Caetano», p. 10

⁵⁴ Ibid., p. 9

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ «Objective: Justice». U.N., vol. 4, N 2, Avril – Juin 1972, p. 24

расовый барьер не давал им возможности получить образование, квалификацию, накопить капитал. По словам Э. Мондлане, «деятельность» «неассимилированных» африканцев в сфере экономики ограничена жесткими рамками закона. Они не имеют права заниматься торговой деятельностью, у них нет возможности получить специальность. Таким образом, обеспечить свое существование они могут, лишь занимаясь сельским хозяйством или нанимаясь на работу»⁵⁷. В области оплаты труда существовала явно выраженная расовая дискриминация. В Мозамбике годовая заработная плата белого рабочего в сельском хозяйстве составляла в среднем 47 723 эшкуду, мулата — 23 269, «ассимилированного» африканца — 5 478, «неассимилированного» — 1404 эшкуду. В промышленности белый рабочий зарабатывал в день не менее 100 эшкуду, мулат — не более 70, квалифицированный африканец — не более 30, неквалифицированный — не более 5⁵⁸. По данным западногерманского журнала «Шпигель», в Анголе шофер-африканец получал в среднем 1000 эшкуду (140 марок) в месяц, а его белый коллега — в 3 раза больше. Священникам тоже платили по-разному в зависимости от цвета кожи.

В сельском хозяйстве дискриминационная политика колониальных властей, высокие налоги и контролируемые цены привели ко все большему обнищанию африканского и к увеличению доходов европейского населения. По данным ООН, в Анголе европейский фермер, занимающийся возделыванием кофе и располагающий в среднем 100 гектарами земли, получал валовой доход в размере 28 тыс. долл., в то время как африканский фермер, который имел в среднем от одного до двух гектаров, в лучшем случае получал 2% от доходов европейца⁵⁹.

Каковы были в действительности условия жизни африканского населения в португальских колониях, можно судить хотя бы по таким цифрам, которые не могут не потрясти всякого непредубежденного человека.

⁵⁷ Э. Мондлане. Указ. соч., с.41

⁵⁸ Э. Мондлане. Указ. соч., с.42

⁵⁹ «Иностранные экономические интересы и деколонизация. Доклад ООН». Нью-Йорк, 1970, с.25

Только в 1942—1947 гг. на островах Зеленого Мыса умерли от голода от 30 до 40 тыс., а в 1958— 1959 гг.— около 10 тысяч человек⁶⁰.

Свидетельства очевидцев рисуют неприглядную картину жизни миллионов коренных жителей колоний, вынужденных влачить жалкое существование, подвергаясь насилиям и различным формам расовой дискриминации.

В основе производственных отношений лежали докапиталистические, полуфеодальные порядки, основанные на внеэкономическом принуждении. В последние годы был издан ряд законов, ограничивающих сферу применения принудительного труда, но все они находятся в вопиющем противоречии с существующей практикой. Несмотря на формальные ограничения применения принудительного труда, эти законы оставляют лазейки, которые широко использовали колониальные власти, чтобы их обойти. Во-первых, предусмотренное этим законодательством привлечение африканцев к работам для так называемых общественных нужд давали возможность властям принуждать африканцев к всякого рода «общественно необходимым работам». Во-вторых, принудительный труд был разрешен как мера наказания за нарушение закона. В-третьих, к принудительному труду могли быть привлечены африканцы, не уплатившие налогов.

На практике сфера использования принудительного труда в португальских колониях была значительно шире и включала множество случаев, не предусмотренных официальным законодательством.

Специальный комитет ООН констатировал в своем докладе в 1970 г.: «Система принудительного возделывания хлопка является наиболее ярким примером безжалостной эксплуатации Португалией африканцев в Анголе и Мозамбике. Африканцы, проживающие в районах, выделенных в качестве хлопковых зон, должны засеивать хлопком определенные площади земли, зачастую в ущерб продовольственным культурам. Они должны продавать

⁶⁰ А. Cabral. Op. cit., p.18

хлопок по низким ценам, вследствие чего в неурожайные годы заработанных ими денег едва хватает на выплату установленных налогов»⁶¹.

Хотя в последние годы фашистского режима в колониях увеличено число школ, созданы университеты в Луанде и Лоренсу-Маркише, открыты курсы по подготовке учителей-африканцев, возможности получения среднего и высшего образования для коренных жителей оставались крайне ограниченными. Образование было доступно лишь для выходцев из более или менее состоятельных групп населения, связанных с колониальными властями. До начала 1970-х годов в Гвинее (Бисау) за 500 лет португальского господства получить университетское образование смогли только 14 африканцев.

По данным журнала «Шпигель», в университете Лоренсу-Маркиша африканцы составляли лишь 4,5% от общего числа студентов. Глава департамента просвещения в Анголе Жозе Пинеиро да Силва утверждал, что половина всех детей в Анголе посещает школы. Однако даже в «образцовой деревне» на севере Анголы, где проживают около 13 000 человек, только 200 детей умеют читать и писать⁶².

Весьма отчетливо проявлялась расовая дискриминация и в области здравоохранения. По данным, опубликованным партией МПЛА в марте 1972 г., в Анголе положение "в этой области почти не изменилось по сравнению с началом XX в. Размещение больниц и медпунктов строго соответствует географическому размещению европейского населения, большая часть которого живет в городах морского побережья (82%), в районах выращивания кофе на севере колонии и трех главных железных дорог. В 1963 г. число врачей и низшего медперсонала составляло соответственно 261 и 985. В 1967 г. это число выросло до 414 «государственных» врачей, 21 врача религиозных миссий и 1566 человек, составляющих низший медперсонал (медсестры, фельдшеры, акушеры и т. д.). Увеличение медперсонала связано главным образом с резким увеличением численности

⁶¹ A. Cabral. Op. cit., p.24

⁶² «Der Spiegel», 1969, N 44

португальских войск в колониях. Не смотря на то, что в Анголе 1 врач приходился на 13 000 человек (для Африки это довольно высокий показатель), африканское население практически было лишено медицинской помощи. Дело в том, что 86,5% всех врачей (375) обслуживали только европейское население и африканскую «элиту». В то время как 1 врач приходился на 1000 европейцев, 1 врач приходился на... 75000 африканцев, что ставило Анголу на одно из последних мест в Африке по медицинскому обслуживанию африканского населения. Таким образом, в Португальских колониях существовали две системы здравоохранения. Насколько они отличались друг от друга, видно из того, что детская смертность в Анголе составляла 45 на 1000 белых детей и 125 на 1000 детей африканцев⁶³.

Самым ярким проявлением жестокой расовой политики Лиссабона является геноцид, осуществляемый им в ходе колониальных войн в Африке.

«Африканцев заставляли сесть двумя группами: мужчины — с одной стороны, женщины — с другой. Африканец, на которого указывали, вставал и отходил от группы. Солдат стрелял в него, и жертва падала замертво. Таким образом португальцы уничтожили большую часть населения деревни... Группа солдат наткнулась на беременную женщину... Ее спросили, носит ли она мальчика или девочку. «Не знаю», - ответила она. «Скоро узнаешь», - пообещали солдаты. Ножом они вспороли ей живот, а потом сожгли и женщину и ребенка».

Эти и другие леденящие душу разоблачительные сообщения о чудовищном преступлении португальских карателей, истребивших более 400 жителей деревни Вирияму в Мозамбике, были опубликованы миссионерами в английской печати в июле 1973 г. и вызвали во всем мире подлинную бурю протестов против кровавой политики Лиссабона.

Факты, сообщенные миссионерами, изобличают португальских колонизаторов в чудовищных зверствах, напоминающих мрачные времена бесчинств гитлеровских убийц. Название неизвестной ранее миру деревушки

⁶³ «Angola in arms», January – March 1972, N 1, p. 4 – 5

Вирияму стало наряду с Лидице, Шарпевилем, Пижигити и Сонгми синонимом кровавых деяний колониализма.

Однако миссионеры, опубликовавшие разоблачительные свидетельства «о мозамбикском Сонгми», приподняли лишь уголок плотной завесы тайны, которой Лиссабон старался скрыть свои преступления в Африке. Вся история португальского колониализма – это своего рода мартиролог народностей и племен, летопись кровавых преступлений против человечества. Геноцид и насилие давно стали альфой и омегой политики португальских колонизаторов в Африке, причем коэффициент насилия в их политике был тем выше, чем больше были возможности для функционирования военно-полицейского репрессивного аппарата, составлявшего главную рабочую часть колониального механизма. Как показывают многочисленные свидетельства очевидцев, террор против мирного населения представлял собой не изолированные акты, а систематическую практику португальских колониальных войск, осуществляемую в соответствии со стратегической и тактической линией, намеченной высшим командованием. «Кровавая расправа португальских карателей над жителями мозамбикской деревни Вирияму отнюдь не случайность, а часть тщательно разработанной политики геноцида, проводимой Лиссабоном,- говорится в специальном заявлении Фронта Освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).- Этот план предусматривает уничтожение путем воздушных бомбардировок целых деревень, массовые убийства захваченных в плен патриотов, широкое применение отравляющих веществ против мирного населения в освобожденных районах».

Бывший главнокомандующий португальскими войсками в Мозамбике генерал Каулза ди Арриага определил в качестве одной из главных целей португальской политики в колонии «непрерывное сокращение африканского населения».

Точно такие же варварские цели и методы характеризовали политику Португалии и в других колониях, в частности в Анголе и Гвинее (Бисау).

В своих бесплодных попытках задушить национально-освободительную борьбу африканских народов каратели не останавливались перед самыми зверскими репрессиями, шли на самые гнусные преступления. В 1967 г. один испанский миссионер, живший в Анголе, сообщил, что португальские поселенцы, состоящие в «корпусе гражданской обороны», расстреляли в Байша де Кассанжи (один из самых густонаселенных районов страны) всех старших сыновей в африканских семьях.

По признанию португальского генерала Араужу Оливейра, португальцы «в совершенстве владеют методами, применявшимися германским абвером против партизан во Франции и в России».

Сбрасывание в море со скал, отсечение головы, сожжение заживо и самые изощренные пытки – таковы средства, которыми Португалия «защищает», говоря словами Казтану, «не только особую цивилизацию в Африке, но и цивилизацию в самом широком смысле слова».

Идеология салазаризма.

Конституция Португальской Республики, одобренная национальным плебисцитом и вступившая в силу 11 апреля 1933 г. на словах провозглашает ряд прав и свобод для жителей Португалии и ее «заморских провинций». Однако было бы верхом наивности принять за чистую монету красивую политическую риторику португальской конституции 1933 г.

Одна из характернейших черт португальского фашизма заключалась в том, что он стремился замаскировать свою истинную сущность всевозможными юридическими прикрытиями, демагогическими маскировочными приемами. Португальский фашизм, если так можно выразиться, был фашизмом театрализованным. Но это нисколько не мешало ему быть фашизмом: под густым театральным гримом нетрудно было разглядеть его подлинное отвратительное лицо.

Провозглашаемые конституцией демократические свободы существовали только на бумаге и были предназначены главным образом для внешнего потребления – с помощью конституционного камуфляжа португальский фашизм надеялся сохранить хоть какую-то степень респектабельности в глазах мирового общественного мнения. В самой Португалии и особенно в колониях режим Салазара проводил политику беспощадной эксплуатации и подавления трудящихся классов, нисколько не считаясь даже с теми урезанными куцыми правами и свободами, которые им «предоставляла» конституция.

Характерно, что отказ правящих кругов Португалии от реализации законодательных постановлений, провозглашающих «права» и «свободы», бросался в глаза даже умеренным в своих политических взглядах наблюдателям. Так баптистский миссионер Лен Эддикот, проживший несколько лет в Анголе, писал, что невозможно уяснить ситуации в португальских колониях, «не поняв разрыва, который существует между тем, как законы изложены в законодательных актах и как они выполняются на практике. Конституция гарантирует равенство перед законом, гражданские

свободы и демократические права. Но если кто-либо решит, что это означает возможность пользоваться этими правами, правительство предоставит ему время и место для размышлений. Ему еще повезет, если удастся избежать пыток... В Португалии запрещены профсоюзы, хотя конституция гарантирует свободу собраний и ассоциаций. Существует строгая цензура, хотя конституция и провозглашает свободу выражения мыслей»⁶⁴.

Идеология салазаризма представляла собой эклектическую окрошку из разных фашистских и религиозных доктрин.

Как писал известный российский специалист по истории Португалии Р.М. Капланов, «в идеологии португальского фашизма с ее подчеркнутой «духовностью» нет места для фронтального антиинтеллектуализма, свойственного ряду других фашистских идеологий. Напротив, Салазар неоднократно подчеркивал, что плох тот режим, чьи лидеры не руководствуются рациональной экономической и политической доктриной, продуманной «философией государства». Этот внешний рационализм, как и ряд других особенностей философского мировоззрения Салазара, носит на себе отпечаток томистских концепций. Будучи благочестивым католиком, Салазар еще в молодости подпал под влияние философской системы св. Фомы Аквинского... Эта методологическая интуиция томизма легла, например, в основу салазаристской критики «трех ересей» - демократии, либерализма и социализма... Заимствованный у томизма культ «вечных и незыблемых истин» (*grandes certezas*) использовался для обоснования другой важнейшей черты португальской фашистской идеологии – ее откровенного традиционализма. В этом отношении салазаризм обнаруживает полное созвучие идеологии «Аксьон франсэз», которая так же сочетает псевдорационализм с культом «порядка» и апологией «вечных ценностей»⁶⁵.

⁶⁴ Addicott L. Cry Angola! London, 1962, p.73

⁶⁵ Капланов Р.М. Португалия после Второй мировой войны. М., 1992, с. 40 – 41

Салазар: 40 лет диктатуры

В истории XX в. мало найдется политических фигур, которые вызывали бы столько споров и жизнь которых была бы окружена такой завесой тайны, как португальский диктатор (с 1928 по 1968 гг.) Антониу дс Оливейра Салазар. Как Сталина в России, так и Салазара в Португалии одни превозносят, другие ненавидят. При недавнем опросе общественного мнения в Португалии он оказался самой популярной исторической фигурой. Объясняется это, по-видимому, нынешними трудностями, с которыми сталкивается большинство португальцев, и вызванной этим ностальгией по «твердой руке» и обеспечиваемому ей «порядку». Кем же он был на самом деле?

Немногие государственные деятели жили так скрытно, как он. Его личная жизнь была по существу государственной тайной, абсолютно непроницаемой для прессы. Он появлялся на публике крайне редко, а речи были настолько туманны, что плохо поддавались переводу на другие языки. Его нелюбовь к публичным выступлениям заставляла его ограничиваться одной - двумя речами в год и избегать интервью с иностранными журналистами. Очень мало людей обедало вместе с ним или обращались к нему неофициально, называя его христианским именем. В свою частную жизнь он не допускал никого.

Всякий биограф Салазара сталкивается с массой трудноразрешимых проблем. Главная из них состоит в том, что существует крайне мало источников для проникновения в ум и сердце этого загадочного человека. Салазар терпеть не мог писать письма, предпочитал общаться со своими министрами по телефону или с помощью маленьких записочек. После того как Салазар отошел от государственных дел в сентябре 1968 г., его личный архив был доверен группе специалистов, которые должны были разобрать и классифицировать документы. Но эти личные бумаги Салазара до сих пор недоступны для исследователей, так как в Португалии существует 50-летний срок секретности конфиденциальных государственных документов. Работа

биографа Салазара затруднена также тем обстоятельством, что в тоталитарном государстве, каким была Португалия до «революции гвоздик» в апреле 1974 г., отсутствовала свободная пресса и почти не публиковались мемуары государственных и общественных деятелей.

Для большинства людей вне Португалии Салазар всегда был скорее символом, чем человеком. Мало найдется людей, которые смогут узнать его фотографию. Для одних он символ спасения Португалии, человек, восстановивший статус и благосостояние страны. Для других он фашистский диктатор, 40 лет железной рукой правивший страной и проводивший жестокую политику террора и репрессий в метрополии и колониях.

Национализм и вера в бога были двумя главными доминантами личности Салазара, и обе они сослужили ему хорошую службу. Католичество дало ему образование и социальную поддержку. Национализм стал тем козырем, который открыл ему путь к власти. Попробуем всё же ответить на вопрос: кем же был в действительности Антониу де Оливейра Салазар?

* * *

Антониу де Оливейра Салазар родился 28 апреля 1889 г. в маленьком поселке Вимиейру рядом с деревней Санта Комба в провинции Бейра Алта, примерно на полпути между городами Коимбра и Визеу. Тот факт, что Салазар родился через восемь дней после рождения Гитлера, рассматривался позже многими как любопытная связь между двумя государственными деятелями, которых объединяло так много общих идеологических концепций и которые так восхищались друг другом.

В то время, когда родился Салазар, в Вимиейру и Санта Комба проживали всего несколько сотен жителей, там не было ни одного здания выше местной католической церкви. Расположенная в живописном винодельческом районе, где холмы покрыты лесами, долины плодородны, а на горизонте видны горы Сера де Эстрела, Санта Комба до сих пор имеет

крайне ограниченные контакты с внешним миром. Жизнь местных крестьян – это постоянная тяжелая борьба за выживание. Многие из них доживают до старости, так и не испытав трепетного волнения при виде моря, хотя побережье находится менее, чем в 100 милях от Санта Комба.

Отцом Салазара был Антониу Оливейра, а матерью – Мария ду Резгати Салазар. В соответствии с португальским обычаем их сын должен был быть назван Салазар Оливейра, а не наоборот. Однако родители отошли от традиции, поскольку Салазар — гораздо менее распространенное имя, чем Оливейра, и они решили, что имя Оливейра Салазар будет более благозвучным.

В 1889 г., когда родился Салазар, отцу его было уже 50 (он умер в 1932 г. в 93 – летнем возрасте, пережив жену на шесть лет), а матери 43 года⁶⁶. Это значит, что родители появились на свет еще в первой половине XIX в., за десятилетия до открытия местной железнодорожной станции, когда ритм жизни в регионе задавали запряженные быками повозки и лошадиные экипажи. Неудивительно, что родители Салазара придерживались консервативных взглядов и были глубоко религиозными людьми. Антониу Оливейра служил управляющим у постоянно отсутствовавших помещиков. Среди батраков и поденщиков он пользовался репутацией человека, сурового с подчиненными и раболепствовавшего перед хозяевами и был известен под кличкой «ловкач»⁶⁷.

Родители Салазара, имевшие уже четырех дочерей, были очень обрадованы рождением сына. Они строили большие планы в отношении его будущего, решив дать ему религиозное образование. Мария ду Резгати Салазар – женщина умная и с сильным характером – имела большое влияние на сына. Позже, когда он пришел к власти, он советовался с ней и говорил, что если бы она жила дольше, он вынужден был бы оставить государственную деятельность и вернуться домой, так как «она не могла

⁶⁶ Kay H. Salazar and Modern Portugal. London, 1970, p. 10.

⁶⁷ Figueiredo A. de. Portugal. Fifty Years of Dictatorship. Harmondsworth, 1975, p. 20.

жить без меня»⁶⁸. Французский биограф Салазара пишет о его матери: «Она была женщиной очень интеллигентной, активной, предусмотрительной, весьма аскетичной и очень набожной»⁶⁹. Когда появилась железнодорожная станция, Мария открыла кафе для рабочих.

Отношения в семье Салазара были гармоничными и нежными. Грубый с батраками, Антониу Оливейра был в то же время любящим мужем и отцом. По словам его биографа, «Салазар родился в атмосфере доброго феодализма и такой бедности, когда на столе что-то есть, но не очень много. В его юности семейные ценности явно преобладали, а католическая церковь прививала понятия креста, искренней молитвы и спасения души»⁷⁰.

Родители Салазара, видя, что их единственный и горячо любимый сын не получил надлежащих знаний в переполненной до предела начальной школе в Санта Комба, отдали его в частную школу, в которой сельский учитель Жозе Рибейру обучал за небольшую плату 30 учеников.

Позже Салазар поступил в Католическую школу в Визеу. В это время он получал финансовую помощь от богатой помещичьей семьи, у которой служил управляющим его отец. Учась в католической школе, Салазар обнаружил рано развившуюся и отчетливо проявившуюся склонность к церковной карьере и в возрасте 11 лет уже поступил в семинарию в Визеу. По словам его официального биографа, Салазар «вырос в тени и учился в одиночестве». По его собственным воспоминаниям, он «жил, полностью поглощенный своими мыслями и работой и был, короче говоря, серьезным и думающим мальчиком»⁷¹.

Это не покажется удивительным, если принять во внимание, что Салазар делил всё свое время в Визеу между суровой монастырской атмосферой семинарии, редкими визитами в богатую семью своих

⁶⁸ Kay H. Op. cit., p. 10.

⁶⁹ Ploncard d' Assac. Abbreviations. Paris, s.d., p. 12.

⁷⁰ Kay H. Op. cit., p. 10.

⁷¹ Teixeira L. Perfil de Salazar. Lisboa, 1939, p. 13, 17.

благодетелей, частыми каникулами, которые он проводил дома, где его матери было уже за 50, а отцу за 60 лет.

Этот необычный разрыв в возрасте родителей и сына очевидно наложил определенный отпечаток на Салазара, который навсегда сохранил подозрительность к молодежи и ко всему новому⁷². Если католические убеждения Салазара имели своим источником влияние родителей, культурную традицию и обучение в католической школе и семинарии, то его националистические взгляды имели свои корни в традиционных ценностях, принятых господствующими классами.

Хотя Салазар и жил в монастырской обстановке семинарии, он живо интересовался происходившими в Португалии бурными событиями и не был к ним равнодушен. Борьба за учреждение светской республики и отчаянные попытки спасти монархию с помощью реформ были лишь симптомами общенационального политического и экономического кризиса.

Тяжелое экономическое и политическое положение страны содействовало росту республиканского движения в начале XX в. С ростом рабочего движения позиции республиканцев еще более упрочились. На парламентских выборах 1900 г. за республиканцев было подано только около 4 тысяч голосов, а в 1906 г. они получили уже более 13 тысяч голосов и провели в парламент четырех депутатов⁷³. В 1902 г. происходили республиканские волнения в армии и флоте. В 1906 г. во флоте снова вспыхнуло республиканское восстание. Для борьбы с республиканским движением король Карлуш I (1889–1908) поручил Жуану Франку сформировать кабинет, дав ему диктаторские полномочия. Жуан Франку установил в стране режим террористической диктатуры. В январе 1908 г. были распущены муниципальные советы, закрыты все газеты, кроме субсидируемых правительством. Тюрьмы были переполнены. Была установлена упрощенная процедура отправки в ссылку без суда и следствия.

⁷² Figueiredo A. de. *Op. cit.*, p. 23.

⁷³ Испания и Португалия. М., 1947, с. 405.

Реакция республиканцев не заставила себя ждать. Репрессии диктатора вызвали демонстрации протеста на улицах столицы. 1 февраля 1908 г., когда королевская семья возвращалась из Вила Висоза, на одной из центральных площадей Лиссабона Террсйру ду Пасу в их экипаж была брошена бомба, в результате чего Карлуш 1 и наследник престола Луиш Филипп были убиты, а принц Мануэл (будущий король Мануэл II) ранен⁷⁴.

Убийство короля Португалии вызвало во всей Европе волну возмущения и страха. В.И. Ленин в статье «О происшествии с королем португальским» писал: «Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщицкого, т.е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская революция... Но до сих пор в Португалии удалось только напугать монархию убийством двух монархов, а не уничтожить монархию»⁷⁵. В какой степени тогдашние события повлияли на жизнь Салазара, можно судить по принятому им в 1908 г. решению, когда он неожиданно уведомил руководство семинарии, что не намерен рукополагаться в священники. В то время ему было 19 лет, и это его решение было настолько удивительным и противоречившим его прежним намерениям, что многие биографы не могут найти для него сколько-нибудь логичное объяснение. Ближе всего к истине, на наш взгляд, те, кто связывают это решение с драматическими событиями 1 февраля 1908 г., когда двумя революционерами – республиканцами были убиты король Карлуш I и наследник престола. На горизонте Португалии явно замаячил призрак секуляристской республики. «Какое будущее ждало священников, оставалось только гадать», – отмечает в этой связи католический писатель и биограф Салазара Хью Кэй⁷⁶. Кроме того, теологические занятия Салазара были завершены, а ему было еще только 19 лет. Он не мог быть рукоположен в

⁷⁴ Historia de Portugal, v. II. Lisboa, 1966, p. 62.

⁷⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд., т. 12, с. 151.

⁷⁶ Kay H. Op. cit., p. 23.

священники до канонического возраста в 24 года. Ему перестали выплачивать стипендию, а семья была не в состоянии содержать его неопределенно долгое время.

Во всяком случае, Салазар навсегда сохранил чувство благодарности и к семинарии и к своим учителям, которые многому его научили. Сам он позже писал об этом в свойственном ему сентиментальном стиле: «Бедный человек и сын бедных людей, я обязан этому дому значительной частью моего образования, которое я в иных обстоятельствах не смог бы получить. И хотя я, возможно, уже утерял ту веру, которую они бескорыстно прививали мне в течение столь многих лет (с 1900 по 1908 г.), именно ей в числе прочего я обязан своим воспитанием и дисциплиной ума»⁷⁷.

Качества, которые привила Салазару его набожная семья, – фанатичная религиозность, послушническая дисциплина, воздержанность, целомудрие, неприятие нового — получили дальнейшее развитие в период его семинарской жизни. Более того, он приобрел в семинарии сверхщепетильную заботу о своем целомудрии и воздержанности, а также стремление скрупулезно соблюдать все мелочные и строгие правила семинарской жизни. Товарищ Салазара по семинарии Мариу де Фигейреду – будущий президент Национальной Ассамблеи – вспоминал, что получал из дома продуктовые посылки, которыми обычно делился с Салазаром. Правила для семинаристов запрещали им входить в комнаты друг друга. Поэтому, спросив сначала разрешение у священника, Салазар обычно застывал в дверях комнаты друга, но никогда не преступал ее порога⁷⁸.

Однако насаждавшийся в семинарии дух слепого и безропотного повиновения, стремление подавить личность не могли не вызвать в душе одаренного и амбициозного юноши реакции протеста. Трудно не согласиться с мнением Хью Кэя о том, что для решения Салазара отказаться от сана

⁷⁷ Salazar A. de. A Minha com Salazar. Lisboa, 1952, p. 42.

⁷⁸ Garnier Ch. Ferias com Salazar. Lisboa, 1952, p. 42.

священника, «возможно, имел глубокое значение подсознательный страх, что его реальной проблемой было отвращение к жизни в подчинении»⁷⁹.

Один из его старейших друзей утверждал, что «если бы Салазар не был католиком, он был бы анархистом»⁸⁰. Салазара никогда не покидала уверенность в своем высоком предназначении. При этом со свойственным ему умением скрывать свои истинные чувства, он всегда лицемерно уверял, что его интересовала только академическая карьера и что он лишь под давлением вынужденно стал государственным деятелем. Однако из письма, которое было написано Салазаром последнему диктатору периода монархии Жуану Франку и которое было опубликовано после смерти Салазара, вырисовывается иная картина. Предыстория этого письма весьма проста. В 1929 г. вернувшийся из изгнания в Португалию Жуан Франку написал Салазару, поздравив его с успехами на посту министра. В своем ответе Салазар коснулся событий 1906 г., когда еще учился в семинарии и, «как многие думают», полагал, что Португалия – это «дочь девы Марии, матери Христа». По словам Салазара, в 1907 г. Португалия была разбужена Жуаном Франку, «громко протестовавшим против пагубного управления страной». Его правление было поддержано «наиболее здоровой и наименее ангажированной частью нации, имевшей нечто большее, чем Любовь, – веру». Это высказывание не оставляет сомнений в том, что Салазар уже в семинаристские годы питал стремление к авторитарным методам правления.

По-настоящему Салазар принял участие в политической жизни в 1910 г., когда он приехал в Коимбру и поступил в университет на факультет права. В это время страну сотрясали бурные политические события. Коронованному в спешном порядке наследнику престола Мануэлю II в момент вступления на престол было только 19 лет. Не имея политического опыта и не будучи подготовлен к управлению страной, он оказался неспособным сопротивляться растущему революционному натиску⁸¹. При Мануэле II

⁷⁹ Kay H. Op. cit., p. 12.

⁸⁰ Vida mundial, 31.VII.1970.

⁸¹ Historia de Portugal, v. II, p. 63.

(1908–1910) была объявлена амнистия участникам республиканского восстания во флоте в 1906 г., отменен изданный Жуаном Франку декрет, увеличивающий гражданский лист на 1 млн. эскудо, и т.д., но никаких сколько-нибудь серьезных шагов к изменению положения в стране не было сделано. За полтора года сменилось семь кабинетов. С октября 1909 г. возобновились республиканские восстания в армии и флоте. В сентябре 1910 г. открылись заседания парламента, выборы в который раз сопровождались полицейским террором и фальсификациями. Тем не менее, в числе депутатов было уже 14 республиканцев. Республиканцы разоблачали преступное обращение двора с государственными финансами, коррупцию и т.п. В тронной речи Мануэл обещал провести радикальные реформы. Вместе с тем заседания палаты депутатов были отложены до 9 декабря. Правительство надеялось выиграть время. Но события нарастали с чрезвычайной быстротой. Через несколько дней, в ночь на 4 октября вспыхнуло восстание, уже в течение двух лет подготовлявшееся республиканцами и поддержанное войсками и флотом. В Лиссабоне поднялись широкие массы. Король Мануэл бежал через Гибралтар в Англию⁸². 5 октября 1910 г. была провозглашена республика. Она сразу же обнаружила свой антиклерикальный характер. В республиканской прессе писали, что ее цель – «увидеть последнего короля, удушенного кишками последнего священника»⁸³. Уже 8 октября был издан декрет, ограничивший деятельность иезуитов и других религиозных орденов. 22 октября было запрещено преподавание в школах основ христианства, а 23-го был закрыт факультет теологии в Коимбрском университете.

Когда юный Салазар, крестясь и отбивая поклоны, вступил в Коимбрский университет, эта цитадель традиционализма была охвачена революционной лихорадкой. Студенты с восторгом разбили статуи и изрешетили пулями портреты королей Португалии в священном Зале докторов, срывали и рвали в клочья мантии профессоров теологии. Хотя

⁸² Испания и Португалия, с. 406–407.

⁸³ Braganza-Cuhna V. de. Revolutionary (1910 – 1936). London, 1937, p. 147–161.

Салазар никогда не был ярым монархистом, он как бывший семинарист предпочел остаться «вне игры». Его часто видели с книгой в руке прогуливающимся взад и вперед, в традиционной коимбрской мантии. Эту мантию с обтрепанными обшлагами он тщательно берег, но разорвал ее однажды, протестуя против превращения университетской церкви в помещение для музея⁸⁴.

Салазар неизменно отвечал отказом на все предложения вступить в монархистскую или какую-нибудь другую партию. Он знал, что его время еще не пришло. Салазар был человеком, который умел ждать. В ожидании своего «звездного часа» он терпеливо и упорно изучал экономику и административное право. Чтобы пополнить свои скудные денежные средства, он давал уроки в колледже, открытом К. Баррейрушем – ярым сторонником английских педагогических принципов. Спустя несколько лет Салазар писал, что «превосходство англосакса, столь ярко продемонстрированное во время европейской войны (1914–1918) объясняется определенными фундаментальными компонентами его воспитания. Португалия нуждается в подобном воспитании, чтобы развить общественный дух... Ее трудности уходят своими корнями не в систему управления, а скорее в необходимость изменить людей. Интеллектуальный тренаж недостаточен. Требуется гармоничное развитие личности в целом»⁸⁵. Эта тема о «необходимости изменения людей» стала его излюбленной темой. Еще когда ему было 20 лет, он произвёл подлинный фурор речью, в которой осудил пессимистические тенденции в португальской жизни, безрассудство пораженчества, атаковал «отчаявшихся пессимистов» и превозносил благородство патриотизма⁸⁶.

Поступив в Коимбрский университет, Салазар стал секретарем Академического центра христианской демократии (АЦХД). Этот центр был основан в 1901 г. и временно запрещен новым республиканским режимом. В

⁸⁴ Hugh K. Op. cit., p. 21.

⁸⁵ Salazar A. de. A Minha Resposta, p. 36.

⁸⁶ Kay H. Op. cit., p. 22.

течение нескольких последующих лет АЦХД стал ядром, вокруг которого сплотились португальские интеллектуалы – католики. Любопытно, что из АЦХД впоследствии вышло целое поколение людей, занимавших высшие посты в правительстве, церкви и университетах.

АЦХД издавал свой еженедельный журнал «Импарсиал» («справедливый»), главным редактором которого был Мануэл Гонсалвиш Сережейра, который позже на протяжении всего правления Салазара был кардиналом-патриархом Лиссабона. Читая издания АЦХД, можно многое узнать о родоначальниках португальского фашизма, которые тоже сформировали сплоченную группу к 1919 г., когда Гитлер основал национал-социалистскую партию, а Муссолини – «Фашиа ди Комбаттименто».

Еще за несколько лет до того, как Гитлер опубликовал в 1923 г. «Майн кампф», португальские теоретики монархистско-католического направления тщательно изучали восхищавшие их энциклику папы Льва XIII «Рерум Новарум» и произведения консервативных французских писателей Шарля Морра и Леона Блоя. Социальное учение папы Льва XIII, или так называемая «рабочая хартия», выступало против насильственной революции, но за право рабочих на забастовки и справедливую зарплату. Французские писатели выдвинули концепцию корпоративного средневекового общества как альтернативу «эгалитаризма и индивидуализма Французской революции, механического восприятия промышленной революции и атеизма и интернационализма марксизма». Эти концепции были еще больше адаптированы к португальским условиям консервативным писателем Антониу Сардинья, создавшим доктрину «лузитанского интегризма». В отличие от германских, французских и итальянских фашистских теоретиков, делавших вид, что они озабочены индустриальным развитием своих стран и благосостоянием рабочих, португальский «интегризм» был подчеркнута спиритуалистской, сентиментальной абстракцией, целью которой было не

столько создание нового будущего, сколько воскрешение романтизированного прошлого⁸⁷.

Идеи португальского «интегризма» оказали большое влияние на формирование взглядов Салазара и на его политику, когда он пришел к власти. Введенная им в 1933 г. конституция объявила Португалию «корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов»⁸⁸. Красивая политическая риторика была призвана замаскировать фашистскую сущность салазаровского государства. Португальский фашизм был, если так можно выразиться, фашизмом театрализованным. Но это несколько не мешало ему быть фашизмом: под густым театральным гримом нетрудно было разглядеть его подлинное лицо⁸⁹.

В период Первой мировой войны Салазар часто писал статьи в журналах и газетах. Но его бесстрастный и скучный стиль больше подходил для исследований в области экономики и финансов, и он стал специализироваться на этой тематике. В частности, он опубликовал статьи «Золотая лихорадка, ее природа и причины (1891–1915)», «Проблема производства пшеницы, некоторые аспекты продовольственного кризиса», и даже исследование о трудовых отношениях под любопытным названием «Мир Христа среди рабочего класса»⁹⁰.

В мае 1914 г. Салазар произнес речь в Порту, которая наделала много шума. «Демократия, – сказал он, – должна быть гармонизирована католицизмом. Но для этого нация нуждается в обучении и образовании, а правительственный механизм – в адаптации к условиям времени и места. Демократия стала демагогией, ибо она дала привилегию одному классу за

⁸⁷ Proenca R. Acerca do integralismo lusitano. Lisboa, 1964, p. 98.

⁸⁸ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 748.

⁸⁹ Подробнее см.: Хазанов А.М. Политика Португалии в Африке и Азии. М., 1967, с. 13–14.

⁹⁰ Figueiredo A. de. Op. cit., p. 29.

счет другого». Местная пресса отметила безупречный стиль и интеллигентность Салазара и характеризовала его как «одного из наиболее могучих умов нового поколения»⁹¹.

Салазар был автором «Обращения к католикам», в котором писал: «Сегодняшней Португалии необходимо создавать для славной завтрашней Португалии сильную, образованную, нравственную, интенсивно работающую и прогрессивную Португалию. Нужно ли нам для этого СИЛЬНО Любить страну? Да, любить свою страну нужно всегда. Точно так же, как сильно мы любим свою мать, давайте любить нашу страну, нашу общую великую мать»⁹².

О том, как Салазар реагировал на преследования католического духовенства республиканским режимом, дают представление мемуары его ближайшего друга на протяжении всей его жизни кардинала Сережейры: «Салазар тогда написал под псевдонимом Алвиш да Силва некоторые из своих лучших статей... А по вечерам мы ходили в церковь Св. Иоанна, чтобы присутствовать на церемониях «Месяца Марии», пряча под плащами дубинки»⁹³. К этому кардинал Сережейра добавляет, что сам имел обыкновение носить ружье. Впрочем, он всегда был более динамичным и активным, чем Салазар. Он однажды признался, что когда они с Салазаром были проездом в Париже по пути в Льеж, где должны были присутствовать на католическом конгрессе рабочей молодежи, Сережейра воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Париж, в то время как Салазар почти не выходил из офисов парижских католических организаций. Любопытно, что это была единственная большая заграничная поездка Салазара за всю его жизнь»⁹⁴.

Список студентов – членов АЦХД, опубликованный позже журналом «Ревиста де эштудуш», дает представление о том влиянии, которое эта

⁹¹ Kay H. Op. cit., p. 24.

⁹² Teixeira L. Op. cit., p. 24.

⁹³ Cerejeira M.G. Vinte anos de Coimbra. Lisboa, 1943, p. 221.

⁹⁴ Figueiredo A. de. Op, cit., p. 30.

группа оказала на политическое развитие Португалии. Кроме Салазара и кардинала Сережейры, в нее входили несколько епископов и других высокопоставленных церковных иерархов, Мариу де Фигейреду – позже спикер Национальной Ассамблеи, 10 будущих министров и 12 будущих университетских профессоров⁹⁵.

Несмотря на активное участие в деятельности центра и журналистскую работу, Салазар много времени уделял учёбе в университете. Он прекрасно учился и при окончании факультета права в 1914 г. набрал 19 баллов из 20 возможных, в 1917 г. он стал ассистентом профессора по экономике, а в 1918 г., уже будучи известен как один из лучших в стране экспертов по финансам и экономике, получил ученую степень доктора.

О личной жизни Салазара известно крайне мало. Хотя его часто характеризовали как эмоционально холодного человека, известно, что он испытывал сильные сыновние чувства к больной матери и даже был готов отказаться от карьеры, чтобы не разлучаться с ней в последние годы ее жизни.

О любовных увлечениях Салазара почти ничего неизвестно, что дало повод для обвинений его в женоненавистничестве. Согласно некоторым из его биографов, Салазар был увлечен дочерью богатого помещика, управляющим у которого служил его отец, и который оказывал финансовую поддержку Салазару.

По одной версии, мать увидела, как Салазар танцевал с ее дочерью, и решила, что дело зашло слишком далеко. По другой версии, Салазар был репетитором девушки и предложил ей, основываясь на личном опыте, написать очерк о любви. Узнав об этом, мать положила конец этому роману. Она считала, что Салазар принадлежал к низшему классу и не имел будущего. Его друзья вспоминали, что видели отвергнутого Салазара плачущим единственный раз за всю его жизнь⁹⁶.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Ibid., p. 31; Kay H. Op. cit., p. 26.

Бразильский писатель и бывший посол в Лиссабоне Алвару Линс рассказал историю, сообщенную ему ближайшим другом Салазара кардиналом Сережейрой: «Однажды, будучи еще студентом факультета права, Салазар думал о женитьбе. Он подумывал жениться на юной миллионерше из Лиссабона, приехавшей ненадолго в Коимбру. Салазар решил посоветоваться со своим другом Сережейрой. Будущий кардинал сказал ему тогда, что он недостаточно хорошо знает эту девушку, чтобы быть уверенным в ее достоинствах, и добавил, что, поскольку она богата, Салазар не сможет обеспечить ей уровень жизни, к которому она привыкла. Кроме того, он знал, что Салазар слишком горд, чтобы принимать деньги от семьи жены. На это Салазар ответил, что в том, что касается ее достоинств, проблемы нет. «Даже если у нее их нет, я одолжу ей некоторые из моих». И добавил глубокомысленно: «Главное – принять решение, то или другое, и не думать больше об этом». После этого он отправился к миллионерше, которая в тот же день возвращалась в Лиссабон, и сказал ей: «Если в течение месяца ты не получишь от меня письма, значит я решил не жениться».

С тех пор никто никогда не говорил об этой истории – ни он, ни девушка, ни кто-либо еще»⁹⁷.

Хотя Салазар умер неженатым, некоторые факты его биографии свидетельствуют, что он не был одиноким холостяком. Фактически образ жизни, который он для себя избрал, в полной мере соответствовал его эгоистическому характеру и его интеграции в социальную модель, традиционную для католического духовенства с его мнимой приверженностью целибату. С 1915 по 1928 г. Салазар, как это принято у студентов и преподавателей, возвращающихся к родителям на каникулы, делил кров и харчи со своими двумя близкими друзьями – Мануэлом Гонсалвишем Сережейрой и Мариу де Фигейреду. Услуги, связанные с домашним хозяйством, им оказывала молодая горничная Мария де Жезуз Каэтану. Позже она последовала за Салазаром в Лиссабон и была его

⁹⁷ Lins A. Missao em Portugal. Rio de Janeiro, 1960, p. 36.

экономкой до конца его жизни. Известно, что их отношения были очень близкими. Когда однажды Салазар приехал с посетившей его французской журналисткой в один из своих домов, он сказал: «Теперь мы вступаем в королевство Марии... У нее авторитарный характер, и она не любит, чтобы вокруг нас было много людей. С такой охраной, как Мария, сюда никто не может попасть. Она защищает меня лучше, чем полиция»⁹⁸.

Мария всегда была неременной участницей домашней жизни Салазара и, подобно тому, как экономку приходского священника обычно знает весь приход, она была известна всей Португалии как «дона Мария». Она всегда обращалась к Салазару «сеньор доктор» или «сеньор президент», и никто никогда не видел, чтобы она ела за его столом. Она воспитала двух принятых Салазаром в свой дом девочек, которые были, видимо, ее племянницами. Эта домашняя ситуация очень напоминала ситуацию многих католических священников, которые живут в конкубинате со своими экономками, старательно делая при этом вид, что соблюдают обет безбрачия. Церковь по практическим причинам закрывает глаза на эту ситуацию, которая получила своего рода негласное признание на протяжении веков. В случае Салазара его двусмысленные отношения с доной Марией, разумеется, породили всевозможные сплетни, и многие полагают, что, поскольку он не был связан обетом celibата, им двигали крестьянский собственнический инстинкт и классовые предрассудки. Парадокс ситуации состоял в том, что отрицание интимной связи в продолжающихся почти 50 лет отношениях между мужчиной и весьма привлекательной женщиной делает эти отношения в глазах общества даже более ненормальными, чем в случае открытого признания такой связи. Нельзя не согласиться с выводом историка Антониу де Фигейреду: «Вся эта ситуация показывает, что Мария, несмотря на ее преданность и поддержку мифа о «доне Марии», была лишь одной из бесчисленных жертв эгоцентрического патриарха португальского общества. Всё это также подтверждает, что Салазар, который заботился о сохранении

⁹⁸ Garnier Ch. Ferias com Salazar. Lisboa, 1952, p. 66.

своей «культурной чистоты» и даже никогда не путешествовал за границей, был и в этом отношении португальцем традиционного типа»⁹⁹.

* * *

Вплоть до того момента, когда Салазар стал членом правительства, материальные условия его жизни были достаточно тяжелыми. В 1914 г. он был зачислен в штат Коимбрского университета. Зарплата была скудной, и он вынужден был подрабатывать, давая частные уроки. Салазару предлагали работать по совместительству адвокатом в какой-то фирме, но он отказался, так как это, по его словам, оторвало бы у него время, необходимое для подготовки лекций, которые он начал читать с 1917 г., когда он стал ассистентом профессора на экономическом факультете. С 1915 по 1928 гг. Салазар и его друзья Сережейра и Фигейреду жили «коммуной», имея общие квартиру, еду, расходы и времяпрепровождение. Время от времени к ним присоединялся будущий профессор математики Диогу Пашеку де Аморин, который впоследствии приобрел международную известность. Он вспоминал, что Салазар был «спокойным компаньоном, часто сидел в углу и любил слушать, как другие спорили, вставляя время от времени здравые замечания. В высшей степени холодный, постоянно сдержанный, любивший оставаться наедине, Салазар, однако, всегда имел друзей и испытывал к ним чувство привязанности»¹⁰⁰.

В то же время, по свидетельству Д. П. де Аморина, Салазар отличался чопорностью и снобизмом. Он, например, был до глубины души возмущен «вульгарным» предложением выпустить обращение о сборе денег с читателей в поддержку журнала «Импарсиал». Один приятель, ворвавшийся в его комнату без стука, получил выговор. «Я же мог оказаться раздетым» - сказал ему возмущенный Салазар¹⁰¹.

В конце Первой мировой войны Пашеку де Аморин тяжело заболел. Его приходили навестить все его друзья, за исключением Салазара, который

⁹⁹ Figueiredo A. Op. cit., p. 33.

¹⁰⁰ Цит. по Kay H. Op. cit., p. 25.

¹⁰¹ Ibidem.

боялся проявлений излишних эмоций. Вместо этого он отправил ему записку: «В ящике моего стола есть немного денег. Они твои. Ты можешь их мне отдать тогда, когда пожелаешь». Последняя фраза, по-видимому, означала: «Ты не умрешь». Это было то редкое проявление теплоты души в этом холодном эгоистическом человеке, которое, видимо, и объясняет многолетнюю привязанность к нему нескольких близких людей. Салазар, замкнутый по характеру, холодный и скрытный по природе, склонный к меланхолическому настроению, нуждался в друзьях, которым он мог бы открыться и с которыми мог бы интеллектуально общаться.

Вот какую характеристику дает Салазару человек, который, пожалуй, знал его лучше, чем кто-либо другой – друг всей его жизни Сережейра: «Салазар шёл прямой дорогой, игнорируя обходные пути. Он был человеком, созданным для великих, а также и для малых дел. Уже в юности он воспитал в себе сильную волю, высокую интеллигентность и абсолютное хладнокровие. Те из нас, кто хорошо его знали, вспоминают его редкую способность к объективности в споре. Он обладал умением чётко очертить тему с изящной иронией, но презирал красноречие. Теперь, как и тогда, он начинает речь с застенчивого жеста, принимает на себя ответственность, ищет поддержки. Но затем он смело бросается в бой. Я никогда не встречал таких контрастов в одном человеке. Он ценит общество женщин и их красоту, но ведет образ жизни монаха. Скептицизм и щепетильность, гордость и умеренность, недоверие и преданность, обезоруживающая доброта, а иногда неожиданная черствость сердца – всё находится в нем в постоянном конфликте».¹⁰²

Салазар не разделял романтических идей и идеалов республиканцев. Душевной травмой, которую он не смог забыть до конца жизни, явились для него преследования духовенства и простых католиков в ранние дни республики. Реакцией на эти преследования стала возникшая у него навязчивая идея «порядка и законности», беспощадного подавления того, что

¹⁰² Cerejeira M.G. Op. cit., p. 210.

он называл «властью толпы», «властью улицы» или «разрушительными действиями масс». Салазар ненавидел «романтических либералов». Для него «настоящая свобода может существовать только в душе человека... Может быть лишь абсолютная власть, но не может быть абсолютной свободы. Порядок всегда был подлинным условием красоты».¹⁰³ Именно такой человек с непоколебимыми авторитарными взглядами, не приемлющий либеральные и демократические идеи, способный железной рукой навести в стране «порядок», нужен был португальской буржуазии в конце 20-х годов.

Португалия после Первой мировой войны оказалась в полосе острейшего кризиса, отмеченного стачками, восстаниями и частыми сменами правительств, бессильных ликвидировать экономическую разруху в стране и упорядочить её финансы. Анархо-синдикалистская всеобщая конфедерация труда была неспособна создать крепкую организацию рабочего класса. Коммунистическая партия возникла только в 1921 г. И её влияние на рабочий класс было невелико. Число её членов не превышало тогда 2000¹⁰⁴.

В годы республики был завоёван ряд демократических свобод – свобода печати, право на ассоциации, право на забастовки, право на развод, секуляризация образования, и т.д., но в то же время страна оказалась втянутой в тяжелый экономический и финансовый кризис. Резко увеличился национальный долг (в особенности Великобритании), рост цен, нехватка товаров, безработица привели к многочисленным протестам и манифестациям.¹⁰⁵ Рабочий класс, который теперь требовал прав, которых столь долго его лишали, оказался первой и главной жертвой экономического кризиса. Хотя с 1914 по 1922 г. средняя зарплата увеличилась в 7 раз, цены на наиболее важные продукты возросли в среднем в 12 раз.¹⁰⁶ Происходила непрерывная девальвация эскудо, и правительство потеряло всякую надежду остановить эту спираль. Многие министры финансов пытались

¹⁰³ Salazar Says. Secretariado de Propaganda Nacional. Lisboa, S. d., p. 31.

¹⁰⁴ Куньял А. Страницы борьбы. М., 1977, с. 18.

¹⁰⁵ Там же, с. 17.

¹⁰⁶ Pacheco J.P. As lutas operarias contra a carestia. Textos de apoio. – Porto №2. 1977. p. 178–179.

сбалансировать бюджет. В то время это была как бы навязчивая идея, однако ежегодно бюджетный дефицит составлял 5 млн. ф. ст. Это означало, что через несколько лет бюджетный дефицит грозил превысить размер бюджета. Сменилось 44 республиканских правительства, и в народе стали говорить, что пытаться сбалансировать национальный бюджет – то же самое, что «пытаться выпрямить тень ветвистого дерева». Даже в правительственных кругах признавали, что «страна больна» и что необходимо сделать свободу и демократию «жертвенным ягненком». К 1923 г. финансовый кризис достиг пика. Расходы военного времени еще не были оплачены. Дело в том, что расходы экспедиционных войск Португалии во Франции, в Мозамбике и Анголе, действовавших против немцев, были оплачены Англией. Долг Португалии Лондону составил 80 млн. ф. ст. Учитывая девальвацию эскудо после войны, долг к 1924 г. составил 8 млрд. эскудо. Новый заём был предоставлен на этот раз под 13% годовых. В социальном плане ситуацию в стране можно было охарактеризовать португальской поговоркой: «Когда в доме нет хлеба, все ссорятся, и никто не прав».

В 1925 г. президентом был избран Бернардину Машаду. Но ему было 70 лет, и он был слишком стар и слаб, чтобы справиться с ситуацией. В мае 1926 г. власть захватил генерал Гомиш де Кошта, опиравшийся на реакционное офицерство и помещичьи слои и пользовавшийся поддержкой со стороны Испании и Италии (в обеих этих странах к этому времени была военная диктатура). Генерал ликвидировал демократическое правительство, разогнал парламент. Гомиш де Кошта взял себе посты военного министра и министра заморских территорий, премьер-министром сделал Мендиша Кабесадаша, а на пост министра финансов решил пригласить молодого и многообещающего экономиста из Коимбры А. Салазара). Несколько офицеров были отправлены к нему в Санта Комба, чтобы уговорить принять это предложение. В это время Салазар находился с больной матерью, здоровье которой быстро ухудшалось. Ей оставалось жить только несколько месяцев – в ноябре 1926 г. она умерла. Офицеры тем не менее настаивали,

чтобы Салазар немедленно отправился в Лиссабон и принял портфель министра. Сомнения Салазара разрешила его больная мать. «Не беспокойся обо мне, сынок, - сказала она. – Раз они приехали за тобой, значит, ты им нужен. Соглашайся. Интересы страны выше наших интересов. В остальном положишься на Бога»¹⁰⁷.

На следующий день Салазар прибыл в Лиссабон. Корреспонденты на вокзале увидели высокого худощавого человека с большими ушами, густыми волосами, в тёмном костюме и с часами в нагрудном кармане жилета. Он отказался отвечать на их вопросы. Встретившись с членами правительства, он выдвинул несколько условий для занятия поста министра: полный контроль над всеми расходами, жёсткое сокращение государственных расходов, участие во всех решениях, касающихся финансовых проблем. Правительство отказалось принять эти условия. Тогда Салазар спросил, когда отправляется следующий поезд в Коимбру. Через два часа он уже ехал в этом поезде.

7 июля 1926 г. Гомиш де Кошта был свергнут, и власть захватил другой реакционный генерал – Кармона, связанный с национальным банковским капиталом. Он был другом испанского диктатора Primo de Rivera.

Салазар хорошо понимал, что рано или поздно его вновь позовут в правительство. 28 марта 1927 г. Салазар выступил со своей знаменитой речью о «двух экономиках». В ней он, в частности, утверждал, что существуют две экономики: сторонники одной считают успех главной целью человеческой деятельности, а сторонники другой учат презирать богатство и отождествляют нищету с добродетелью. По мнению Салазара, обе эти позиции ошибочны. Не производство портило людей, а ошибки и отсутствие баланса в потреблении. Решение проблемы – это создание богатства путем упорной работы, регулирование потребления нормами человеческой морали, физическое и интеллектуальное развитие и сбережения.

¹⁰⁷ Kay H. Op. cit., p. 38–39.

Этими рассуждениями об экономности, бережливости, самоконтроле и упорной работе Салазар заложил основы своей будущей политики мобилизации всех ресурсов страны на достижение поставленных им задач. Он призвал сосредоточить усилия страны на строительстве дорог, открытии новых рабочих мест и на ликвидации бюджетного дефицита.

25 марта 1928 г. новым президентом республики был утвержден Кармона. Правительство вспомнило о Салазаре. Он произвёл сильное впечатление на министров, когда встретился с ними в 1926 г., и хотя в то время его условия показались неприемлемыми, после зрелого размышления они пришли к выводу, что необходимо снова пригласить его в правительство. Этому решению способствовало и то, что статьи Салазара к этому времени были у всех на устах и широко обсуждались в прессе.

В Коимбру был направлен Дуарти Пашеку, тогдашний министр общественных работ. Салазар попросил одну ночь на раздумья, которую провёл в молитвах и размышлениях. Позже он рассказал французской журналистке: «Я колебался всю ночь. Я не знал, следует ли принять сделанное мне предложение. Меня ужасно удручала мысль о том, что надо будет покинуть университет. Я хорошо знал дистанцию между человеком науки и человеком практики. И потом я боялся... естественно, я боялся. Я учитывал возможность провала. Представляете себе, если бы я потерпел фиаско в наведении порядка в финансах, что подумали бы обо мне мои студенты?»¹⁰⁸

В конце концов, Салазар решил принять предложение. Он прибыл в Лиссабон 27 апреля 1928 г. Как раз накануне своего тридцатидевятилетия и начал работать в правительстве. На этот раз он выдвинул следующие условия: 1. Все министерства и ведомства должны ограничивать свои расходы теми ассигнованиями, которые выделяются им министерством финансов; 2. Любая мера правительства, касающаяся государственных

¹⁰⁸ Garnier Ch. Op. cit., p. 52.

доходов и расходов, должна предварительно обсуждаться и согласовываться с министерством финансов.

Фактически это означало, что Салазар получил диктаторские права, в том числе отдавать приказы каждому департаменту, сколько денег и на что он может потратить. Он демонстрировал пример умеренности и бережливости во всём, одеваясь в более чем скромную одежду, работая при свечах и используя перьевую ручку, хотя уже существовали авторучки.¹⁰⁹

Жесткие меры Салазара, направленные на резкое сокращение государственных расходов, принесли свои плоды. За один год он не только ликвидировал бюджетный дефицит в 3 млн. ф. ст., но и добился превышения доходов над расходами в 16 тыс. ф. ст.¹¹⁰ За 11 лет, предшествующих его назначению министром финансов, бюджетный дефицит составил 2 574 000 конто. С 1928 по 1939 г. он сумел добиться превышения доходов над расходами на общую сумму в 1 963 000 конто или 20 млн. ф. ст.¹¹¹ Эти деньги были израсходованы на перевооружение армии, общественные работы, социальную помощь, коммуникации, порты, строительство ГЭС и образование. Среди его приоритетов одно из первых мест занимала армия. В 1928/29 финансовом году расходы на оборону составили 23,42% бюджета (а в Англии только 10,63%)¹¹². Будучи врагом демократических и парламентских институтов, Салазар уже в то время вынашивал планы захвата высшей власти в стране без каких бы то ни было выборов. А для этого ему требовалась поддержка армии и репрессивного аппарата. Его техника состояла в том, чтобы «сделать счастливой архаическую и обнищавшую военную касту»¹¹³ и, опираясь на взаимопонимание с ней, взять в свои руки и удержать власть. Эти мечты Салазара становились всё более реальными по мере того, как росло общественное доверие к нему. Этому способствовало

¹⁰⁹ Figueiredo A. Op. cit., p. 62.

¹¹⁰ Ibid., p. 63.

¹¹¹ Kay H. Op. cit., p. 44.

¹¹² Figueiredo A. Op. cit., p. 63.

¹¹³ Cunha L. As Minhas Memorias. Lisboa, 1966, p. 187.

совершенное им «финансовое и экономическое чудо». В то время как за 17 лет до 1927 г. внешний долг Португалии вырос с 692 тыс. до 7 449 тыс. conto, в результате политики Салазара к 1934 г. он практически исчез. Резко увеличились золотые и валютные запасы. Утекшие за границу капиталы начали возвращаться. Уменьшилась нужда в иностранных займах, а, следовательно, и нужда в иностранной валюте, чтобы оплачивать долги. Салазар коренным образом реорганизовал налоговую и банковскую системы. Когда в стране были накоплены значительные запасы золота, Португалия вновь вернулась в 1931 г. к золотому стандарту и с 1939 г. курс обмена стабилизировался на отметке 110 эскудо за 1 ф. ст.

В 1929 г. была начата кампания за увеличение производства пшеницы. Импорт пшеницы в одном только 1929 г. обошелся стране в 3,5 млн. ф. ст. Через несколько лет Португалия стала сама себя обеспечивать пшеницей. Были учреждены специальные комиссии, которые должны были следить за выращиванием фруктов, риса, за экспортом сардин и т.п. Достижение стабильности в области финансов позволило Салазару объявить в 1936 г. пятнадцатилетний план экономического развития на общую сумму в 60 млн. ф. ст. Львиную долю расходов в этом плане составляли ассигнования на оборону. Генерал У. Делгадо, лидер оппозиции в 50-е годы, писал в мемуарах, что финансовые меры Салазара вначале были верными, но, будучи продолжены и применены «к каждому аспекту жизни нации, обнаружившему какую-либо нестабильность, стали просто-напросто тормозом для национальной экономики. Нужды бедных игнорировались. Конечным продуктом стало богатое и стабильное государство, основанное на нищих, умирающих от голода массах»¹¹⁴.

Популярность Салазара побудила президента Кармона назначить в 1932 г. Салазара премьер-министром. С этого времени Салазар стал неограниченным диктатором, а Кармона отошел в тень и превратился во второстепенную фигуру, хотя и занимал вплоть до своей смерти в 1951 г.

¹¹⁴ Memoirs of General Delgado. London, 1964, p. 72.

номинальный пост президента. По его собственному признанию, он был лишь «пленником в золотой клетке»¹¹⁵.

В результате деятельности Салазара в стране, находившейся на грани банкротства, кардинально улучшилась финансовая ситуация. Салазар разработал и стал проводить в жизнь программу общественных работ. Большую роль в ее осуществлении сыграл министр общественных работ инженер Дуарти Пашеку. Обновилась и расширилась сеть шоссежных дорог, строились портовые сооружения и плотины, появились новые школы и больницы, а также промышленные предприятия, реставрировались национальные исторические памятники¹¹⁶, возводились новые монументы – в 1960 г. был сооружен на берегу Тежу в Торре де Белен памятник первооткрывателям в виде огромной каменной каравеллы, словно плывущей по волнам¹¹⁷.

В 1940 г. правительство подписало с Ватиканом конкордат. Католическая религия была объявлена государственной, на гражданский брак и развод налагался запрет. Католическая церковь получила огромные права, дававшие ей возможность вмешиваться в общественную и личную жизнь граждан. Школа была поставлена под контроль церкви, которая приобрела решающее значение во всех сферах идеологической и культурной жизни метрополии и колоний. Одним из наиболее важных пунктов конкордата было признание католической церкви юридическим лицом. Церковь получила право свободно создавать религиозные ассоциации по нормам католического права, причем государство обязалось признавать их в качестве юридических лиц¹¹⁸. По определению испанского историка С. Андреса, Салазар был «человеком глубоко католическим»¹¹⁹. Получивший воспитание в иезуитской школе, Салазар душой и телом был предан

¹¹⁵ Figueiredo A. Op. cit., p. 64.

¹¹⁶ Historia de Portugal. Lisboa, 1966, p. 68.

¹¹⁷ Хазанов А.М.. Восток глазам востоковеда. М., 2000, с .106.

¹¹⁸ Andres S.D. El Portugal de Oliveira Salazar. Madrid, 1957, p. 138.

¹¹⁹ Ibid., p. 133.

«святому престолу» в Риме. Его преданность католической церкви оказывалась столь велика, что даже во внешней политике он действовал в тесном контакте с дипломатами Ватикана, с которыми постоянно консультировался. У соотечественников Салазар заслужил прозвище «иезуит». О нем говорили как о человеке, связанном с церковью тайной клятвой абсолютного повиновения¹²⁰. Неларом в 1942 г. папа Пий XII сказал, что «Господь даровал португальской нации образцового главу правительства»¹²¹.

В 1952 г. Салазар приступил к осуществлению плана народного образования. В результате его реализации были созданы необходимые условия для полной ликвидации безграмотности в Португалии. Еще в сентябре 1936 г. Салазар создал полувоенную молодежную организацию Португальский легион (ПЛ) по образцу «Гитлерюгенда». Во главе ее он поставил офицеров, которые подчинялись напрямую правительству¹²².

Что касается международных дел, то Салазар вмешался в гражданскую войну в Испании 1936–1939 гг., поддержав мятежников во главе с Франко. За всё время своего правления он лишь один раз покинул Португалию – чтобы встретиться с Франко, с которым он поддерживал хорошие отношения даже тогда, когда Испанию исключили из ООН¹²³.

В отличие от Муссолини или Гитлера, которые имели поддержку организованных партий или возглавленных ими движений, Салазар, ставший диктатором в силу стечения обстоятельств, должен был уже после этого создавать собственное движение и адаптировать германские и итальянские доктрины и методы к условиям Португалии. 30 июля 1930 г. в присутствии всех министров кабинета Салазар зачитал Манифест Национального Союза, который стал единственной в стране легальной политической организацией. Кроме того Салазар учредил скопированные с корпоративных органов

¹²⁰ Cunha T.B. Goa's Freedom Struggle. Bombay, 1961, p. 474.

¹²¹ Camoes Center Quarterly, v. 6/7, № 1–2. Lisbon, 1997, p. 47.

¹²² Ibid., p. 46.

¹²³ Historia de Portugal, p. 68.

Муссолини в Италии «корпорации» – профобъединения, в которые входили лица определённой профессии, независимо от их общественного и имущественного положения. Корпоративная система должна была, по мысли Салазара, стать практическим воплощением «союза труда и капитала». По словам португальского социолога Арманду Каштру, «эти органы были лучшей гарантией монополии крупных португальских и иностранных компаний».¹²⁴

С приходом к власти Салазара, ставшего неограниченным диктатором в 1932 г., португальская буржуазия полностью покончила с игрой в либерализм. Португалия превратилась в фашистское государство.

Конституция Португальской Республики (вступила в силу 11 апреля 1933 г.) объявила Португалию «корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и в разработке законов»¹²⁵.

Однако было бы верхом наивности принять за чистую монету красивую политическую риторику салазаровской конституции. Характерная черта салазаровского режима заключалась в том, что он стремился замаскировать свою истинную сущность всевозможными юридическими прикрытиями, демагогическими маскировочными приемами. Это был, если так можно выразиться, – фашизм театрализованный. Под густым театральным гримом скрывалось его подлинное отвратительное лицо.

Действительность салазаровской Португалии была очень далека от тех иллюзорных представлений, которые конституционный камуфляж и фашистская пропаганда сумели создать за рубежом. «Напомним, – писал генеральный секретарь ЦК Португальской Компартии Алваро Куньял, – что еще в 1933 г. фашистское правительство, подавив упорное сопротивление рабочих, распустило профсоюзы. Созданные Салазаром на их месте по

¹²⁴ Castro A. O sistema colonial portugues em Afrika (Meados do seculo XX). Lisboa, 1978, p. 90.

¹²⁵ Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 748.

модели Муссолини корпоративные национальные профсоюзы рекламировались как пример «классового мира». Декретом правительства вступление в эти организации стало обязательным... Правительство использовало все средства, чтобы задушить сопротивление нараставшее в фашистских профсоюзах: оно закрывало помещения, увольняло, арестовывало и предавало суду наиболее видных руководителей»¹²⁶.

На вторую половину 30-х начало 40-х годов XX в. приходится апогей репрессий против антифашистов. Для миллионов португальцев символом салазаровского режима стал лагерь смерти Таррафал на островах Кабо-Верди. Широкое распространение получили пытки заключенных.

Непосредственно Салазар нес ответственность за смерть сотен людей, погибших в Таррафале от желтой лихорадки, замученных в тюрьмах, просто убитых без суда и следствия агентами тайной полиции (ПИДЕ)¹²⁷.

Доход на душу населения в Португалии в начале 60-х годов был самым низким в Европе. Он составлял 250 долл. в год, т.е. был меньше, чем в Испании и Греции. Потребление мяса на душу населения в Португалии составляло 20 кг против 50, 60, 70 кг и более в большинстве стран Европы; молока и молочных продуктов – 2 кг в год против 8 – 20 кг в других странах¹²⁸. Описывая положение в Португалии, корреспондент одной из американских газет Г. Комленц сообщал в 1961 г.: «У подданных премьер-министра Салазара самый низкий жизненный уровень по сравнению с населением любой другой союзной страны в западной Европе»¹²⁹. Даже по признанию португальского журнала, ВВП на душу населения в Португалии (10 конто) было в среднем в 5 раз меньше, чем в Бельгии, Дании и Франции (соответственно 47, 55 и 52 конто)¹³⁰. Генерал Делгадо приводит в мемуарах

¹²⁶ Куньял А. Страницы борьбы. Из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии. М., 1977, с. 59–60.

¹²⁷ Капланов Р. М. Португалия после второй мировой войны. 1945–1974. М., 1992, с. 46.

¹²⁸ Коломиец Г. Н. Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965, с. 129.

¹²⁹ The New York Herald Tribune, 22.II.1961.

¹³⁰ Revista militar, 1966, № 11–12, p. 573.

любопытный анализ реальной заработной платы португальского рабочего: «Чтобы купить один килограмм мяса, этот рабочий должен трудиться шесть – семь часов, в то время как английский – полтора часа. Англичанин должен работать только четверть часа, чтобы купить литр молока, а португальский рабочий – в четыре раза больше... На заработную плату, которая с 1938 по 1958 гг. уменьшилась почти на одну треть, можно купить только голод. Коль скоро нет хлеба, единственными возможными удовольствиями являются салазаровские эквиваленты римского цирка – футбол, фадо и Фатима»¹³¹. «Пройдите вдоль и поперек всю Португалию, и вы убедитесь, что это страна нищих, молящих о хлебе, работе и защите», – пишет мемуарист. В особенно бедственном положении находилась наиболее многочисленная часть населения страны – крестьянство. «Достаточно взглянуть на сельских жителей, чтобы увидеть, как скоро они делаются похожими на мешки с костями; женщины от 40 до 50 лет стареют с необыкновенной быстротой, а мужчины становятся сгорбленными и кривоногими, причем как мужчины, так и женщины, быстро теряют все зубы»¹³². В Португалии один врач приходился на 1400 жителей, по 58 человек из 1000 умирали от туберкулеза; смертность от коклюша была в 4 раза выше, чем в Англии, а соотношение детской смертности от кори в этих странах равнялось 1 : 9. 50 % португальских матерей рожают детей без медицинской помощи. Детская смертность при рождении составляет 88 на 1000. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни составляла 49 лет против 71 в Швеции, 69 в Голландии, 68 в Англии. В начале 1960-х годов только 9% бюджетных расходов тратилось на образование, 4% – на социальное обеспечение, в то время как 32 % – на вооруженные силы¹³³. В одном только 1963 г. португальское правительство израсходовало на полицию 2 млн. долл.¹³⁴

¹³¹ The Memoirs of General Delgado. London, 1964, p. 72. Фадо – португальская национальная песня меланхолического характера; Фатима – город, где, как уверяют, в 1917 г. появлялась пресвятая Дева Мария.

¹³² Ibid., p. 69, 71.

¹³³ Ibid., p. 74–75, 77.

¹³⁴ Cuadernos. Paris, 1964, Julio, p. 4.

В 1960-х годах массовый характер приобрела эмиграция португальцев во Францию, Голландию, Англию, Бразилию, Венесуэлу, Канаду. «От чего они бегут? – писал в связи с этим французский журналист К. Межан. – От нищеты, от забот. И еще от казармы... Никогда из португальской армии не дезертировало так много людей, как сейчас, и по вполне понятным причинам. Из-за войн в Анголе, Гвинее и Мозамбике правительство ввело такой распорядок в армии, что ни один юноша, надевший военную форму, не может избежать рано или поздно отправки за море»¹³⁵.

В стране нарастало всеобщее недовольство политикой Салазара, которая поставила Португалию на грань политической и экономической катастрофы. Тяжелое положение народных масс явилось главной причиной подъема антиправительственного движения, которой обрело зрелость и охватило самые различные социальные слои – от рабочих до либеральной буржуазии.

В 1958 г. Салазар столкнулся с неожиданной и неприятной проблемой. Представитель Португалии в НАТО генерал Умберту Делгадо выставил свою кандидатуру на президентских выборах против официального салазаровского кандидата адмирала Томаша. Эта новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы. «Нам надоело, что с нами обращаются как со стадом овец» – таков был предвыборный лозунг Делгадо¹³⁶. В Лиссабоне и Порту Делгадо встречали грандиозные демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч людей. В ходе избирательной кампании перед президентскими выборами 1958 г. было достигнуто единство действий антифашистской оппозиции, объединившейся вокруг кандидатуры генерала Делгадо, который выступил с программой демократизации страны: отставка Салазара, проведение свободных выборов в течение одного года, освобождение политзаключенных. В прошлом один из сподвижников Салазара, позднее Делгадо порвал с диктатором и возглавил

¹³⁵ Известия, 6.X.1965.

¹³⁶ Insight on Portugal. The Year of the Captains. London, 1975. p. 19.

антисалазаровскую оппозицию. Несмотря на царившую в стране обстановку террора, он нашел в себе достаточно смелости, чтобы во всеуслышание заявить, что в случае своей победы на выборах он сместит диктатора Салазара с поста премьер-министра. Выборы представляли собой инсценировку, полностью исключавшую победу какого-либо депутата. кроме Томаша – кандидата салазаровского Национального союза. «Мы проиграли выборы задолго до дня голосования, – вспоминал впоследствии Делгадо. – Во-первых, поскольку выборы проводятся в условиях, когда оппозиционная партия запрещена, они представляют собой не что иное, как мошенничество... Невозможно организовать политический фронт за тридцать дней полусвободы, которая великодушно даруется раз в семь лет. Избирательные списки беззастенчиво фальсифицируются. Из них вычеркивается большое число избирателей, подозреваемых в антисалазаровских настроениях»¹³⁷. Однако в условиях фашистской диктатуры смелое выступление генерала Делгадо против Салазара (который формально занимал пост премьер-министра) было неизбежно обречено на провал. Было объявлено, что Делгадо собрал 23,5 % голосов, и что победил на выборах адмирал Томаш. Большинство португальских антифашистов было глубоко убеждено, что опубликованные результаты были сфальсифицированы. Фашистское правительство потерпело самое большое моральное поражение в своей истории. Сам Салазар в разговорах с ближайшим окружением уверял, что «если бы кампания Делгадо продолжалась еще один – два месяца, он бы победил на выборах», и повторял в ответ на возражения: «победил бы, победил, говорю я вам»¹³⁸.

Разыграв фарс с выборами, 8 июня 1958 г. Салазар попытался затем арестовать ставшего для него опасным лидера оппозиции, но Делгадо удалось скрыться в бразильском посольстве, а затем эмигрировать в

¹³⁷ The Memoirs of General Delgado, p. 92.

¹³⁸ Капланов Р.М. Указ. соч., с. 108–109.

Бразилию. В 1968 г., когда он попытался нелегально вернуться в Португалию, его убили агенты ПИДЕ.

Во время Второй мировой войны Португалия сохраняла нейтралитет. Из всех португальских владений вторая мировая война непосредственно коснулась только Тимора, атакованного и оккупированного сначала австралийцами и голландцами, а потом японцами¹³⁹. В 1949 г. она вступила в НАТО, а в 1951 г. передала в распоряжение США военные базы на Азорских островах.

Вскоре Салазар провел избирательную реформу, лишившую португальский народ права на непосредственное, хотя и формальное участие в выборах президента, которые теперь осуществлялись специальной коллегией, состоявшей из преданных Салазару лиц.

В 1951 г. Салазар предпринял хитроумную конституционную реформу, заменив в конституции и в других официальных документах вышедшее из моды слово «колонии» более деликатным – «заморские провинции». В одной из речей Салазар заявил: «Наши заморские территории (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и др. – *А.Х.*) – заморские провинции унитарного государства. Их управление подлежит исключительной юрисдикции Португалии. Они – творения Португалии и не существуют без Португалии. Португалия принесла им христианский гуманизм и проводила цивилизаторскую миссию¹⁴⁰».

Салазар не хотел и не мог отказаться от идеи самодостаточного замкнутого национального государства, восполняющего собственную экономическую и культурную отсталость за счет обширных колониальных владений. При этом гарантией единства империи должна была служить жесткая авторитарная структура власти, на практике сводившаяся к единодержавию самого Салазара¹⁴¹.

¹³⁹ Historia de Portugal, p. 68.

¹⁴⁰ Wohlgemuth P. The Portuguese Territories and the United Nations. New York, 1963, p. 3.

¹⁴¹ Капланов Р.М. Указ. соч., с. 186.

Однако в начале 60-х годов португальская колониальная империя начала разваливаться. Когда премьер-министр Индии Дж. Неру предложил Салалазару начать переговоры о деколонизации Гоа, Диу и Дамана, Салазар ответил категорическим отказом, заявив: «Как мы можем уступить или продать Португальскую Индию, земли Албукерки – плоды наших великих достижений на Востоке, христианские святыни и наших мучеников?». Когда 18 декабря 1961 г. индийская армия вторглась в Гоа, Салазар телеграфировал командующему португальскими войсками в Индии генералу В. Силве: «Я отвергаю перемирие и не желаю, чтобы хоть один португалец попал в плен. Ни один корабль не должен сдаться. Наши солдаты и моряки должны сражаться или погибнуть»¹⁴². Однако сопротивление ввиду его бесполезности оказано не было, и Гоа пал.

Потеря Гоа стала страшным потрясением для Салазара. Он не хотел признавать поражение и считал Гоа «территорией, временно оккупированной Индией». До 1974 г. представитель провинции Гоа заседал в Национальной Ассамблее. Салазар был шокирован тем, что ни одна страна, даже Англия, не оказала ему помощи в борьбе против Индии. Салазар отдал Силву под трибунал за поражение в Гоа¹⁴³. Фиаско в Гоа болезненно восприняли в португальской армии. «Помните о Гоа», – с горечью напоминали друг другу португальские офицеры.

Режим Салазара переживал трудные дни. Судьба обрушивала на голову португальского диктатора один удар за другим.: потеря Гоа, захват в 1961 г. португальского лайнера «Санта-Мария» оппозиционером Э. Галвао; восстание антифашистов в городе Бежа в 1962 г. – таковы были симптомы начавшейся агонии режима.

Наконец, взрыв оглушительной силы потряс португальскую колониальную империю в Африке – они стали ареной военных действий между африканскими патриотами и войсками колонизаторов. В результате

¹⁴² Insight on Portugal. London, 1975, p. 14.

¹⁴³ Ibid., p. 15.

более чем десятилетней вооруженной борьбы народы Гвинеи-Бисау (1973), Кабо-Верде (1973), Сан-Томе и Принсипи, Анголы (1975), Мозамбика (1975), добились независимости, и португальская колониальная империя прекратила свое существование¹⁴⁴.

Однако Салазар до этого не дожил. В начале сентября 1968 г. он тяжело заболел: кровоизлияние в мозг, вызванное падением со стула, полностью лишило его работоспособности. Хирургические операции на время сохранили ему жизнь, однако о возврате к политической деятельности не могло быть и речи. Преемником больного диктатора стал М. Каэтану, который в отличие от закоренелого холостяка и мизантропа Салазара имел много детей и внуков, был более доступен, охотно путешествовал, посещал африканские колонии (куда Салазар так и не собрался)¹⁴⁵. Он продолжал политический курс своего предшественника, заявив, что в Африке Португалия не имеет другого выбора, кроме войны против местных националистов. В апреле 1969 г. Каэтану совершил вояж по португальским колониям в Африке. Однако не этот визит, ни так называемая «конституционная реформа Каэтану» не могли спасти агонизировавший фашистский режим. 25 апреля 1974 г. в Португалии произошла «революция гвоздик», и к власти пришли революционно настроенные офицеры, возглавившие «Движение Вооруженных Сил».

...Проведя более 40 лет в бурных водах португальской политики, загадочный диктатор Салазар умер в 1970 г.

Биография Салазара является еще одним подтверждением известной истины: преступные режимы создаются не преступниками, а энтузиастами, которые убеждены, что изобрели дорогу в рай. Но на этой дороге в «рай» гибнут миллионы людей.

¹⁴⁴ Подробнее см. Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. М., 1986.

¹⁴⁵ Капланов. Р.М. Указ. соч., с. 143–146.

Португалия во 2 мировой войне. Салазар – пособник Гитлера.

В течение всей гражданской войны в Испании 1936-1939 гг., Салазар поддерживал генерала Франко. Лиссабон использовался войсками Франко как порт снабжения товарами.

После начала испанской гражданской войны в Португалии усилился процесс тотальной фашизации. Для «борьбы с большевизмом» был создан милитаризованный «португальский легион». В атмосфере антикоммунистической истерии Салазар принял решение о военном участии Португалии в «крестовом походе» против испанской республики. В соответствии с этим решением он согласился снабжать мятежников оружием через португальскую территорию, а также отправил около 8 тыс. легионеров сражаться на стороне Франко¹⁴⁶.

Не смотря на это, в Лиссабоне существовали подозрения, что Франко вынашивал тайные планы захвата части территории соседнего государства. Недавно опубликованные документы не оставляют сомнений в существовании детальнейших испанских военных планов вторжения в Португалию во время II мировой войны.

В мае 1941 г. один из помощников Франко сообщил германскому дипломату, что война с Португалией послужит отвлечению внимания от внутренних политических проблем, с которыми столкнулась Испания. Территориальные претензии к Португалии были одной из центральных тем фалангистской пропаганды. 16 июня 1939 г. лондонская газета «Ивнинг стандарт» сообщила, что «испанские фашисты» всячески превозносят планы захвата Португалии и уверяют, что она не имеет эффективной военной силы, способной защитить метрополию и колонии. Эта статья была изъята из обращения и внесена в «черный список» ПИДЕ как «иностранный пропаганда».

¹⁴⁶ Капланов Р.М. Португалия после Второй мировой войны. 1945 – 1974. М., Наука, с. 37 – 38.

Руководители британского генштаба подсчитали, что если Испания осуществит военную интервенцию в Португалию, уже через три недели будет оккупирован Лиссабон, а через 4 недели – вся страна¹⁴⁷.

В 1939 г., когда явно обозначились признаки грядущей II мировой войны, Салазар все свое время стал уделять детальному планированию ответа Португалии на надвигающиеся угрозы. На совещаниях с министрами и во время длительных одиноких прогулок по огромному тихому парку, окружавшему его резиденцию в Сан-Бенту, он тщательно анализировал сложившуюся ситуацию.

Для Салазара начало II мировой войны означало не только угрозу суверенитету Португалии, но и угрозу его власти и личному благополучию. Он опасался, что оппозиция воспользуется войной для того, чтобы его свергнуть и ликвидировать его режим.

Для португальского диктатора главным врагом его режима и реальной угрозой для всей Европы был не нацизм, а коммунизм, а конкретнее – Советский Союз. Он считал, что португальская коммунистическая партия воспользуется войной, чтобы бросить открытый вызов его власти. По его мнению, II мировая война несла и другие серьезные угрозы для Португалии: возможную германскую или испанскую интервенцию и возможную потерю Португалией ее колониальной империи.

Со своей маленькой и плохо вооруженной армией и с Великобританией, старой союзницей, неспособной и неготовой гарантировать его суверенитет, Лиссабон не имел реальных средств защитить себя и, следовательно, лучшим выбором для Португалии было попытаться остаться вне схватки, то есть провозгласить нейтралитет.

Салазар принял решение, во что бы то ни стало помешать такому развитию событий, при котором Португалия была бы втянута в войну и повторила ошибку, совершенную во время I мировой войны.

¹⁴⁷ Neill Lochery. Lisboa 139 – 1945. La guerra secreta de la Ciudad de la Luz durante la Segunda guerra Mundial/ Madrid, 2013, p. 40.

Концепция нейтралитета была логичным политическим выбором, но проблема Салазара состояла в том, как суметь сохранить позицию нейтралитета в условиях, когда Португалия и ее колонии превращались во все более важные элементы в схватке двух коалиций.

Менявшийся список приоритетов для Салазара в период II мировой войны делился на два четко разграниченных периода: на первой фазе войны (1932 – 1942) он стремился предотвратить угрозу вторжения со стороны какой-либо из держав Оси; на второй фазе войны (1943 – 1945) он принимал всевозможные меры в связи со все более настойчивыми требованиями союзников предоставить им военные базы на Азорских островах в Атлантике.

Салазар рассматривал II мировую войну как потенциальную смертельную угрозу для своего режима и для Португалии. Он придавал этой угрозе такое значение, что направил все свои усилия на удержание в своих руках руля управления Португалией в течение этих лет. Кроме должности премьер-министра на протяжении всей войны он занимал также должности министра иностранных дел, военного министра, министра внутренних дел и в течение первой половины войны – министра финансов. В этом смысле его стиль правления больше напоминал стиль правления Муссолини, чем стиль испанского диктатора Франсиско Франко, который никогда не занимал никакого министерского поста. В результате вся полнота политической власти была сконцентрирована в руках Салазара, чья любовь к деталям, способность работать в течение всего дня, полное отсутствие интереса к частной и семейной жизни, позволяли ему заниматься второстепенными вопросами, которые другие лидеры делегировали своим заместителям.

Огромное количество личной и официальной корреспонденции, которое Салазар получал в течение этого периода – свидетельство его привычки интересоваться практически всеми сферами государственного управления.

Рабочий день Салазара обычно начинался с завтрака в 8.30 утра, во время которого он читал газеты. Затем он работал в своем кабинете до 14 часов. Между 14 и 16 часами он имел 15 минутный ланч, совершал прогулку и принимал визитеров. С 16 до 18 он отдыхал и снова прогуливался по парку своей резиденции в Сан-Бенту. С 18 до 21 часа он опять работал в своем кабинете. После этого он имел легкий ужин и возвращался работать до полуночи.

Обычно его стол был заставлен аккуратно сложенными стопками официальных документов и корреспонденции. Справа стояла фотография Муссолини, позже замененная фотографией римского папы. Салазар был холостяком и аскетом. Он не пользовался паровым отоплением. Он не был абсолютным трезвенником и обычно запивал еду бокалом вина из района Дан, откуда был родом. Но он никогда не курил.

Он работал в кабинете, завернувшись в ковер, и чтобы еще больше обезопасить себя от холодной лиссабонской зимы, не снимал пальто.

Португальские газеты того времени, например, «О секулу» делали упор на простом и умеренном образе жизни, которую вел Салазар. Их цель состояла в том, чтобы попытаться внушить простым португальцам чувства уважения и преданности диктатору, который в действительности совершал чудовищные преступления против народа Португалии и народов ее колоний.

Как в предвоенные, так и в военные годы португальские рабочие и крестьяне, вынужденные влачить жалкое существование на ничтожные заработки, не испытывали энтузиазма в отношении режима Салазара. Они не понимали многословных речей, в которых он объяснял свою идеологию и смысл своей политики.

Поскольку экономическое положение трудящихся масс не улучшалось, в стране нарастало оппозиционное движение против диктаторского режима Салазара. Это движение оппозиционных сил возглавила Коммунистическая партия Португалии. Салазар понимал, что его

режим рухнет, если страна будет вынуждена принять участие в надвигавшейся мировой войне.

9 октября 1939 г. Салазар выступил с большой речью в Национальной Ассамблее Португалии и заявил, что она ни в коем случае не использует свою позицию нейтралитета для того, чтобы наживаться на войне. Эта речь, кроме того, подчеркивала другой жизненно важный приоритет Салазара: важность сохранения целостности португальской империи.

Эта речь Салазара, особенно его обещание не извлекать прибыль из войны, вызвало поток негативных откликов в британской прессе. Многие выражали недоумение: как старейший союзник Великой Британии умудряется сохранять нейтралитет, когда над Англией нависла смертельная угроза.

В действительности Салазар был крайне раздражён политикой умиротворения, которую проводило британское правительство в отношении Германии.

В то время он ещё не знал, что за его спиной Невиль Чемберлен вёл двойную игру и предложил в 1938г. Гитлеру, «чтобы раз и навсегда решить колониальный вопрос» в числе других уступок португальскую колонию Ангола. Вначале Гитлер проявил интерес к этому предложению и спросил: «А что будет, если Португалия выдвинет возражения?»

Чемберлен ответил: «В конечном счете, и Португалия и другие колониальные державы согласятся сотрудничать».

Эти переговоры носили строго секретный характер, и в Лиссабоне о них ничего не было известно. Британской прессе были даны специальные инструкции хранить полное молчание по поводу этих предложений.

Однако в Лиссабоне всё же существовали подозрения, что британцы плетут интриги вместе с Гитлером.

В ряде случаев во время Второй мировой войны Салазар подозревал, что старейшая союзница Португалии Великобритания, предпочитает

избавиться от его тоталитарного режима и заменить его более демократическим режимом путём возвращения к португальской монархии.

В конце концов, предложение Чемберлена не имело никаких последствий. Фюрер отверг это предложение, аргументировав это тем, что «решение колониального вопроса может подождать еще 10 лет».

В начале войны наблюдались растущие разногласия между Лиссабоном и Лондоном по вопросу о португальском нейтралитете. Для Салазара нейтралитет не был незыблемый, раз и навсегда принятый политикой. Он рассматривал его как политику, приспособляющуюся к меняющимся событиям и обстоятельствам войны. Он считал, что кроме этой политики, у него нет другого способа выжить в схватке двух коалиций. Одну из главных своих задач он видел в том, чтобы воспрепятствовать интервенции Германии или Испании или обеих вместе в Португалию, что имело бы своим результатом оккупацию Лиссабона и вынудило бы его бежать за границу. С другой стороны, он не хотел также, чтобы Португалия превратилась в поле битвы между иностранными армиями. Салазар также помнил уроки Первой мировой войны. Португалия тогда тоже провозгласила нейтралитет, но, в конце концов, присоединилась к союзникам в 1916г., что имело пагубные последствия для её политической, социальной и экономической стабильности.

Салазар, находившийся в своей Лиссабонской резиденции, когда началась Вторая мировая война, опасался не только экспансионистских планов Франков отношении Португалии, но ещё в большей степени присоединения Испании к державам Оси.

В этом плане озабоченности Салазара были близки озабоченностям британцев, которые опасались, что Испания решит связать свою судьбу с Германией, которая, как и Салазар, поддерживала Франко в период гражданской войны в Испании.

В Германии, тот факт, что Испания не присоединилась немедленно к державам Оси, вызвал большое разочарование, но Гитлер оказал сильнейший нажим на Франко, требуя, чтобы он сомкнул с ним ряды.

Салазар сыграл роль спасителя Франко и его режима, убедив его не ввязываться в эту войну.

В начальной фазе войны Лондон воспользовался тесными связями Салазара и Франко для того, чтобы передавать послания испанскому диктатору, убеждавшие его принять британскую экономическую и политическую стратегию в отношении Иберийского полуострова. Английский посол в Лиссабоне Селби передавал для Франко послания Форин офиса и Министерства военной экономики.

После окончания войны историки и политики горячо спорили о роли Салазара в сохранении Испанией нейтралитета. Факторы, обусловившие это испанское решение, были многочисленны, в том числе и очевидные потери и жертвы самих держав Оси. Но нельзя отрицать, что, возможно, решающую роль в этом сыграл Салазар, которому удалось убедить Франко, что нейтралитет был лучшей политикой.

Весной 1940г. Лиссабон начал подвергаться массированному воздействию пропагандистских кампаний как союзников, так и немцев, целью которых было завоевание симпатий португальцев.

Пропагандисты обеих сторон конфликта вызывали раздражение Салазара. Он пытался – почти всегда безрезультатно – помешать их активности в СМИ с помощью государственной цензуры, которая, блокировала публикацию анти португальских статей и показ враждебных кинофильмов. Тогда немцы стали распространять пропагандистские материалы через почту, чтобы обмануть цензуру. Брошюры, расписывавшие успехи германской армии, изготавливались в Германии, а присылались из Мадрида.

Британская пропаганда в Лиссабоне сначала имела скромные масштабы. Но когда британская пропагандистская машина заработала на

полную мощность, значительная часть производимой ею продукции казалась очень похожей по стилистике и по формату на её немецкие аналоги. В разгар войны британский разведчик Малькольм Маджеридж, работавший в Лиссабоне, констатировал, что и британские и немецкие пропагандистские публикации были чрезвычайно похожи. Это были различные марки одного и того же продукта – примерно, как кока-кола и пепси-кола.

В течение первой фазы войны – в конце 1939г. Германская пропагандистская машина в Лиссабоне пыталась убедить Салазара, что британцы стремятся его свергнуть и покончить с его диктаторским режимом.

Она шла даже дальше и утверждала, что британцы угрожают жизни Салазара. Всё это убедило португальского диктатора в том, что британцы полностью разочаровались в его режиме и планировали сменить его, вернув португальскую монархию и какой-либо тип демократического правительства.

И союзники надеялись перетянуть Салазара на свою сторону и включить в свою коалицию.

В действительности же Салазар ясно дал понять, что ни одна из сторон конфликта в этом вопросе не имела шансов на успех.

8 мая 1940г. Селби ультимативно поставил перед Салазаром вопрос о необходимости пресечь германскую пропаганду, но получил маловразумительную гарантию, что всякий иностранец, злоупотребляющий гостеприимством, будет соответствующим образом наказан.

После этого германская пропагандистская активность в Лиссабоне не уменьшилась, а резко возросла. В июне 1940г. выдающиеся фигуры британской общины в Лиссабоне обратились с письмом в британское посольство, требуя оказать нажим на Салазара.

Германский посол Освальд фон Хойнинген вёл тонкую и коварную игру. Представитель старой аристократической школы германской дипломатии Хойнинген посвятил свои усилия в период, предшествовавший войне, установлению тесных связей между Берлином и Лиссабоном.

Хойнинген изучал и хорошо знал португальскую историю и культуру и относился с симпатией к Салазару. Он выступал с докладами о славном прошлом португальской империи в университетах Лиссабона и Коимбры и зарекомендовал себя как горячий защитник культуры и идеологии «Нового государства». Разумеется, это была тонко задуманная игра, рассчитанная на то, чтобы завоевать доверие Салазара, который в конце концов заглотнул наживку и попался на крючок германского президента. После окончания войны Салазар позволил Хойнингену остаться на постоянное жительство в Лиссабоне, где он и прожил до глубокой старости.

Хойнинген играл огромную роль в налаживании германо-португальских связей во время войны, в частности, в переговорах о поставках вольфрама – жизненно важного для Германии португальского товара (он используется для укрепления стали). Как и следовало ожидать, англичане обратили внимание на деятельность талантливого дипломата, и его впечатляющая эффективность отчасти была причиной решения заменить Селби более способным послом, который мог бы противостоять яростному натиску немецкой пропаганды.

На первом этапе войны успехи немецкой пропаганды в Лиссабоне во многом были обусловлены военными успехами Гитлера. Чем больше были эти успехи, тем ретивее португальцы старались не делать и не говорить ничего такого, что могло поссорить их с немцами.

Маджеридж свидетельствует, что когда союзники терпели в войне неудачи, португальцы из кожи лезли вон, чтобы угодить немцам. Он отметил, что количество и ранг португальских чиновников, посещавших различные мероприятия, устраивавшиеся британским генеральным консульством, повышались и уменьшались в зависимости от последних сводок с фронта.

По мере того, как продолжалась война, повышались количество и качество пропаганды обеих воюющих коалиций. В газетах, киосках,

специальных магазинах союзники и немцы конкурировали, стараясь привлечь внимание публики.

Ещё больше, чем пропагандой, Салазар занимался организацией обороны Португалии. Эта тема ещё перед войной стала яблоком раздора между Лиссабоном и Лондоном. Существовали связанные с этим проблемы.

Первая – это страх Салазара, что Великобритания откажется от условий исторического союза между двумя странами, которые предусматривали её обязательство защищать Португалию в случае опасности.

Вторая проблема была связана с продажей Великобританией оружия Португалии. Британцы обещали продавать оружие Лиссабону с целью усилить португальские ВВС и повысить боеспособность португальской армии.

На различных фазах переговоров о продаже оружия, Салазар часто прибегал к отсрочкам, аргументируя это тем, что оружие, которое британцы намеревались ему продать, было слишком хорошим и устаревшим. Этот процесс был мучительным и породил взаимные обиды у обеих стран. Наконец, к недовольству англичан Салазар начал переговоры о поставках оружия с Германией и другими странами.

Весной 1940 г. французские газеты широко распространили слухи о передвижении испанских войск в направлении португальской границы. В атмосфере нервозности, царившей в Лиссабоне, эти слухи ещё больше нагнетали состояние мучительного беспокойства.

Англичане подлили масло в огонь, обвиняя державы Оси в намерении создать необходимые условия для удара, за которым последует испанская интервенция в Португалию.

Чтобы успокоить население Салазар решил предложить народу нечто, что должно было заставить его забыть о войне, а именно огромную «Выставку португальского мира», которая должна была прославить славное прошлое Португалии и достижения его режима. Это был политический театр,

а момент был выбран наилучший, когда необходимо было успокоить общественность. Выставка была приурочена к двум юбилеям – возникновения государства Португалия(1140г) и независимости от Испании (1640).

Это был амбициозный проект, в основе которого лежала идея Салазара – «напомнить португальскому народу роль, которую Португалия сыграла во всемирной истории». Другой его целью было стимулировать пропаганду идеологии, ценностей и символов «Нового государства».

Существует знаменитая чёрно-белая фотография, на которой Салазар во время церемонии открытия выставки даёт инструкции группе людей. Один из них – Дуарти Пашеку, президент муниципальной палаты Лиссабона, министр общественных работ. Его программа общественных работ изменила облик Лиссабона.

На той же фотографии можно видеть Антониу Ферро, старого журналиста, биографа Салазара, ответственного за создание и пропаганду философии «Нового государства». Ферро был спичрайтером Салазара, ответственным за распространение его идей.

Оба эти персонажа поддерживали тесные дружеские отношения с диктатором и сыграли важную роль в его пути к власти.

Одним из самых близких друзей Салазара был также банкир и директор банка «Эспириту Санту» Рикарду Эспириту Санту и Силва.

Если в эту эпоху Салазар был самой выдающейся политической фигурой в Португалии, Эспириту Санту был главной финансовой фигурой. Оба они поддерживали друг с другом тесные неформальные отношения. Об этом свидетельствует, в частности, чрезвычайно дружеский характер корреспонденции между ними.

Импозантный, приветливый, всегда безупречно одетый в костюмы от Савайла Роу, владевший несколькими европейскими языками, Эспириту Санту играл видную роль в отношениях между Португалией и державами

Оси во время Второй мировой войны. Он был женат на дочери главы известной европейской семьи из Гибралтара.

Эспириту Санту спонсировал строительство площадки для игры в гольф в Эстуриле и был чемпионом Португалии по этому виду спорта. Эта площадка для гольфа стала тем местом, где португальская элита общалась с международной элитой.

В действительности Эспириту Санту был больше, чем богатый банкир. Он был глазами и ушами Салазара среди португальской элиты и среди иностранных дипломатов и других иностранцев, временно или постоянно проживающих в Лиссабоне.

Кроме того, он был неофициальным советником Салазара по политическим вопросам, особенно в период, когда правительства Великобритании и США стали все более и более критически относиться к переговорам Салазара с Гитлером.

Разумеется, тесные личные и профессиональные отношения Эспириту Санту с португальским диктатором были причиной ревности и зависти многих банкиров и знатных семейств Лиссабона.

С именем Эспириту Санту связана так называемая «Операция Вилли». После того, как английский король Эдуард VIII (1894-1972) отрекся от престола в 1936 г. в пользу брата Георга VI, он сохранил титул герцога Виндзорского.

После вступления немцев в Париж герцог и герцогиня Виндзорские обосновались сначала на французской Ривьере, а оттуда перебрались в Мадрид. Однако Черчилль считал, что Мадрид не был подходящим местом для пребывания там герцога и герцогини Виндзорских. Мадрид буквально кишел немецкими шпионами и, кроме того, испанские власти больше благоволили к немцам, чем к англичанам. Поэтому Черчилль решил как можно быстрее перевезти чету герцогов из Мадрида в Лиссабон.

Черчилль хорошо относился к Эдуарду, но считал его виновным в кризисе, разразившемся после его отречения от престола.

Во время короткой остановки герцогской четы в Барселоне Салазар был проинформирован о том, что ей рекомендовано отправиться в Лиссабон. Вероятное скорое прибытие Эдуарда поставило перед португальским диктатором ряд проблем. После того, как германские войска оккупировали Нидерланды и Францию, он очень боялся поссориться с Гитлером. Салазар понимал, что переезд Эдуарда из Испании в Португалию очень устраивал Черчилля, так как оттуда возвращение герцога в Англию не составило бы проблем. В то же время немцы рассматривали этот переезд как свою неудачу.

Это было тяжелое время для Португалии. Тысячи беженцев прибывали в Лиссабон. Город был переполнен беженцами, которые надеялись получить место в каютах немногочисленных судов, отходивших из этого порта.

Отели были переполнены, и в них отчаянно не хватало мест. К тому же в эти дни имел место официальный визит в Лиссабон младшего брата Эдуарда герцога Кентского. Эдуард решил оставаться в Испании до того, как его младший брат не покинул Лиссабон 2 июля 1940 г. На следующий день герцог и герцогиня Виндзорские прибыли в Лиссабон. Как и в случае визита герцога Кентского, Салазар лично курировал все связанные с этим приготовления.

Герцогскую чету поселили в королевском дворце в Кашкайше. Согласно сообщению капитана ПИДЕ, ответственного за безопасность этой четы, Эдуард там не проявлял никакой активности.

Однако за кулисами уже разворачивался организованный немецкими спецслужбами заговор, известный как «Операция Вилли».

Главной целью этого немецкого заговора, который был организован по приказу Гитлера и планировался министром иностранных дел И. Риббентропом, было убедить Эдуарда служить политике и пропаганде рейха. Об этом заговоре стало известно широкой общественности лишь в середине 1950 – х годов, после публикации документов, извлеченных из германских архивов. В числе этих документов есть телеграммы, которыми

обменивались германское посольство в Лиссабоне и МИД в Берлине. Главной темой этих телеграмм было отношение Эдуарда к британскому правительству и его поведение во время войны. МИД ставил вопрос : можно ли склонить герцога, глубоко обиженного британским правительством, к сотрудничеству с Германией?

В немецких планах и расчетах относительно герцога Виндзорского ему предназначались самые разные роли, начиная от роли посредника в переговорах о мире с Англией, чтобы избежать полного разгрома, и кончая его возвращением на английский трон в качестве германской марионетки, в случае, если бы Великобритания была разгромлена в конце 1940г.

Каковы бы ни были немецкие планы в отношении герцога, Риббентроп думал, что располагает достаточными свидетельствами, чтобы считать, что герцог как минимум со всей серьезностью изучает немецкие предложения.

Риббентропу было известно, что герцог хорошо относится к Германии и что он считает, что войны можно избежать. Но в то же время Эдуард ясно дал понять, что он не желает разгрома Англии. В разговорах, которые он вел во время пребывания в Мадриде, он упоминал, что не одобряет политику, проводившуюся тогдашним британским правительством, и выражал мнение, что она не приведет к успеху. В этих разговорах он упоминал о своей лично обиде на британскую королевскую семью и об ее слишком суровом отношении к нему и к герцогине Виндзорской.

В испанских и немецких дипломатических кругах было известно, что герцог чувствовал себя несчастным из-за своего тогдашнего положения и что он хотел, чтобы герцогиня была принята в качестве официального члена королевской семьи и получила титул «Королевское высочество».

Риббентроп направил в Лиссабон Вальтера Шелленберга. В сообщении Шелленберга о своем пребывании в Лиссабоне говорилось, что он не испытывает оптимизма относительно возможности убедить герцога добровольно вернуться в Испанию, где его легко можно было склонить к

сотрудничеству с Германией. Риббентроп ответил, что в случае необходимости следует прибегнуть к силе" и принудительно перевезти герцога в Испанию. Возражая Риббентропу, Шелленберг писал, что успех заговора зависит от того, вернется ли герцог в Испанию добровольно, ибо в противном случае герцог не будет сотрудничать с Германией, даже если его переместить в Испанию.

Риббентроп ответил, что сила должна быть применена, прежде всего, против британских секретных агентов в Лиссабоне. Против герцога сила можете быть применена только в том случае если он побожится возвращаться в Испанию.

Германский посол в Лиссабоне барон фон Хойнинген не был сторонником этого заговора, так как опасался, что всякая попытка перевести герцога в Испанию силой могла испортить отношения Берлина с Лиссабоном. Летом 1940г. Хойнинген предпринял дружеский нажим на Салазара, надеясь конвертировать впечатляющие успехи германской армии в большее влияние Германии в Лиссабоне. Узнав, что весь заговор основывался на каких-то вольных разговорах герцога и его критике британского правительства, посол стал выражать еще большие сомнения в успехе заговора.

Но как бы то ни было, как свидетельствует Шелленберг, Хойнинген обещал ему всяческую поддержку.

Действия Шеленберга, направленные на то, чтобы убедить Эдуарда покинуть Португалию, ограничились тем, что были наняты несколько проституток, чтобы бросать камни в окна виллы в Кашкаише. Одновременно в эту виллу была отправлена корзина цветов с запиской, уведомлявшей герцогскую чету о том, что она является объектом «заботы» британской секретной службы и что «португальский друг желает ей всего наилучшего».

Шелленберг был очень тепло принят в Лиссабоне. Он использовал свое влияние, чтобы собрать как можно больше сведений об Эдуарде и его

психологическом состоянии. Но чем больше таких сведений он собирал, тем менее вероятным ему представлялся успех заговора.

В это время Эдуард получил телеграмму Черчилля, которая вызвала у него непреодолимый приступ хохота. В телеграмме говорилось, что и король и премьер-министр считают, что он должен вернуться в Англию. Черчилль напоминал герцогу, что он был солдатом, и что неподчинение приказу ухудшит ситуацию. Черчилль заканчивал телеграмму со свойственным ему апломбом, рекомендуя герцогу незамедлительно выполнить желание правительства Его Высочества.

В своем ответе взбешенный Эдуард отрицал, что имеет какое-либо военное звание, и сообщал, что не собирается возвращаться в Англию.

Когда герцогу предложили работу в Англии, он просто-напросто не ответил на эти предложения.

Салазар обсуждал эту ситуацию со своим старым другом и советником Эспириту Санту, оба пришли к заключению, что необходимо противодействовать интригам германской и британской спецслужб. Для этого Эспириту Санту поселился на той же вилле в Кашкаишес, где жила герцогская чета. Это крайне встревожило персонал британского посольства, которое сообщило в Лондон, что банкир «теперь имеет доступ к герцогу 24 часа в сутки 7 дней в неделю». Это был полный провал «операции Вилли».

Нападение Германии на СССР способствовало усилению прогерманских симпатий у правящей элиты Португалии. Влияние рейха особенно сильно ощущалось в Лиссабоне с середины 1941 по середину 1943г. Оно обусловило дальнейшую фашизацию государственного строя, проявляясь в укреплении таких фашистских организаций, как «Легион» и «Португальская молодежь». Во время выборов в Национальное собрание в 1942 г. «Легион» впервые получил право участвовать в выдвижении кандидатур. Был издан декрет, поставивший под контроль комиссара

«Португальской молодежи» (им был тогда Марселу Каэтану), деятельность ряда культурных и спортивных организаций¹⁴⁸.

Хотя Салазар в принципе опасался победы Германии, входе войны он начал все больше и больше беспокоиться в связи с перспективой победы союзников.

В этом плане его особенно волновали два вопроса: что будет означать победа союзников для Португалии и ее колоний, и что будет она означать с точки зрения огромного роста масштабов мощи и влияния Советского Союза. Именно в Советском Союзе он видел главную угрозу для своего режима и своего личного благополучия.

Он опасался, что ему придется понести суровое наказание за помощь и пособничество Гитлеру, которое он оказывал в ходе войны.

Хотя официально на протяжении всей войны Португалия проводила политику нейтралитета, на деле Салазар оказал неоценимые услуги Гитлеру. Если бы он не делал этого, Вторая мировая война, несомненно, закончилась бы раньше. Главная из этих услуг состояла в том, что Португалия снабжала Германию вольфрамом – жизненно важным металлом для германской военной промышленности.

Вольфрам добывался в рудниках, расположенных в центре и на северо-востоке Португалии, и среди многих областей его применения самой важной была военная промышленность, где он использовался для повышения прочности стали.

В 1943 г. немцы и их европейские союзники почти полностью зависели от португальского и в меньшей степени испанского вольфрама. Немцы угрожали даже начать военные действия в случае, если бы Португалия поддавалась нажиму союзников и прекратила продавать вольфрам нацистам. Учитывая, что немецкие ВВС и войска находились всего лишь в 430 км от восточной границы Португалии, Салазар весьма серьезно отнесся к

¹⁴⁸ Капланов Р.М., указ.соч., с.50

этой угрозе. Это обстоятельство любят подчеркивать некоторые португальские историки.

Однако это ни в какой мере не может оправдать преступное поведение португальского диктатора во время II мировой войны. Ведь он начал снабжать вольфрамом Германию еще в 1940 г.

Продажа вольфрама немцам стала для Португалии важнейшим аспектом ее политики. Об этом свидетельствуют постоянные упоминания о вольфраме в дневнике Салазара. С годами вольфрам стал тем, что вызывало постоянную бессонницу у Салазара. Переговоры о вольфраме занимали также центральное место в жизни британских, немецких и американских дипломатов, находившихся в тот период в Лиссабоне.

И англичане, и немцы применяли в Португалии стратегию кнута и пряника, чтобы решить вопрос о вольфраме. Кнутом были немецкие атаки на португальские суда, примером чего было потопление португальского корабля «Корте Реал» в 1941 г. Пряником было германо-португальское соглашение, предусматривавшее импорт в Португалию немецкого вооружения и жизненно необходимых продуктов по дешевым ценам. Цены на вольфрам росли по мере того, как возрастал спрос на этот металл. В середине 1941 г. цена на вольфрам составляла 1 250 ф. ст. за тонну, а к концу этого года она взлетела до 6 000 ф. ст. за тонну. В 1942 г. Португалия стала единственным европейским экспортером вольфрама. После вторжения Германии в СССР поставки вольфрама с Востока полностью прекратились. Берлин мог рассчитывать только на Португалию и в меньшей степени на Испанию как на поставщиков вольфрама. Начиная с 1941 г. Германия и легальными, и нелегальными способами стремилась обеспечить себя необходимыми запасами вольфрама.

Германские войска, дипломатические и разведывательные службы – все были вовлечены в этот процесс. Их цель обеспечить вольфрамом военную промышленность рейха.

В феврале 1942 г. Салазар решил ввести ограничения на торговлю вольфрамом. Этот декрет вступил в силу 1 марта 1942 г. Были установлены жесткие лимиты на количество вольфрама, которое могла быть добыта, и зафиксирована цена на него – 150 эскудо за 1 кг.

Наиболее важным пунктом декрета была национализация добычи вольфрама. Салазар заключил соглашение с Берлином, и вольфрам стал беспрепятственно поступать в Германию.

Доля португальского экспорта, предназначавшегося для Германии, возросла с 19,02% в 1941 г. до 24,36% в 1942 г. В то же время импорт германских продуктов вырос с 8,08% (от всего португальского импорта) в 1941 г. до 12,62% в 1942 г. Эта торговля была чрезвычайно прибыльной для Португалии.

Салазар запретил экспорт вольфрама в Германию лишь за несколько дней до высадки союзников в Нормандии. Англичане и американцы, вступив в войну, осуждали поведение Салазара, особенно снабжение Германии вольфрамом. Британский министр военной экономики требовал принять жесткие меры против Лиссабона за преступную торговлю с врагом.

На протяжении всей Второй Мировой войны Салазар бесперебойно снабжал Германию вольфрамом. Немецкая армия все больше зависела от португальского экспорта вольфрама, по мере того как война принимала все большие масштабы.

Экспорт вольфрама приносил Португалии больше прибыли, так как немцы выплачивали его золотом. Это было гораздо более надежной формой оплаты, чем какая-либо бумажная валюта. Таким образом, Салазар во время войны получил огромное количество золота, награбленного немцами у жертв Холокоста и у жителей оккупированных стран Европы.

Всего за годы войны золотой запас Португалии увеличился с 63,3 млн. долларов в 1938г. до 438 млн. долларов в 1946¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Белявский А.Н. Американский империализм на Пиренейском полуострове. М., 1961, с. 227.

После окончания войны нацисты тайно перевезли свое золото в Лиссабон, а оттуда бежали в Бразилию, откуда развезли его по всей Южной Америке для того, чтобы в послевоенный период финансировать нацистские общины этого региона.

К концу войны немцы удвоили усилия в стремлении вывезти все золото из Германии и Франции. Самым удобным и естественным местом, куда можно было его вывезти, был Лиссабон. Там золото можно было продать на лиссабонской бирже и затем нелегально вывести из страны в Южную Америку. В сентябре 1944г. разведка союзников информировала о большом числе ночных полетов самолетов из Берлина в Барселону и оттуда в Лиссабон.

В начале того же года также резко выросло число полетов немецких самолетов больших размеров между Берлином и Лиссабоном. Один шведский дипломат сообщил, что на них из Берлина вывозилось золото и другие награбленные немцами ценности. Этот дипломат объяснил, что публика считала, что эти самолеты-призраки перевозят пассажиров. Другие источники подтверждали, что на борту этих огромных самолетов «Кондор» авиакомпании Люфтганза, осуществлявших рейсы между Берлином и Лиссабоном, регулярно транспортировались закамуфлированные мешки. Получив эту информацию, британское посольство в Лиссабоне направило Салазару письмо с жалобами и требованием прекратить эти полеты Люфтганзы. В 1945г. США направили такую же жалобу, но с те же нулевым результатом.

К концу войны аэропорт Портела превратился в центр контрабанды. Он был расширен во время войны и использовался для воздушного трафика как союзниками, так и державами «оси». Этот аэропорт находился всего лишь в 7 км от центра столицы, и проезд в автомобиле к самым фешенебельным отелям занимал только 20 минут. Несмотря на близость к центру, Портела была местом достаточно изолированным. В кинофильме «Касабланка» Ильза Лунд (Ингрид Бергман) и Виктор Ласло (Пауль

Хенрейд) прилетели в аэропорт Портела, хотя в кинематографической версии он представлен как аэропорт Касабланка.

Агенты обеих воюющих коалиций внимательно наблюдали и сообщали в свои столицы обо всех деталях этих полетов. Говорят, что еще и сегодня в бронированных сейфах Банка Португалии хранятся слитки золота, маркированные нацистской символикой.

В одном позорном откровении португальской католической церкви она проговорила, что работы по реконструкции святилища Фатимы на севере Португалии были оплачены нацистскими слитками золота, которые церковь таинственным образом получила из Банка Португалии.

После окончания войны союзники, хотя и настаивали на том, что продажа вольфрама португальским правительством немцам продлила эту войну, все же не заставляли Португалию вернуть нацистское золото, которое она получила в оплату за этот минерал. Было заключено как бы негласное соглашение, позволившее Португалии сохранить практически все это золото в обмен на то, что США получили военно-воздушные базы на Азорских островах.

Эта политика союзников в отношении Португалии составляет разительный контраст в сравнении с политикой «твердой руки», которую они проводили в отношении других нейтральных стран-получателей нацистского золота, которых вынудили вернуть практически все золото.

Португалия не была полем битвы и, в общем-то, оставалась в стороне от внимания какой-либо из воюющих держав. В 1945 г. Португалия вышла из войны не только невредимой, но даже более богатой. Нацистское золото оставалось в течение многих лет не тронутым на португальских банковских счетах раскиданным по всему миру.

Такова история о том, как Салазар, оказавший во время Второй Мировой войны неоценимую услугу Гитлеру, вышел сухим из воды, не был наказан за свои преступления и продолжал править Португалией до 1968г., когда его разбил паралич.

Португалия была одной из трех европейских стран, направивших официальные соболезнования Германии в связи со смертью Адольфа Гитлера 30 апреля 1945г. Двумя другими странами были Ирландия и Испания. По случаю смерти Гитлера Салазар приказал в знак траура приспустить флаги на всех официальных зданиях. Когда стало известно о том, что Салазар направил официальные соболезнования в Берлин, иностранные дипломаты в Лиссабоне заявили решительный протест, а многие португальцы отправили Салазару письма, в которых с возмущением писали, что его послание в Берлин сильно повредило имиджу Португалии в глазах мирового общественного мнения.

В середине 1943г., когда Салазар понял, что фортуна в ходе Второй Мировой войны стала отворачиваться от держав «оси» и поворачиваться лицом к союзникам, он поспешил начать делать реверансы Вашингтону и Лондону.

5 июля 1943г. в Лиссабоне Салазар начал переговоры с англичанами о представлении им баз на стратегически важных Азорских островах.

18 августа того же года Салазар и британский министр обороны Кэмпбелл подписали соглашение, давшее Великобритании право разместить свои базы на этих островах. Вскоре туда прибыл британский военный персонал.

4 ноября 1943г. президент Ф. Рузвельт направил личное послание Салазару. В нем он прямо заявил о желании США иметь и свои базы на Азорах. В этом письме Рузвельт вспоминал о времени, когда он служил во флоте и посетил Азоры в 1918г.

23 ноября 1943г. Салазар принял в своей резиденции в Лиссабоне объединенную англо-американскую делегацию, которая оказала на него нажим, требуя, чтобы он предоставил США базы на Азорах, Салазар долго отказывался, опасаясь, что если базы попадут в руки американцев, они уже не уйдут оттуда, по крайней мере, до конца войны.

Салазар дал понять американцам, что он не мог предоставить им на Азорах такие же права, как британцам. Это, по его словам, означало бы нарушение провозглашенного им нейтралитета. Однако он согласился предоставить им ряд сооружений на Азорах, похожих на те, что были предоставлены Великобритании.

В конце концов, было подписано соглашение, согласно которому базы на Азорах должны были функционировать под двумя флагами: Великобритании и США.

После окончания войны Салазар пошел на резкое сближение с США и Великобританией.

Подписание Португалией Северо-Атлантического договора 4 апреля 1949г. отметило первый шаг в установлении тесного военно-стратегического союза между США и Португалией. Этот договор предусматривал, что все его участники должны оказать военную помощь в случае вооруженного нападения на одного из них.

В феврале 1952 г. в Лиссабоне состоялась встреча представителей всех стран – членов НАТО. Уже тот факт, что эта встреча произошла в Лиссабоне, показывал, что Португалия стала одним из активных участников этого военного блока¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Хазанов А.М. Политика Португалии в Африке и Азии. М., 1967, с. 221 – 222.

«Поколение Кабрала: путь в революцию.»

Амилкар Кабрал – один из самых выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Африке, лидер Антиколониального движения (МАК) в Гвинее Бисау и на о-вах Кабу Верди, основатель партии ПАИГК, которая привела народы этих португальских колоний к независимости.

Амилкар Кабрал родился в 1924 г. в Бафата (Гвинея-Бисау). На его мировоззрение большое влияние оказал отец – Жувенал Кабрал – уроженец островов Кабу Верди, получивший образование в Португалии и в 1911 г. переехавший в Гвинею-Бисау в поисках работы. Там он встретил Иву Пиньел Эвора – будущую мать Амилкара, родившуюся в Прая (о. Сантьягу). Жувенал служил сначала чиновником, а с 1913 г. учителем. Это был образованный человек, автор книги «Воспоминания и размышления» (Прая, 1947). Он назвал своего сына в честь знаменитого карфагенянина Гамилькара Барки – отца великого Ганнибала. По словам Ивы Пиньел, Амилкар «был сыном политики... Жувенал говорил ему о всех этих вещах».

А. Кабрал учился в лицее на о. Сан-Висенти, в 1950 г. окончил Высший институт агрономии в Лиссабоне. Будучи студентом, Кабрал в 1946 году пишет поэму, в которой смело бросает «мятежный клич»: «Мой мятежный клич облетел дальние страны, пересек моря и океаны и заставил трепетать мое сердце»¹⁵¹. Живя в Лиссабоне, Кабрал женился на португалке Анне-Марии, которая сама была убежденной революционеркой.

Знаток своего дела, Кабрал осуществил в 1953 г. первую сельскохозяйственную перепись в Гвинее-Бисау, получившую высокую оценку на международных конференциях специалистов. Проводя эту перепись, Кабрал имел возможность видеть те невыносимые условия, в которых жил его народ под колониальным игом. О том, как он пришел к осознанию необходимости борьбы, А. Кабрал говорил следующее: «Возьмите, к примеру, мою жизнь. Я являюсь выходцем из среды той самой

¹⁵¹ Andrade M. de. Amilcar Cabral. Essai de biographie politique. Paris, 1980, p. 11–20.

мелкой буржуазии, которая начала борьбу. Я был агрономом и работал под началом европейца, о котором каждому было известно, что он один из самых глупых людей в Гвинее. Я мог бы с закрытыми глазами научить его тому, как надо работать, но ОН был господином. Это незначительный факт, но он многому учит. Данный пример имеет первостепенное значение при определении того, как зародилась первоначальная идея борьбы»¹⁵². Другим обстоятельством, в огромной степени способствовавшим формированию революционных взглядов А. Кабрала, было его знакомство и дружба в период учебы в Португалии с будущими руководителями освободительных движений в Анголе и Мозамбике – Агостиньо Нето, Вириату да Круш, Мариу де Андради, Марселину душ Сантушем и др. Вместе с ними А. Кабрал принял участие в основании «Дома студентов португальской империи», а потом «Дома Африки» в Лиссабоне. По инициативе Кабрала, А. Нето, М. де Андради, а также поэта с о-ва Сан в Лиссабоне. По инициативе Кабрала, А. Нето, М. де Андради, а также поэта с о-ва Сан-Томе Ф.Ж. Тенрейру в Лиссабоне в 1951 г. был создан Центр африканских исследований, где молодые патриотически настроенные интеллектуалы из африканских колоний Португалии устраивали дискуссии по проблемам истории, культуры, будущего своих стран. Еще учась в институте, во время летних каникул 1949 г. А. Кабрал и группа его товарищей начали вести революционную пропаганду среди жителей островов Кабу Верди. Они организовали в городе Прая вечерние занятия для взрослых в центральной начальной школе, где под видом уроков истории разъясняли причины тяжелой жизни островитян и призывали их готовиться к борьбе против колонизаторов. Кабрал и его друзья добились от губернатора колонии разрешения провести несколько бесед об истории архипелага по местному радиовещанию. Однако после первых же радиопередач, имевших явно антиколониальный характер, они были запрещены. Население Прая провело

¹⁵² Кабрал А. Революция в Гвинее (Избранные статьи и речи). М., 1973, с. 36–37.

в связи с этим несколько уличных манифестаций с требованием продолжить подготовленную африканскими студентами программу радиопередач. Вернувшись в Бисау, Кабрал и его друзья сразу же развернули активную революционную работу. «Мало-помалу, – вспоминал Кабрал, – мы собирали людей в подполье и организовывали их, проводили собрания, обсуждали [наши] проблемы и готовились совершить в будущем величайшее дело. На протяжении всей нашей политической работы в то время мы добились многих успехов. Мобилизованные нами группы людей, исполнявшие роль политических комиссаров, вели работу в самых густонаселенных кварталах столицы Бисау... То ли в 1954 году, то ли в конце 1953 года – не помню точно дату – мы предполагали физически уничтожить губернатора Горгулью, убившего тысячу жителей острова Сан-Томе... Наши товарищи начали работать в колониальных профсоюзах, торговых учреждениях, в промышленности, где нам удалось расширить сферу нашего влияния, а также среди матросов, занятых перевозкой сельскохозяйственной продукции, и мы уже тогда делали попытки организовать массовое движение»¹⁵³.

Важная попытка распространить революционные идеи в народных массах была предпринята летом 1954 г., когда Кабрал создал в Бисау Африканскую ассоциацию спорта и культуры, в которую впервые в истории Гвинеи-Бисау получили доступ не только «ассимилированные» студенты и молодые служащие, но и «туземцы», рабочие промышленных предприятий и докеры¹⁵⁴. Параллельно с этой легальной организацией действовала нелегальная организация (МИНГ).

Однако тайная полиция (ПИДЕ) вскоре узнала о том, что беседы Кабрала с членами Ассоциации носят политический, антиколониалистский характер. Он был вызван для беседы к губернатору Диогу де Мелу. Между ними состоялся такой диалог:

¹⁵³ Cabral A. Evolução e perspectivas da Luta. – PAIGC. Seminário de quadros 19–24. XI. 1969, p. 8.

¹⁵⁴ См. Капский Э.В. Борьба Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) за консолидацию патриотических сил . – Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961–1973). М., 1975, с. 98–99.

Губернатор: Итак, Вы и есть вождь местного Мау-Мау?¹⁵⁵

А. Кабрал: Насколько мне известно, здесь нет Мау-Мау: это в Кении.

Губернатор: Послушайте, сеньор инженер. Идите в ногу с эпохой, будьте человеком своей эпохи, но не губите мою карьеру¹⁵⁶.

Деятельность Ассоциации была запрещена, а Кабрал выслан из Гвинеи-Бисау с правом возвращаться туда один месяц в году. Он отправился в Лиссабон. Там ему предложили должность эксперта в сельскохозяйственной компании КАДА в Анголе, и он поехал работать на сахарный комплекс, принадлежавший этой компании. Ему было 23 года, и всё, что с ним произошло, лишь укрепило в нем уверенность в правильности его убеждений. В Анголе А. Кабрал через своих старых друзей А. Нето и М. де Андради установил тесные связи с патриотами и в декабре 1956 г. стал одним из основателей Партии борьбы африканцев Анголы (ПЛУА). Он поддерживает тесные связи с родиной. Воспользовавшись разрешением португальских властей один месяц в году проводить там, Кабрал в начале сентября 1956 г. приехал из Лиссабона в Бисау. 19 сентября 1956 г. в доме № 9 по улице № 12, расположенной в центре Бисау, собрались шесть человек: А. Кабрал, Луис Кабрал, Фернанду Фортиш, Аристидес Перейра, Инасиу Семеду, Элизе Тюрпан. В течение нескольких месяцев они готовились к этому совещанию. Фортиш, который был тогда начальником почтамта Бисау, помог за спиной осведомителей ПИДЕ осуществлять бесцензурную переписку между Кабралом и Перейрой. Последний, будучи начальником телеграфа, всегда находился в курсе того, что замыслили и предпринимали колониальная администрация и ПИДЕ.

19 сентября на стадионе Сармемту Родригеш должен был состояться футбольный матч с командой из Лиссабона, а затем – демонстрация фильма. Толпы людей хлынули на стадион. Среди них были и Кабрал с друзьями, но их путь лежал не на стадион, а в дом № 9. Побывавший в 1976 г. в Бисау

¹⁵⁵ Подпольное движение в Кении, организовавшее в конце 1953–1955 гг. восстание против британских колонизаторов.

¹⁵⁶ Andrade M. de. Op. cit., p. 49.

немецкий журналист вспоминал: «Знаешь ли, – сказал мне Фортиш, указывая на этот дом, – только об этом совещании можно написать целую книгу. Мы, действительно, обсудили все возможности, прежде чем принять окончательное решение. Да, именно Амилкар предложил начать наконец организованную борьбу»¹⁵⁷. На совещании была создана Африканская партия независимости и союз народов Гвинеи и островов Кабу Верди, которой дали сокращенное название ПАИ. Позже (сентябрь 1960 г.) партию стали называть ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и островов Кабу Верди). На совещании 19 сентября 1956 г. был принят устав партии. Целями организации были провозглашены немедленное завоевание независимости Гвинеи и островов Кабу Верди; демократизация и освобождение населения этих стран от колониальной эксплуатации; достижение быстрого экономического прогресса и подлинного социального и культурного развития народов Гвинеи и островов Кабу Верди. В начале 1958 г. Кабрал принял участие в создании МАК.

Особого внимания заслуживает вопрос о целях, организационной структуре и деятельности Антиколониального движения (МАК). В него вошло большое число студентов и моряков-выходцев из всех португальских колоний в Африке. Президентом МАК был избран А. Нето. Как рассказал автору этих строк один из ветеранов ангольского освободительного движения Энрике (Ико) Каррейра, в те годы учившийся в Лиссабоне и участник МАК, организация была весьма неоднородной по своему составу. В нее входили африканские студенты различных политических направлений и взглядов. Организация состояла из групп, сохранявших известную автономию и выдвигавших специфические требования и условия вхождения в МАК. Была, например, группа молодых ангольских студентов, считавших, что организация должна заниматься террористической деятельностью¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Norddeutsche Neueste Nachrichten. Rostock, 19.I.1976.

¹⁵⁸ Хазанов А.М. Агостиньо Нето. М., 1985, с. 28.

Активисты МАК, оценивая успехи освободительных движений других стран, настойчиво искали ответ на главный вопрос – каким должен быть кратчайший путь народов португальских колоний к независимости. Первоначально они предполагали использовать только конституционные методы борьбы. Но позже они пришли к убеждению, что мирными средствами невозможно заставить правительство Португалии отказаться от своих колоний.

Следует отметить, что в это время МАК не имело Устава. Кабрал и его друзья старались выработать принципы и цели МАК, подготовиться к работе в глубоком подполье, сформировать группы из трех членов, наладить отношения с португальской оппозицией. Связи с ПКП обеспечивали Эдмундо Роша и Вашку Кабрал. Л. Лара параллельно поддерживал контакты с членом ПКП профессором Гаспаром Тейшейра.

Собрания МАК проводились в различных местах – в домах А. Кабрала, Э. Роша и даже в автомобилях Э. душ Сантуша или А. Кабрала, циркулировавших по Лиссабону, чтобы избежать слежки со стороны ПИДЕ¹⁵⁹.

Некоторые студенты (И. Каррейра, Ж. Виана) считали, что МАК должно состоять только из ангольцев. Это позиция имела своим следствием даже выход Ж. Виана из МАК. В конечном счете, задачами МАК были объявлены просвещение и привлечение на свою сторону студентов и трудящихся, информирование молодежи и интеллигенции в Португалии о ситуации в колониях, контакты с Луандой и Бисау через моряков.

Официальная португальская пресса была для МАК закрыта, и только подпольная газета ПКП «Аванте» публиковала статьи о колониальной эксплуатации и репрессиях в отношении африканских народов. Однако ПКП не оказывала никакой финансовой поддержки МАК.

Относительно состоятельные Армению Феррейра и Э. душ Сантуш, путешествуя по Европе, обеспечивали контакты МАК с группами

¹⁵⁹ Rocha E. Angola. Contribuição Estado do Nacionalismo Moderno Angolano, v. I. Luanda, 2002, p. 140.

националистов в Париже, Германии и Бельгии. Л. Лара обосновался в Париже, чтобы координировать антиколониальную деятельность этих групп¹⁶⁰.

Парижская группа и особенно М. де Андради (под псевдонимом Буанга Феле) публиковали антиколониальные статьи в бельгийской газете «Ля Гош» и французской «Демокраси Нувель».

Хотя руководители МАК пользовались определенным влиянием среди студентов ДСИ, в АМК, среди протестантской молодежи и у африканцев – интеллектуалов, всё же в Лиссабоне они имели мало активных политических кадров. Действительно, подпольную работу требовалось вести крайне осторожно, нельзя было оставлять документов, произносить слово «МАК», публиковать памфлеты и т.п. Поэтому дошло очень мало сведений о том, что делали члены МАК и кто они были. Именно эта конспирация объясняет, почему ПИДЕ не захватила ни одного документа и не арестовала ни одного члена МАК за все время его существования с 1957 по 1959 г. В архивах ПИДЕ полностью отсутствуют документы, относящиеся к деятельности МАК.

МАК превратилось в движение, объединившее националистов-выходцев из португальских колоний, проживавших за границей, в борьбе за независимость их отечеств. Именно через эту организацию о положении в португальских колониях стали узнавать во всем мире. МАК развернуло большую работу по разоблачению португальского колониализма через печать и радио, в частности, на территории Франции, Германии и Италии, направляло своих делегатов в разные страны для разъяснительной работы и обмена опытом с представителями движений других колоний, а также для участия в международных конференциях¹⁶¹.

¹⁶⁰ AN/TT – PIDE – Dgs. Proc. MAC 1120 A, Doc. 19.

¹⁶¹ Агуштиньо Нето. Биографический очерк. М., 2001, с. 208.

Возвращение А. Нето в Луанду в конце 1959 г. и отъезд в Париж Л. Лара в марте 1959 г. и А. Кабрала и Э. душ Сантуша в начале 1960 г. ослабили МАК, которое фактически прекратило свою деятельность.

М. де Андради, М. душ Сантуш и М. Лима участвовали в 1955 г. в I Конференции африканских писателей в Париже. В 1958 г. они вместе с В. да Крушем отправились в СССР, чтобы принять участие в Конференции афро-азиатских писателей в Ташкенте. Там китайская делегация пригласила М. де Андради и В. да Круша посетить КНР. Их путешествие в Китай продолжалось около трех недель. Там они участвовали в Конференции писателей «третьего мира»¹⁶².

В 1959 г. В. да Круш, М. де Андради, М. душ Сантуш, Л. Лара и падре Жоакин Пинту де Андради активно участвовали во II Конгрессе чернокожих писателей и художников в Риме. Во время этого конгресса они встретились с одним из руководителей ФНО Алжира Францем Фаноном. Он предложил им прислать в Алжир для военной подготовки 11 молодых ангольцев с тем, чтобы «открыть новый фронт борьбы против колониализма». Это предложение не было проведено в жизнь ангольскими руководителями МАК, что заставило алжирцев считать эту ангольскую группу ни на что не способной «городской организацией». Они пришли к заключению, что УПА Х.Роберто «связана с массами» и сделали ставку на эту организацию¹⁶³.

Парижская группа в 50-е годы приобрела значительный международный авторитет и пользовалась влиянием в левых кругах и среди африканских интеллектуалов. Без наработанных ей связей и дружеских симпатий в Париже, а позже в Бельгии (Ж.С. Орта), Германии (В. да Круш, Л. де Алмейда), Англии (У. де Менезиш), марксистское националистическое движение в португальских колониях никогда не добилося бы того широкого международного признания, которое оно получило в 1960–1961 гг.¹⁶⁴

¹⁶² Andrade M. P. de. Umd entrevista, p. 141.

¹⁶³ Lara L. Um amplo movimento, p. 239.

¹⁶⁴ Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 137.

Первые так называемые протонационалистические организации стали возникать в португальских колониях (Анголе и Мозамбике) в 1920-х годах. В 1929 г. В Анголе была создана Национальная Африканская Лига (НАЛ). Хотя эта организация не ставила своей задачей борьбу за национальную независимость, она вела широкую пропагандистскую и культурно-просветительскую деятельность¹⁶⁵. Целью этой организации было завоевание лучших условий для африканского населения легальными средствами¹⁶⁶. Ее основателями были реформистски настроенные ассимиладуш (африканцы, получившие португальское гражданство), главным образом мулаты. НАЛ насчитывала в своих рядах несколько тысяч членов. Будучи в предвоенный период самой радикальной из ангольских организаций, она считала необходимым отход от легальных методов борьбы против колониализма. Программа Национальной Африканской Лиги включала в себя следующие требования: увеличение зарплаты для африканских гражданских служащих; упразднение раздельного административного аппарата для белых и африканцев, созданного губернатором Нортоном Матушем в 1921 г.; признание равных прав с белыми для медсестер-африканок; улучшения положения африканцев в ангольской армии; африканское представительство в совещательном Совете; и наконец, «немного больше уважения к человеческому достоинству африканцев»¹⁶⁷.

Лига издавала ежемесячный бюллетень, организовывала митинги, направляла властям петиции и резолюции. Так, например, в 1938 г. В связи с приездом в Анголу президента Португалии Кармона НАЛ направила ему петицию, озаглавленную «Нужды и чаяния туземного населения». Она включала в себя требования о защите прав африканского населения, в том

¹⁶⁵ Оганисьян Ю.С. Национальная революция в Анголе (1961–1965 гг.) М., 1968, с. 63.

¹⁶⁶ Andrade M. de. Et les colonies de Salazar? – «Democratie nouvelle», P., 1960, septembre.

¹⁶⁷ Wheeler D.L., Pelissier R. Angola, New York, 1971, p. 149.

числе требования африканского представительства в совещательном Совете при губернаторе. Лига проводила большую работу по организации просвещения и здравоохранения в стране, субсидировала школы, больницы, и т.п.

Однако с самого начала деятельность Лиги ослаблялась внутренней борьбой между старыми реформистски настроенными лидерами во главе с падре Жоакином Пинту Андради и молодыми функционерами, получившими образование в Европе и выступавшими за превращение Лиги в революционную организацию (Илидиу Машаду, Вириату да Круш и др.). Эта молодежь, установившая в Европе связи с другими африканскими революционными организациями и испытывавшая на себе влияние передовых, в том числе и марксистских идей, убедилась в невозможности вести борьбу в легальных рамках и не хотела ограничивать цели Лиги только реформами, выдвигая лозунг политической независимости.

Борьба реформистских элементов против революционного крыла в НАЛ привела к кризису в организации. Воспользовавшись этим, португальские власти сумели заслать в нее агентов тайной полиции, а так же с помощью подкупов и шантажа склонить на свою сторону некоторых неустойчивых лидеров. Вскоре власти добились замены выборного руководства НАЛ административными комиссиями, назначаемыми генерал-губернатором¹⁶⁸.

Диктаторский режим Салазара начал широкую кампанию репрессий против передовой части африканской интеллигенции. Эти репрессии способствовали, с одной стороны, отходу от политической деятельности умеренных реформистских и соглашательских элементов, а с другой – переходу революционно настроенных интеллектуалов более молодого поколения от легальной культурно-просветительской деятельности к нелегальным формам революционной политической борьбы.

¹⁶⁸ Esboço da historia de Angola, p. 56, 22; Historia de Angola, p. 172; Dilowa C.R. Op. cit., p. 44.

Период 1919–1926 гг. был первым этапом ангольского национализма (точнее протонационализма), в значительной степени подготовившим второй этап, датирующийся 1946– 1975 гг.¹⁶⁹ Первый этап можно назвать этапом протонационализма, а второй – политического и военного сопротивления колониализму. Между обоими этапами, несомненно, существует преемственность, хотя они разделяет 20-летний период относительного спада освободительного движения, что явилось логическим следствием установления фашистского режима, обрушившего репрессии на ангольских националистов. Существование двух этапов развития национализма не является уникальной особенностью португальских колоний. Например, во французских колониях так же четко прослеживаются два последовательных этапа, когда 1) национализм проявлялся в сфере культуры (негритюд) и 2) в сфере политики. Однако существенное различие состоит в том, что во французских колониях оба этапа связаны в основном с одной генерацией националистов, т.е. те же люди, которые были центральными фигурами в движении негритюда, возглавили потом движения политические (Сенгор в Сенегале, Сезер на Мартинике и т.п.), а в португальских колониях «культурные националисты» были физически уничтожены фашистским режимом, и политические движения возглавило новое поколение борцов, которое, однако, сформировалось под их идейным и нравственным влиянием.

Мариу де Андради назвал борцов за свободу первого этапа «протонационалистами», а второго – «поколением Амилкара Кабрала» В одном из интервью он отметил: «Можно утверждать, что между двумя мировыми войнами, особенно в активной фазе, приходящейся на 20 – е годы, в политической панораме протонационалистических движений, существовавших в Португалии, по существу господствовали две федеративные структуры – Африканская Лига и африканская Национальная Партия... Идеологи протонационализма считали себя не только призванными

¹⁶⁹ Wheeler D. Origins of African Nationalism in Angola – Protest and Resistance in Angola and Brazil. Comparative Studies. Berkeley etc., 1972, p. 67.

отстаивать требования «туземцев» – и поэтому добивались соответствия между положениями конституции первой Португальской республики и практикой колониальной администрации, но также готовыми взять на себя в своих собственных интересах автономную или региональную власть... Как лузофонные, так и франкофонные протонационалисты были, впрочем, вовлечены в деятельность двух освободительных течений, действовавших в ту эпоху: панафриканизма Дюбуа и движения Маркуса Гарви»¹⁷⁰.

Другой нелегальной организацией в Луанде была Ассоциация уроженцев Анголы (АНАНГОЛА), созданная в то же время, что и НАЛ. В нее входили мулаты, состоятельные африканцы и даже белые. АНАНГОЛА занимала реформистские позиции и склонялась к компромиссу с колониальными властями даже в большей степени, чем НАЛ. Однако постепенно происходит радикализация антиколониальной борьбы. Причем если на раннем этапе ангольскому освободительному движению был присущ некоторый оттенок «элитарности», то к середине XX в. руководство борьбой переходит в руки средних и низших слоев интеллигенции, которые выступали за более решительные антиколониальные действия. В 1948 г. патриотически настроенная молодежь создала при Региональной ассоциации туземцев Анголы полулегальную литературную группу «Движение новых интеллигентов Анголы». Вскоре они начали издавать журнал «Менсажень». Его основатели – такие деятели АНАНГОЛА, как руководители Департамента Культуры В. да Круш и М. Алкантара, А. Нето, А. Жасинту, У. Силван – обратились с призывом «открыть эру новой, подлинно ангольской культуры». На основе убедительных материалов, бичевавших колониальную действительность, участники движения опровергали тезис о цивилизаторской миссии Португалии в Африке. Целью молодежной группы было формирование национального самосознания, воссоздание самобытной африканской культуры и ее ценностей. Творчество активистов «Менсажень» оказало непосредственное влияние на различные подпольные группы,

¹⁷⁰ Andrade M. de. E urgente recuperar a nossa «memoria historica». – Africa Journal (Lisboa), 1984, №11, p. 28.

которые возникли в тот период в Анголе. В конечном счете В. да Круш и М. Алкантара покинули ряды АНАНГОЛА, так как были не согласны с его реформистской политикой и перенесли свою деятельность в подпольные националистические организации¹⁷¹.

В 1944 г. в Лиссабоне португальскими властями был открыт «Дом Студентов Империи» – ДСИ (Casa dos Estudantes do Império – CEI) как клуб для студентов из заморских колоний, приехавших учиться в Португалию¹⁷². Этот клуб посещали студенты двух волн студенческой эмиграции из колоний. Представителями поколения так называемых «стариков», прибывших в метрополию в 1948–1950 гг., входили такие знаменитые в будущем деятели, как Амикар Кабрал, Мариу де Андради, Лусиу Лара, Марселину душ Сантуш, Франсиску Жозе Тернейру и др. Для многих из них формирование политического сознания шло через участие в португальских оппозиционных движениях, особенно в молодежном крыле Демократического Движения за Единство (MUD-Juvenil).

MUD-Juvenil было молодежным движением, открытым для любых политических и религиозных взглядов. Организация ставила своей задачей проведение анализа проблем, связанных с молодежью, и на его основе – их решение или выработку рекомендаций о путях их решения. Она также занималась укреплением дружбы с молодежью других стран и как демократическая организация боролась за мир между народами.

MUD-Juvenil было легальным движением, поскольку не нарушало Конституцию 1933 г. и действовавшее законодательство, и отстаивало их законность. Тем не менее, политическая полиция ПИДЕ видела в нем представителя ПКП (Португальской Коммунистической Партии) и арестовывала его членов в надежде добраться до ПКП¹⁷³. Лишь значительно позже некоторые представители MUD-Juvenil установили тесные контакты с

¹⁷¹ Arquivo Nacional da Torre do Tombo, Lisboa. (AN/tt) – PIDE – Dgs. Proc. Clube Marítimo Africano. Liga Nacional Africana, 2668/54.

¹⁷² Хазанов А.М. Указ. соч., с. 13.

¹⁷³ Агуштинью Нето. Биографический очерк. М., 2001, с. 62.

ПКП. С одной стороны, это было связано, с тем, что в колониях еще не было организованных и активных националистических движений, а с другой стороны, с тем, что живя в Португалии, они не имели возможности проводить работу по политизации африканских масс. Кроме того, среди этих «стариков» была популярна идея, что освобождение колоний возможно только после краха фашизма в метрополии.

В силу этих причин в течение долгого периода – вплоть до 1957 г. «старики» активно участвовали в антифашистской борьбе в метрополии. При этом некоторые из них (А. Нето, И. Лойо, Г. Тавариш и др.) пострадали от длительного тюремного заключения и пыток в застенках ПИДЕ, а другие – от тягот эмиграции из Португалии (М. душ Сантуш, М. де Андраде в 1952–1954 гг, Л. Лара и Эдуардо душ Сантуш – в 1959–1960 гг.)¹⁷⁴.

Активно работая в MUD-Juvenil, А. Нето одновременно вступил в ПКП, оговорив свою позицию как ангольца, и занялся организацией антиколониального движения, отвергнув идею о том, что в него должны войти только негры и только ангольцы. Особенность развития революционного движения в португальских колониях состояла в том, что его руководящие кадры сформировались как революционеры не в Африке, а в Португалии. А. Нето, А. Кабрал, М. де Андради, М. душ Сантуш и др. начали активную политическую деятельность, будучи студентами и деятельными участниками антифашистского движения в Португалии. То обстоятельство, что они почти не контактировали с неоколониалистски настроенными националистами английских и французских колоний, сыграло, видимо, значительную роль в идейно-политическом формировании руководства освободительных движений португальских колоний, так как такие контакты могли оказать сдерживающее влияние на процесс радикализации этих движений¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Там же, с. 126.

¹⁷⁵ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи. М. 1986, с. 50.

Но на первое место среди факторов, повлиявших на их идейно-политическое формирование, следует поставить тесные контакты будущих лидеров освободительных движений с ПКП, углубленное изучение ими произведений Маркса, Энгельса, Ленина, огромное воздействие на них опыта кубинской революции и героической вооруженной борьбы вьетнамского народа¹⁷⁶.

Будущие руководители МПЛА, ПАИГК, ФРЕЛИМО еще в студенческие годы, активно участвуя в антифашистском движении в Португалии, были связаны тесной дружбой и полным взаимным доверием на основе общих политических убеждений и сохранили эту дружбу на всю жизнь. Можно в определенном смысле согласиться с английским исследователем М. Ньюитом, который предполагал, «что националистические движения имели общее руководство»¹⁷⁷.

Чтобы составить полное представление о том, какими путями и под влиянием каких факторов шло формирование идейно-политических взглядов А. Нето, А. Кабрала, Л. Лара, М. душ Сантуша и др. «стариков», важно выяснить, что они читали в период обучения в Португалии. В этом нам помогают воспоминания Антеру де Абреу, опубликованные в 1979 г. В них сообщается, что больше всего А.Нето и его друзья читали марксистскую политическую литературу, а так же произведения М. Горького, И.Э. Эренбурга, М.А. Шолохова, Ж. Амаду и Г. Рамоса. В числе их любимых поэтов он упоминает П. Элюара, Л. Арагона и Ж. Превра. Запоем читали модных тогда американских писателей Э. Синклера, Дж. Дос Пассоса, С. Льюиса, Дж. Стейнбека, Э. Хэмингуэя, Э. Колдуэлла, Г. Фаста.

Как пишет А. де Абреу: «Учившиеся в Коимбре молодые литераторы из колоний с восторгом читали произведения португальских писателей и поэтов А. Нобре, Ж. Режиу, М. Торга, К. де Оливеры и особенно Ф. Песоа, «отца современной португальской поэзии»¹⁷⁸. По свидетельству А. де Абреу,

¹⁷⁶ Там же, с. 50, 208.

¹⁷⁷ Newitt M. Portugal in Africa. The last hundred years. London, 1981, p. 166.

¹⁷⁸ Abreu A. Recordacoes de Neto. – Lavra e Oficina. Luanda, №11–12. Ag-Set de 1979, p. 94–95.

А. Нето и его друзья в 1947–1948 гг. испытали сильное влияние Ленгстона Хьюза (американский поэт-мулат, писавший о судьбе негров США), Гильена, Неруды, «поэтов негритюда»¹⁷⁹.

Эти свидетельства чрезвычайно важны, так как проливают свет на интеллектуальные интересы в период учебы будущих лидеров освободительных движений в португальских колониях. Они позволяют также сделать вывод, что формирование их общественно-политических взглядов шло сложными путями и претерпело определенную эволюцию.

Благодаря их активному участию в антифашистском движении в метрополии эти африканские юноши в процессе взаимного обучения просветили португальских антифашистов относительно жестоких репрессивных методов, применяемых Португалией в колониях. Эта просветительская деятельность «стариков» повлияла на изменение позиций в ПКП в пользу самоопределения и независимости колоний на V съезде ПКП в октябре 1957г¹⁸⁰, хотя эта позиция не подкреплялась до 1962 г. практическими шагами по поддержке антиколониалистских сил.

В «Доме Студентов Португальской Империи» жизнь была ключом. Студенты-африканцы до хрипоты спорили, обсуждая политические новости. В центре внимания – обстановка в колониях, нарастание недовольства широких масс населения Анголы и Мозамбика, политическая ситуация в Португалии. Много горячих споров вызывали известия о «первых ласточках» революционных бурь в португальских колониях – забастовке докеров в Лоренсу Маркише (Мозамбик) в 1949 г, забастовке мозамбикских рабочих в 1951 г., стачке железнодорожников Тете (Мозамбик), пекарей Луанды (Ангола), рабочих сахарной плантации на о-вах Кабу Верди и матросов речных судов в Гвинее-Бисау в 1956 г.¹⁸¹

В 1949 г. А. Нето, А. Кабрал, М. де Андради и М. душ Сантуш приняли активное участие в основании «Дома Африки» в Лиссабоне и были

¹⁷⁹ Ibidem.

¹⁸⁰ Partido Comunista Portugues. Programma, Lisboa, 1957.

¹⁸¹ Хазанов А.М. Агостиньо Нето, с. 16.

избраны в состав его руководства. По инициативе А. Нето, А. Кабрала, М. де Андради, а также поэта с о. Сан-Томе Ф.Ж. Тенрейру в Лиссабоне в 1951 г. был создан Центр Африканских исследований, где молодые, патриотически настроенные интеллигенты африканских колоний Португалии устраивали дискуссии по проблемам истории, культуры, будущего своих стран. Дом на улице Актор Вале, 37 с октября 1951 по конец 1954 г. стал местом обмена идеями, бурных споров, представления того, что каждый умел – картин, стихов, научных эссе, что, по свидетельству одного из участников этих дискуссий, «облегчило сближение поколений и передачу того бульона культуры, который часто теряется в пути»¹⁸².

Основополагающей идеей, которая воодушевляла А. Нето, А. Кабрала, Н. де Соуза, А. ду Эшпириту Санту, Эллара, У. Машаду и других молодых интеллектуалов, была идея возвращения к истокам, новое открытие африканского «я», реафриканизация, «ассимиляция» африканцев, получивших португальское гражданство¹⁸³.

В этой идее содержалось внутреннее противоречие, которое заключалось в том, что все поиски африканских корней осуществлялись с помощью языка колонизаторов. Само общение между африканскими интеллектуалами, все литературные произведения, ментальные процессы производились неизбежно на португальском языке. Таким образом, культурное отчуждение интеллектуалов от «корней» было тотальным и структурным.

Этот процесс открытия африканского «Я», возвращения к истокам, реафриканизации, который Сенгор называл «негритюдом», был продолжением аналогичных поисков в начале XX в., осуществлявшихся также африканскими интеллектуалами в Лиссабоне и получившими название «нативизм». Это культурное движение Центра африканских исследований в 50-х годах развивалось одновременно с идентичным движением в Луанде

¹⁸² Mourão F. Memória dos anos conquenta. – Mensagem, Numero especial do cinquentonario do CEI, 1944–1994, Lisboa, 1994.

¹⁸³ Andrade M. Amílcar Cabral e a reafrikanização dos espíritos. – No Pintcha, II, Setembro de 1975, p. 225.

«Давайте открывать Анголу!», сыгравшим важную роль в пробуждении национального сознания ангольцев. Оно совпало по времени также с подобными движениями 40–50-х годов в различных европейских и американских столицах. Африканские интеллектуалы – франкоязычные (Сезар, Фанон, Сенгор), испаноязычные (Н. Гильен), англоязычные (П. Робсон и др.) выражали те же чувства и беспокойство о будущем своих негритянских народов. Эти идеи циркулировали повсюду, и чернокожие люди объединялись в похожие ассоциации в Париже, Лондоне, Гаване, Луанде, Лиссабоне, обсуждая похожие проблемы.

Участие молодых африканских интеллектуалов в антифашистском движении в Португалии неизбежно должно было навлечь на них репрессии ПИДЕ. В 1950г. М. душ Сантуш, и Г.Э. Санту были высланы из Португалии в Гренобль (Франция), где они объединили свои усилия с Акину де Браганса и Эдмунду Роша. Другие подверглись судебному преследованию и тюремному заключению, в частности, студенты из Гоа, что было связано с антифашистской агитацией, вследствие чего даже была учреждена Административная комиссия в ДСИ¹⁸⁴. В 1951 г. А. Нето принимал участие в сборе подписей под Стокгольмским воззванием в защиту мира. Однажды он постучался в один из особняков в пригороде Лиссабона и слишком поздно заметил в прихожей полицейские сапоги. Хозяин вызвал полицейскую машину и Агостиньо доставили в участок. Там его подвергли допросу, заполнили подробную анкету, сняли отпечатки пальцев. Он был брошен в страшную салазаровскую тюрьму Кашиас¹⁸⁵. Вскоре его избрали представителем молодежи колоний и членом ЦК MUD-Juvenil. Члены этой молодежной организации вели большую политико-пропагандистскую работу и, распространяли листовки с текстами речей руководителя ПКП Алваро Куньяла. Работа в MUD-Juvenil стала для Нето хорошей школой политической и организационной работы. Она очень пригодилась ему

¹⁸⁴ Rocha E. Op. cit., p. 92–93.

¹⁸⁵ Подробнее см. Хазанов А.М. Агостиньо Нето, с. 23–24.

впоследствии. В 1952г. А.Нето стал одним из основателей и руководителей Африканского Морского Клуба (АМК) в Лиссабоне. Вспоминая об этих событиях, Л. Лара сказал на похоронах А. Нето: «Он активно участвовал в различных молодежных и студенческих организациях и основал в 1952 г. вместе с ангольцами-матросами Африканский морской клуб – приводной ремень между ангольскими патриотами, находившимися в Португалии, и патриотами, заложившими основы освободительного движения, из которого родилось МПЛА в 1959 г. Морской Клуб в то же время стал организацией, предавшей гласности данные о резне в феврале 1953г. на о. Сан-Томе»¹⁸⁶.

История Африканского морского клуба началась с того, что в 1952 г. несколько африканцев подали просьбу в Министерство образования разрешить открыть в Лиссабоне клуб с просветительскими, культурными и спортивными целями. Подписали соответствующий документ были Умберту Машаду и Раул Франсишку Катерса. Просьба была удовлетворена, и 13 декабря 1954 г. был одобрен Устав Африканского морского клуба. В нем, в частности, было записано:

«Статья 3. Задачей АМК является развитие физического воспитания и проведение спортивных соревнований между его членами, обеспечение их инвентарем.

§1. Запрещается проведение любых мероприятий или участие в демонстрациях, носящих политический или религиозный характер»¹⁸⁷.

На деле АМК не было чисто спортивной организацией. В нем объединилась группа африканских моряков и патриотически настроенные студенты из ДСИ. Таким образом, это была беспрецедентная для того времени ассоциация молодых интеллектуалов и африканских трудящихся, объединенных общностью языка, ценностей и стремлением содействовать освобождению родины от гнёта португальского колониализма.

¹⁸⁶ Neto A. Sagrada Esperanca. Luanda, 1979, p. 10–11.

¹⁸⁷ Diario do Governo (Lisboa), III, № 296, 20.XII.1954.

Штаб-квартирой АМК стал дом на Руа Лейти де Васконселуш, 82, где жил с женой студент агроном Умберту Машаду – брат Илидиу Машаду. В этом доме часто останавливались ангольские моряки, совершавшие регулярные рейсы Лобиту – Луанда – Бисау – Лисабон¹⁸⁸. Этот дом также служил местом частых встреч между ангольскими моряками и студентами из ДСИ? В том числе, А. Нето, Л. Лара, И. Машаду и другими.

8 июля 1954 ПИДЕ провела обыск в этом доме, изъяв значительное число документов, «компрометировавших» владельца дома У. Машадо. Об этом обыске был составлен подробный протокол, подписанный агентом ПИДЕ и историческим свидетелем, присутствовавшим при обыске – Агостиньо Нето. Была, в частности, изъята записная книжка со следующими именами: Америку Боавида, Оскар Ассунсан Менезиш, Иво Лойо, Фернанду Кошта Кампуш, Клаудиу Гальяну, Игину Айреш, Синклетика Торреш, Серафина Ассиш и Эма Роша. Умберту Машаду, видимо, был активным членом ПКП, он участвовал в республиканском конгрессе в Авейру в октябре 1957 г., разрешенном властями. Активистами АМК были моряки Франсишку Джек, Жуан Антониу Ван-Дунень (Зиту), Флорентину Силва, Франсишку Зара, Жуан Патака да Кошта, Мариу Ван-Дунень и др. Среди студентов выделялись А. Нето, Л. Лара, А. Кабрал, Антонио Эспириту Санту, Фернанду Кошта, Луиз Баррету и др.¹⁸⁹

Эта группа моряков и патриотически настроенных студентов развернула, преодолевая финансовые и многие другие трудности, энергичную просветительскую, культурную и политико-пропагандистскую деятельность, которая позволила значительно поднять уровень национального сознания многочисленных членов африканской диаспоры в Португалии. Кроме того, только благодаря морякам-членам АМК в течение ряда лет сохранялись каналы коммуникации с различными националистическими группами в Луанде, в том числе, с группой И. Машаду

¹⁸⁸ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Clube Marítimo Africano (Liga Nacional Africana), 2668/54.

¹⁸⁹ Ibidem.

и В. Круша (ПЛУА, а потом МИА). Этим группам был переправлен ксерокс – в то время особенно ценный аппарат для любой революционной группы. Моряки привозили также в Лобиту и Бисау книги и документы из Португалии и Бразилии.

Но АМК, хотя и имел совершенно легальный статус, находился под неусыпным и жестким контролем ПИДЕ, поскольку она обнаружила связи, которые руководители АМК поддерживали с членами НАЛ в Луанде. Не случайно У. Машаду был подробнейшим образом допрошен о его переписке с И. Машаду¹⁹⁰.

И присутствие нескольких активных членов АМК в ПКП, MUD-Juvenil и в ДСИ, таких как А. Нето, Л. Лара, А. Кабрал, У. Машаду, Иво Лойо, заставило ПИДЕ быть настороже, и не без оснований. Что касается связей АМК с ПКП, высказывались всевозможные предположения и гипотезы, но нет конкретных доказательств. Не подлежит сомнению, что ПКП с симпатией относилась к АМК. Но огромные финансовые трудности, с которыми постоянно сталкивался АМК, показывают, что его члены никогда не получали материальной поддержки от ПКП.

Здесь уместно подчеркнуть контраст между той финансовой поддержкой, которую оказывало фашистское государство Дому Студентов Империи в Лиссабоне и Национальной Африканской Лиге в Луанде, и которая позволяла им успешно действовать, и явным отсутствием материальной поддержки со стороны ПКП для АМК, который всегда боролся с огромными финансовыми трудностями.

Однако АМК отнюдь не жил в изолированном пространстве. Некоторые из его наиболее политически активных и сознательных членов сохраняли тесные связи с ДСИ. И наоборот, некоторые африканские студенты часто посещали АМК и предоставляли ему свою поддержку¹⁹¹. Африканская протестантская община так же имела тесные связи с АМК через

¹⁹⁰ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. clube Marítimo Africano (Liga Nacional Africana (Auto de Busca), 2668/54, doc. 595.

¹⁹¹ Rocha E. ACEI nos anos do fogo. – Mensagem. Numero especialo Lisboa, 1997, p. 103–114.

Педру Сабринью. В 1959 г., когда «старики» покинули Лиссабон, эмигрировав в Париж и Конакри, а Нето – в Луанду, АМК в Движении ангольских студентов представлял Грасо Тавареш¹⁹². Именно он вместе с Э. Роша выехал в Германию в апреле 1961 г. и, в ответ на призыв МПЛА, организовал так называемое «бегство сотни студентов» из Португалии в июне 1961 г.

Таким образом, АМК, имея легальный культурно-спортивный фасад, прикрывавший его активную политическую деятельность, пропагандировал и распространял националистические идеи, шедшие из Луанды и Парижа, был, как и ДСИ, одним из течений, в освободительном движении, которому предстояло опрокинуть прогнившее здание португальского колониализма.

Ангольский национализм в 1950-х гг. испытал подъем. Националистическое движение активизировалось одновременно в столице Анголы Луанде и в эмиграции – в Португалии, а также в бельгийском Конго в виде двух этноязыковых и идеологических течений. Первое из них сформировалось из представителей наиболее состоятельного и культурного слоя Луанды – так называемых «ассимилядуш» (мулаты, африканцы-амбундуш). В рамках этого течения возникли различные просветительские и культурные ассоциации, где рождались националистические, марксистские и христианско-патриотические идеи и возникали организации соответствующей направленности. Наиболее выдающимися фигурами марксистского движения были Вириату да Круш, Илидиу Машаду, Матиаш Мигеиш и Мариу де Андради. Признанным лидером и идеологом христианско-патриотического движения был падре Жоакин Пинту де Андради.

Вириату да Круш родился 25 марта 1928 г. в Порту Амбоин (провинция Кванза-Сул). Уже в юношеском возрасте он включился в антиколониальную борьбу. Он вступил в Национальную Африканскую Лигу (НАЛ), а в 1948 г. – в литературную группу «Движение новых интеллигентов

¹⁹² Ibidem.

Анголы», которая издавала журнал «Менсажень». В начале 50-х гг. В. да Круш активно участвовал в деятельности нелегальной националистической организации (АНАНГОЛА). Эмигрировав в Португалию, он стал одним из руководителей Дома Студентов Империи. В. да Круш был одним из тех, кто подписал Манифест 1956 г. В 1958 г. В. да Круш, А. Нето и А. Кабрал основали Центр Африканских исследований в Лиссабоне. В конце 50-х салазаровский суд заочно приговорил В. да Круша к 15 годам тюрьмы. В 1960 г. В. да Круш поселился в Конакри, где вместе с Л. Лара и М. де Андради представлял МПЛА за границей. На I Национальной конференции МПЛА в декабре 1962г., где развернулась острая идеологическая борьба между сторонниками А. Нето и В. да Круша, последний был снят с поста генсека МПЛА и исключен из организации. В 1966 г. он поселился в Пекине, где и умер в 1973 г. в возрасте 45 лет¹⁹³.

Падре Жоакин Пинту де Андради был руководителем патриотического католического движения в Анголе, а позже – почетным президентом МПЛА. Во время своей учебы в Риме (1948–1951) он поддерживал тесные связи со своим братом Мариу де Андради, который в то время работал в «Презанс африкэн» в Париже¹⁹⁴. Он был одним из инициаторов международной кампании в поддержку политических заключенных и их семей. В своих проповедях в кафедральном соборе Луанды, на которых бывало много прихожан, он поднимал социальные, экономические, политические проблемы, осуждая преступления колониализма.

Объединившаяся вокруг него группа выпустила памфлет «Обращение к Миру: Ангола принадлежит ангольцам». Эта группа была идеологически близка МИА, с которой он поддерживал контакты через своего друга Франку де Соуза. Вместе с А. Нето Ж. Пинту де Андради вступил в мае 1960 г. в Движение за национальную независимость Анголы (МИНА), выдающимся

¹⁹³ ANgop (Luanda), 11.I.1991.

¹⁹⁴ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Liga Nacional Africana, 2668/54, doc.495.

руководителем которого он стал. Его арестовали в июне 1960 г. вместе с несколькими другими ангольскими священниками¹⁹⁵. Его отправили сначала в тюрьму Алжубе в Лиссабоне, потом на остров Принсипи, а позже – на север Португалии, в монастырь епархии Брага¹⁹⁶.

Второе течение сформировалось из представителей народа Баконгу, к которым присоединились представители других этносов. Это были главным образом мелкобуржуазные элементы: имевшие наемных рабочих мелкие торговцы, портные, сапожники и т.п. Это течение находилось под сильным влиянием миссионеров-протестантов и было тесно связано с возникшим в 1958 г. Союзом народов Анголы (UPA) во главе с Х. Роберто.

В 1948 г. Португальская Коммунистическая Партия основала в Луанде свою ячейку¹⁹⁷. Наиболее радикальные члены этой ячейки, объединившись вокруг Вириату да Круша, основали 12 ноября 1955 г. в Луанде Коммунистическую Партию Анголы.

На допросе в ПИДЕ после ареста в 1959 г. И. Машаду рассказал: «в 1952 или 1953 г. Вириату да Круш убедил меня основать Коммунистическую Партию Анголы вместе с Антониу Жасинту и Мариу Антониу на собрании в Ларго Марселу Курто в Луанде». В. да Круш был назначен генсеком, и ему было поручено разработать Устав. Были придуманы псевдонимы: Арманду (Вириату), Рафаэл (Илидиу), Жозе (Жосинту), и Сантуш (Мариу Антониу). Целью КПА была борьба за марксистско-ленинские идеи, но поскольку не удалось завербовать новых членов, КПА вскоре исчезла¹⁹⁸. Как утверждал английский историк Р. Гибсон, «действительными организаторами КПА были гражданские служащие – европейцы, работавшие в Анголе, которые являлись тайными членами ПКП»¹⁹⁹.

¹⁹⁵ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. UPA 2126/59 SR, doc 608.

¹⁹⁶ Ibid. Proc. Ilidio Machado. Cervicos Centrais, 346/59, Doc. inv.

¹⁹⁷ Henderson L.W. Angola: Five centuries of conflict. Ithaca – London, 1979, p. 164.

¹⁹⁸ AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. 346/59.

¹⁹⁹ Gibson R. African Liberation Movements. London, 1972, p. 208.

КПА разработала и приняла Устав, издала манифест, но фактически не имела связей с трудящимися массами. Ее членами были главным образом интеллигенты, оторванные от масс. Л. Лара вспоминал о КПА: «Она возникла в среде интеллектуалов и не развивалась в настоящую Коммунистическую партию. Она была скорее центром идеологических исследований, который не имел пролетарской базы, на которой он мог бы развиваться, и поэтому исчез»²⁰⁰.

Тем не менее следует констатировать, что КПА, хотя и имела весьма короткую историю, оказала существенное влияние на идеологические взгляды ряда членов МПЛА, особенно вышедших из ее рядов и рядов партии Борьбы африканцев Анголы (ПЛУА), обусловив возникновение в МПЛА крепкого ядра, стоявшего на позициях марксизма-ленинизма. Один из видных деятелей МПЛА Саиди Мингаш позже вспоминал: Компартия Анголы как организация, составившая неотъемлемую или существенную часть при образовании МПЛА, в конце концов, оставила след в виде идеи и линии его курса в отношении организации и структуры»²⁰¹.

Говоря о том, что КПА была «одним из непосредственных предшественников МПЛА», американские историки Дэвид и Марина Оттэуэй отмечают, что «марксизм был уже той призмой, через которую многие ангольские националисты смотрели на свою борьбу»²⁰².

Поскольку КПА, генсеком и главным идеологом которой был В. да Круш, не пользовалась популярностью из-за своей коммунистической ориентации, она просуществовала менее года. Ее наследником была Партия борьбы африканцев Анголы (ПЛУА). По одной версии, в начале 1956 г., а по другой – несколько раньше, члены КПА, нелегальных культурных ассоциаций и профсоюзов, появившихся в начале 1950-х годов, объединились в ПЛУА.

²⁰⁰ Цит. по: Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи, с. 93.

²⁰¹ Freitas A.J. de. Angola. O longo caminho da liberdade. Lisboa, 1975, p. 102.

²⁰² Ottaway D., Ottaway M. Afrocommunism. New York; London, 1981, p. 100.

В создании ПЛУА участвовал будущий лидер освободительного движения в Гвинее-Бисау А. Кабрал, находившийся в то время в Анголе. Вначале ПЛУА занималась в основном культурно-просветительской деятельностью: ее члены создавали в «мусекиш» курсы по ликвидации неграмотности, изучали историю и культурные традиции ангольцев, собирали произведения народного творчества и т.п. Но постепенно они пришли к выводу, что борьба за культурное возрождение – задача вторичная по сравнению с борьбой за политическую независимость²⁰³ в ПЛУА. По словам Л. Лары, в ПЛУА участвовал африканский пролетариат, и она уже носила «явно выраженные пролетарские черты»²⁰⁴.

Важнейшим историческим делом ПЛУА явилась выработка в 1956 г. знаменитого манифеста, призывавшего ангольцев создать «широкое движение за освобождение Анголы» для свержения колониального ига. Как писал К. Пашеку, этот Манифест не означал создания какой-либо националистической политической партии, а был лишь эмоциональным призывом ко всем ангольцам подняться на организованную борьбу, создавая движения, партии, группы сопротивления португальскому колониализму на всей территории Анголы²⁰⁵.

Манифест 1956 г., написанный В. Да Крушем и принятый на узком собрании руководства ПЛУА (на нем присутствовали В. Да Круш, И. Машаду, М. Мигеиш, Ф. де Соуза и С. Алмейда), можно считать вехой, отмечающей начало современного ангольского национализма. Хотя и мало распространявшийся в Луанде и в Португалии, он оказал значительное влияние на идеологию и программу МПЛА.

В 1950 – х годах идеи марксизма-ленинизма были популярны не только в Анголе, но и в Мозамбике. В 1990 г. автор этих строк встречался в Мапуту с бывшим генсеком Общества дружбы с СССР А. Сансаном Мутембой. Он рассказал, что в конце 50-х годов из Португалии в Мозамбик

²⁰³ Хазанов А.М. Агостиньо Нето, с. 36.

²⁰⁴ Lara L. Main Phases in the Development of MPLA. – The African Communist, 1978, № 75, p. 53.

²⁰⁵ Pacheco C. MPLA, um nascimento polemic. Lisboa, 1997, p. 57.

приехал коммунист А. Ж. Ребелу. Он организовал ячейку Португальской коммунистической партии, в ней была строгая конспирация: каждый член знал только трех товарищей по ячейке. У коммунистов был лозунг: «Если мы не объединимся, то будем жить в неволе». Они подчеркивали важность единства всех племен. Коммунисты говорили: «Мозамбикцы – это одна нация. Для борьбы с португальским колониализмом прежде всего необходимо объединиться». Все коммунисты в Мозамбике были белые. Было довольно мало африканцев, которым они доверяли²⁰⁶.

Через несколько месяцев после опубликования манифеста В. Да Круш в условиях слежки за ним ПИДЕ, сотрудники которой считали его коммунистом²⁰⁷, решил уехать из Анголы в Европу. Он уволился с предприятия «Зингер» в Луанде, где работал, отплыл на пароходе «Уиже» в сентябре 1957 г. и несколько дней жил в Лиссабоне в доме А. Кабрала. Он провел собрание с участием «стариков» (Л. Лара, Э. Душ Сантуш, А. Кабрал), на котором рассказал им о ситуации в Анголе и призвал создавать африканские организации автономные по отношению к партиям португальской оппозиции²⁰⁸.

Хотя А. Нето вышел из тюрьмы в июне 1957 г., он, видимо, не присутствовал на этом собрании и не встречался с В. Да Круш во время его пребывания в Лиссабоне, что помешало им познакомиться, обменяться идеями и политическим опытом. Это отсутствие диалога в 1957 г. между теми, кому предстояло стать двумя крупнейшими лидерами ангольского освободительного движения, оказалось решающим фактором в том идеологическом конфликте в МПЛА, который вспыхнул через пять лет в Леопольдвиле.

В Лиссабоне В. Да Круш не сумел встретиться с коммунистическими руководителями, работавшими в подполье. Не получив финансовой и какой-

²⁰⁶ Из беседы автора с А. Сансан Мутемба 26 марта 1990 г.

²⁰⁷ AN/TT – PIDE – Dgs. Proc. Viriato da Cruz; 1153/51.

²⁰⁸ Lara L. Um Amplo Movimento. Itinerario do MPLA através de documentos e anotações de Lucio Lara, v. I. Luanda, 1997, p. 30.

либо поддержки от ПКП, он в октябре 1957 г. переехал в Париж, где жил некоторое время в доме Мариу де Андради.

После отъезда В. да Круша из Луанды другие подписавшие Манифест организовали в 1958 г. Новое движение, меньше связанное с марксизмом и имевшее черты чисто националистического движения. Это движение по инициативе Андре Франку де Соуза было названо Движение за независимость Анголы (МИА) и пользовалось большой популярностью среди африканской мелкой буржуазии, оказывая значительное влияние на националистически настроенные круги в Луанде, Лобиту, Бенгеле, Уижи и Маланже. Самыми активными и влиятельными членами МИА были И. Машаду, Ф. де Соуза, В. Диаш, Г. Лейтан, Б. Ван-Дунень и другие²⁰⁹.

Прибытие в Лобиту копировального аппарата, присланного из Лиссабона²¹⁰, дало возможность распространять в крупных городах листовки и памфлеты. Большинство памфлетов, распространявшихся в Анголе в 1957 – 1960 гг., не имеют ни даты, ни названия организации. Лишь в 1959 – 1960 гг. появились памфлеты, подписанные МИА, МИНА или УПА. Под некоторыми памфлетами и листовками стояли подписи известных в истории Анголы королей и племенных вождей – Мандуме, короля Екуикуй II, Кианва-Ланга, Нзинга Мбанди Нгола и др.²¹¹ Любопытно, что некоторые памфлеты подписаны «МИНА и УПА». Есть даже один памфлет, который подписан «МИА, УПА, Л. Лара, В. Да Круш и М. де Андради»²¹². Этот факт свидетельствует о существовании тесных связей между ангольскими марксистами в Лиссабоне и националистическим движением МИА в Анголе не только благодаря общим политическим целям, но и в силу семейных связей (Умберту Машаду был братом Илидиу Машаду)²¹³.

²⁰⁹ Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 121.

²¹⁰ TT – PUDE – Dgs. – Proc. Viriato da Cruz. 1153/51.

²¹¹ Хазанов А.М. Агостиньо Нето, с. 48.

²¹² Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 122.

²¹³ Sousa A.F. de. Angola. O apertado caminho da dignidade. Lisboa, 1998.

Илидиу Машаду, мулат, родился 17 декабря 1914 г., почтовый служащий, был одним из самых активных и последовательных участников освободительного движения, начиная с 1948 г. Он присоединился к движению «Новые Интеллигенты Анголы» и, находясь под влиянием марксистских идей, приходивших из Португалии и Бразилии, основал вместе с В. Да Крушем в 1955 г. КПА, а потом ПЛУА. Он был одним из подписавших знаменитый Манифест 1956 г. Однако за исключением писем, которые он посылал своему брату Умберту – студенту и руководителю АМК в Лиссабоне, в которых отразились горячая любовь к родине и к ценностям своего народа, стремление поднять его культурное и политическое сознание, не сохранились какие-либо написанные им тексты. Но благодаря своей активной деятельности в группе молодых интеллектуалов, выдвинувших лозунг «Давайте открывать Анголу!» и в НАЛ, он завоевал исключительно большой авторитет в ангольских националистических кругах.

После отъезда В. да Круша из Луанды И. Машаду вместе с Франку де Соуза стал руководить подпольным МИА. И. Машаду поддерживал тесные контакты с африканскими националистическими кругами в Лиссабоне (через своего брата У. Машаду, Л. Лару и А. Нето), с Ганой и Бразилией (через своего друга Лоуренсе Холдена, плававшего в качестве матроса и арестованного ПИДЕ в 1959 г.)

На допросе в ПИДЕ после своего ареста в 1959 г. И. Машаду утверждал, что «руководство МИА состояло из него, Франку де Соуза и Игину Айриша²¹⁴. Отдавая себе отчет в том, что существование множества разрозненных националистических групп и организаций не только ослабляет их способность к борьбе, но и увеличивает риск инфильтрации агентов ПИДЕ, И. Машаду попытался в 1959 г. незадолго до своего ареста объединить их в единое движение за национальное освобождение Анголы (МЛНА). Он выпустил памфлет, в котором объявил о слиянии

²¹⁴ AN/TT – PIDE – Dgs. Proc. Ilidio Machando. 346/59, Doc. Inv. Fls. 53.

националистических движений МИА и МЛНА²¹⁵. В мае 1959 г. он отправился в Лиссабон, чтобы координировать антиколониальную борьбу, и там был арестован 27 мая 1959 г. И. Машаду был приговорен к 10 годам заключения в концлагере Таррафал. Он вышел на свободу только 21 октября 1970 г.

Период 1955–1959 гг., период генезиса ангольского национализма, характеризовался качественным переходом культурно-просветительского движения, склонного к компромиссу с колониальными властями и утверждавшего самобытные ценности (под лозунгом «Давайте открывать Анголу») к фазе примитивно организованных националистических движений (КПА, ПЛУА, МИА). Этот переход сопровождался разрывом с прежними методами борьбы. Начало современному ангольскому национализму, несомненно, положил Манифест 1956 года. После него началась так называемая «памфлетная фаза», отмеченная не только активной деятельностью националистических движений марксистского и католического направления, но и значительным влиянием групп, связанных с УПА. Эта «памфлетная фаза» была прервана в середине 1959 г. заключением в тюрьмы большинства ангольских патриотов. Эта «памфлетная фаза» была продолжена через несколько месяцев, когда патриоты, сбежавшие из застенков ПИДЕ, создали Движение за национальную независимость Анголы (МИНА).

В 1952 г. М. Душ Сантуш, Э. Санту, А. де Браганса и Э. Роша встретились в Гренобле (Франция), чтобы продолжить свое высшее образование. Они провели там два года, изучая марксизм, занимаясь зимними видами спорта, совершенствуя свой французский язык. Позже они отправились в Париж, где душ Сантуш и де Браганса изучали политические науки, а Э. Роша – медицину. Общежитие марокканских студентов («Мэзон дю Марок») в университетском городке в Париже стало местом их встреч с марокканскими друзьями, которые стали очень ценными союзниками МПЛА

²¹⁵ Ibid., Proc. AMC/Liga Nacional Africana 2668/54. Doc. 634.

после того, как Марокко стало независимым. Эта маленькая группа юношей из португальских колоний развила большую активность вместе со студенческими организациями Черной Африки и Марокко. Они участвовали в манифестациях, митингах и собраниях. С другой стороны, они были первыми, кто рассказал во Франции о ситуации в португальских колониях и о португальском фашизме. По вечерам они посещали Университет Нувель, где углубляли свои знания в области марксизма²¹⁶. Самой выдающейся фигурой в этой «парижской группе» был Марселину душ Сантуш. Он родился в 1929 г. от смешанного брака в прибрежном городе Лумбо (Мозамбик). Окончив школу, продолжил образование в Португалии. Но за участие в революционной деятельности он подвергся преследованиям ПИДЕ и вынужден был переехать во Францию, где учился в Сорбонне под руководством известного африканиста проф. Ж. Баландые. В то же время он стал печатать под псевдонимами (Калунгану и др.) проникнутые революционным пафосом и ненавистью к колонизаторам стихи, принесшие ему огромную популярность²¹⁷. Когда в апреле 1961 г. в Касабланке была создана организация «Конференция националистических организаций португальских колоний», М. душ Сантуш был избран ее генеральным секретарем. Используя эту организационную базу, он внес выдающийся вклад в создание условий для появления ФРЕЛИМО, в котором он был вице-президентом. После завоевания Мозамбиком независимости он занимал ряд руководящих постов в правительстве.

В июле 1954 г. в Париж приехал молодой ангольский интеллигент Мариу Пинту де Андради, уже приобретший известность благодаря своим блестящим выступлениям во время дискуссий в ДСИ, Центре африканских исследований и Университете Коимбры. Он поселился в начале в «Мэзон дю Марок», откуда перебрался в Латинский квартал. Его статьи регулярно выходили в «Презенс Африкэн». Публикации и выступления Мариу де

²¹⁶ Rocha E. ACEI nos anos de fogo, p. 125.

²¹⁷ Preto-Rodas R.A. Neritude as a Theme in the Poetry of the Portuguese Speaking World. London, 1970, p. 70.

Андради, полные оригинальных мыслей, юмора и эмоций, обаяние и исходящая от него энергетика открыли перед ним двери в африканских интеллектуальных и политических кругах Парижа 50-х годов и выдвинули его на роль признанного руководителя и идеолога «парижской группы».

Проживая в Париже, М. де Андради опубликовал под псевдонимом Буанга Феле ряд статей, содержащих резкую критику колониальной политики Португалии. Критик, социолог и поэт М. де Андради был в то же время большим знатоком народного языка кимбунду. Написанное им на этом языке стихотворение «Песня сабалу» распевают в Анголе как народную песню²¹⁸.

М. де Андради был составителем первой антологии поэтов португальских колоний, вышедшей в 1958 г. в Париже, а также антологии негритянской поэзии, опубликованной в 1962 г. в Италии. Будучи одним из основателей МПЛА, М. де Андради был одно время ответственным лицом за внешние связи этой организации. Позже он отошел от активного участия в движении и переехал на жительство сначала в Гвинею-Бисау, а затем после переворота 14 ноября 1980 г. в Париж. М. де Андради снискал известность как крупный африканский поэт, литературный критик и социолог.

Прибытие в Париж В. да Круша в конце 1957 г. придало дополнительную динамику парижской группе. В ноябре 1957 г. она организовала в Париже «Конференцию по изучению борьбы против португальского колониализма», где обсуждались ситуация в колониях и меры, которые следовало предпринять для ее радикального изменения. Все участники пришли к единодушному мнению о необходимости создания антиколониальной политической организации, которая объединила бы молодых африканцев всех колоний²¹⁹.

В соответствии с этим решением через несколько месяцев было создано Антиколониальное движение. МАК объединило группу «стариков» с

²¹⁸ «Здесь и трава родится красной» (стихи поэтов Анголы, Мозамбика, Островов Зеленого Мыса и Сан-Томе). М., 1967, с. 45.

²¹⁹ Andrade M.P. de. Uma entrevista dada a Michel Laban. Lisboa, 1997, p. 141.

наиболее продвинутыми молодыми африканскими студентами «второй волны» эмиграции. Парижская группа была очень сплоченной, активной и динамичной. Ее единство было основано на крепкой дружбе, взаимном уважении и общих целях ее членов²²⁰. Они участвовали в различных международных форумах, где осуждали португальский колониализм и говорили о стремлении колонизованных народов к самоопределению и независимости.

* * *

К концу 1959 г. положение руководителей МАК, живших за границей – В. да Круша, Л. Лара, М. де Андради и М. душ Сантуша с точки зрения личной безопасности и материальных условий жизни стало катастрофическим. С другой стороны, в Анголе и Гвинее-Бисау в этот период отмечается бурный рост освободительного движения. Арест 50 патриотов в Луанде, возможно, стал главной причиной решения лидеров МАК вернуться в Африку.

Л. Лара стал первым из членов МАК, прибывшим в Тунис в декабре 1959 г. с твердым решением не возвращаться в Европу. Он получил приглашение секретариата Второй panaфриканской конференции и возглавил делегацию МАК. Она представила на конференции в Тунисе Манифест МАК, написанный В. да Крушем и утвержденный Л. Ларой и М. де Андради.

Историческое значение МАК состоит в том, что оно провело огромную работу по мобилизации африканской молодежи в Португалии и содействовало осознанию ею необходимости участия в битве против португальского колониализма. Эти усилия не пропали даром – в начале 1959 г. в Лиссабоне была создана подпольная организация «Движение ангольских студентов». МАК содействовало также международному признанию борьбы народов, колонизованных Португалией.

²²⁰ Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 136.

Вторая panaфриканская конференция в Тунисе в конце января 1960г. явилась важнейшей вехой в истории марксистских националистических организаций португальских колоний, признанием их существования на африканской политической сцене и форумом, на котором Вириату да Круш был признан лидером ангольских националистов.

Именно в Тунисе произошла встреча между ангольскими руководителями – В. да Крушем и Л. Ларой (оба прибыли из Германии) и А. Кабралом (прибыл из Португалии). У. де Менезиш прибыл в Тунис в составе делегации Всеобщего Союза Трудящихся Черной Африки (УГТАН), располагавшегося в Конакри, и привез с собой приглашение правительства Гвинеи националистам-марксистам обосноваться в Конакри.

В начале декабря 1959 г. за два месяца до начала конференции в Тунисе Л. Лара еще не знал, сможет ли принять в ней участие. Этого не знал и А. Кабрал, который просил У. Менезиша прислать ему из Конакри данные об УПА²²¹. В. да Круш жил в это время в Восточном Берлине (ГДР), сталкиваясь с тяжелыми экономическими проблемами²²². Именно в этот берлинский период В. да Круш в октябре 1959 г. изложил Л. Ларе свои идеи о преобразовании МАК в Совет межнационального сотрудничества и координации, который состоял бы из националистических организаций всех португальских колоний. И В. да Круш и М. де Андради были разочарованы деятельностью МАК. Все чувствовали настоятельную необходимость вернуться в Африку, чтобы улучшить руководство антиколониальной борьбой. Были и другие факторы, побуждавшие их уехать из Европы. С одной стороны, им не удавалось решить свои экономические проблемы, с другой – они подвергались преследованиям со стороны ПИДЕ и в странах их эмиграции.

На конференции в Тунисе В. да Круш представил собравшимся новые организации – МАК, преобразованную во Фронт националистических

²²¹ Pacheco C. MPLA, Um nascimento polemico, p. 112.

²²² Lara L. Um amplo movimento, p. 72.

движений (ФРАИН), МПЛА и ПАИ (Африканская партия независимой Гвинеи). Аббревиатура МПЛА была взята из фразы написанного В. да Крушем в 1959 году в ГДР Манифеста – «широкое движение за освобождение Анголы». М. де Андради вспоминал: «На конференции в Тунисе нам необходимо было утвердиться в качестве общенационального движения, и поэтому в это время из первых букв фразы манифеста было составлено МПЛА»²²³.

Конференция в Тунисе приняла 30 января 1960 г. резолюцию, осудившую португальский колониализм и потребовавшую освобождения политзаключенных²²⁴. До конференции в Тунисе ни один из Ангольских марксистских лидеров лично не знал Х. Роберто, который приехал туда представлять УПА. Правда, В. да Круш в апреле 1959 г. написал Х. Роберто очень дружественное послание, в котором предлагал установить доверительные братские отношения на основе совместной борьбы общую борьбу и «создать единый фронт антиколониальной борьбы в Анголе»²²⁵.

Г. М. Хаузер из Американского Комитета по Африке предлагал У. Менезишу 25 января 1959 г. войти в контакт с Х. Роберто, который в то время жил в Леопольдвиле. Однако в сентябре 1959 г. А. Кабрал послал товарищам, жившим в эмиграции, длинный доклад, в котором крайне отрицательно отзывался о Х. Роберто: «Коварный, бессовестный, бабник, пивной пьяница, проматывает все деньги, которые ему посылают наши люди... Он тратит их на женщин... Не следует допускать, чтобы он представлял нас в ООН. Это предатель и бандит»²²⁶. Эти оценки обусловили настороженное отношение ангольских марксистских националистов к Х. Роберто²²⁷. И всё же после panaфриканской конференции в Аккре в 1958 г.

²²³ Pacheco C. Op. cit., p. 112.

²²⁴ Resolução de II Conferencia dos Povos Africanos. – Tunis, 30.I.1960.

²²⁵ Lara L. Op. cit., p. 46.

²²⁶ Ibid., p. 68, 98.

²²⁷ В дальнейшем Роберто, опиравшийся на народность баконго, к которой принадлежал, сыграл отрицательную роль в истории Анголы. Он расколол освободительное движение и нанес ему непоправимый вред.

благодаря поддержке К. Нкрумы, П. Лумумбы, алжирского ФНО правительство Туниса и Американского Комитета по Африке, Х. Роберто был признан единственным ангольским лидером, руководителем борьбы против португальского колониализма²²⁸.

Ф. Фанон и А. Кабрал убедили Х. Роберто участвовать в первом собрании ФРАИН, и он поставил свою подпись под «Декларацией о соглашении об общей борьбе против португальского колониализма между ПАИ, МПЛА и УПА», принятой 31 января 1960 г. в Тунисе.

* * *

В 1958 г. в Португалии состоялись президентские выборы. Кандидатом на этот пост от оппозиции был генерал У. Делгаду. «Мы проиграли выборы задолго до дня голосования»²²⁹, – писал он в мемуарах. Правительство прибегло к фальсификациям, чтобы не допустить победы оппозиционного кандидата. В условиях фашистской диктатуры, когда единственной легальной партией в стране был салазаровский Национальный союз, а ПИДЕ осуществляло неограниченный контроль над СМИ, победа кандидата оппозиции была практически исключена.

После поражения Делгаду на выборах в африканских националистических кругах Португалии воцарились разброд и уныние. «Старики», которые не могли или не хотели уехать за границу, осуждали руководителей МАК за то, что они распустили эту организацию. Юноши «второй волны» ДСИ, объединившиеся в «Движение ангольских студентов» (МЕА), пребывали в состоянии растерянности и вели бесконечные споры о том, какой идеологии должно придерживаться МЕА. Часть молодёжи пошла за УПА Х. Роберто. С другой стороны, годы жизни и борьбы бок о бок в ДСИ, АМК и МАК заложили прочные основы дружбы и взаимного доверия между националистами двух поколений.

²²⁸ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. UPA (FRAIN), 1112A, cx. 3.

²²⁹ The Memoirs of General Delgado. London, 1964, p. 92.

В июле 1960 г. в Португалии широко распространялись памфлеты Абея Джасси (псевдоним А. Кабрала). В декабре 1960 г. появился памфлет «Послание к португальскому народу», разоблачавший колониализм и призывавший к «решению колониальной проблемы мирными средствами», подписанный: «Студенты университетов из португальских колоний».

В июне 1961 г. имел место отъезд примерно 100 африканских студентов из Португалии²³⁰. В апреле 1960 г. произошла знаменательная встреча М.П. Пакавира с Л. Лара в Браззавиле. Во время этой встречи Л. Лара «рекомендовал переименовать движение за независимость Анголы (МИНА), основанное в июне 1959 г. во главе с М. П. Пакавира, в Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), поскольку он (Лара), В. да Круш и М. де Андради должны представлять его за границей и было необходимо, чтобы такое движение существовало внутри Анголы»²³¹.

Во время допроса в ПИДЕ М. П. Пакавира рассказал: «В мае 1960 г. имело место собрание, на котором присутствовали Фернанду Коэлью да Круш, Бернарду Жоакин Силаш, Давид Эса Кейруш и доктор Агостиньо Нетто, и там Давид объяснил необходимость изменить название МИНА». Речь шла об организации «Народного движения за освобождение Анголы» (МПЛА) и были сформулированы задачи, которые оно должно было решать. Было сформировано также руководство «движения», которое состояло из Давида, Коэлью да Круша, Силаша, А. Нетто и Пакавира. Были созданы «отдел печати», состоявший из Жуана Педру, Адана Мануэла и Пакавира, и региональные отделения МПЛА. «Все проявили интерес к участию в МПЛА падре Жоакина Пинту де Андради»²³².

В том же мае 1960 г. состоялось второе собрание, на котором присутствовали А. Нетто, Ж. П. де Андради, К. да Круш, Силаш, Пакавира. Там обсуждалась организационная структура МПЛА, издание «памфлетов», анализировалась ситуация в Анголе и обсуждался способ, каким падре

²³⁰ Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 148.

²³¹ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. Antonio Agostinho Neto. 887/60, 1ª vol.

²³² Ibidem.

Жоакин Пинту де Андраде мог бы участвовать в МПЛА. Была констатирована необходимость вовлекать в движение ангольских военных и создать для этого «военный отдел». В протоколе допроса Б. Ж. Силаша говорится, что «доктор А. Нето был ответственным за руководство политическими службами, а падре Ж. П. де Андради – за «связи с заграницей»²³³.

Эти протоколы допросов опровергают распространенную в литературе точку зрения о том, что МПЛА была создана в декабре 1956 г.²³⁴ Они убедительно свидетельствуют о том, что изменение названия МИНА на МПЛА имело место лишь в мае 1960 г. В этих протоколах есть также сведения о составе руководства и структуре МПЛА, а также о руководящей роли А. Нето в движении. Этот важный факт – создание руководства МПЛА внутри страны – придает А. Нето положение легитимного вождя, высшего руководителя националистического ангольского движения, начатого в 1955 г. КПА во главе с В. да Крушем и И. Машаду и продолженного МИА, а потом МИНА.

Через месяц после основания МПЛА люди, сидевшие в очереди у врачебного кабинета А. Нето в Луанде, были перепуганы. Они отказывались верить собственным глазам, увидев директора ангольского ПИДЕ Жуана Жозе Лопиша. Он арестовал Нето и заключил его в тюрьму за «подрывную деятельность против внутренней безопасности»²³⁵. Нето стал 52-м политическим заключённым, брошенным в тюрьму Луанды летом 1960 г.²³⁶

Однако попытки обезглавить освободительную борьбу ангольского народа путем репрессий, арестов его лидеров и активистов уже не могли сдержать неудержимого приближавшейся антиколониальной революции, под

²³³ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. Antonio Agostinho Neto e Joaquim Pinto de Andrade 887/60, copia 1º vol.

²³⁴ См.: партии и революционный процесс в странах Азии и Африки. М., 1983. с. 64; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М., 1978, с. 435.

²³⁵ Henderson L.W. Five Centuries of Conflict. Ithaca – London, 1979, p. 168.

²³⁶ Хазанов А.М. Агостиньо Нето, с. 60.

напором которой в середине 1970-х годов рухнуло обветшавшее здание португальской колониальной империи.

Особого внимания заслуживает вопрос о целях, организационной структуре и деятельности Антиколониального движения. В него вошло большое число студентов и моряков-выходцев из всех португальских колоний в Африке.

* * *

Во Франции условия жизни маленькой парижской группы – М. де Андради, М. душ Сантуш, Акино де Браганса и африканцев, приехавших из Португалии, – становились всё более трудными как с экономической, так и с политической точек зрения. Из-за войны в Алжире обстановка в Париже стала крайне напряженной, а французская полиция бдительно следила за африканскими студентами. М. душ Сантушу, переставшему быть студентом-политологом, было отказано в продолжении разрешения на жительство. Вскоре он был выслан из Франции за то, что продавал коммунистическую газету «Юманите диманш». Он временно поселился в Бельгии в 1958 г. благодаря поддержке Ж. К. Орта²³⁷.

М. де Андради тоже имел проблемы с французской полицией, сотрудничавшей с ПИДЕ, но сумел удержаться в Париже, поскольку работал в библиотеке и журнале «Презанс африкэн» – влиятельном африканском франкоязычном издании, руководимом сенегальским интеллектуалом Алиуном Диопом, поддерживавшим тесные связи с африканскими интеллектуальными кругами. Библиотека и редакция журнала «Презанс африкэн» на «Рю де Эколь, 25» были местом встреч руководителей ангольских, гвинейских и других националистических движений, которые бывали проездом в Париже.

В середине 1958 г. М. де Андради подал А. Диопу заявление об увольнении, после чего ему было отказано в разрешении на дальнейшее

²³⁷ Horta Carlos J. Depoimento. Luanda, 1997.

пребывание в Париже²³⁸. В. да Круш после нескольких месяцев жизни в условиях материальной необеспеченности в Париже решил поселиться в Льеже (Бельгия) в доме своего друга Ж. К. Орта. По словам Ж. К. Орта, «по своему виду Вириату, когда он появился в Льеже в 1958 г., напоминал парижского клошара». Через несколько месяцев он перебрался во Франкфурт, где благодаря поддержке семьи немецких интеллектуалов Боувьер – друзей М. де Андради, оставался до середины 1959 г., а затем по приглашению Союза немецких писателей ГДР переехал в Берлин, где жил до отъезда в Тунис в январе 1960 г.²³⁹ Л. Лара и его жена – немка Руфь – бежали в Германию в середине 1959 г., но там они также вели нищенскую жизнь, так как он не имел профессии и не сумел окончить химико-физический факультет университета в Лиссабоне.

Положение руководителей ангольских националистов-марксистов радикально изменилось после того, как они получили приглашение президента Гвинеи Секу Туре обосноваться в Конакри. Власти Гвинеи выдали паспорта (с другими фамилиями) В. да Крушу, У. де Менезишу, Э. душ Сантушу, М. Мигеишу. Кроме документов и денег на проезд, предоставленных Секу Туре этим националистам, Гвинея выделила также субсидии на содержание штаб-квартиры МПЛА в Конакри, а также финансовые пособия для В. да Круша, М. де Андради и других националистов. Остальные националисты устроились в Конакри на оплачиваемую работу.

Благодаря этой поддержке Секу Туре, парижская группа и немецкая группа (за исключением М. душ Сантуша) получили возможность сконцентрироваться в Конакри. Обязанности по руководству недавно созданным МПЛА среди них были распределены следующим образом: М. де Андради отвечал за международные связи, Л. Лара – за внутренние вопросы, В. да Круш стал генеральным секретарем МПЛА. Он требовал от всех

²³⁸ Andrade M.P. de. Uma entrevista dada a Michel Laban, p. 145.

²³⁹ Rocha E. Angola. Contribuição..., p. 194.

соблюдения железной дисциплины, что не одобрялось его коллегами и посеяло семена будущих раздоров в МПЛА.

В июле 1960 г. был учрежден Временный руководящий Комитет МПЛА (М. де Андради, В. да Круш, Л. Лара, У. Менезиш, М. Мигеиш, Э. Сантуш и Л. Азеведу). А. Нето был назначен президентом и И. Машаду почетным президентом МПЛА. Тогда же были назначены политические советники: А. Кабрал, М. душ Сантуш, Деолинда Родригеш, Карлуш Пестана, Жуан Виейра Лопеш, Жентил Виана, Эдмундо Роша, Ж. К. Орта, Томаш Медейруш, Умберту Машаду, Граса Тавареш, Жуан Кабрал.²⁴⁰

Если для А. Кабрала Гвинея – Конакри была идеальным плацдармом для организации ПАИГК и развертывания антиколониальной борьбы в Гвинее – Бисау, для ангольских националистов дело обстояло иначе из-за отдаленности ангольской границы и трудностей с коммуникациями. Поэтому одной из главных забот ангольских руководителей стало изыскание возможностей обосноваться в какой-либо граничащей с Анголой стране, прежде всего в Конго – Киншаса. В апреле 1960 г. агенты ПИДЕ выследили Л. Лару в этой стране.²⁴¹ В это же время М. П. Пакавира, направленный руководством МИНА в Конго, вступил в контакт с Л. Ларой в Браззавиле и принес по возвращении в Луанду известия о конференции в Тунисе, о создании МПЛА, о целях временного руководства МПЛА, а также об указании А. Нето о необходимости единства ангольских движений, которые должны воздерживаться использовать название МПЛА²⁴².

Вскоре после встречи Лары и Пакавиры А. Нето возглавил МПЛА в Луанде и вместе с падре Жоакином Пинту де Андради и другими националистами, которым удалось ускользнуть от ПИДЕ, активизировали деятельность МПЛА. Через Герберта Инглеса А. Нето передал находившемуся еще в Браззавиле Л. Ларе сведения о тяжелой ситуации в Анголе, а также фотографии и документы о националистах, арестованных в

²⁴⁰ Lara L. Op. cit., p. 364.

²⁴¹ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. MPLA 1115A, Doc. 810.

²⁴² AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. A. Neto, 887/60, 1° vol., fl. 55, 75.

июне 1959 г.²⁴³ Лара во время этой поездки в Конго вошел в контакт также с М. Мигеишем, жившим тогда в Понта-Негра (Конго-Браззавиль)²⁴⁴ и развернувшим интенсивную деятельность внутри ангольской эмигрантской общины.

Следует заметить, что оба Конго были тогда еще под контролем колониальной администрации, и поэтому все эти передвижения, путешествия и контакты осуществлялись в строжайшей тайне, что, однако, не помешало ПИДЕ узнавать обо всём, что происходило, в том числе о встрече Пакавира – Лара в Браззавиле²⁴⁵.

Поездка Лары дала важные результаты, так как позволила наладить тесные связи между Луандой, Конго – Киншаса и руководством МПЛА в Конакри. Установилась также первая оперативная связь между руководством МПЛА за границей и руководством МПЛА в Анголе. Эта связь, однако, оказалась эфемерной и просуществовала всего несколько недель, так как в июне 1960 г. вся структура МИНА / МПЛА была обезглавлена арестами А. Нето, Ж. Пинту де Андраде и других националистов.

Через несколько месяцев М. Мигеиш обосновался в Конакри, где его кооптировали в руководство МПЛА, как и Э. душ Сантуша, который к этому времени окончательно покинул Португалию. М. Мигеиш вернулся в Конго, чтобы продолжить революционную работу, теперь уже как руководитель МПЛА. Он занимался организацией базовых комитетов МПЛА, вел работу по объединению с УПА и другими организациями в Конго, добивался создания условий для работы МПЛА в Конго-Киншаса. Ангольским националистам удалось выполнить следующие задачи: в Конго-Браззавиле и в Конго-Киншаса была создана атмосфера благоприятная для размещения штаб-квартиры МПЛА в Киншасе и его представительства в Браззавиле год спустя; в декабре 1960 г. в Бар Каррера прошло собрание, на котором

²⁴³ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. MPLA 1115A, Doc. 792.

²⁴⁴ Ibid., Doc. 815.

²⁴⁵ Rocha E. A Casa dos Estudantes do Imperio nos anos de fogo. – Mensagem. Numero Especial do cinquentenario. Lisboa, 1997, p. 125.

произошло объединение с другими организациями – УПА, АЛИАЗО, АРЕК (Кабинда) – и, наконец, в Киншасе было организовано несколько базовых комитетов, оказавших МПЛА необходимую поддержку, когда она обосновалась в Киншасе в конце 1961 г.

Другим важным аспектом деятельности ангольских руководителей в этот период было восстановление контактов с Лиссабоном через египетских дипломатов и через Париж. Через эти каналы Конакри контактировал с ангольскими студентами в Лиссабоне, объединившимися в МЕА и со «стариками», которые не хотели уезжать из Португалии²⁴⁶.

Одним из немногих членов МАК, оставшихся в Лиссабоне, был Армению Феррейра, в то время как Эдуарду душ Сантуш присоединился к группе в Конакри, а затем в составе делегации ПАИ и МПЛА выезжал в КНР.

В 1960–1961 гг. Руководящий комитет МПЛА прислал в Лиссабон некоторые документы, разоблачавшие португальский колониализм. Их копии распространялись среди африканской молодежи в Португалии и пересылались в Луанду через моряков. Это были: Программа МПЛА, представленная в Тунисе; Декларация правительству Португалии в июне 1960 г., Обращение МПЛА к членам ООН, требующая, чтобы африканские территории, управляемые Португалией, рассматривались как колонии; Устав МПЛА, изданный в Лондоне в апреле 1961 г.; брошюра МПЛА «Рабская эксплуатация – национальное сопротивление».

В этих документах Руководящий комитет МПЛА осуждал жестокую колониальную практику и геноцид в Иколо-и-Бенго, требовал освобождения всех политзаключенных. В Декларации правительству Португалии от 13 июня 1960 г. МПЛА предлагало ему начать процесс самоопределения, ведущий к независимости колоний. Это была последняя попытка МПЛА добиться независимости мирными средствами – путем переговоров. Копии этой Декларации были разосланы всем государствам – членам ООН.²⁴⁷

²⁴⁶ Rocha E. Op. cit., p. 125.

²⁴⁷ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи, с. 96.

Косвенный ответ на это обращение был дан в португальской газете «Диариу да Манья» в статье «Кто они?»²⁴⁸ Правительство Салазара категорически отвергло предложение МПЛА. Известно, что именно по этому поводу диктатор произнес оскорбительную фразу: «Я не терял времени на переговоры с обезьянами».²⁴⁹ 13 сентября 1960 г. МПЛА направило обращение в ООН, прося включить вопрос о португальских колониях в повестку дня X сессии ГА ООН.

Не менее активно, чем МПЛА, действовала и ПАИГК. В декабре 1960г. и в октябре 1961 г. в обращениях к португальскому правительству, подписанных А. Кабралом, говорилось о «стремлении наших народов к национальной независимости, миру, прогрессу и мирному сотрудничеству со всеми народами, включая народ Португалии». В то же время в этих обращениях содержалась открытая угроза режиму Салазара: «Очевидно, если португальское правительство будет настаивать на отказе пересмотреть свою позицию вопреки интересам нашего народа, ничто не сможет помешать нашей партии выполнить свою историческую миссию: развернуть нашу борьбу за национальное освобождение, ответить насилием на насилие португальских колониальных сил и полностью ликвидировать колониальное господство в «португальской» Гвинее и на островах Кабу Верде»²⁵⁰. Лиссабонское правительство не удостоило ответом обращения МПЛА и ПАИГК.

В декабре того же года МПЛА объявило о своем решении перейти к «прямому действию», т.е. к вооруженной борьбе против колонизаторов. Но лидеры МПЛА никогда не считали вооруженную борьбу единственно возможным средством для завоевания независимости. Одновременно с вооруженной они развернули борьбу и в дипломатической сфере. Как ПАИ, так и МПЛА предстояло утвердиться на африканской сцене и, если в случае с ПАИ эта задача не была трудной из-за отсутствия серьезных оппонентов, в

²⁴⁸ *Diario da manha* (Lisboa), 2.IX.1960.

²⁴⁹ Freitas A.J. de. *Angola. O longo caminho de liberdade*. Lisboa, 1975, p. 137.

²⁵⁰ Fisas A.V. *Amilcar Cabral y la independencia de Guinea-Bissau*. Barcelona, 1974, p. 26.

ангольском случае путь к признанию МПЛА африканскими лидерами оказался нелегким. Дело в том, что Х. Роберто в 1958 г. присутствовал на первой Всеафриканской конференции в Аккре. Там после встречи с К. Нкрумой он решил отказаться от племенного национализма баконго и возглавить ангольское освободительное движение²⁵¹. В 1959 г. Х. Роберто посетил США и присутствовал на XIV сессии ГА ООН. Он путешествовал с гвинейским паспортом и работал в миссии Гвинеи в ООН. В этот период он расширил свои американские контакты главным образом через американский комитет для Африки, возглавлявшийся Дж. Хаузером. Позже на него обратило внимание ЦРУ, которое установило с ним тесные контакты.

После того как в августе 1961 г. премьер-министром Конго-Киншаса стал Сирил Абдула, позиции УПА окрепли²⁵². Абдула разрешил Роберто создать в Кинкузу военную базу, где началось обучение армии УПА. В марте 1962 г. УПА объединился с Ангольской демократической партией во Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА). Спустя месяц было создано правительство Анголы в эмиграции (ГРАЕ) во главе с Х. Роберто²⁵³.

В этих условиях достижение МПЛА международного признания было задачей очень трудной. Даже социалистические страны на первых порах не спешили оказывать поддержку МПЛА, несмотря на его марксистскую идеологию и связи с руководством ПКП.

Так, 31 августа 1963 г. посол СССР в Алжире А. Н. Абрамов писал в телеграмме на имя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко: «Возглавляемое Роберто Холденом ангольское «правительство в изгнании» пользуется поддержкой стран-членов Организации африканского единства... В целом же в отношении движения Холдена нам следовало бы исходить из того, что оно пользуется поддержкой большинства африканских стран». В той же телеграмме читаем: «Алжирцы, в частности, мотивировали свое решение (признать ГРАЕ – А.Х.) тем, что организация Холдена ведет

²⁵¹ Gibson R. African Liberation Movements, p. 226.

²⁵² Marcum J. The Angolan Revolution, v. II. London, 1968, p. 97.

²⁵³ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи, с. 109.

эффективную борьбу за освобождение Анголы, в то время, как другие националистические группировки, как, например, МПЛА, занимаются лишь пропагандистской деятельностью за границей»²⁵⁴.

Потребовалось бегство А. Нето с семьей из Португалии в июне 1962г. – операция, организованная и осуществленная ПКП, и последовавшие за этим события, чтобы СССР отказался от выжидательной позиции, которую он до тех пор занимал. До этого времени МПЛА могло рассчитывать только на поддержку КНР, полученную благодаря двум поездкам (в 1958 и 1960 гг.) В. да Круша в Китай.

31 января 1960 г. на Конференции в Тунисе под нажимом Ф. Фанона и В. да Круша МАК был заменен Африканским революционным фронтом народов португальских колоний (ФРАИН). Эти две организации существенно отличались друг от друга. МАК представлял собой движение, родившееся в лиссабонском подполье и объединившее молодых студентов и трудящихся, пытавшихся убедить своих коллег в Доме студентов империи и Африканском морском клубе в необходимости перейти к действиям в антиколониальной борьбе вне традиционной антифашистской португальской оппозиции, в рамках которой они действовали несколько лет. В отличие от МАК, ФРАИН представлял собой уже не юношескую ассоциацию, а фронт националистических движений. Первыми движениями, которые в него вошли, были МПЛА и ПАИ.

В течение полутора лет до создания в апреле 1961 г. Конференции националистических организаций португальских колоний (КОНКП), ФРАИН был организацией, координировавшей деятельность двух марксистских националистических движений – ПАИ и МПЛА. Штаб-квартира ФРАИН находилась в Конакри. ФРАИН вел активную работу по разоблачению португальского колониализма, утверждению себя на африканской сцене, по налаживанию союза с прогрессивными европейскими организациями и с социалистическими странами.

²⁵⁴ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0658, оп. 1, п. 1, д. 1. л. 88–89.

Наиболее значительными акциями ФРАИН были поездка его делегации в составе В. да Круша и Э. душ Сантуша от МПЛА и А. Кабрала от ПАИ – в КНР в июле 1960 г. и пресс-конференция А. Кабрала в Палате общин в Лондоне в марте 1960 г.²⁵⁵ Поездка в Китай была очень важной для ФРАИН, так как он получил первую финансовую и военную помощь от социалистической страны. С этого времени Китай оказывал растущее влияние на ангольское марксистское движение. Именно эта поддержка позволила МПЛА развернуть интенсивную дипломатическую активность и начать организовывать свое обустройство в Конго-Киншаса.

3 марта 1960 г. А. Кабрал прибыл в Лондон как член Руководящего комитета ФРАИН и устроил там пресс-конференцию, в ходе которой осудил португальский колониализм. В Лондоне он установил контакты с членами Лейбористской партии и с антиколониалистскими организациями²⁵⁶.

В декабре 1960 г. новая делегация ФРАИН посетила Лондон²⁵⁷. Она состояла из М. де Андради, В. да Круша, А. Боавида – от МПЛА, А. Перейры – от ПАИ и Матеуса Майолу – от Мозамбика. Благодаря поддержке Движения за свободу колоний, Комитета африканских организаций, Лейбористской партии и писателя Б. Дэвидсона, 6 декабря 1960 г. в Палате общин была проведена важная пресс-конференция. На ней присутствовал также представитель националистов Гоа Ж. К. Кабрал. Эти руководители осуждали португальский колониализм, полицейские репрессии, приготовления Португалии к развязыванию колониальной войны, и требовали от португальского правительства признания принципа самоопределения и проведения переговоров, которые бы открыли путь к независимости колоний. Эта пресс-конференция в Лондоне имела большой резонанс в западных и африканских столицах, в Португалии и в международном общественном мнении, разоблачила военные планы и

²⁵⁵ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. Viriatio da Cruz. 1153/51.

²⁵⁶ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. MPLA, 1115A, Doc. 834.

²⁵⁷ Ibid., Doc. 689, 714.

полицейские репрессии правительства Салазара и утвердила МПЛА и ПАИ как ведущие антипортугальские движения в колониях.

После начала освободительной борьбы в Анголе (февраль 1961 г.) и brutальной реакции колонов (белых поселенцев) и португальских войск, руководители националистов осознали необходимость большей координации своих усилий. В Конакри родилась идея создания организации, которая заменила бы ФРАИН, – с более широкими целями и с более эффективным механизмом и методами борьбы. Эта идея была реализована в апреле 1961 г. в Касабланке на Конференции националистических организаций португальских колоний, в которой участвовали 14 делегатов, представлявших 11 националистических движений (МПЛА, ПАИГК, УДЕНАМО, Политический Конвент Гоа и Мигел Тровоада – представитель Сан-Томе и Принсипи). УПА отказалась от приглашения и не участвовала в этой конференции. На конференции была создана организация, ставшая преемницей ФРАИН – Конференция националистических организаций португальских колоний (КОНКП).

Основными принципами КОНКП были следующие:

- единство действий всех националистических организаций с целью полной и безотлагательной ликвидации португальского колониализма;
- единый фронт в национальном масштабе;
- кооперация между националистическими организациями португальских колоний с целью повышения эффективности их деятельности и методов действий;
- солидарность с народами всех стран в борьбе против колониализма и империализма.

Президентом КОНКП был избран М. де Андради, генеральным секретарем, руководившим Постоянным секретариатом, стал М. душ Сантуш. Местопребыванием Постоянного секретариата был выбран Рабат (Марокко). После этой конференции в Касабланке и учреждения штаб-квартиры КОНКП в Рабате, Марокко стала страной, оказавшей наибольшую

поддержку националистам португальских колоний. Особенно значительная заслуга в этом принадлежит большому другу этих националистов марокканскому врачу и министру по африканским вопросам доктору Хатиб Абдель-Криму.

Цели КОНКП принципиально не отличались от целей МАК и ФРАИН. Эти различные организации соответствовали последовательным этапам антиколониальной борьбы. КОНКП по сравнению с предыдущими организациями располагала более значительными финансовыми средствами, каналами распространения информации, а также военно-тренировочными лагерями на территории Марокко и Алжира (ФНО). Именно в марокканском военном лагере Кашатадла в июне 1962 г. Африкану Нето начал тренировать первую группу юных ангольских бойцов МПЛА (группа Энда)²⁵⁸. Акино де Браганса, ближайший сотрудник М. душ Сантуша, перевозил на своей машине в порт Касабланка оружие и боеприпасы для ПАИГК.

Важная особенность КОНКП состоит также в том, что она ярко продемонстрировала высокую степень дружбы и солидарности между националистическими руководителями, выкованную в общей антифашистской борьбе еще в 1950-х годах в Лиссабоне. Первыми акциями КОНКП были участие в подготовке первого конгресса студентов из португальских колоний (УГЕАН) в Рабате в сентябре 1961 г.²⁵⁹, получение стипендий для студентов в социалистических странах, а также материальная поддержка ангольских врачей, поехавших учиться в Киншасу.

В октябре 1961 г. большинство националистических организаций-членов КОНКП собрались в Дели на семинар по проблемам португальских колоний, что укрепило решимость Индии через два месяца отвоевать Гоа, Даман и Диу. На этом семинаре Эдуардо Мондлане и Аделино Гвамбе представляли УДЕНАМО, Мигел Тровоада – Сан-Томе и Принсипи, член ПКП Мануэл Серториу участвовал как наблюдатель²⁶⁰.

²⁵⁸ Junior Paulo M. Lembrança da Vida. Luanda, 1998, p. 54–59.

²⁵⁹ Rocha E. A casa dos Estudantes, p. 109.

²⁶⁰ AN/TT – PIDE – Dgs., Proc. MPLA, 115A, Doc. 449.

11 декабря 1961 г. М. де Андради, выступая в штаб-квартире КОНКП в Рабате, осудил португальский колониализм и «потребовал освобождения наших политических вождей А. Нето, И. Машаду, падре Ж. П. де Андради, М. Невиша». Говоря особо о Нето, он сказал: «Доктор А. Нето – наш вождь и единственный, кто может объединить нас завтра, когда возникнут неизбежные разногласия между ангольскими политиками»²⁶¹.

КОНКП явилась высшим этапом объединительного движения националистов португальских колоний, начатого еще в ДСИ и Африканском морском клубе в 1950-е годы, а потом в подполье в МАК. Этот дух единства пронизывает всю политическую практику националистов, и он подпитывался дружбой и взаимным доверием, общностью целей и идеологии. Именно от КОНКП и особенно от своих друзей М. душ Сантуша и А. Кабрала А. Нето получал наибольшую моральную поддержку в годы тюремного заключения.

История создания КОНКП – это необычный и тернистый путь националистов «поколения Кабрала», «стариков», которые начали свою борьбу в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и которые оказали решающее влияние на молодежь следующего поколения, на «новую волну» в ДСИ, Африканском морском клубе в Лиссабоне и на молодых ангольских студентов за границей.

С 1 по 3 декабря 1962 г. в Киншасе (Леопольдвиле) состоялась Первая национальная конференция МПЛА, на которой развернулась острая борьба между сторонниками А. Нето и В. да Круша. В литературе прочно утвердилась точка зрения, что в основе этой борьбы лежали политические разногласия. Однако документы убеждают в том, что главным был вопрос о том, кто возглавит МПЛА – А. Нето или В. да Круш?

В качестве доказательства приведу обнаруженный в АВПР ценный документ – составленную третьим секретарем посольства СССР в республике Конго О. Н. Нажёсткиным справку от 14 февраля 1963 г. В ней, в частности, говорится: «В процессе подготовки конференции среди

²⁶¹ Ibidem.

руководителей НДОА (МПЛА – А.Х.) появились разногласия. Вириато да Круз обвинил Нето, Де Андраде и Дос Сантоса в узурпации власти, в мелкобуржуазном уклоне и попытках ликвидировать прежние революционные завоевания НДОА. Да Круз направил в руководящий комитет НДОА несколько писем, в которых подверг Нето и Да Сантоса резкой критике, назвал их агентами американского и португальского империализма.

Говоря об этих разногласиях, Нето в беседах с нами подчеркивал, что в основе их лежат не политические, а личные мотивы. Обладая сильным волевым характером и явной склонностью к диктатуре, Да Круз привык единолично командовать в НДОА. Перемены в сторону усиления авторитета Нето и демократизации руководства ему не нравятся. Политические обвинения да Круз выдвинул исключительно в поддержку своих личных притязаний на руководящую роль в НДОА»²⁶².

На конференции В. да Круш был снят с поста генсека МПЛА за систематические нарушения устава и за злоупотребления служебным положением, что привело к ослаблению внутренней безопасности и дисциплины в организации. В. да Круша и его сторонников исключили из МПЛА А. Нето был избран президентом МПЛА.

Вскоре после конференции руководство МПЛА приняло решение передислоцировать штаб и военные базы в Браззавиль²⁶³. Это дало возможность перегруппировать силы, реорганизовать МПЛА и начать новый этап борьбы с португальскими колонизаторами.

²⁶² АВПР, ф. 0658, оп. 1, п. 1, л. 174–179.

²⁶³ Хазанов А.М. Крушение последней колониальной империи, с. 117.

Освобождение Индией ГОА.

В самом конце 1961 г. по фашистской диктатуре Салазара был нанесен еще один жестокий удар. Португалия лишилась своих колониальных владений в Индии.

Четыре с половиной века томились индийцы Гоа, Дамана и Диу под колониальным игом Португалии.

Все три территории были расположены на западном побережье полуострова Индостан и представляли собой анклав, вклинивавшиеся в индийскую территорию. Общая их площадь составляла 3983 кв. км, причем самой большой из них была Гоа, расположенная примерно в 400 км к югу от Бомбея. Все три территории, располагавшие морскими портами, отрезали Индию от удобных выходов к морю.

Португальская официальная наука и пропаганда всегда подчеркивали особый характер их заморских владений в Индии (официально именовавшихся «Португальским государством в Индии»), заключающийся в том, что они в отличие от английских и французских владений в Индии существовали четыре с половиной века. Однако этот выдвигавшийся и до сих пор выдвигаемый тезис находится в противоречии с исторической действительностью. Фактически 80% территории «португальской» Индии (т. е. около 1222 кв. миль из всех 1532 кв. миль) были оккупированы португальцами только в конце XVIII в., т. е. примерно в то же время, когда и англичане и французы обосновались в Индии, и лишь 20% «португальских» территорий в Индии были захвачены Португалией четыре с половиной века назад.

Таким образом, даже ссылки адептов португальского колониализма на какие-то «исторические» права Португалии на Гоа, Даман и Дну абсолютно несостоятельны.

Другой довод, выдвигаемый португальской пропагандой и официальной наукой для «обоснования» прав Португалии на часть индийской территории, сводится к тому, что за время длительного

португальского господства жители Гоа, Дамана и Диу подверглись значительной ассимиляции и перестали быть индийцами-индусами, став португальцами-христианами. Однако, согласно переписи 1950 г., общее население португальских владений в Индии составило 637 591 человек, из них лица индийского происхождения — 636 152 человека, или 99,7%. Европейцев и «потомков европейцев» было всего 900 человек, Гоа, Даман и Диу в основном были населены индийцами, говорящими на языках жителей прилегающих районов Индии. Больше всего распространен язык маратхи или его южный диалект — конкани. Несмотря на насильственное «олузитанизацию» жителей колоний, португальский язык не привился среди индийского населения Гоа, Дамана и Диу. На нем говорит не более 7% населения этих территорий. Столь же несостоятельны утверждения о том, что население Гоа, Дамана и Диу в подавляющем большинстве составляют христиане, а не индусы. Даже, согласно официальной переписи населения, христианское население колоний насчитывало 234 275 человек, в то время как индусы — 388 488 человек. Кроме того, в колониях проживало около 9 тыс. мусульман и представителей других религий. Таким образом, христианская религия имела влияние менее чем на 40% жителей колонии.

Адепты Салазара до сих пор не перестают уверять, что в Гоа не было расовой дискриминации, поскольку его население — («индо-португальцы») — это «симбиоз двух культур, продукт полной интеграции привычек и обычаев двух далеких народов, блестящей работы, выполненной Португалией».

На деле в Гоа, Дамане и Диу существовал строгий расовый барьер, и практиковались разнообразные формы расовой дискриминации, в отношении неевропейского населения. О наличии такого барьера и лживости утверждений об ассимиляции свидетельствует мизерное число браков между представителями разных рас. Согласно официальной статистике, в 1952 г. было зарегистрировано всего два брака между европейцами и индийцами. На

население более чем 600 тыс. человек приходилось всего 447 лиц смешанного происхождения.

Расовая дискриминация ярче всего проявлялась в полном отстранении индийцев от участия в управлении. За время португальского господства Гоа не знала губернатора-индийца. Лишь в середине 50-х годов при губернаторе был учрежден законодательный совет. Он состоял из 23 членов, в том числе 18 выборных и 5 назначаемых. Но из 18 выборных членов лишь 11 избирались на основе избирательного права для взрослых, а 7 «избирались» различными учреждениями, где заправляли колонизаторы.

Итак, выборное большинство было фикцией, очевидным трюком салазаровской диктатуры. Индийцы имели в Гоа весьма урезанные права. Им запрещалось служить во флоте, а в армии они не могли продвинуться дальше чина капрала. Расовая сегрегация приняла столь большие масштабы, что специальным декретом от 19 января 1941 г. офицерам португальской армии предписывалось выбирать себе жен только среди дочерей европейцев.

Врачам, получившим квалификацию в Гоа, запрещалось практиковать в Португалии, Анголе и Мозамбике; даже въезд гоанцев в «португальскую» Африку был сильно ограничен.

Португалия довела свои колонии в Индии до состояния крайней нищеты, разрухи и голода. Несмотря на плодородные земли и значительные природные ресурсы, Гоа не могла обеспечить даже половины потребностей населения в продовольствии. В колонии по существу отсутствовала промышленность. Португалия рассматривала свои индийские колониальные владения только как стратегически выгодные пункты на важнейших морских путях, связывающих Дальний Восток и Индию с Европой.

Единственная отрасль промышленности «португальской» Индии, получившая некоторое развитие, — горнодобывающая промышленность — была отдана по существу в полную собственность иностранных монополий. В Азии португальское правительство проводило ту же политику, что и в Африке: идя на значительные экономические уступки иностранным

монополиям, оно надеялось превратить западных союзников в «гарантов» неприкосновенности своих колониальных владений.

В Гоа существовали значительные залежи железных и марганцевых руд. В 1954 г. добыча железной руды составила 1380 650 г, марганца— 105919 т. Главную роль в эксплуатации железных и марганцевых рудников играл американский и японский монополистический капитал. Американо-японские тресты «КоканКогио» и «Ниппон Кокан», связанные с «Файнэншл Экспорт Бэнк оф Джапан», прибрали к рукам все наиболее прибыльные рудники.

В горнорудной промышленности было занято 75 тыс. человек. Работы на рудниках велись допотопным способом, люди долбили породу мотыгами и переносили ее в корзинах. Не существовало никакой охраны труда, широко использовался дешевый детский труд. Экономика колонии полностью зависела от экспорта железных и марганцевых руд. С 1949 по 1952 г. экспорт железа возрос с 49 188 г до 469 596 т. Экспорт марганца составил в 1947 г. 10 тыс. т стоимостью 4 тыс. рупий, а в 1953 г.— 207 361 т. стоимостью 29 235 453 рупии.

Легкая и пищевая промышленность колонии была представлена мыловаренным и сахарным заводами и в особенности предприятиями по добыче соли из морской воды. Большая часть продукции горнодобывающей промышленности, рыболовства и солеваренного производства экспортировалась в Индию, Западную Германию, Японию и США. Типичным примером колониальной эксплуатации Гоа была деятельность «Банконасионалултрамарино». Этот банк не только обладал исключительным правом денежной эмиссии, но господствовал также в коммерческой, промышленной и сельскохозяйственной областях. В одном только 1954 г. этот банк получил в Гоа прибыль в 10 тыс. конто.

Сельское хозяйство Гоа было обречено на полную деградацию и застой. Население страдало от засух. За весь период португальского колониального господства было построено всего два ирригационных канала,

но они не могли обеспечить все население водой. «Для нашего сельского хозяйства характерна крайняя отсталость; оно не производит того, что необходимо для удовлетворения наших потребностей», — заявил в 1949 г. с трибуны Национальной ассамблеи депутат от Гоа Фроилано де Мело.

Торговый баланс колонии постоянно сводился с дефицитом. В 1955 г. ее импорт в четыре раза превышал экспорт ⁶. Такое ненормальное превышение импорта над экспортом лишний раз свидетельствовало о том, что как экономический район Гоа немогла быть обособлена. Португалия навязала Гоа участие в так называемом таможенном союзе португальских территорий. Все выгоды от взимания пониженных пошлин в межколониальной торговле, получала метрополия. В то же время были прерваны естественные внешнеторговые связи колонии. Например, раньше Гоа, импортировала сахар по дешевой цене с соседней Явы, но после того, как она вступила в таможенный союз, она была вынуждена ввозить сахар из далекого Мозамбика по более высокой цене.

Слабое развитие экономики и тяжелые условия жизни коренного населения были причинами массовой эмиграции из Гоа в Индию и даже в африканские страны (в Кению, Танганьiku, Мозамбик).

Искусственное обособление трех территорий от Индии оказывало самое пагубное влияние на их экономическую жизнь. Гоа, Даман и Дну на протяжении всей своей истории поддерживали тесные экономические связи с Индией и стали экономически интегральной частью Индии. На Индию, по официальным данным, приходилось в 1955/56 г. около 20% импорта и свыше 40% экспорта «португальской» Индии. В то же время доля Португалии и ее колоний в торговле Гоа составляла лишь 7,6%, а доля собственно Португалии 10% в импорте и 1% в экспорте.

Экономическая жизнь Гоа, Дамана и Дну вплоть до разрыва экономических связей с Индией, вызванного резким ухудшением отношений между Португалией и Индией, в значительной степени зависела от транзитной торговли, большая часть которой приходилась на долю Индии.

Через порты Мармагао, Даман и Диу из Индии вывозились хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, зерно, минеральное сырье и ввозились в Индию промышленное оборудование, химикалии, продовольственные товары и т. д.

Единственная существующая в Гоа железная дорога соединяла крупнейший порт Мармагао с внутренними районами Индии и обслуживала главным образом индийские морские перевозки. Более 80% объема грузооборота порта направлялось в Индию.

Экономические связи Гоа с Индией были столь тесными, что вплоть до обострения отношений между Португалией и Индией в колонии находились в обращении индийские деньги. Эти же деньги были единственной валютой, использовавшейся для внешнеторговых операций.

В 1951 г. денежные переводы из Индии в Гоа составили 68 млн. рупий, из Гоа в Индию — 46 млн. рупий, в то время как из Португалии в Гоа — только 4,1 млн. и из Гоа в Португалию — 11,6 млн. рупий. Весьма любопытно также, что к концу 50-х годов более 100 тыс. гоанцев работали в различных городах Индии, главным образом в Бомбее.

Все сказанное приводит к неизбежному выводу о том, что в историческом, культурном и экономическом отношениях Гоа, Даман и Диу составляли нераздельную часть Индии. «Гоа,— писал индийский журналист Дж. Эвагрио, — может быть португальской только по праву, в силу которого Португалии была мавританской до 1140 г. или испанской в 1640 г. — по праву завоевания и оккупации».

Португальское владычество не только ущемляло национальный суверенитет Индии, оскорбляло национальные чувства индийцев, наносило большой экономический и политический урон Индии, но и представляло для нее прямую военную угрозу. После вступления Португалии в НАТО и подписания в начале 1951 г. американо-португальского соглашения о взаимном обеспечении безопасности американские империалисты начали превращать Гоа в свою военную базу. Они рассчитывали использовать эту

территорию как военный плацдарм для оказания давления на Индию и для борьбы против национально-освободительного движения в Азии. В середине декабря 1957 г. стало известно о том, что США заключили с Португалией секретное соглашение, предусматривающее оказание Вашингтоном всемерной помощи португальскому правительству в сооружении новых военных баз в Гоа и Дамане, а также на острове Тимор. Тотчас после заключения этого соглашения США приступили к строительству на территории Гоа, Дамана и Диу аэродромов, укреплений и других военных объектов. В индийской печати в то время часто публиковались сообщения об участии США в военных приготовлениях Португалии, об использовании территории Гоа как пункта для военных демонстраций в Юго-Восточной Азии. Гоа была наводнена американскими советниками, в гоанские порты то и дело заходили американские, английские и западногерманские суда, доставлявшие не только контрабандные товары, но и оружие. На американские средства и под руководством американских специалистов строились военные аэродромы в районе порта Мармагао и на плато Бамболим, реконструировался и укреплялся главный порт Гоа — Мармагао. В 1960 г. индийская общественность с негодованием узнала о планах Пентагона построить в Гоа американскую ракетную базу.

В Гоа было сконцентрировано более 15 тыс. солдат, снабжение которых взял на себя ряд португальских и иностранных фирм. По словам выдающегося борца за свободу Гоа Браганса Кунья, эта колония была «превращена в военный лагерь с тысячами европейских и африканских солдат, экипированных современным оружием, поставляемым им НАТО, с военно-воздушной базой».

«Проблема ликвидации иностранного господства в Гоа,— писала индийская газета «Дели Таймс», — стала еще более неотложной потому, что эти небольшие португальские территории на западном побережье Индии сейчас являются очагом международных интриг и контрабанды и превращаются в военные базы при активном потворстве других

империалистических государств-членов НАТО, в которое входит и Португалия... Гоа представляет собой военный лагерь, где сконцентрирован военный персонал, оснащенный новейшим оружием НАТО. Гоанцы превращены в рабов в своих собственных домах... Свобода Индии не будет полной до тех пор, пока империалистические армии будут находиться на индийской территории — в Гоа, Дамане и Диу».

Португальские колонизаторы превратили Гоа в центр интриг и провокаций против Индии, создавали напряженное положение на границе и даже подвергали обстрелам ее территорию. Как заявил в Народной палате Индии парламентский секретарь Министерства иностранных дел СадатхАлихан, только в течение сентября — октября 1957 г. португальские войска в Гоа 29 раз нарушали индийскую границу.

Подписание американо-португальского соглашения о военных базах осложнило проблему Гоа. Если до этого соглашения правительство Индии выступало за освобождение Гоа мирными средствами, то начиная с 1957 г. оно не исключало и насильственных методов освобождения территории. Еще 1 октября 1957 г. индийская газета «Индиан экспресс» писала, что возможность превращения Гоа в базу НАТО делает всю эту проблему еще более зловещей, поскольку вопрос, который раньше был лишь предметом спора между Индией и Португалией, может перерасти в часть мирового конфликта.

Позицию индийского правительства по вопросу о Гоа сформулировал в 1960 г. тогдашний министр обороны Кришна Менон: «Гоа — наша территория, она должна быть освобождена нами, это часть нашего незавершенного дела. Будет ли Гоа освобождена насильственными средствами или средствами убеждения — это вопрос, который мы должны решить сами».

Через год индийское правительство открыто заявило о своем решении прибегнуть к вооруженной силе для освобождения незаконно удерживаемой Португалией части индийской территории. 16 августа 1961 г. премьер-

министр Индии Джавахарлал Неру заявил: «Возможно, придет время, когда мы решим послать туда армию. Когда наступит такое время, мы предпримем открытые, а не тайные или скрытые усилия».

Усилия Индии, стремившейся к освобождению Гоа от иноземного гнета, смыкались с освободительной борьбой, которую на протяжении всего периода португальского господства вело индийское население Гоа, Дамана и Диу.

Еще в 1928 г. возник Национальный конгресс Гоа — партия, возглавившая освободительную борьбу в «португальской» Индии и работавшая в тесном контакте с Индийским национальным конгрессом. В 30-х годах Национальный конгресс Гоа провел кампанию «ненасильственного сопротивления» (сатьяграхи), используя одну из получивших широкое распространение форм освободительной борьбы индийского народа под руководством Индийского национального конгресса. Крупные выступления гоанцев в форме кампании гражданского неповиновения произошли в 1946 г., вскоре после окончания второй мировой войны. Португальские власти обрушили на участников освободительного движения град репрессий. Руководящие деятели движения — БрагансаКунья, Какодкар, Хегде и другие — были брошены в тюрьмы.

Завоевание Индией независимости в 1947 г. послужило толчком к новому подъему освободительного движения в Гоа, влив в него свежие силы. В то же время на пути этого движения возникли новые серьезные трудности. Португальские власти стали спешно наращивать вооруженные силы в колонии. Если до независимости Индии войска, расквартированные в Гоа, не превышали тысячи, то уже к 1950 г. их число достигло 10 тыс. В одном только 1948 г. в Гоа было ввезено оружия и военного снаряжения на 42 тыс. рупий. В 1951 г. ввоз оружия увеличился в 70 раз и составил в стоимостном выражении 3 млн. рупий. Стремясь задушить освободительное движение в Гоа, португальские власти прибегли к массовому террору, вынося суровые приговоры всем, кто подозревался в сочувствии этому движению. Говоря об

этом периоде, один из лидеров освободительного движения в Гоа БрагансаКунья отмечал: «Плохое обращение с нашими товарищами сменилось теперь жестокостью, садизмом и произволом. Приговоры от 4 до 8 лет тюремного заключения теперь сменились приговорами от 15 до 28 лет, вместо избиений и бритья головы стали прибегать в отношении наших волонтеров к револьверным и ружейным выстрелам, замучивать их до смерти или проламывать им черепа. Наши протесты, как и ноты протеста индийского правительства, не оказывают никакого влияния на упрямое правительство Португалии».

Несмотря на массовый террор, волны освободительного движения в Гоа вздымались все выше. Вдохновляемые успехами независимой Индии и поддерживаемые индийской и мировой прогрессивной общественностью гоанские патриоты развернули активную борьбу под лозунгом ликвидации португальского колониального господства и воссоединения с матерью-родиной Индией. Они устраивали тайные митинги, распространяли листовки, вели большую агитационную работу в массах. 18 июня 1954 г. во многих деревнях Гоа были вывешены индийские национальные флаги, а на стенах домов появились надписи «Вон из Гоа!». 15 августа — в День независимости Индии — 42 гоанца из Индии перешли границу Гоа, неся в руках индийский флаг и не обращая внимания на нацеленные на них ружья и пулеметы.

Ровно через год— 15 августа 1955 г. — гоанские и индийские патриоты предприняли поход на главный город Гоа — Панджиме, применив ненасильственные гандистские методы борьбы. Несмотря на мирный характер демонстрации, португальские войска открыли огонь по толпе. Около 30 человек было убито и сотни ранены.

После варварского расстрела мирной демонстрации в Гоа Индия прервала всякие официальные контакты с Португалией, отозвала своего консула из Гоа и потребовала от Португалии закрыть консульства в Бомбее и Мадрасе . Португальские фашисты обрушили на маленькую колонию новые репрессии. Только в 1955 г. они арестовали более 3 тыс. человек. За период с

1946 по 1957 г. было брошено в тюрьмы несколько тысяч гоанцев, 13 лидеров освободительного движения сосланы на острова Зеленого Мыса, в Анголу и Португалию, около 300 патриотов осуждены на длительные (до 28 лет) сроки тюремного заключения, 87 человек расстреляны или замучены до смерти.

В феврале 1957 г. португальские колонизаторы совершили чудовищное злодеяние: они привязали в Понде нескольких гоанских патриотов к «джипу», проволокли их около двух миль, а затем облили керосином и подожгли. Когда этот страшный факт стал известен международной общественности, португальские официальные лица выступили с заявлениями, в которых отрицали подобный инцидент. Однако им не удалось замести следы преступления. В начале 1961 г. английская газета «Гардиан» опубликовала письмо Питера Д'Коста из Бомбея, в котором он сообщал: «Я был в Понде в то время и сам все видел. Я удивлен, что португальское посольство в Лондоне отрицает инцидент, свидетелем которого были сотни людей... Почему португальцы так боятся позволить независимым международным юристам провести расследования в Гоа?».

Начало освободительного восстания в Анголе тотчас же эхом отозвалось в Гоа. «Восстание в Анголе и недавний эпизод с захватом в открытом море лайнера „Санта-Мария“ вдохновили гоанских националистических деятелей, находящихся в подполье, на борьбу за независимость», — писала газета «Индиан экспресс» 5 мая 1961 г.

Вскоре после известий о восстании в Анголе гоанские патриоты совершили нападение на два португальских военных поста и захватили большую партию оружия.

Португальское правительство, напуганное ростом освободительного движения в своих колониях, объявило призыв в армию лиц в возрасте от 18 до 36 лет. У португальцев, как писала «Индиан экспресс», вызвало особую тревогу то, что в связи с восстанием в Анголе они перебросили из Гоа в африканские владения около 17 тыс. солдат, значительно ослабив свою

армию в Гоа. По словам той же газеты, гоанская молодежь не желала служить в колониальной армии и всячески уклонялась от воинской повинности.

Освободительная борьба гоанцев за ликвидацию колониального гнета и воссоединение с Индией выдвинула много героев. Одним из первых в этой плеяде должно быть названо имя Тристана БрагансаКунья, которого справедливо называют отцом гоанского национализма. С 1926 г. он активно участвовал в национально-освободительном движении в Гоа. В своих блестящих публицистических статьях он разоблачал сущность и методы португальского колониализма, выступал за организацию такого освободительного движения, которое было бы тесно связано с национально-освободительной борьбой всего индийского народа. БрагансаКунья был основателем Национального конгресса Гоа, одним из организаторов развернутой Национальным конгрессом Гоа кампании гражданского неповиновения. В июле 1946 г. он был арестован и брошен в тюрьму-крепость Агуада, а затем отправлен в Португалию. В 1950 г. его освободили из тюрьмы, но держали в Лисабоне, отказав в праве выезда. Однако в 1953 г. Кунья сумел ускользнуть от ищеек Салазара. Он бежал в Париж, а оттуда перебрался в Индию, где снова активно включился в борьбу за освобождение Гоа. Умер БрагансаКунья 26 сентября 1958 г., так и не дожив до дня освобождения своей родины. В 1959 г. Всемирный Совет Мира в Стокгольме посмертно наградил Б. Кунья Международной премией мира. «История борьбы за свободу Гоа — это история, которую все мы должны помнить...», — писал Дж. Неру. — Следует помнить, что эта маленькая территория дала сравнительно большое число мужчин и женщин, которые пожертвовали в этой борьбе многим. Среди них выделяется имя д-ра Т. БрагансаКунья. Помня о нем, мы всегда будем помнить дело, которому он служил и ради успеха которого он работал».

Освободительная борьба жителей Гоа пользовалась сочувствием и поддержкой всей прогрессивной мировой общественности. Огромную

поддержку населению Гоа в его законном стремлении освободиться от колониального рабства и воссоединиться с Индией оказывали демократические круги в самой Португалии. Наиболее решительную и твердую позицию занимала в вопросе о Гоа Португальская коммунистическая партия. Она последовательно и энергично отстаивала лозунг о праве на самоопределение для всех колоний и выступала за проведение немедленных переговоров с Индией о воссоединении с нею Гоа, Дамана и Диу. Компартия Португалии была организатором широкой кампании против отправки войск в Гоа и против военной истерии в Португалии в связи с «гоанским вопросом». В своем заявлении от 1 мая 1954 г. компартия разоблачила агрессивную и преступную политику Салазара в вопросе о Гоа и указала на те трагические последствия для Португалии и ее народа, к которым могла привести эта политика. Большое место занял вопрос о Гоа в работе V съезда Португальской коммунистической партии. Съезд решительно высказался за ликвидацию колониального контроля Португалии над частью территории Индии. В политическом отчете ЦК ПКП съезду указывалось: «Действительные интересы народов Гоа и Португалии требуют, чтобы населению Гоа была предоставлена свобода самому решить вопрос о своей судьбе путем действительно свободного народного волеизъявления. Такова позиция Португальской коммунистической партии, занятая ею с самого начала в защиту интересов народа Португалии и Гоа».

В специальной резолюции по проблеме колоний, принятой съездом, было записано: «V съезд считает правильной линию, защищаемую ЦК в отношении проблемы Гоа, и еще раз заявляет, что коммунистическая партия будет требовать мирного разрешения проблемы Гоа путем переговоров, признавая за народом Гоа право свободно определить свою судьбу».

В поддержку справедливых требований народа Гоа выступили и другие демократические организации Португалии. Так, Национально-демократическое движение, вокруг которого группировались оппозиционно настроенные к Салазару демократические круги, в своих подпольно

издаваемых брошюрах и листовках заявляло, что «разногласия с Индийским Союзом должны быть решены путем переговоров и путем удовлетворения законных чаяний народа Гоа, Дамана и Диу». Поддержка справедливых требований населения Гоа была одной из главных причин репрессивных мер, предпринятых Салазаром в отношении Национально - демократического движения. Все члены его центрального комитета были арестованы. 18 июня 1957 г. в Порту начался суд над председателем Национально-демократического движения выдающимся ученым-математиком проф. Руи Луисом Гомесом. Вместе с ним на скамью подсудимых сели четыре других видных лидера оппозиции. Четверо подсудимых были приговорены к двум годам, один к десяти месяцам тюрьмы.

С резкой критикой политики Салазара выступала также другая оппозиционная организация — Португальское молодежное движение за демократическое единство. В изданном ею манифесте содержалось требование, «чтобы конфликт в Гоа был решен мирными средствами» и чтобы «португальское правительство провело с индийским правительством такие переговоры, которые после обсуждения точек зрения обеих сторон могли бы разрешить конфликт дружественным путем».

Борьба за предоставление гоанцам права самим решить свою судьбу охватывала все более широкие слои населения Португалии. Она все больше связывалась с борьбой против фашистской диктатуры Салазара. Лозунг освобождения Гоа становился одним из главных лозунгов, написанным на знамени антифашистов, под которое становились все новые тысячи противников диктаторского режима Салазара независимо от их классовой, политической и религиозной принадлежности.

Переброска большого количества войск в Гоа, лихорадочные военные приготовления в стране, непомерные расходы на вооружение не оставляли сомнений в том, что Салазар «бросил жребий» и готов пойти на военный конфликт с Индией. Поэтому требование отказаться от агрессивного курса и решить проблему Гоа путем переговоров с Индией стало всеобщим, охватив

самые широкие слои населения Португалии. Рабочие нескольких фабрик в Лисабоне вместе с банковскими и другими служащими организовали несколько митингов в пользу мирного решения гоанского вопроса. Такие же митинги проходили в городах Сакавем, Повоа, Аландра, Амадора, Келуз и др. В Порту сторонники мирного решения вопроса о Гоа направили правительству обращение, содержащее требование начать переговоры с Индией. Тысячи таких писем и телеграмм приходили в Лисабон из Торре де Клеригос, Пиаса, Вале де Верго. В Пиасе тысячи людей вышли на улицу, чтобы помешать отправке в Гоа пяти солдат, завербованных в этом городе. С криками «Долой войну!» толпа остановила автобус и заставила солдат вернуться домой. При отправке в Гоа военного судна «Серпа Пинто» с солдатами на борту толпа их родственников и друзей с криками «Негодяи, они посылают их на войну! Оставьте Гоа индийцам!» прорвала полицейский кордон. Несколько рекрутов прыгнули за борт, пытаясь бежать, но были пойманы и принуждены вернуться. Когда к солдатам многих воинских частей обращались с вопросом, кто желает добровольно отправиться в Гоа, ни один человек не выходил вперед. Чтобы создать видимость «народной поддержки» политики Салазара, правительство пыталось инсценировать «патриотические» манифестации, однако эта затея с треском провалилась. Во время выступлений официальных ораторов толпа кричала: «Пошлите в Индию представителей для переговоров!»

Правительство Индии много раз предлагало португальскому правительству начать мирные переговоры. Но правительство Салазара нагло отвергало даже идею переговоров. Более того, в ответ на мирные предложения Индии оно угрожало применением силы, намекая при этом, что в случае военного конфликта Индии придется иметь дело не с одной Португалией, а со всем блоком НАТО.

Между тем в начале 1961 г. в Гоа, Дамане и Дну началось повстанческое партизанское движение, направленное против португальских колонизаторов. Во главе этого движения встал Военный совет, состоявший

из представителей патриотических организаций Гоа, Дамана и Диу. Многие организации и частные лица, выражая настроения прогрессивной общественности всего мира, требовали от правительства Индии оказать активную вооруженную помощь повстанческому движению и помочь ему освободить Гоа от португальского колониального владычества. Комитет африканских освободительных организаций в Лондоне обратился к Дж. Неру со следующей телеграммой: «Мы серьезно встревожены вашими колебаниями в отношении предоставления эффективной помощи Гоа. От имени 39 организаций, входящих в наш комитет, и народов Африки мы призываем вас немедленно двинуться в Гоа, используя всю мощь вашей армии, чтобы спасти жизнь сражающихся гоанцев. Африка с вами».

В начале декабря 1961 г. индийское правительство официально заявило о своем намерении решить проблему Гоа военным путем. Выступая 7 декабря в индийском парламенте, Дж. Неру заявил: «В данный момент я не могу сказать, к чему это приведет, за исключением того, что в конечном счете это должно неизбежно привести к освобождению Гоа».

В ответ Салазар поспешил обратиться за помощью к своим союзникам по НАТО. 11 декабря правительству Англии было послано специальное послание. В нем цитировался Виндзорский договор 1899 г., по которому Англия дала согласие защищать заморские территории Португалии от ее тогдашних и будущих врагов. Португальское правительство просило Англию разрешить использовать ее базы, расположенные между Португалией и Гоа, для заправки горючим судов и для поддержания контактов с Гоа. Английское правительство хотя и было заинтересовано в сохранении Гоа под португальским контролем, в то же время не могло не считаться с тем фактом, что открытая поддержка Салазара в этом вопросе могла бы осложнить его и без того достаточно сложные отношения с Индией и другими странами Содружества. Исходя из этих соображений, оно отклонило просьбу Салазара о разрешении использовать британские базы и обещало лишь «ограниченную» помощь в вопросе о Гоа. Впоследствии

Салазар так оценивал реакцию Лондона на его послание: «Португальское правительство... просило британское правительство указать, какие меры оно могло бы предпринять для кооперации с португальскими силами, чтобы остановить индийскую агрессию. Ответ правительства ее величества, который был вскоре получен, состоял в сущности в следующем: в случае нападения на Гоа неизбежно последуют ограничения в той помощи, которую британское правительство сможет оказать португальскому правительству в его борьбе с одним из членов Содружества».

Гораздо более благоприятный отклик получила просьба Салазара в Вашингтоне. США активизировали усилия по оказанию помощи своему младшему партнеру по НАТО. Посольство США в Индии развернуло лихорадочную деятельность, стремясь отговорить Перу от решительных шагов и помешать вступлению индийских войск в Гоа. 13 декабря президент США Дж. Кеннеди направил личное послание премьер-министру Перу, в котором «выражалась надежда», что Индия не прибегнет к применению силы в Гоа. 15 и 17 декабря посол США в Индии Джон К. Гэлбрэйт предложил правительству Индии помощь США в поисках мирного решения проблемы и просил отложить военную акцию хотя бы на шесть месяцев.

Индийское правительство дало достойную отповедь фарисейской «миротворческой» миссии американского правительства», которое рассчитывало выиграть время, чтобы помочь Салазару укрепить обороноспособность Гоа. Посольство Индии в США направило правительству США следующее послание: «Индия удивлена тем, что ее друзья, которые молчали в течение долгих четырнадцати лет, неожиданно проявили интерес к тому, чтобы убедить Индию согласиться на шестимесячный период дальнейших переговоров. Послание правительства США дошло до правительства Индии только за шесть часов до того, как началась акция в Гоа. Когда правительство Индии решило навести справки, благоприятно ли реагировало португальское правительство на посредничество США и был ли ею проявлен позитивный подход,

правительство Индии узнало, что Португалия не обнаружила такую положительного подхода. В этих условиях для Индии не оставалось ничего другого, как начать осуществление своей программы применения минимальной силы для освобождения Гоа от гнета Португалии».

18 декабря 1961 г. индийские войска, поддержанные танками и броневиками, перешли границу и вступили на территорию Гоа, Дамана и Диу. Индийская авиация подвергла бомбардировке аэродром в Панджиме. Индийские самолеты, летавшие над Гоа, сбрасывали листовки, объясняющие гоанцам, что цель индийской военной акции — освобождение Гоа, Диу и Дамана и воссоединение их с Индией. Одновременно военно-морские силы Индии атаковали португальские укрепления на острове Анджидив. Через 36 часов после начала индийской военной акции португальские войска капитулировали.

19 декабря над Гоа, Даманом и Диу был поднят индийский флаг и Индия формально вступила в управление этими территориями. Окончилась одна из самых мрачных страниц в истории колониализма.

Справедливая акция Индии, явившаяся самым сильным ударом по империи Салазара за весь послевоенный период, вызвала у португальских колонизаторов приступ бессильной ярости. Обуреваемое жаждой мести, португальское правительство отдало приказ об интернировании всех индийских резидентов в своих колониях и конфискации их собственности. Около 3 тыс. индийцев, живших главным образом в Мозамбике, были интернированы. Это обстоятельство стало важным фактором, повлиявшим на решение индийского правительства о судьбе и условиях репатриации военнослужащих португальских войск, взятых в плен в Гоа.

Не без оснований рассчитывая получить поддержку от своих западных союзников, Португалия не постеснялась подать «жалобу» в Совет Безопасности ООН. В португальской «жалобе» содержались уверения, что «заморские территории» составляют интегральную часть Португалии и что Индии совершила «агрессию» против самой Португалии. Как и следовало

ожидать, союзники Португалии по НАТО — США, Англия, Франции и Турция— энергично поддержали португальскую жалобу. Все они критиковали Индию за применение оружия. США и Англия пытались обвинить Индию и другие антиколониальные страны в том, что «они оправдывают применение силы под предлогом ликвидации колониализма».

Позиция Запада была выражена в проекте резолюции, представленном США, Англией, Францией и Турцией. Эта резолюция подвергла критике действия Индии в Гоа на том «основании», что они якобы нарушили Устав ООН и угрожали существованию этой международной организации.

Однако попытки западных держав использовать Совет Безопасности для сохранения португальского колониализма в Индии натолкнулись на решительное сопротивление Советского Союза и афро-азиатских государств. Афро-азиатская группа потребовала от Совета Безопасности отклонить жалобу Португалии на том основании, что акция против Гоа имела антиколониальный характер и ставила своей целью освобождение исконных индийских территорий от варварского колониального гнета Португалии. Советский представитель тов. Зорин в своем выступлении квалифицировал индийскую акцию как значительный прогресс в деле ликвидации колониализма и поддержал предложенную афро-азиатскими странами резолюцию. Советский представитель, в частности, заявил: «Наша позиция заключается в том, что мы можем открыто заявить, что мы поддерживаем народ Индии и народ Гоа, которые борются за свое освобождение от колониального господства Португалии» . Советский Союз как постоянный член Совета Безопасности использовал право вето для того, чтобы отклонить резолюцию США, Англии, Франции и Турции. Планы империалистов, стремившихся помочь своему партнеру по НАТО, были, таким образом, окончательно сорваны. Выступая после голосования, советский представитель заявил: «Советский Союз гордится тем, что он помешал пройти резолюции, которая фактически была бы равносильна поддержке

колониальных держав, и прежде всего такой державы, как Португалия, которая своими действиями дискредитирует ООН. Те, кто защищают Португалию, защищают не ООП, а защищают колониализм — самое позорное явление XX в.».

Провал западной резолюции в ООН вызвал новый приступ ярости в Лисабоне. Выступая 3 января 1962 г. в Национальной ассамблее Салазар угрожающе заявил: «Я не знаю, будем ли мы первой страной, которая покинет ООН, но мы безусловно будем в числе первых».

Бессильная ярость колонизаторов окончательно лишила их всякого чувства реального. 17 февраля 1962 г. правительство Салазара издало указ, согласно которому Гоа должно по-прежнему считаться территорией Португалии и иметь своих представителей в Национальной ассамблее. В указе говорилось, что «пока португальская территория в провинции Португальская Индия (Гоа, Даман и Дну) лишена португальского суверенитета, ее правительство и административные органы будут функционировать в Лисабоне», а «общины гоанцев, проживающие на национальной или зарубежной территории, которые могут свободно пользоваться правом голосования, будут избирать депутатов в Национальную ассамблею от Португальской Индии».

Потеря Гоа, Дамана и Дну явилась началом конца португальской колониальной империи. Она вдохновила национальные силы Анголы, Мозамбика, Гвинеи и других португальских колоний на активную борьбу за свое освобождение.

В то же время освобождение Гоа Индией породило ряд противоречий в стане колонизаторов и прежде всего среди членов НАТО. Португалия была не удовлетворена действиями своих союзников, полагая, что они не приняли достаточно эффективных мер для спасения ее колонии в Индии. Салазар критиковал США и Англию за отказ оказать вооруженную поддержку, ибо в правящих кругах Лисабона отдавали себе отчет в том, что этот отказ нанес

сильный удар не только по португальскому колониализму, но и по фашистскому режиму Салазара в целом.

Рождение Республик Гвинея-Бисау, Острова Зеленого Мыса.

Начало 50-х гг. ознаменовалось в Гвинее-Бисау возникновением тайных политических организаций, объединявших молодых интеллигентов и наиболее сознательных рабочих.

В 1953 г. в Гвинею-Бисау вернулась после завершения образования в Португалии группа молодых гвинейцев, решивших посвятить себя борьбе против колониализма. Объединив вокруг себя революционно настроенную интеллигенцию и находившихся под ее влиянием рабочих Бисау, они создали в 1954 г. тайную революционную националистическую организацию Движение за национальную независимость Гвинеи (МИНГ). Основателями и руководителями организации были Амилкар Кабрал и Генри Лаберн. Членами МИНГ стали рабочие и мелкие служащие. МИНГ просуществовала всего лишь несколько месяцев, но ее историческое значение состоит в том, что она была непосредственной предшественницей ПАИГК.

Выдающуюся роль в формировании организованного антиколониального движения в Гвинее-Бисау сыграл Амилкар Кабрал.

Не лишен интереса вопрос: почему из всех португальских колоний только в Гвинее-Бисау освободительное движение зародилось как партия*, в то время как в Анголе и Мозамбике это были фронты или движения, созданные путем слияния нескольких организаций?

Является ли это исторической случайностью, или такой факт отражает объективные условия, существовавшие в этих странах? На вопрос, почему в Гвинее-Бисау была создана партия, в то время как другие создали движения, Кабрал ответил: «Фактически для нас партия — это очень определенная и ясная организация, а движение — очень расплывчатое понятие. «Возможно, наша партия даже сегодня является в действительности движением, но наша повседневная работа должна превратить его в партию. Мы с самого начала называли свою организацию партией, ибо знали, что имеем точное представление о том пути, которым мы должны идти, и о том, чего мы хотим для своей страны и своего народа».

Одним из факторов, обусловивших создание революционной партии в Гвинее-Бисау, явилась специфика социальной структуры населения. В этом случае, как отметил Кабрал, социальные противоречия на уровне классов были не очень значительными. Народ баланте, например, вообще еще не имел классовой стратификации, у фула, манжак, мандинго она была выражена весьма незначительно. Такая социальная структура, относительное отсутствие четко выраженной классовой дифференциации обусловили своего рода «консенсус» всех слоев коренного населения в отношении колониализма. Это и позволило основать в Гвинее-Бисау именно партию, а не фронт, состоящий из классово разнородных элементов.

На первом этапе ПАИГК была организацией, включавшей в себя по преимуществу представителей городских слоев населения — мелкой буржуазии, интеллигенции, рабочих, полупролетариев и т. п. Движение распространилось из Бисау на другие города (Болама, Бафата и др.). Мало-помалу идея независимости становилась все более популярной среди городских масс. Как отмечал А. Кабрал, роль руководителя национально-освободительной борьбы в специфических условиях Гвинеи взяла на себя мелкая буржуазия, ибо она являлась «социальным слоем, который быстрее других слоев осознает необходимость освободиться от иностранного господства. Эту историческую ответственность берет на себя тот слой мелкой буржуазии, который в условиях колониального господства можно назвать революционным, в то время как другие слои сохраняют характерные для них колебания или становятся союзниками колониализма, чтобы защитить, хотя это и иллюзорно, свое социальное положение». Возможность создать в 1956 г. партию помогла гвинейским патриотам сразу же подвести под освободительное движение определенную идеологическую платформу.

От глаз внимательного исследователя не может ускользнуть тот факт, что из трех освободительных движений в португальских колониях самым быстрым был прогресс в вооруженной борьбе в стране, где с самого начала

это движение имело наиболее четкую организационную структуру и идеологическую базу.

В начале августа 1959 г. в районе Пижигити в Бисау вспыхнула стачка докеров, требовавших повышения заработной платы. Полиция применила против бастующих оружие и расстреляла толпу рабочих. Вот как описывал эти события один из очевидцев: «В начале августа рабочие, нанятые на портовые работы, предъявили требование о повышении заработной платы. Управляющий трестом председатель гвинейской секции Национального союза — партии Салазара, может быть, для того, чтобы угодить своим политическим «боссам», объявил выступление трудящихся политическим «мятежом». Он сообщил об этом губернатору Пейшоту Корейя, требуя отправки вооруженных сил для наказания мятежников. Тотчас же прибыла полиция. Рабочие оказали сопротивление. Последовала резня. Затрещали автоматы, и трупы усеяли набережную и залив. Был убит 51 человек и многие ранены». После подавления стачки по приказу губернатора были расстреляны еще 24 участника забастовки. В официальном коммюнике, опубликованном месяц спустя, португальское правительство подтверждало отсутствие права на забастовку в метрополии и «заморских Провинциях».

Эти события заставили руководство ПАИ пересмотреть вопрос о тактике революционной борьбы. На подпольном совещании в Бисау 19 сентября 1959 г. было принято решение о подготовке к вооруженной борьбе. Выступая на совещании, Кабрал сказал: «Теперь мы решили покончить со всеми манифестациями в городах и готовиться к вооруженной борьбе против португальцев. Ибо мы видим, что, когда имеешь дело с португальскими колонизаторами и империализмом вообще, не может стоять вопрос, вести вооруженную борьбу или нет. Они всегда ведут вооруженную борьбу. Одно из двух: или только враг владеет оружием, а мы — нет, или, если мы не безумцы, мы возьмемся за оружие, чтобы самим атаковать их».

Была поставлена задача расширения фронта борьбы и состава его участников. На совещании было принято решение, сохраняя подпольные организации партии в городе, перенести основное внимание на работу среди крестьянства, сделав деревню базой длительной партизанской борьбы. Оценивая значение сентябрьского совещания 1959 г., Кабрал позднее отмечал: «Забастовки в июле — августе 1959 г., окончившиеся расстрелом в доке Пижигити, показали, что курс, которым до этого следовала Партия, был ошибочным. Города оказались оплотом колониализма, а массовые демонстрации и петиции были признаны не только неэффективными, но даже вредными, так как представляли собой легкую мишень во время репрессий карателей».

Руководство партии выдвинуло задачу начать широкую политическую работу среди населения, обратив особое внимание на преодоление межплеменной розни. Тогда же был сформулирован основной девиз организации — «Единство и борьба». Уже в конце 1959 г. первые группы подпольщиков отправились на работу в деревню: Организации партии были созданы среди гвинейских эмигрантов в Гвинейской Республике, Сенегале и Гамбии.

В 1960 г. А. Кабрал выехал в Тунис, где участвовал в создании Африканского революционного фронта за национальную независимость португальских колоний (ФРАИН), который был в 1961 г. заменен Конференцией националистических организаций португальских колоний (КОНКОП).

После этих событий патриоты сделали последнюю попытку добиться своих целей мирным путем. В декабре 1960 г. в петиции и в октябре 1961 г. в послании португальскому народу, подписанных Кабралом, обращалось внимание на «стремление наших народов к национальной независимости, миру, прогрессу и мирному сотрудничеству со всеми народами, включая народ Португалии». В послании содержалось недвусмысленное предупреждение о возможных последствиях политики Салазара: «...если

португальское правительство будет настаивать на отказе пересмотреть свою позицию, вопреки интересам нашего народа, ничто не сможет помешать нашей партии выполнить свою историческую миссию: развернуть борьбу за национальное освобождение, ответить насилием на насилие португальских колониалистских сил, и полностью ликвидировать колониальное господство в «португальской» Гвинее и на Островах Зеленого Мыса». Правительство Салазара ответило на это предупреждение кампанией массовых репрессий.

Ход событий окончательно убедил патриотов в невозможности добиться освобождения страны мирными средствами. В связи с тем, что среди активистов ПАИГК появились оппортунистические элементы и даже предатели, в 1961 г. было принято решение о необходимости выезда руководителей партии в целях их безопасности за пределы Гвинеи-Бисау. В том же году Кабрал приехал в Конакри (Гвинейская Республика), где стал проводить большую организационную работу по подготовке кадров для предстоящего вооруженного восстания. Эта работа включала в себя общеобразовательную и политическую подготовку и военное обучение будущих бойцов ПАИГК.

В Конакри была открыта школа для подготовки активистов и политкомиссаров партии. В связи с острой нехваткой преподавательских кадров Кабрал сам вел в этой школе занятия сразу по нескольким предметам: истории, географии страны, политэкономии, философии и др. Организовывались дискуссии о колониальной системе, положении народа Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса, политических событиях в других странах мира, тактике проведения политработы среди населения и т. п. Одновременно в этой школе обучали неграмотных и предоставляли стипендии для получения высшего, среднего и специального образования в социалистических странах.

Через эту школу А. Кабрала прошло большинство Тех, кто позже занял руководящее положение в ПАИГК: Освальдо — командующий

Северным, а затем Восточным фронтом, Отто Шахт — до 1960 г. телеграфист, а затем один из видных деятелей партии и т. д.

А. Кана, прошедший школу Кабрала в Конакри, вспоминал: «Конечно, были трудности. Некоторые крестьяне говорили, что имеют неприятности по нашей вине, что, если бы мы успокоились, они могли бы жить мирно, платить свои налоги. Кабрал разъяснял, что не следует думать, что, как только мы побеседуем с крестьянами о независимости, они тотчас поднимутся на борьбу. «Крестьяне нам не доверяют. Поэтому для встречи с мандинго вы должны одеться как мандинго, а для встречи с баланте — как баланте. Вы должны замечать агентов португальцев, которые могут вас выдать. После того как вы проведете беседу в деревне, уходите оттуда и ночуйте в лесу... Со временем сочувствующие партии придут из деревни и лес и принесут вам пищу. Позже вы сможете проводить деревенские митинги в лесу: беседуйте с крестьянами, рассказывайте им о борьбе, просите их о поддержке... Мало-помалу вы должны найти с помощью определенных лиц путь к завоеванию нейтралов и сомневающихся, и вы убедитесь, что они не причинят вам зла». Эта мобилизация была гораздо труднее, чем сама война». Всего за несколько лет, предшествующих началу вооруженной борьбы, около тысячи активистов ПАИГК прошли в Конакри политическое и военное обучение.

В то же время руководство ПАИГК проводило большую работу, добиваясь международной поддержки национально-освободительного движения. С этой целью оно установило контакты с социалистическими странами и коммунистическими партиями ряда капиталистических стран, африканскими странами, со многими прогрессивными организациями. ПАИГК направляла своих представителей на международные конференции, разоблачая португальский колониализм и добиваясь политической моральной и материальной поддержки. Она развернула активную работу по созданию ячеек партии по всей стране, по привлечению на свою сторону крестьянства, и мобилизации трудящихся масс на вооруженную борьбу за

независимость. На первом этапе своей деятельности ПАИГК столкнулась с большими трудностями.

В связи с сохранением общинно-родовых институтов и низким уровнем грамотности широких масс крестьянства агитационная работа ПАИГК не всегда давала быстрый и желаемый эффект. Многие племена, особенно фула и мандинго, элита которых была тесно связана с колониальной администрацией, часто враждебно встречали агитаторов партии и даже выдавали некоторых из них колониальным властям.

3 августа 1961 г. ПАИГК приняла решение перейти к «прямому действию». Решение о переходе к «прямому действию» было обусловлено рядом факторов внутреннего и международного характера. С одной стороны, ПАИГК считала необходимым реагировать и ответить на усиление и ужесточение полицейских репрессий в стране. С другой стороны, в феврале 1961 г. в Анголе МПЛА начало открытую вооруженную борьбу против португальского колониализма. Переход к «прямому действию» был, таким образом, и эффективным и скоординированным актом солидарности в отношении МПЛА, отвечающим стратегической необходимости рассредоточить вооруженные силы общего врага, с тем, чтобы облегчить борьбу за независимость в обеих странах.

Были начаты акции саботажа, которые должны были, по словам А. Перейры, расстроить колониальную структуру, парализовать эксплуатацию огромных зон страны. Саботаж в отношении путей сообщения должен был, по расчетам руководства ПАИГК, изолировать столицу от остальной страны. Неповиновение народных масс колониальным властям (отказ платить налоги) и нападения на вражеских солдат, офицеров и полицию должны были деморализовать колониальную армию и создать условия, благоприятные для начала вооруженной борьбы. Параллельно ПАИГК активно занялась обучением бойцов и подготовкой необходимых материальных средств для борьбы против колониальной армии.

С 15 по 30 августа 1962 г. в Конакри под председательством Кабрала была проведена конференция руководящих кадров ПАИГК, на которой были приняты устав и программа партии. Согласно уставу, ПАИГК стала «Политической организацией народов «португальской» Гвинеи и Островов Зеленого Мыса». Устав определил Членство, структуру, руководящие принципы партии. По Уставу членами ПАИГК могли быть жители Гвинеи и Островов «в возрасте старше 15 лет, которые принимают устав, приносят клятву верности партии и регулярно платят членские взносы». Руководящим принципом партия считала демократический централизм, а главной своей целью — достижение независимости.

Программа-минимум ПАИГК предусматривала завоевание политической независимости. Партия видела путь к достижению этой цели в объединении всего народа в борьбе против колониализма. Она выступала за союз с другими патриотическими силами португальских колоний, за «сотрудничество с африканскими, азиатскими и латиноамериканскими народами, ведущими борьбу против колониализма и империализма».

Программа-максимум ПАИГК представляла собой намеченный партией план создания независимого государства – «государства единой нации на основе прочного Союза и братского сотрудничества между гвинейцами и населением Островов Зеленого Мыса». Программа предусматривала существование разных видов собственности в будущем государстве. Природные богатства, основные средства производства, связь и социальное обеспечение, радио и другие каналы массовой информации и культуры предполагалось объявить собственностью государства. В конце 1961г. политические комиссары ПАИГК начали выступать на массовых митингах с призывом к крестьянам взяться за оружие. Многие крестьяне откликнулись на этот призыв. Тщательно подготовленная ПАИГК вооруженная борьба была начата в ночь на 1 июля 1962 г. в районе, населенном народом баланте.

Поражение в Гвинее-Бисау — начало конца португальского колониализма.

Восстание явилось неожиданностью для португальцев, которые разместили свои войска вдоль границ с Гвинейской Республикой и Сенегалом, считая, что оттуда может произойти вторжение партизан. Незадолго до начала военных действий Кабрал писал: «Мы развертываем вооруженную борьбу в центре нашей страны и принимаем стратегию, которую можно назвать центрифугой, то есть действующей от центра к периферии»²⁶⁴. Уже через полгода португальские власти вынуждены были признать, что повстанцы освободили 15% территории Гвинеи.

Вооруженная борьба гвинейского народа прошла несколько фаз: первая фаза — с июля 1962 до февраля 1964 г., вторая — с февраля 1964 и до конца 1966 г. третья— 1967—1970 гг., четвертая— 1970—1974 гг.

На первой фазе партизаны ПАИГК вели боевые действия на юге и в центре страны (районы Буба-Кинара Томбали). Малочисленность дорог, наличие большого числа рек, окаймленных мангровыми лесами, облегчал и действия партизан, которые имели возможность питаться благодаря рисовым полям, возделываемым крестьянами-баланте. На этой фазе ПАИГК ставила перед собой следующие задачи: в экономическом плане — заставить предпринимателей снизить производство арахиса, предназначенного для экспорта, увеличить производство риса, предназначенного для потребления населением. В политическом плане — создать военные базы в лесу, а не в деревнях, чтобы не вызывать систематических-

репрессий против крестьян и в то же время продолжать вести среди них разъяснительную работу. В военном плане — непрерывно беспокоить противника, чтобы он постоянно ощущал опасность, деморализующую его.

Первая фаза борьбы была исключительно тяжелой и стоила ПАИГК огромных жертв и усилий. Португальские власти ответили на партизанские рейды патриотов жестокими репрессиями.

²⁶⁴ Oramas O. Apuntes sobre la vida y el pensamiento político de Amílcar Cabral. La Havana, 1977, p. 8.

Только в конце июля 1962 г., накануне третьей годовщины бойни в Пижигити, тайная полиция арестовала в Бисау 2 тыс. человек. В столице было объявлено осадное положение. Однако партия не только устояла, но и окрепла в ходе первых сражений с колонизаторами. В августе — сентябре 1962 г. в Конакри была проведена Конференция кадров ПАИГК, которая приняла решение продолжать и усиливать вооруженную борьбу, чего бы это ни стоило. В январе 1963 г. на юге страны были развернуты широкие военные действия партизан ПАИГК. Этот факт вызвал переполох в португальском генштабе. Министр обороны генерал Гомеш ди Араужу заявил: «Многочисленные и хорошо вооруженные группы... проникли на территорию Гвинеи в зоне, составляющей 15% ее территории»²⁶⁵.

В 1963 г. отряды ПАИГК во главе с Освальдо открыли новый фронт на севере. Вторая фаза началась, когда 13-14 февраля 1964 г. на юге страны в Касака был нелегально проведен I съезд партии.

Съезд констатировал потерю духа инициативы и решительности, характерных для первой фазы, и подверг суровой критике недостатки в деятельности партии. Особенно опасными были признаны тенденция отдавать предпочтение военным действиям в ущерб политическим и злоупотребление властью. Последнее обстоятельство проявлялось в том, что многие ответственные работники ПАИГК пытались заменить местных вождей, переняв у них атрибуты власти, в том числе гриотизм (т. е. требование, чтобы их прославляли), слепое повиновение и раболепство рядовых бойцов и т. п. Он принял решение о реорганизации партии, вооруженных сил и гражданской администрации освобожденных районов.

В целях централизации управления и руководства военными действиями съезд решил разделить всю страну на районы и зоны. Партия приняла новую структуру. Во главе ее стоял ЦК из 25 членов. ЦК состоял из следующих отделов: политических действий; вооруженных сил; иностранных дел; политического контроля над вооруженными силами и

²⁶⁵ Chaliand G. *Lutte armée en Afrique*. Maspero. Paris, 1969, p. 35.

партийным аппаратом; секретариата по вопросам обучения политработников, информации и пропаганды; безопасности; экономики и финансов; развития и координации парторганизации среди народных масс.

ЦК избирал из своей среды Политбюро из 15 членов и 5 кандидатов, которые в свою очередь избирали Исполком из 7 членов: А. Кабрал (Генеральный секретарь), А. Перейра, Луис Кабрал, Освальдо Виейра, Бернардо Виейра (Нино) и еще двое. Средний возраст членов Исполкома в то время был 31 год²⁶⁶.

Эта структура в дальнейшем претерпела изменения. В 1967 г. число отделов ЦК было сокращено до пяти, причем за каждый из них стали отвечать член Исполкома и член Политбюро. На съезде было принято решение выйти за рамки «чисто партизанской военной организации» и включить лучших бойцов мелких партизанских отрядов в новые регулярные военные формирования. В них добровольно записалось около 2 тыс. бойцов. Таким образом, в 1965 г. партизанские отряды ПАИГК были реорганизованы в ФАРП (*Forças Armadas Revolucionárias Populares*) — регулярную армию, действовавшую на трех фронтах: Юг, Север и Восток.

Эта армия в отличие от прежних партизанских отрядов, локализованных в определенной местности, была мобильной и действовала по всей территории страны. В одной из бесед с английским публицистом Б. Дэвидсоном Кабрал рассказывал: «Прежде всего... мы освободили Южный и небольшую часть Северо-Центрального района страны. Потом в 1964 г. мы стали говорить нашим бойцам—партизанам на юге, что пришло время двигаться в восточную часть страны. Мы объясняли, что в противном случае, если борьба будет вестись лишь на юге и севере, португальцы смогут сконцентрировать там свои силы и уничтожить нас. Но оказалось, что наши бойцы держались иного мнения. «Мы освободили свою страну,— отвечали они нам.— Теперь пусть другие (на востоке) освобождают свою. Почему баланте должны идти помогать освобождать фула? Пусть фула сами делают

²⁶⁶ Davidson B. Op. cit., p. 79.

свою работу». Мы не форсировали этот вопрос, ждали, пока португальцы, как мы и предсказывали, не удвоили свои атаки на юге. Тогда мы снова привели свои аргументы. Это потребовало много времени, но зато мы смогли создать регулярную армию, не прикованную подобно партизанам к родным местам. Мы заявили бойцам: «Вы можете выбирать себе униформу, оружие, боевые припасы и т. д., но каждый пойдет туда, куда его пошлют»».

Сохранилось назначение комиссаров во все боевые подразделения. Вскоре появилась народная милиция, предназначенная для охраны гражданского населения и поддержания общественного порядка в освобожденных районах. Был создан Высший военный совет, назначены зональные и межзональные командующие. Съезд указал на необходимость уделить особое внимание работе партии с массами, организовав для этого разветвленный пропагандистский аппарат. В то же время было принято решение о расширении связи с массами путем демократизации местных органов администрации в освобожденных районах. В избрании местных комитетов ПАИГК стали участвовать все жители деревень, что позволило превратить эти органы в народные комитеты — главную опору партии в деревне. К 1967 г. такие комитеты были созданы практически во всех деревнях в освобожденных районах, составлявших около половины всей сельской зоны Гвинеи.

Народные комитеты стали ключевым элементом административной структуры освобожденных зон, обеспечившим превращение большинства крестьянства в прочную социальную базу ПАИГК. Верховный политический комиссар Севера Чико рассказывал: «В каждой деревне в освобожденной Гвинее мы позаботились о выборах комитета. Мы называем его «комитет табанки» (табанка — по-креольски «деревня» — А. Х.). Он состоит из трех мужчин и двух женщин и выбирается на деревенском митинге. Мы объяснили, как должен быть организован такой комитет, какие вопросы он должен решать и, разумеется, цели партии. Обычно выбирали молодежь.

Старикам не всегда нравилось, что молодежь занимала их место в управлении делами деревни».

Португальские колонизаторы попытались создать раскольнические организации и группы, чтобы привлечь на свою сторону часть африканского населения, и тем самым торпедировать единый революционный фронт народа, возглавляемый ПАИГК.

В 1960 г. лица, тесно связанные с ПИДЕ, сколотили главным образом из числа беженцев раскольнические организации под названием Освободительное движение Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (МЛГК). Таких организаций было три: две — в Сенегале (в Дакаре и Зигиншоре) и одна — в Гвинее (Конакри). ПАИГК вначале выступила за объединение с этими организациями и за создание единого антиколониального фронта. Ей удалось даже созвать в июле 1964 г. конференцию в Дакаре с целью объединения, на которой был создан Единый фронт освобождения Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ФУЛ). Но лидеры МЛГК решительно воспротивились объединению с ПАИГК и сорвали осуществление решений конференции.

В 1963 г. появился так называемый Союз населения «португальской» Гвинеи (УНГП), основанный при содействии ПИДЕ с целью ослабить национально-освободительное движение. Президентом УНГП был избран Б. Пинто Булл. Программа УНГП предусматривала достижение независимости страны без революции, путем мирной договоренности с португальским правительством. В июле 1963 г. Б. Пинто Булл вел переговоры в Лиссабоне о проведении реформ в Гвинее-Бисау. Действительной целью переговоров было стремление подорвать влияние ПАИГК и посеять среди населения колонии иллюзии о возможности мирного пути завоевания независимости. После того как ПАИГК разоблачила связи УНГП с ПИДЕ и ЦРУ, эта организация была окончательно дискредитирована,

В 1963 г. появилась на свет другая раскольническая организация — Фронт борьбы за национальную независимость Гвинеи (ФЛИНГ), в которую вошли УНГП, Фронт освобождения Гвинеи (ФЛГ) и другие мелкие группы.

С самого начала руководство этой организации имело тесные связи с ПИДЕ и ЦРУ и ставило своей задачей осуществление раскола национально-освободительного движения и создание трудностей на пути развертывания борьбы ПАИГК за освобождение колонии. Многие руководители и члены ФЛИНГ были открыто враждебны к зеленомысцам и часто вспоминали о роли зеленомысских торговцев в период работорговли и зеленомысских администраторов при колониализме. В 1966 г. президентом ФЛИНГ стал Ж. Пинто Булл. После этого организация начала тесно сотрудничать с колониальными властями. В 1963 — 1967 гг. ОАЕ пыталась добиться объединения ПАИГК и ФЛИНГ. Особенно большую активность в этом вопросе проявил президент Сенегала Л. Сенгор. С 1967 г он стал признавать ПАИГК в качестве подлинного представителя народа Гвинеи-Бисау, но сенегальская поддержка ФЛИНГ продолжалась до 1970 г. По мере того как росли успехи ПАИГК, ФЛИНГ активизировал военные и подрывные действия против нее и был причастен к убийству Кабрала. В 1973 г. генеральным секретарем Фронта стал Домингуш Жозеф да Силва. В мае 1974 ФЛИНГ организовал беспорядки в Бисау, Болама и Бафата. Организация была дискредитирована и разоблачена как агентура колонизаторов. В апреле 1976 г. многие члены ФЛИНГ были арестованы правительством Гвинеи-Бисау. Штаб-квартира ФЛИНГ находилась в Дакаре (Сенегал).

Изучив вопрос о роли различных организаций в освободительном движении Гвинеи-Бисау, Комитет освобождения ОАЕ на сессии в Дакаре в июле 1969 г. принял решение, гласящее, что единственным представителем народа этой страны следует считать ПАИГК. Такое же решение принял в 1972 г. и Комитет по деколонизации ООН. В резолюции, принятой 13 апреля после доклада специальной миссии Комитета, выезжавшей в Гвинею-Бисау, подчеркивалось, что он признает ПАИГК «единственным и подлинным

представителем народа этой территории и просит все государства и специализированные учреждения, а также другие организации в системе ООН принять это во внимание при рассмотрении вопросов, касающихся Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса».

Резолюция, принятая Комитетом по деколонизации ООН, требовала, чтобы все государства и учреждения ООН предоставляли народу Гвинеи-Бисау через ПАИГК «моральную и материальную помощь, необходимую для продолжения его борьбы за восстановление его неотъемлемого права на самоопределение и независимость».

Несмотря на все трудности, национально-освободительная борьба в Гвинеи-Бисау достигла выдающихся успехов. К концу 1973 г. регулярные воинские части ПАИГК держали под своим эффективным контролем три четверти территории страны, или около 30 тыс. кв. км.

В освобожденных районах строилась новая жизнь. Под руководством ПАИГК постепенно внедрялось на различных уровнях — от села до округа — самоуправление на демократических началах. В местных партийных организациях были созданы специальные комитеты по социальным вопросам. Во всех освобожденных районах была полностью ликвидирована португальская колониальная администрация, и народ сам выбирал свои местные органы власти.

Особое внимание ПАИГК уделяла вопросу увеличения сельскохозяйственного производства во всех освобожденных районах, особенно культуре риса. ПАИГК выдвинула в качестве первоочередной задачи увеличение промышленного производства и повышение производительности труда. Руководители созданной в освобожденной зоне профсоюзной организации (УНТГ) были ответственны перед партией за выполнение этой задачи.

По решению органов народной власти был ликвидирован и лишен концессий ряд колониальных компаний, в том числе «Сосьете коммерсиэл д'Отр мор», действовавшая в южных районах страны. Организовывалась

внутренняя торговля, открылись народные магазины для закупки продуктов сельского хозяйства и снабжения населения товарами первой необходимости. Были созданы больницы для раненых бойцов и для местного населения. Принимались профилактические меры по предупреждению эпидемических заболеваний и осуществлялось обучение среднего медицинского персонала.

ПАИГК с самого начала выдвинула в качестве одной из первоочередных задач ликвидацию неграмотности и подготовку национальных кадров. Основу системы образования составляли деревенские школы, созданные во всех освобожденных зонах. В этих зонах уже к 1965 г. было свыше 13 тыс. школьников. Как пишут французские авторы, специально изучавшие этот вопрос, «строительство этих школ являло собой пример богатого воображения и адаптации к реалиям страны и ситуации. Это были примитивные сооружения из бамбука, покрытые пальмовыми листьями, спрятанные в густых джунглях вдали от деревень, которые часто бывали мишенями для бомбежек. В случае тревоги их можно было быстро эвакуировать, а в случае бомбежки — легко и быстро восстановить».

Срок обучения в большинстве таких школ был всего лишь два года. В конце обучения учителя отбирали лучших школьников, которые продолжали образование в интернатах, где они учились еще два года. Главная причина столь коротких сроков обучения — нехватка квалифицированных преподавателей. Молодых людей, окончивших интернаты, ПАИГК направляла на работу в деревенские школы. По данным этой организации, в 1971-1972 гг. было 164 начальные школы (деревенские и интернаты), 258 учителей, 14 531 ученик. В 1971г. открылось еще 4 интерната, в каждом из которых обучалось около 70 мальчиков и девочек. В первую очередь в эти интернаты принимали сирот и детей бойцов ПАИГК. С 1969 по 1971 г. 76 учащихся средних школ обучались за границей—в Зигиншоре (Сенегал) и Конакри. Средняя школа в Конакри была открыта в 1965 г. Это был центр, где учащимися стали сироты и дети бойцов. 36 гвинейцев были направлены

ПАИГК за границу для получения высшего образования. 386 человек получили техническую специализацию.

Первой страной, предложившей помощь ПАИГК по части подготовки кадров, был Советский Союз. Многие гвинейские юноши и девушки получили образование в СССР и других социалистических странах.

Не все гвинейцы охотно посылали своих детей в школы. С наибольшим сопротивлением обучению детей (особенно девочек) ПАИГК пришлось столкнуться в районах с мусульманским населением.

Родители не хотели отдавать девочек в школы, опасаясь, что это подорвет в их глазах родительский авторитет, особенно в вопросах, связанных с традиционными брачными обычаями. В результате в 1972 г. из 14 500 учащихся было менее 4 тыс. девочек.

В целом в области образования на освобожденных территориях ПАИГК добилась значительных успехов.

В тот период она проводила большую политическую работу среди населения освобожденных зон, несмотря на многочисленные трудности, которые были связаны прежде всего с противоречиями, порождавшимися патриархальными родоплеменными отношениями. Эти трудности проявлялись уже в фазе политической мобилизации населения, так как многие племенные вожди были заодно с колонизаторами. Они проявились и позже, когда многие местные партийные руководители обнаружили авторитарные тенденции. Партия проводила большую работу по устранению межэтнической вражды между фула и анимистскими племенами. Как писал французский журналист Г. Шальян, «в ходе войны благодаря разъяснительной работе магические и религиозные факторы потеряли свое значение. Главное противоречие составляет низкий уровень производительных сил и сопутствующие ему неграмотность, очень медленный ритм работы - продукт отношений африканца с природой. В этой области, как и в модификации социальных структур, вооруженная борьба

была важнейшим стимулятором и ускорителем в той мере, в какой партия дополняла эту борьбу политической работой».

Военные и политические успехи ПАИГК не на шутку встревожили лиссабонскую клику. Португальское правительство бросило в Гвинею 10-тысячную армию. Колонизаторы сжигали дотла целые деревни, расстреливали беззащитное население. В апреле 1964 г. португальцы начали крупное контрнаступление. Они атаковали Комо, который занимал важное стратегическое положение на юге страны.

Этот остров был первым клочком гвинейской земли, освобожденным патриотами. Поэтому его отвоевание стало с начала 1964 г. едва ли не главной задачей в военных и политических планах Лиссабона. Для проведения операции были брошены крупные силы — авиация, флот и 3 тыс. хорошо вооруженных солдат, из которых 2 тыс. имели опыт войны в Анголе. Португальский генеральный штаб на время этой операции перебрался из Лиссабона в Бисау. Штурм острова продолжался 75 дней. Проявив высочайший героизм и самопожертвование, патриоты отбросили врага. Португальцы потеряли убитыми не менее 650 солдат и офицеров.

Число бойцов ПАИГК, а также их легкое и тяжелое вооружение непрерывно увеличивались. В 1965 г. освобожденные районы составили половину страны. Согласно коммюнике ПАИГК от 4 августа 1965 г., было выведено из строя 1500 португальских военнослужащих, сбито 3 самолета, уничтожено много другой военной техники.

Между тем контингент португальских войск был увеличен с 10 до 25 тыс. В Анголе на территории в 30 раз большей они были многочисленнее лишь в 3 раза. Лиссабон сменил пять начальников генштаба в Гвинее, но они так и не сумели изменить ситуацию.

1966 год характеризовался интенсификацией военных действий. Бойцы ПАИГК атаковали португальские гарнизоны, казармы и военные лагеря. Был открыт новый (третий по счету) фронт на востоке страны

ПАИГК разделила Гвинею на два региона — Север; Юг. Север составлял 60 % территории страны и занимал 20 тыс. кв. км, Юг — 40 % и 13 тыс. кв. км.

В мае 1968 г. на пост главнокомандующего португальскими войсками в Гвинее был назначен генерал Спинола. Вначале он противился этому назначению, считая, что война в Гвинее уже проиграна. В разговоре с Салазаром он употребил метафору, ставшую крылатой в португальской армии,— сравнил партизан с блохой, то и дело кусающей человека, пытающегося уснуть в стог сена. «Блоха достигает своей цели,— указал он,— не дать вам уснуть. Но вы не можете достичь вашей — найти блоху. Вообразите теперь, что это продолжается целую неделю,— вы умрете от истощения». В конечном счете был достигнут компромисс, и Спинола отправился в Гвинею на полгода, после чего вернулся в Лиссабон. К тому времени на политической авансцене Португалии произошли значительные перемены. Разбитый параличом диктатор Салазар уступил место М. Каэтану.

Встретившись с новым премьер-министром, Спинола высказал ему свои соображения о необходимости радикального изменения военной стратегии, настаивая на переходе от обычной войны к войне «за умы и сердца» африканцев. Спинола ратовал за политическое решение колониальной проблемы в такой форме и такими методами, которые помешали бы процессу деколонизации африканских территорий.

Получив благословение Каэтану на реализацию своих идей, Спинола вернулся в Бисау. Избрав своим девизом слова «За лучшую Гвинею», он приступил к осуществлению плана привлечения населения на сторону португальских властей, чтобы лишить национально-освободительное движение социальной базы.

Важное место в этом плане было уделено психологическим методам, которые, по свидетельству работавшего тогда в штабе Спинолы О. С. ди Карвалью, «считались весьма полезными и направленными на сохранение под нашим контролем населения, включив его в движение «За лучшую Гвинею», через акции социальной справедливости и содействие социально-

экономическому развитию. В соответствии с новым планом по приказу министерства национальной обороны командующим тремя родами войск была направлена директива, предписывающая уделять первостепенное внимание кампании пропаганды и контрпропаганды.

В ходе этой кампании предлагалось использовать и конкретизировать следующие главные идеи: «Португалия многоконтинентальная и многорасовая страна»; Справедливость, порядок и социальный мир»; «Образование, труд и прогресс»; «Корпоративное государство как политическое решение для достижения максимально производства и общественного благосостояния».

По приказу Спинолы началось строительство школ, больниц, дорог, причем для строительных работ часто использовались португальские войска. Крестьянам начали оказывать помощь в выращивании риса.

Генерал с моноклем, в коричневых перчатках и со стеклом, несмотря на изнуряющую тропическую жару, то и дело выходил из своего вертолета то в одном, то в другом районе страны, часто выступал с речами, заботясь о том, чтобы они были напечатаны в газетах. Он удалил из армии всех разжиревших и обленившихся офицеров, а тех колониальных чиновников, которые осмеливались ему возражать, отправлял ближайшим рейсом самолета в Лиссабон. Власти обещали предоставить самоуправление отдельным племенам.

В августе 1970 г. по инициативе Спинолы в Бисау открылся съезд этнических групп, на который были приглашены вожди и старейшины фула и мандинго. На съезде португальские власти попытались примирить элиты этих враждовавших друг с другом этносов, объединив их под своим «покровительством». В 1971 и 1973 гг. были проведены «съезды народа Гвинеи», куда съехались вожди всех этнических групп. По утверждениям португальских властей, 500 делегатов каждого из этих съездов представляли 500-тысячное население колонии (1 делегат от каждой тысячи жителей).

Точную оценку этих съездов дал в своих мемуарах О. С. ди Карвалью: «Их участники представляли лишь гвинейское население, жившее «под сенью красно-зеленого флага», точнее, элементы, пользовавшиеся доверием португальских властей. Разделение по этносам на заключительной фазе съездов увековечивало разделение гвинейцев в соответствии со старым и действенным девизом диктаторских правителей «разделяй и властвуй!» Съезды эти... имели лишь совещательные функции. Напрашивается мысль о явно демагогическом характере всей этой «психологической операции», которая должна была заставить туземца думать, что «он был кем-то»».

Далеко не все племенные вожди соглашались сотрудничать с колонизаторами. Так, влиятельный вождь фула хаджи Закариас Жау, проживший 7 лет в Мекке, выступая в Бафата перед многочисленной аудиторией, заявил: «Война в Гвинее кончится лишь тогда, когда белые вернутся на свою землю».

Демагогическими заявлениями и жестами Спинола рассчитывал завоевать «умы и сердца» гвинейцев. «Если бы в Гвинее был проведен плебисцит, я бы наверняка одержал победу,— хвастливо утверждал он.— Нет такого африканского лидера, который бы сделал так же много для своего народа». Он потребовал даже для себя место в ОАЕ, чтобы «защищать интересы народа Гвинеи», носился с идеей создания федерации португалоязычных стран — Бразилии, Португалии и ее заморских владений.

Все эти меры, по мнению Спинолы, должны были убедить население колонии, что, поддерживая программу «За лучшую Гвинею», оно может добиться больших результатов, чем путем вооруженной борьбы. Значительное внимание уделял Спинола и военным аспектам ситуации в Гвинее. Он создал вооруженные отряды из наемников-африканцев (22 тыс. человек), посылая их сражаться в районы с другим этническим составом населения. По приказу Спинолы на границе Гвинеи-Бисау и Гвинейской Республики была создана линия укреплений, призванная помешать снабжению народно-освободительной армии необходимыми материалами.

Когда Спинола вернулся в Лиссабон в 1972 г., Каэтану наградили его высшим португальским орденом.

В своих мемуарах М. Каэтану вспоминал: «У меня были отличные отношения с генералом, который открыто называл себя «марселистом» (т. е. верным сторонником Марсела Каэтану — А. Х), до того дня, когда в моем доме произошел разговор, сыгравший большую роль в нашей судьбе». Как пишет Каэтану, Сенгор сообщил ему, что хочет быть посредником между португальским Правительством и ПАИГК.

В середине 1972 г. состоялась встреча Сенгора и Спинолы в пограничном сенегальском селении. Спинола вылетел затем в Лиссабон, чтобы информировать об этом Каэтану. Он сообщил, что Сенгор предложил организовать встречу Спинолы и Кабрала для переговоров об условиях прекращения огня. «Я заметил генералу, — вспоминает Каэтану, — что сесть за стол переговоров с А. Кабралом, который был не обычным партизанским вождем, а человеком, представлявшим все антипортугальское движение и пользовавшимся поддержкой ООН, ОАЕ, всей мировой прессы, означало бы официально признать возглавляемую им партию как воюющую сторону и признать, что она владеет значительной территорией». Настаивая на продолжении войны, Каэтану заявил: с точки зрения глобальной защиты заморских территорий лучше уйти из Гвинеи с честью после военного поражения, чем после соглашения, заключенного с террористами, открыв тем самым путь к другим переговорам». Неужели Ваше превосходительство предпочитает военное поражение в Гвинее?» — воскликнул возмущенный Генерал. «Армии существуют для войны и должны драться за победу, — ответил Каэтану, — но силен не тот, кто побеждает. Если португальская армия будет разбита в Гвинее после того, как сделает все от нее зависящее, это Поражение не повлияет на юридические и политические возможности продолжать защищать остальные заморские территории». Генерал Спинола не согласился с «мнением Каэтану и вернулся в Гвинею, открыто выразив свое недовольство правительством. По словам Каэтану, в армии начались

разговоры о том, что военные держат в руках ключ к решению проблемы Гвинеи, «но слепота лиссабонских политиков мешает прогрессу, что если война продолжается, то только по вине правительства». В такой атмосфере оскорбленный в лучших чувствах генерал Спинола начал писать книгу «Португалия и будущее». «Общие друзья говорили мне, однако,— отмечал Каэтану,— что он не опубликует эту книгу без моего ведома». Вскоре Каэтану принял решение назначить Спинолу заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил Португалии. Вот как описывал экс-премьер-министр эти события: «В тот день, когда генерал Спинола занял этот пост, он нанес мне визит, чтобы приветствовать и поблагодарить меня. Но он был огорчен тем, что министр обороны не захотел, чтобы церемонию вступления в должность транслировали по телевидению и чтобы на ней присутствовали молодые офицеры... Я объяснил ему, что существуют общие правила предписывающие, чтобы церемонии вступления в должность были скромными и с минимумом гласности... Тогда он объявил о публикации в ближайшие дни своей книги».

В конце 60-х — начале 70-х гг. в Гвинею-Бисау прибывали все новые контингенты португальских войск, так что их общая численность достигла к началу 1971 г. 35 тыс. человек. Чтобы создать в колонии социальный «буфер» из прослойки белых поселенцев и тем самым воспрепятствовать разворачиванию борьбы африканцев за освобождение, португальское правительство приступило к реализации плана переселения в Гвинею-Бисау и на Острова Зеленого Мыса тысяч колонистов. Напуганные угрозой военного поражения в Гвинее, колонизаторы не останавливались перед самыми зверскими репрессиями.

Как сообщило руководство ПАИГК, только в январе 1971 г. в результате варварских налетов португальской авиации на районы Кубиссек, Кабукаре и Балана бомбами и напалмом было уничтожено 28 деревень, а множество других было разрушено частично. Во время этих налетов имелись убитые и раненые, большинство из них — старики, женщины и дети.

Миссия ООН, посетившая Гвинею-Бисау, констатировала: «Миссия... была свидетелем зверств, совершаемых португальскими войсками. Деревни сожжены, а посевы и скот погублены в результате... воздушных налетов; постоянно совершаются разведывательные полеты; неразорвавшиеся бомбы большой мощности, сбрасываемые современными самолетами, лежат на полях. В этой связи следует напомнить, что Португалия — отсталая страна, которая не производит даже игрушечные самолеты» .

Португальская авиация бомбила пограничные районы Сенегала и Гвинеи (Конакри) под предлогом, что там имелись «базы» ПАИГК.

22 ноября 1970 г. весь мир был потрясен известием о преступном акте вооруженной агрессии Португалии против Гвинейской Республики. С территории Гвинеи-Бисау был направлен морской десант, который совершил нападение на столицу Гвинейской Республики Конакри. В ее территориальные воды вошли португальские военные корабли, десантные суда, а также подводная лодка. Вооруженное нападение было осуществлено силами европейских и африканских наемников, которые прошли специальную военно-диверсионную подготовку на о. Сога в архипелаге Бижагуш. Вся операция, имевшая своей целью свержение гвинейского правительства, была заранее спланирована и тщательно подготовлена с расчетом на поддержку реакционных элементов внутри страны. Спинола лично инструктировал португальских офицеров, а у одного из них — майора Леала де Алмейды, отказавшегося участвовать в провокации, в ярости сорвал с плеч погоны.

В операции приняли участие главным образом выходцы из Гвинеи, предавшие свою родину, а также иностранные наемники и 150 солдат и офицеров регулярной португальской армии. Все бандиты были снабжены новейшим стрелковым оружием, гранатами, переносными крупнокалиберными пулеметами, радиопередатчиками.

Каждая из боевых групп имела задание захватить определенный стратегический пункт в городе: аэропорт, радиостанцию, телеграф,

попытаться арестовать президента. Они приблизились к Конакри ночью в резиновых лодках. Одеты в форму партизан ПАИГК, они рассчитывали на внезапность и замешательство противника. Лиссабон всячески пытался скрыть свое участие в этой акции. Некоторые португальские солдаты и офицеры даже загримировались под африканцев. Но неопровержимые факты, выявленные позднее в ходе судебных процессов над наемниками в Гвинее, доказали, что Лиссабон был вдохновителем бандитского нападения на независимую африканскую страну.

В обращении правительства Гвинейской Республики в связи с этим говорилось: «Генерал Спинола уже через несколько часов после нападения на наши военные лагеря объявил, что «заключенные воспользовались смятением, царящим в Конакри, чтобы бежать. Они прибыли в Бисау и просят убежища. Их вопрос изучается». Браво, генерал! Вы достойный ученик Гитлера! Каким образом кто-либо бежавший из тюрьмы в Конакри, «воспользовавшись смятением», мог за несколько часов достичь Бисау без помощи португальских фашистских властей?» Португальские фашисты были полностью изобличены как организаторы агрессии в ходе допросов захваченных в плен наемников. Так, один из них, Камара Мамуду, показал: «После обучения нас погрузили на шесть португальских военных судов, и мы направились к Конакри... На каждом судне было не менее пяти белых португальцев... Португальских наемников называли «командосы», а нам, гвинейцам, дали название «Фронт освобождения Гвиней»».

Провокация, организованная португальскими фашистами против Гвинейской Республики, окончилась полным крахом. Гвинейский народ поднялся на защиту своих завоеваний и дал достойный отпор интервентам. В своем обращении «К членам организации государств бассейна реки Сенегал, к африканским странам и прогрессивному человечеству» Секу Туре заявил, что агрессия была направлена не только против свободы и независимости Гвинейской Республики, но и против всей Африки. Португальские агрессоры намеревались свергнуть существующий строй, рассчитывая при

этом, что Гвинея останется в изоляции и африканские страны не окажут ей помощи в отражении агрессии. Однако, подчеркнул Секу Туре, большинство стран континента поддержало борьбу гвинейского народа. 24 ноября 1970 г. Советское правительство сделало заявление, в котором, в частности, говорилось: «Какими бы фальшивыми заявлениями португальские колонизаторы ни прикрывали свои действия, речь идет об откровенной попытке расправиться с прогрессивным режимом в Гвинее, нанести удар по национально-освободительному движению в Африке. Налицо колониальный разбой, международный бандитизм, к которому прибегают и ныне империалисты в различных районах мира против народов, борющихся за свободу и социальный прогресс... Советское правительство решительно осуждает преступные действия интервентов и их покровителей — действия, которые являются вызовом африканским государствам, всем народам, борющимся за национальную независимость».

2 декабря 1970 г. Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора опубликовало заявление, в котором указывалось: «Империалистическая агрессия против Гвинеи еще раз показывает настоятельную необходимость скорейшей и полной ликвидации колониальных и расистских режимов... Народы Африки в борьбе за свое освобождение могут, как и прежде, рассчитывать на помощь со стороны социалистических государств».

Излюбленным методом португальских колонизаторов было внедрение своей агентуры в ряды ПАИГК. Португальской разведке удалось завербовать несколько видных в прошлом деятелей партии, по тем или иным причинам недовольных политикой ее руководства. Среди них был Рафаэл Барбоза, по профессии типограф, занимавший в прошлом пост председателя ЦК ПАИГК. Барбоза вступил в партию в 1958 г., в 1962 г. был арестован ПИДЕ. Будучи завербован португальцами, он согласился выполнять агентурные задания, принимал участие в секретных совещаниях с офицерами

из португальского генштаба и был принят Спинолой в губернаторском дворце.

Встав на путь предательства, Барбоза передавал португальцам секретные документы и карты, которые предназначались лишь для узкого круга руководящих лиц. С его помощью португальцам удалось внедрить своих агентов в партийные ряды. В 1971 г. Барбоза провел совещание работавших в подполье членов ПАИГК, записал его на пленку, которую затем передал в руки ПИДЕ/ДЖС. Когда через посредничество одного члена партии Барбоза получил от руководства ПАИГК бомбы для использования их в Бисау, он тотчас же передал их фашистской полиции. Р. Барбоза «помогал» членам партии бежать из Бисау в освобожденные зоны, но сообщаемые им сведения позволяли ПИДЕ организовывать засады и арестовывать патриотов. Р. Барбоза передал в руки португальских властей списки подпольщиков ПАИГК в Бисау, что привело к ликвидации нелегальной городской партийной организации.

Вместе с Момо Туре и Аристидесом Барбозой Р. Барбоза разработал предательский план убийства А. Кабрала.

Одним из самых подлых приемов португальских колонизаторов стало физическое устранение видных лидеров национально-освободительного движения. В январе 1973 г. в Конакри было совершено злодейское убийство Генерального секретаря ПАИГК Амилкара Кабрала. Патриоты Гвинеи-Бисау ответили на это новыми мощными ударами по врагу. Вооруженные силы ПАИГК провели в мае наступательные операции под кодовым названием «Амилкар Кабрал». В результате была разгромлена крупная группировка португальских войск на юге страны и взят важнейший в стратегическом отношении, укрепленный пункт Гиледжи. В июне — июле Народная Армия ПАИГК провела ряд успешных военных операций на севере, юге и востоке страны.

Широкий размах освободительной борьбы, успехи в строительстве новой жизни на освобожденной территории создали условия для проведения

в стране свободных и демократических выборов. Они состоялись в октябре 1972 г. в крайне трудных условиях вооруженной борьбы. Организация этих выборов, в ходе которых впервые в истории Гвинеи-Бисау все население без какой-либо дискриминации выразило свою волю, избирая в Национальную ассамблею, явилась важной вехой в политическом - развитии страны и сильнейшим ударом по колониальному режиму Португалии.

В это же время ПАИГК сумела нанести португальскому колониализму еще одно политическое поражение, имевшее большой международный резонанс. По приглашению ПАИГК и с одобрения Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 2795 (XXVI) от 10 декабря 1971 г.) Гвинею-Бисау посетила официальная миссия ООН, представляющая специальный Комитет по деколонизации. В своем отчете миссия констатировала, что в районах, которые она посетила, существует эффективная власть ПАИГК, что население поддерживает вооруженную борьбу и осуждает атаки и бомбардировки, применяемые португальскими вооруженными силами против мирных жителей и гражданских объектов, свидетелями чему были члены миссии. Миссия выразила свое убеждение, что ПАИГК является единственным представителем народа страны. 13 апреля 1972 г. Комитет по деколонизации, обсудив отчет миссии, признал ПАИГК в качестве «единственного законного представителя» народов Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса. Это признание было подтверждено и Генеральной Ассамблеей ООН. Все эти обстоятельства внутреннего и международного плана были очень благоприятны для ПАИГК.

В сентябре 1973 г. в освобожденном районе Боэ открылась первая сессия Национального народного собрания. В ней приняли участие 120 депутатов, представлявших 16 областей страны. Открывая сессию, Генеральный секретарь ПАИГК А. Перейра подвел итоги многолетней Политической и вооруженной борьбы народа Гвинеи-Бисау. 24 сентября 1973 г. собрание провозгласило образование независимого государства — Республики Гвинея-Бисау. Сессия приняла конституцию республики, проект

которой обсуждался во всех населенных пунктах освобожденных районов. Первая статья конституции гласит: «Гвинея-Бисау— суверенная республика с демократическим, антиколониальным и антиимпериалистическим строем, которая борется за полное освобождение, за объединение Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса, а также за социальный прогресс своего народа» .

Конституция установила равенство всех граждан перед законом независимо от этнической принадлежности (ст. 13), а также равенство прав гвинейцев и зеленомысцев (ст. 20).

Провозглашение Республики Гвинея-Бисау явилось крупным успехом национально-освободительного движения в Африке и серьезным поражением португальского колониализма. Борьба народа Гвинеи-Бисау вступила в мирную фазу. Говоря об этом, Перейра заявил: «Мы считаем решающим фактором, позволившим подойти к этому этапу нашей борьбы, всестороннюю помощь Советского Союза».

Уже через месяц после образования новой республики она получила признание более чем 60 государств. В числе первых стран, признавших новое государство Африки, был Советский Союз. Созванная в ноябре 1973 г. в Аддис-Абебе чрезвычайная сессия Совета министров ОАЕ приняла Республику Гвинея-Бисау в качестве 42-го полноправного члена организации . События в Португалии в апреле 1974 г. ускорили осуществление желаний народов португальских колоний.

К 25 апреля 1974 г. молодая Республика Гвинея-Бисау была признана уже 66 государствами. Однако переговоры о ее признании Португалией оказались сложными из-за саботажа президента Спинолы и дипломатического аппарата, унаследованного в нетронутom виде со времен фашизма. В начале мая в Бисау прибыл представитель Совета национального спасения полковник К. Фабиан, который высказался за признание Португалией Республики Гвинея-Бисау. «Мои намерения серьезны и искренни,— сказал он.— Африканизация Гвинеи должна быть проведена ускоренными темпами до то как будет достигнута полная, реальная и

подлинная деколонизация». Спинола был шокирован этими заявлениями Фабиана. «Через три дня после того, как он послал Фабиана в Бисау, генерал отозвал его как коммуниста»,— вспоминал позднее один из членов Совета.

17 мая министр иностранных дел Португалии М. Соареш тайно прилетел в Дакар и при посредничестве президента Сенгора встретился с лидерами ПАИГК. Встреча была краткой и носила чисто протокольный характер. Переговоры были продолжены в Алжире, где президент Х. Бумедьен пытался повлиять на португальскую делегацию. Однако, следуя инструкциям Спинолы, она упорно отказывалась признать молодую республику.

На переговоры с лидерами ПАИГК в Лондоне Спинола послал вместе с Соарешем своего ближайшего военного советника подполковника Алмейда Бруно. Свою точку зрения Спинола изложил с предельной откровенностью в интервью газете «Диариу де нотисиаш»: «В современном мире самоопределение может быть лишь в атмосфере, где надежно функционируют демократические институты. Мы должны заключить, что таких институтов нет в заморских территориях, вследствие чего их жители не обладают эффективными средствами самовыражения и участия. Вот почему немедленная независимость на деле означает сегодня не что иное, как отрицание общепризнанных идей».

Но в Гвинее-Бисау португальские солдаты опередили дипломатов. Они прекратили военные действия и приняли условия ПАИГК. 1 июля 1974 г. в Бисау была созвана ассамблея, в которой приняло участие более тысячи делегатов от солдат, сержантов и офицеров. Они единодушно постановили: «1. Отвергнуть всякое местное и одностороннее решение, которое не было бы принято правительством Португалии. 2. Потребовать, чтобы, несмотря на препятствия, чинимые реакционными и неокOLONиалистскими силами, португальское правительство в соответствии с решениями ООН немедленно и недвусмысленно признало Республику Гвинея-Бисау и право народа Островов Зеленого Мыса на самоопределение и независимость...»

Принятие ассамблеей этого решения обосновывалось убеждением, что тупик в переговорах с ПАИГК вызван систематическим отказом Спинолы и его окружения признать политическую реальность. Наконец 20 августа в Алжире была подписана совместная декларация Португалии и ПАИГК о признании независимости Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса.

10 сентября 1974 г. короткая официальная церемония в Лиссабоне, продолжавшаяся менее 10 минут, положила конец португальскому колониальному присутствию в Гвинее-Бисау, продолжавшемуся почти 500 лет. Спинола вынужден был подписать документ, в котором Португалия передала всю власть ПАИГК и официально признала Республику Гвинея-Бисау. Подписав документ, Спинола передал его главе делегации ПАИГК Педру Пиришу, пожал руку своему бывшему противнику и, сказав ему несколько слов, удалился. Не было ни речей, ни помпы, которые сопутствовали, например, церемониям предоставления независимости бывшим английским колониям.

Это внешнее отличие отражало более глубокую специфическую особенность церемонии в Лиссабоне: она являлась лишь формальным признанием Португалией того факта, что в результате героической борьбы народа Гвинеи-Бисау за год до этого была создана и провозглашена независимая суверенная республика.

На острова приходит свобода.

На путь независимости вступила и другая португальская колония — Острова Зеленого Мыса. Народ этой страны вел борьбу против португальских колонизаторов бок о бок с народом Гвинеи-Бисау под руководством одной и той же патриотической организации — ПАИГК.

На островах существовала активно действовавшая разветвленная сеть подпольных организаций ПАИГК. Дважды — в 1969 г. на о. Санту-Антан и в 1970 г. на о. Сан-Висенти — партии удавалось организовать выступления трудящихся с требованием повышения заработной платы. В сентябре 1972 г. произошли серьезные столкновения населения с полицией. В том же году ПАИГК реорганизовала ряд своих центральных органов, создав специальные отделы и службы, ответственные за деятельность партии на архипелаге. 5 июля 1975 г. родилось независимое государство — Республика Острова Зеленого Мыса (РОЗМ). Незадолго до этого были проведены выборы в Национальную народную ассамблею, в которую прошли 56 депутатов от партии ПАИГК. За ее кандидатов проголосовали 92% всех избирателей. Национальная народная ассамблея приняла первую конституцию РОЗМ.

11 июля было сформировано правительство республики. Президентом РОЗМ стал Генеральный секретарь ПАИГК Аристидес Перейра, премьер-министром — Педру Пириш. Выступая на церемонии принесения присяги он заявил, что формирование правительства имеет целью прежде всего обеспечить экономическую независимость страны, которая до сих пор страдала от голода и эмиграции.

Аристидес Мария Перейра родился 17 ноября 1923 г. на острове Боа Вишта в многодетной семье священника (у него было 14 братьев). Окончив лицей, он перебрался на остров Сантягу, где работал бухгалтером. В это время началась его дружба с Амилкаром Кабралом, продолжавшаяся всю жизнь. Будучи разносторонне одаренным человеком, Аристидес Перейра отлично играл на гитаре. В 1948 г. он переехал в Гвинею-Бисау и работал начальником службы телекоммуникаций в Бисау вплоть до 1960 г., когда был

вынужден эмигрировать в Конакри. В 1956 г. он стал наряду с А. Кабралом одним из основателей ПАИГК. В 1964 г. он стал генеральным секретарем ПАИГК, а в 1965 г. – член Военного Совета. Начиная с 1970 г. он, А. Кабрал, Луиш Кабрал – члены постоянной комиссии Исполкома ПАИГК. После убийства А. Кабрала Перейра возглавил ПАИГК. В июле 1975 г. А. Перейра был избран президентом РОЗМ.

7 июля П. Пириш изложил программу нового правительства. В ее основу были положены три главных принципа: неприсоединение, экономия, труд. В разделе речи, касающемся неприсоединения, глава кабинета заявил: «Острова Зеленого Мыса никогда не будут использованы как база агрессии против кого бы то ни было». Он подчеркнул, что республика будет иметь со всеми странами отношения, основанные на равенстве и взаимной выгоде. РОЗМ, подчеркнул Пириш, поддерживает принципы ООН и ОАЕ и солидарна с национально-освободительными движениями в Африке. В области внутренней политики программа правительства предусматривала аграрную реформу, призванную положить конец аренде земли, и финансовую реформу с целью сократить разрыв между минимальной и максимальной заработной платой. Намечалась также реформа в области образования, предусматривающая увеличение числа школ и кардинальное изменение школьных программ.

Путь народа Сан-Томе и Принсипи к независимости был долгим и трудным. Уже XV век был отмечен крупным восстанием рабов, а в 1530 г. слепой раб Туан Гату возглавил освободительное движение невольников, которое приобрело такой размах, что многие плантаторы были вынуждены бежать в Бразилию. Одержав победу, восставшие создали свое государство в горах Сан-Томе, имевшее своеобразную организацию и экономическую структуру. Однако оно просуществовало недолго и было разгромлено колониальными войсками. В конце XVI в Сан-Томе вновь охватило пламя массового антипортугальского движения, которое возглавил выдающийся лидер Амадор. Повстанцы освободили от колонизаторов в 1595 г. большую

часть острова. Однако выданный предателем Амадор был убит, а восстание потоплено в крови.

Жители островов снова вынуждены были гнуть спины на плантациях, подвергаясь бесчеловечной эксплуатации, унижениям и различным формам расовой дискриминации. Рабство было официально отменено декретами 1869 и 1875 гг. Его заменила система контрактации рабочей силы, мало отличавшаяся от рабской зависимости. По этой системе португальские торговцы покупали африканцев у местных вождей в Анголе и отправляли их из порта Бенгела в трюмах морских судов на плантации какао на Сан-Томе. Формально контракт подписывался на 5 лет, но фактически «законтрактованные» никогда не возвращались.

Сохранение системы контрактации даже в середине XX в. быстро увеличивало население островов. Автохтонных жителей Сан-Томе называли «детьми страны», но большую часть 80-тысячного населения составили островитяне в первом и втором поколении. Большинство сантомийцев жили не в городах или деревнях, а в компаундах около больших плантаций.

Против сантомийцев колонизаторы применяли самые жестокие репрессии, стремясь сломить их волю к сопротивлению. В мае 1953 г. вспыхнула забастовка на плантациях какао, вызванная декретом, изданным генерал-губернатором К. С. Горгулью, о необходимости всем взрослым жителям острова зарегистрироваться для принудительных работ. Взбешенный Горгулью приказал войскам открыть огонь по плантационным рабочим. Было убито 1032 сантомийца, что составило более 2% всего населения острова. Тюрьмы были переполнены африканцами.

Однако террор не смог остановить развитие национально-освободительной борьбы народа Сан-Томе и Принсипи. Борьба стала принимать все более организованные формы. В 1960 г. была создана первая в стране патриотическая организация — Комитет освобождения Сан-Томе и Принсипи, который возглавил борьбу народа за независимость. Под его руководством большая часть африканского населения в августе 1963 г.

приняла участие в массовой забастовке трудящихся. В силу специфических географических условий возможности ведения вооруженной борьбы были крайне ограничены. Репрессии вынудили ряд членов Комитета выехать за границу, но и оттуда они продолжали руководить антиколониалистскими выступлениями сантомийцев. Активисты Комитета привлекали внимание широкого общественного мнения к трагической участи народа островов, вели работу по его мобилизации в пользу предоставления независимости их родине. Одной из форм антиколониальной борьбы был так называемый «культурный национализм» — антиколониальные произведения сантомийских писателей, поэтов, художников и других деятелей культуры. Ярко выраженной революционной направленностью отмечена поэзия Алды Граса ду Эспириту Санту — активной участницы национально-освободительного движения (после независимости — министр информации и культуры Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи). Ее стихи звучали как набат, призывавший народ подняться на борьбу за свободу и отомстить за тысячи убитых колонизаторами братьев и сестер:

Красна от крови земля,
липка,
И море слизывает тела.
В зарослях раненых вопли и стоны
И росчерки очередей
автоматных.
О, мой зеленый, о, мой
зеленый
Остров кровавых пятен...

Как отмечала сан-томийская газета «Революсао», «наши наиболее известные поэты Алда Граса ду Эспириту Сан-ту, Мануэл Маргариду, Марселу да Мата и Томаш де Медейруш сделали поэзию оружием, оплотом сопротивления в то время, когда слово «сопротивление» стало лозунгом народа».

В 1972 г. Комитет освобождения был преобразован в Движение за освобождение Сан-Томе и Принсипи (МЛСТП). Движение выдвинуло программу завоевания национальной независимости и ликвидации колониального наследия. Вскоре островам было дано право «местной автономии» (управлялись генерал-губернатором, при котором было создано законодательное собрание, имевшее лишь совещательные функции).

После падения фашистского режима в Португалии в апреле 1974 г. освободительное движение на Сан-Томе приобрело небывалый размах. Новое правительство Португалии вначале отказалось легализовать МЛСТП и вести с ним какие-либо переговоры.

Возникшая на острове Гражданская ассоциация, тесно связанная с МЛСТП, провела серию забастовок и демонстраций с требованием немедленного предоставления независимости. Волнения достигли апогея в сентябре 1974 г. Подразделение португальской армии, состоявшее из африканцев, восстало и захватило склад оружия. Португальская полиция открыла огонь по демонстрации в поддержку МЛСТП, после чего вся экономическая жизнь на островах была парализована всеобщей забастовкой.

Португальские власти вынуждены были вступить в переговоры с МЛСТП и подписать с его лидерами 26 ноября 1974 г. соглашение, по которому признавалось право народа Сан-Томе и Принсипи на самоопределение и независимость. Предусматривалось проведение выборов в Национальную народную ассамблею, которая должна была провозгласить независимость и выработать конституцию. В декабре 1974 г. было создано переходное правительство, состоявшее главным образом из представителей МЛСТП. Своей деятельностью оно подготовило провозглашение независимости островов, что и произошло 12 июля 1975 г.

Ангола: путь к независимости.

В Анголе характерной чертой послевоенных лет был подъем забастовочной борьбы африканского пролетариата. Несколько крупных забастовок имели место в Луанде и в других городах страны.

Наряду с забастовочной борьбой пролетариата первые послевоенные годы были отмечены многочисленными выступлениями ангольского крестьянства. В условиях жестокого террора со стороны колониально-фашистских властей, исключавшего возможность какой-либо легальной оппозиционной деятельности, антиколониальная борьба крестьянства вылилась в своеобразную форму тайного религиозного сектантства. Особенно широкие масштабы сектантство приобрело в Анголе в 50-х гг., когда там существовало не менее 20 тайных мессианских движений. Наибольшее распространение и влияние получил токоизм. Это движение было названо так по имени своего основателя.

Симау Току родился в 1918 г. в Сади Килоанго в округе Макела ду Зомбо на севере Анголы. Он происходил из народности баконго.

В 1926 г. Току поступил в школу при баптистской миссии в Кибоколо, окончив которую в 1933 г. продолжил образование в лицее в Луанде. В 1937 г. он вернулся в родную деревню. Вскоре он получил место школьного учителя в миссионерской школе в Кибоколо, а затем — в миссионерской школе в Бембе. Сохранилось крайне мало достоверных свидетельств об этом периоде жизни С. Току. Известно лишь, что в 1943 г. он был помолвлен с одной девушкой, но столкнулся с проблемой приданого. К этому времени старейшины увеличили сумму приданого, взимаемого с молодых людей, ушедших в города, так как видели в них лиц, потенциально угрожающих господству родовой элиты над традиционным обществом. Току потребовал увеличения жалованья, в чем ему было отказано. Тогда он решил переехать в Леопольдвиль (Конго), чтобы, проработав там шесть месяцев, скопить необходимые деньги. Оказавшись там, он помогал в организации

групп взаимопомощи среди эмигрантов из Зомбо и стал руководить маленьким хором ангольцев при баптистской церкви.

В это время Току находился под сильным влиянием учения кимбангистской церкви, особенно ее идеи о золотом веке.

Согласно некоторым сведениям, в начале 1949 г. Току нашел у одного из миссионеров в баптистской миссии две книги на португальском языке, изданные «Свидетелями Иеговы», которые он перевел на язык киконго, чтобы распространять их среди баконго, хотя это вызвало крайнее раздражение миссионеров-баптистов и бельгийских властей.

Видимо, под влиянием изучения теологической литературы Току решил в 1949 г. разработать новое религиозное учение «токоизм», с тем чтобы проповедовать его среди ангольцев. В токоизме в религиозной форме отразилось пробуждение национального сознания ангольцев, оно несло в себе определенные черты национализма и имело явно выраженную антиколониалистскую и антипортугальскую направленность. Току считал себя прежде всего ангольцем и хотел создать именно ангольский тип церкви, который нельзя было бы спутать с какой-либо из существующих африканских церквей. Он объявил себя мессией, а своих 12 товарищей по хору — 12 апостолами. Весть о создании С. Току «новой церкви» для ангольцев быстро облетела Леопольдвиль. К нему стали присоединяться многочисленные сторонники из числа эмигрантов-баконго.

Быстрый успех токоизма в Леопольдвиле объяснялся прежде всего тем, что ангольские баконго чувствовали себя там чужаками и изгоями. Их сторонились не только представители других народностей, но даже конголезские баконго. Португалоязычные баконго испытывали трудности в Леопольдвиле и из-за языкового барьера. Токоистская церковь, созданная на определенной этнической базе, приобрела популярность прежде всего среди баконго ангольского происхождения.

Как писал португальский ученый Маргариду, изучавший историю токоизма, «токоистская церковь — уникальный феномен в том смысле, что

она является отражением ангольского происхождения баконго. Баконго придают большее значение своей принадлежности к ангольцам, чем тому факту, что они баконго».

25 июля 1949 г. начался второй этап в истории токоистской церкви. В этот день С. Току во время молитвы в миссии впал в транс, так как ему якобы явился «святой дух». Миссионеры, напуганные «еретическими» проповедями Току и растущей популярностью токоистской церкви, изгнали его из миссии. После этого моления и другие таинства токоистов совершались в доме Току. Именно там им снова «явился» «святой дух». Миссионеры-баптисты донесли на Току и его последователей бельгийским колониальным властям, обвинив их в политической деятельности. 2 ноября 1949 г. Току и его последователи были арестованы.

О том, что прозелитская деятельность Току среди ангольцев в Леопольдвиле была весьма продуктивной, говорит тот факт, что вместе с Току было арестовано примерно 100 (по другим данным — 500) человек.

8 декабря 1949 г. губернатор провинции Леопольдвиль подписал приказ, обязывающий полицию выслать из страны Току и его группу по обвинению в проповедовании «ритуалов религиозно-мистической доктрины иерархического характера, предсказывающей наступление нового порядка при царствовании нового Христа, который покончит со всеми нынешними властями».

10 января 1950 г. Току и его сторонники были переданы португальским властям на границе в Ноки. Те, опасаясь, что деятельность токоистов может угрожать безопасности колониального режима, не позволили им вернуться в свои дома, а сослали в различные районы страны. Одни были отправлены в Бембе, другие — в Луанду, маленькая группа — на плантации какао на Сан-Томе. Самая большая группа токоистов была заключена в концлагерь в Ложи, где им не позволяли контактировать с местным населением. Сам Току и несколько его товарищей были помещены в концлагерь в Бухту Тигров на юге ангольского побережья, куда власти

ссылали «опасных политических преступников». Но вскоре Току был освобожден и вернулся в Бембе, где снова стал проповедовать токоизм, и в ноябре 1950 г. был выслан в Каконда, где два года работал трактористом, в 1952 г. — в Жау, а затем в Кассингу. Всюду, где бы он ни был, он продолжал свою евангелистскую работу, которая беспокоила власти и колонистов.

Несмотря на попытки португальских властей ограничить влияние Току, его взгляды быстро распространялись. Следует особо подчеркнуть, что в начале 50-х гг. токоизм перестает быть узкоэтническим сектантским движением баконго, а распространяется и среди других народностей Анголы. Вера в приход мессии и надежда на лучшее будущее завоевали ему многочисленных сторонников в Анголе, прежде всего среди трудящегося населения, в округах Конго, Луанда, Бенгела, Маланже и др.

Всюду создавались тайные токоистские общины, члены которых под влиянием проповедей Току начали выказывать неповиновение португальским властям, отказываясь работать на плантациях европейцев. Напуганные быстрым распространением токоизма, португальские власти высылали Току из одного района в другой, но всюду он продолжал свою проповедническую деятельность. Наконец они придумали способ изолировать его, не заключая в тюрьму, назначив сторожем маяка близ Порту-Алешандри (1955—1962 гг.). В 1963 г. он был сослан на Азорские острова. Когда в Анголе началась вооруженная борьба, Току, будучи на Азорских островах, по принуждению португальских властей выступал по радио, убеждая своих последователей мирно сосуществовать с португальцами. С. Току умер в 1984 г. в Луанде и похоронен около Дамба (провинция Уижи).

В чем же состоит существо учения, проповедовавшегося С. Току и его последователями?

Согласно токоистскому учению, африканцы должны ждать пришествия своего мессии — «черного Христа», который спасет их от рабства и превратит их из слуг белых людей в их хозяев.

В 1958 г. португальским властям попало следующее послание Току, обращенное к его единомышленникам: «Нет причин бояться белого человека, ибо он уже потерял то могущество, которое раньше ему было дано богом. Бог прогневался на него за то, что он совершил несколько великих грехов. Новый Христос, черный Христос должен прийти, а Току — его пророк. Току бог дал то могущество, которое прежде он дал белому человеку. Эта страна наша, а белый человек ее украл. Теперь мы очень сильны, и, кроме того, нам помогают предки... Скоро мы будем распоряжаться всей Африкой. Белым придется подчиниться нам и стать нашими слугами. Очень скоро Симау Току вернется как наш освободитель» .

Как видно из этого документа, токоизм пронизывали мессианская идея, непримиримая ненависть к белым угнетателям и вера в лучшее будущее ангольцев. В то же время, хотя это учение изображало белых колониалистов как «зло», оно призывало не к борьбе, а к пассивному ожиданию и подчинению белым властям и было по своей сущности глубоко аполитичным. Содержащаяся в токоизме мессианская идея уводила сопротивление эксплуатируемых масс от активных форм в область религиозных мифов, задерживая развитие национально-освободительного движения.

Объявив себя пророком, Току создал основы новой церкви. Во главе ее стоял центральный совет, который контролировал конгрегации, учрежденные в каждой деревне, где была токоистская община. Каждая конгрегация должна была иметь совет старейшин и своих учителей, ответственных за индоктринацию и проведение ритуалов. Токоизм отвергает главный символ христианства — крест. Токоисты должны были иметь коротко постриженные волосы с пробором посередине, носить белую одежду с белой звездой, отказавшись от каких-либо украшений.

Хотя токоизм, как и другие сектантские мессианские движения, был формой пассивного сопротивления существующим порядкам и уводил крестьянство в сторону от сознательной и целенаправленной борьбы за

освобождение, он сыграл в определенной степени и позитивную роль, так как явился важной промежуточной ступенью в подготовке крестьянских масс к более высоким формам антиколониальной борьбы.

Наиболее организованные формы антиколониальная борьба приняла в среде ангольской интеллигенции — европейцев и «ассимиладуш».

В 1943 г. было основано Культурное общество Анголы. По словам английского историка Р. Гибсона, «эта группа, скорее политическая, чем культурная, стала местом сбора европейцев — либералов и марксистов и позволила им распространять свои идеи среди студентов и молодых интеллектуалов». Члены общества тесно контактировали с националистически настроенными поэтами из радикальных журналов «Менсажень» и «Культура».

В 1948 г. Португальская коммунистическая партия основала свою подпольную ячейку в Луанде. В нее вошли наиболее радикальные члены Культурного общества Анголы, в том числе Марио де Андради и Вириатуда Круш.

В 1955 г. была основана Коммунистическая партия Анголы. Весьма эффективным с точки зрения организации и пропаганды было также действовавшее во второй половине 50-х гг. Движение ангольских братьев милосердия (МНА). Значение МНА как приводного ремня для национально-освободительного движения в Анголе и Мозамбике, видимо, ускользнуло от внимания португальских властей. Профессия братьев милосердия относительно хорошо оплачивалась, и «ассимиладуш» имели к ней свободный доступ. Руководитель МНА М. де Карвалью позже вспоминал: «Существовали другие организации интеллигентов, которые были более политически активными, но из-за этого они состояли под надзором ПИДЕ. Передвижения их членов по стране были затруднены. В то же время в каждой административной зоне, провинции и дистрикте местный португальский администратор имел право на брата милосердия, который следил за здоровьем его семьи... Эти медбратья пользовались свободой и

даже приоритетом в поездках по стране». После своего учреждения МНА занялось распространением политической литературы и информации о событиях в Африке и в мире. МНА, в частности, широко пропагандировало решения конференции независимых африканских государств в Аккре (апрель 1958 г.), доводя до сознания масс две главные идеи: ангольцы имеют право на независимость и у них много надежных друзей во всей Африке, включая демократические правительства. «Поскольку португальцы никогда не удосуживались учить местный язык, брат милосердия мог сообщать все это служившим у губернатора людям», — отмечал один из источников того времени. Впоследствии члены МНА были арестованы и в декабре 1960 г. приговорены к длительному тюремному заключению.

В середине 50-х гг. возникло несколько организаций, которые впоследствии, слившись воедино, дали жизнь МПЛА.

Существует несколько версий относительно точной датировки возникновения ранних революционно-националистических организаций в Анголе (например, ПЛУА). Как пишет изучавший этот вопрос французский историк Клод Габриэль, «трудность выяснения точного хода процесса, из которого родилось МПЛА, связана отчасти со сложностью отношений, которые, видимо, существовали между различными тогдашними группами, а также с осторожностью, характерной для письменных свидетельств нынешних лидеров после очень острых конфликтов между Марио де Андради, Вириату да Круш и Агостиньо Нето в начале 60-х гг.».

В 1960 г. в результате слияния КПА, ПЛУА и МИА (Движение за независимость Анголы) было создано Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА). Это событие, имевшее историческое значение, ознаменовало собой начало нового этапа в истории национально-освободительной борьбы народа Анголы.

В феврале 1960 г. МПЛА приняло программу и устав. Программа МПЛА состояла из программы-минимум, наметившей ближайшие цели организации, и программы-максимум, посвященной строительству

независимой Анголы. На формирование взглядов лидеров МПЛА значительное влияние оказало португальское рабочее движение во главе с ПКП. А. Нето позже признавал: «Мы многому научились на острых конфликтах, существовавших в Португалии. Они дали нам полезные уроки».

Несмотря на жестокий колониальный террор, национально-освободительное движение продолжало нарастать. Особенно угрожающий для колонизаторов характер оно приняло на севере Анголы в связи с событиями в Бельгийском Конго.

Весной 1959 г. португальское правительство в срочном порядке перебросило в Анголу 20 тыс. солдат, военные суда, танки и авиацию. Там был создан второй округ ВВС Португалии. Начальник ангольского отделения ПИДЕ Жуан Жозе Лопиш получил инструкцию, предписывающую любыми мерами подавить движение.

В марте 1959 г. страну захлестнули массовые аресты. Сотни людей, заподозренных в связях с МПЛА, были брошены в тюрьмы или сосланы в концлагеря на о-ва Сантьягу и Сан-Томе. Вторая волна арестов имела место в июле 1959 г., когда в Луанде было схвачено 150 человек, в том числе Илидиу Машаду и ряд других руководителей МПЛА. ПИДЕ начала судебный процесс над 50 деятелями МПЛА.

Обвиняемые держались на суде мужественно и по существу превратили его в суд над своими обвинителями.

Они смело заявили о том, что те не имеют права их судить, так как являются иностранцами, в то время как они, обвиняемые,— ангольцы.

В январе 1960 г. МПЛА направило своих представителей на вторую конференцию стран Африки в Тунисе. Это событие было примечательно во многих отношениях. Впервые на международной африканской конференции присутствовали революционеры из португальских колоний. На ней в первый раз встретились делегации МПЛА и Союза народов Анголы (УПА). Именно она обсудила никогда ранее не обсуждавшиеся проблемы португальского колониализма. МПЛА распространило там документ «Аспекты борьбы

против португальского колониализма». В нем, в частности, говорилось: «Формы, которые эта борьба может завтра принять, зависят прежде всего от того способа, каким португальский колониализм предпочтет уйти из Африки». Таким образом, МПЛА предлагало правительству Салазара альтернативу: либо мирный путь деколонизации, либо вооруженная борьба патриотических сил за независимость.

Лидеры МПЛА никогда не считали, что вооруженная борьба является единственно возможным средством достижения освобождения своей родины. В 1962 г. группа членов МПЛА была направлена для военного обучения в Алжир. Обстановка в Алжире в то время была сложной. Западный фронт ФНО поддерживал МПЛА, Восточный — ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), члены которого тоже проходили военную подготовку в Алжире. Лидер ФНЛА Х. Роберто пользовался особым покровительством Ф. Фанона. На конференции в Тунисе в 1960 г. Фанон пытался убедить МПЛА немедленно начать вооруженную борьбу, настаивая, чтобы это было сделано до конца 1960 г. Только в этом случае, по его словам, ФНО был готов дать МПЛА оружие. Получив отказ, Фанон сделал то же предложение Роберто, который дал ему необходимое обещание, получив взамен гарантии алжирской военной помощи.

Дополнительный свет на причины горячей симпатии Фанона к Роберто проливает американский ученый У. Барчетт: «Во время восстания в Анголе в феврале-марте 1961 г. вооруженная борьба в Алжире достигла апогея. Фанон, живший тогда в Алжире, увидел возможность открытия второго фронта, который бы перенял страстность у алжирского ФНО. Он был убежден, что главной революционной силой в такой колониальной стране, как Ангола, является крестьянство, но сомневался, что лидеры МПЛА примут его предложение. По словам некоторых из близких к нему в тот период людей, он перенес свои подозрения в отношении интеллектуалов-марксистов на Мартинике на интеллектуалов МПЛА... Фанон пришел к выводу, что Х. Роберто (видимо, искусный в угадывании того, что от него

хотят услышать, когда ему это было выгодно) разделяет его взгляды и является единственным ангольским лидером, способным вести вооруженную борьбу» .

. 13 сентября 1960 г. МПЛА направило обращение в ООН, прося включить вопрос о португальских колониях в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В декабре того же года оно объявило о своем решении перейти к «прямодействию».

Как считало руководство МПЛА, условия для такого перехода создали события, имевшие место в начале 1961 г. в Нижней Касанжи, получившие название «война Марии» и положившие начало цепи событий исторической важности, выдвинувших 1961 г. в число самых значительных в истории Анголы. Нижняя Касанжи была монопольной вотчиной португальской компании «Котонанг». Цена, по которой компания продавала хлопок на мировой рынок, была в 12 раз выше цены, которую она платила производителям.

В январе 1961 г. крестьяне-хлопкоробы, доведенные до отчаяния нечеловеческой эксплуатацией и жестокостями португальских властей, восстали против своих притеснителей. Выступление против колониальных властей и всей системы принудительного выращивания хлопка начали члены религиозной секты Антониу Мариану. Согласно некоторым сведениям, Антониу Мариану родился в пригороде Маланже. В 1959 г. он эмигрировал в Конго-Леопольдвиль, где стал шофером крупного вождя из Оло д'отр Кванго . Вернувшись в Анголу, он начал проповедовать мессианское учение, в котором мистические сюжеты тесно переплетались с политическими темами. Основой этого учения был культ богини Марии, которая должна освободить африканцев от господства белых. Именно от ее имени восстание получило название «войны Марии», а не от искаженного имени Мариану, как полагают некоторые историки.

Причины и характер восстания стали предметом острых дискуссий в исторической литературе, породив всевозможные легенды, вымыслы и политические спекуляции.

Наиболее вредоносной из этих спекуляций являлась версия, созданная авторами, симпатизирующими ФНЛА согласно которой эта организация участвовала в «войне Марии». Бывший вице-президент УПА Розариу Нето в своей статье о «войне Марии» утверждал, что А. Мариану был связан с УПА и «проповедовал евангелие УПА вперемешку с восхвалением Лумумбы и Симона Кимбангу... Лозунг, брошенный УПА и пропагандируемый Мариану, распространился со скоростью урагана» .

Однако, как убедительно показал в своей диссертации «Сопротивление и восстания в Анголе (1845—1961)», блестяще защищенной в Парижском университете в 1975 г., французский исследователь Р. Пелисье, версия о том, что лидеры УПА имели связь с «пророком», действовавшим в Анголе в начале 1961 г., не выдерживает критики . Нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту версию.

«Война Марии», по выражению Пелисье, была «Жакерией бедняков», которой способствовали несколько факторов. Прежде всего это оппозиция навязываемому «Котонангом» принудительному выращиванию хлопка, затем резкое падение доходов хлопкоробов в 1960 г. и, наконец, появление мессианского движения, которое придало восстанию столь сильную религиозную окраску, что стали трудноразличимыми его социальные корни.

По воспоминаниям очевидцев этих событий, еще в октябре 1960 г., когда началась подготовка к севу, из Конго пришел человек (видимо, это и был Мариану), который «начал убивать все создания белого цвета (быков, свиней и коз), уверяя, что, «пока белые живы, земля не будет родить»» .

Можно предполагать, что одним из элементов проповедей Мариану были рассказы о Лумумбе и о том, как он освободил свой народ, изгнав всех белых из страны. Один из современников в связи с этим вспоминает: «В

Нижней Касанжи разнесся слух, что Калумумба* пришел нас освободить и что рабство кончится» .

Однако центральной темой проповедей Мариану, по-видимому, был новый искупительный культ — культ богини Марии, который он непосредственно связывал с грядущим избавлением от португальского ига. Как сообщали местные португальские чиновники, содержание этих проповедей сводилось к следующему: «Мария, покровительница черных... уже давно обеспокоена страданиями ангольцев и поэтому решила явиться в Кассуло-Куэнда двум конголезцам, сообщив им, что она пришла, чтобы спасти народ Анголы, освободив его от ига белых и принеся ему лучшую жизнь».

Когда ангольцы пойдут за ней, разразится небывалая буря, которая уметет все на своем пути и воздвигнет у моря гигантскую гору, навсегда отделяющую Анголу от Португалии. Чтобы не быть унесенным бурей, каждый должен принести в свой дом большие вилы и зацепиться ими там. Кончится буря, явится Мария и воскресит всех мертвых — людей и скот. Потом придет Лумумба, который будет ими править. В преддверии этого золотого века необходимо строго соблюдать ритуал, представляющий собой смесь из предписаний гигиены, пищевых запретов, принципов эгалитаризма и «черного расизма» .

Как подметил Р. Пелисье, в новой религии, проповедовавшейся Мариану, из 15 пунктов ритуала по меньшей мере 6 непосредственно угрожали колониальному порядку, а 3 других находились в формальном противоречии с католицизмом .

Наибольшее беспокойство португальских властей вызвали те компоненты новой религиозной «ереси» Мариану, которые содержали определенный антиколониальный и антиевропейский социальный и расовый заряд. К ним относились предписания верующим не работать на белых и рвать с ними всякие контакты, уверения в том, что, когда разразится буря, Ангола отделится от Португалии, а потом придет Лумумба и окончательно

освободит Анголу от белых. Пророки, пришедшие из-за границы, уверяли ангольцев, что пули белых не смогут их убить, если принять необходимые меры предосторожности — надеть набедренные повязки, привязать к поясу заплетенную траву, распевать гимны в честь Марии и кричать «Мейейя!» («вода» на языке киконго) .

Под влиянием антипортугальских проповедей Мариану крестьяне в разгар посевного сезона сожгли семена, бросили сельскохозяйственный инвентарь и разорвали паспорта.

Крестьяне отказывались работать и пели хвалебные гимны в честь Лумумбы и Марии. Вскоре пассивное сопротивление сменилось фазой активной борьбы. 28 января 1961 г. восставшие, вооружившись «катанаш» (кривыми ножами) и «каньянгулуш» (ружьями, заряжающимися с дула) и сконцентрировавшись в Тека-диа-Кинда, напали на два административных поста, склады компаний и католическую миссию . Однако чиновникам, торговцам и миссионерам не было причинено какого-либо ущерба. Они были лишь разоружены, и им было позволено покинуть эти места.

Известие о восстании в Нижней Касанжи вызвало панику в Луанде. «Котонанг» была напугана перспективой полной потери урожая хлопка. Она опасалась выдвижения в ходе «войны Марии» новых требований, включая требования ее ухода с ангольской территории и безвозмездной передачи хлопка «людям, которые его сеют, выращивают, собирают и пакут в мешки» . Компания потребовала беспощадного подавления восстания, для того чтобы преподать наглядный урок на будущее, дабы никто не мог и помышлять о повторении опыта крестьян Нижней Касанжи.

Вот как описывал португальский историк А. Ж. де Фрейташ последовавшие за этим события: «Генерал-губернатор — человек «умеренный». Но рядом с ним находится человек «опытный», «специалист» по репрессиям, имеющий опыт в Гоа генерал Монтейру Либориу. «Умеренный» человек с покорностью судьбе думает, что есть неприятные вещи, которые следует сделать. «Опытный» человек потирает руки и отдает

четкие приказы. Пехотные части, самолеты «ПВ-2» и «Т-6» с напалмовыми бомбами, специально доставленные с баз НАТО в Португалии (Ота и Монтижу), получают четкие приказы: бомбить забастовщиков в Нижней Касанжи».

5 февраля 1961 г. в Кела прибыла колонна португальских войск во главе с капитаном Телеш Грилу. Получив информацию о том, что огромная толпа крестьян собралась в Тека-диа-Кинда, чтобы получить благословение и окропиться «водой Марии», Грилу направился к этому пункту. При подходе к селению португальцы увидели, что дорога украшена знаменами, склеенными из паспортов. Крестьяне пели традиционные песни.

Очевидцы событий рассказывали: «Несмотря на наличие каньянгулуш и катанаш... население не восстало против колонистов. Манифестация приняла явно мирный характер. Народ хотел лишь, чтобы удовлетворили его справедливые и гуманные требования... Взбешенный и разгневанный Телеш Грилу приказал бросить холостые гранаты. Люди в ответ на это стали еще громче петь традиционные песни и гимны. Тогда еще более разъяренный Телеш Грилу приказал открыть огонь. Началась настоящая резня... Грилу приказал сжечь заживо одного из оставшихся в живых, Браву Кипака, который заявил: «Раз вы перебили всех, я тоже не желаю жить и снова стать рабом»». В Тека-диа-Кинда было убито 310 и ранено 180 человек. «Это было что-то ужасное,— вспоминал один из участников трагедии.— Нас убивали, как матадоры убивают быков».

5 февраля португальские ВВС сбросили напалм и зажигательные бомбы на ангольские деревни в районе Кела. В результате было уничтожено 17 деревень и 5 тыс. человек убито. 8 февраля португальская 4-я рота заняла Монталегри. Авиация снова сбросила смертоносный груз, уничтожив несколько деревень в районе Сунгинге. На пути следования к Маримба войска подвергали мирное население чудовищным репрессиям. «Инсургентов» закапывали в землю по шею, а затем давили их бульдозерами и тракторами.

Различные районы Нижней Касанжи были по-разному затронуты репрессиями. Пелисье обратил внимание на то, что наиболее жестокие расправы имели место в районах Камбу и Бондо-и-Бангала, где в 1960 г. хлоп-коробы получали наименьшие доходы и где, следовательно, недовольство крестьян ощущалось особенно остро .

Оценки общего числа жертв в «войне Марии» колеблются от 5 до 20 тыс. человек. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в результате действий реакции погибло несколько тысяч ангольцев. Таким образом, в Нижней Касанжи имел место первый случай геноцида в португальских колониях. Несколько районов стали практически необитаемыми. Восстание, не имевшее ни общего руководства, ни организации, ни плана, ни оружия, было буквально потоплено в крови.

Какова же была судьба вдохновителя этого восстания Антониу Мариану? В марте 1961 г. он вместе со своим последователем — вождем Кулу-Шингу был схвачен в Лурему (провинция Лунда) по доносу двух предателей, каждый из которых позже получил свои «30 серебряников» в виде велосипеда и тысячи эскудо. Арестованные были доставлены на португальский военный пост в Муссуко. Там Мариану подвергли допросам и пыткам, в результате которых он был искалечен. Затем его запихнули в мешок и доставили в тюрьму в Маланже. Когда через несколько дней его мать принесла ему пищу, ей сказали, что она «может больше не беспокоиться». Так обычно говорили в случае смерти заключенного .

Так трагически закончилась жизнь сектантского проповедника Антониу Мариану, имя которого должно занять заслуженное место в истории антиколониальной борьбы ангольского народа.

После резни, учиненной карателями в Нижней Касанжи, многие последователи Мариану бежали в Заир (Конго). Ангольские беженцы селились там в районе Кизамба. Около 10 тыс. беженцев осели в районе Панзи (провинция Кванго) .

Руководство МПЛА приурочило свое первое выступление с оружием в руках против португальского колониализма к моменту, когда восстание в Нижней Касанжи, казалось, достигло своего «пика».

МПЛА поднимает знамя восстания.

4 февраля 1961 г. в Луанде вспыхнуло восстание, положившее начало 13-летней вооруженной борьбе патриотов с колонизаторами, в огне которой родилась независимая Ангола. Учитывая присутствие в Анголе 60 иностранных корреспондентов, ожидавших прибытия восставшего лайнера «Санта-Мария», 500 патриотов МПЛА, вооружившись «катанаш» и палками, атаковали полицию, военную тюрьму, ПИДЕ в Луанде, надеясь освободить политзаключенных, которые, по слухам, должны были быть переведены в Португалию. Первоначально дата восстания была намечена на 1 января 1961 г., но в связи с арестами ряда патриотов пришлось ее отложить на месяц. Атака была отбита, четверо патриотов и семь полицейских погибли.

Восстание 4 февраля не было стихийным. Оно было тщательно подготовлено и заранее спланировано МПЛА с целью освободить политических узников, переправить их в сельскую местность, с тем чтобы они вступили в контакт с населением и могли поднять его на вооруженную борьбу.

Интересные подробности, позволяющие восстановить более полную картину этих событий, сообщил в беседе с У. Барчеттом их активный участник А. Лоуренсу: «Нас было 3128 человек. Мы решили купить одинаковые брюки, рубашки и ботинки, с тем чтобы легко было отличать друзей от врагов. Но у нас не осталось денег, чтобы дать каждому 25 эскудо на покупку мачете. Те, кто могли, купили их, другие вооружились топорами, дубинами и даже камнями. Приобретая оружие, мы начали обучаться его применению в наступательном и оборонительном бою. Мы отправились пешком маленькими группами в Какуаку в 22 км от Луанды и тренировались там 8 дней. 3 февраля мы узнали тревожные новости (о намерении властей перевести политзаключенных из Луанды в Лиссабон.— А. Х.) и решили выступить на следующий день. Поэтому мы вернулись в Луанду... Команданте Империял Сантана наметил объекты нападения для каждой

группы: тюрьма Сан-Паулу, штаб-квартира ПИДЕ, казармы, портовые службы, почта, телеграф, радиостанции и. т. п.» .

Однако атака патриотов была отбита полицией. Они понесли определенные потери. Начались повальные аресты и массовые убийства африканцев .

События 4 февраля 1961 г. сыграли роль детонатора, вызвавшего взрыв ангольской революции. А. Нето писал позже: «Фактически эта операция не имела успеха, так как заключенные не были освобождены, но с того момента народ осознал необходимость борьбы, а португальцам пришлось столкнуться с неожиданной ситуацией, оказавшейся прелюдией трудностей, которые им нужно было преодолевать, чтобы спасти свое господство» .

А. Кабрал увидел в том, что произошло 4 февраля 1961 г., событие, которое он охарактеризовал так; «Великая сырая саванна охвачена огнем. Колониалисты уже не знают, где от него укрыться» .

Февральские события в Луанде явились сигналом для народного восстания в северных районах Анголы, которое вспыхнуло в марте в провинциях Северная Кванза, Маланже, Лунда и Кабинда.

Существуют различные точки зрения относительно того, кто был организатором этого восстания и каковы были его причины. В западной историографии наиболее распространена версия, приписывающая организацию и руководство восстанием на Севере в марте 1961 г. УПА. Эту версию активно поддерживали Х. Роберто и ФНЛА. Это мнение разделял, в частности, американский миссионер Л. В. Хендерсон, который считал, что «восстание было спровоцировано, а возможно, возглавлялось УПА» .

Однако точка зрения о том, что восстание на Севере было организовано и возглавлено УПА, представляется необоснованной. Существуют документальные доказательства того, что сразу после событий 15 марта лидер УПА Х. Роберто отрицал какую-либо причастность своей организации к этим событиям. Дело в том, что именно в это время Роберто

появился в ООН, где его считали отцом описываемых событий. Если бы подобное мнение соответствовало действительности, Роберто с гордостью признал бы его. Но, выступая в ООН, он заявил, что УПА не имеет к событиям на севере Анголы никакого отношения и что она сожалеет о «крайнем насилии» африканских атак, жестокость которых он назвал «выражением отчаяния». Это сохранившееся свидетельство Роберто лучше, чем что-либо другое, разбивает миф о причастности УПА к мартовскому восстанию 1961 г.

Правда, несколько позднее Роберто забыл свою первую реакцию на эти события и стал давать диаметрально противоположную их трактовку.

Выступая в Леопольдвиле по случаю второй годовщины революции в Анголе, он заявил: «Мы. дали этот сигнал начать борьбу за независимость 15 марта 1961 г., и ответственность за это целиком лежит на нас» .

В другом случае Роберто дал детализированный вариант своей легенды: «15 марта в 6 часов 15 минут вечера все «контрактадуш» последовали моему приказу. Они сначала зарезали хозяина Рейса, потом всех других, включая женщин и детей... Я выбрал фазенду «Примавера», так как знал, что там работало более 4 тыс. людей» .

Роберто утверждал, что в УПА тогда было 40 тыс. членов.

Однако все эти рассказы лидера УПА представляли собой не более чем плод его богатого воображения. Самая первая акция, по его словам, была проведена на территории его племени, в 8 км от Мадимба, на маленьком «пошту» (участке), находящемся в 50 км от Сан-Салвадора. Но в этом месте, как установил Пелисье, была лишь одна фазенда, и на ней выращивалось около 200 т кофе. В любом случае там не могли работать 4 тыс. лиц, так как было бы экономической нелепостью иметь столь большой персонал, чтобы производить 200 т продукции. Во всем этом «пошту» было 3426 африканцев мужского пола, включая стариков и детей (на конец 1960 г.) .

Не подтверждаются документальными источниками и утверждения Роберто о том, что его армия «атаковала одновременно во многих

населенных пунктах территории». На самом деле восстание на северо-западе, начавшееся 15 марта, имело характер стихийной, плохо организованной и не имевшей единого руководства Жакерии. К тому же сам Роберто еще 10 марта 1961 г. покинул Леопольдвиль, отправившись на заседание Совета Безопасности ООН. Если бы он планировал восстание на северо-западе, вряд ли оно могло начаться в его отсутствие. Следовательно, Х. Роберто не являлся организатором восстания. Другое дело, что позже, воспользовавшись стихийно начавшейся борьбой крестьян, он навязал восстанию свое руководство.

Что касается причин восстания на Севере, то они получили неоднозначное освещение у разных авторов. Португальская официальная трактовка событий возлагала вину за них на баконго-протестантов, подчеркивая то обстоятельство, что район Конго был районом Анголы, имевшим наибольший процент протестантов. Эту версию поддерживала и католическая церковь, уверявшая, что протестанты — это политически неблагонадежные еретики.

Некоторые португальские авторы сводили объяснение причин восстания к этническому моменту, считая, что они коренятся в трайбализме и традиционной вражде баконго к белым и мулатам. Они приписывали жестокий характер атак «атавистическим племенным обычаям» и ссылались на убийства лояльных к португальцам байлундо как доказательство «трайбалистского характера восстания».

Однако эта «этническая» версия легко опровергается, если принять во внимание, что в течение первой недели большинство нападений на белых было совершено не в районе Конго, а в районе Дембуш, населенном амбунду.

Более адекватное понимание причин мартовского восстания 1961 г. дает «увязка» его с тяжелыми социально-экономическими условиями, существовавшими в этом районе. Цена на кофе в 1960 г. упала, от чего больше всего пострадали африканские производители. Португальское правительство проводило политику насаждения в кофейных районах севера

поселений португальских колонистов. Последние с помощью властей основали компании, которые обязали земледельцев баконго, дембуш и других продавать кофе на условиях, напоминавших скорее грабеж, чем торговый обмен. Когда крестьяне отказывались делать это, их деревни поджигали, а жителей бросали в тюрьмы как «мятежников» .

Эти карательные меры вынуждали производителей продавать кофе по бросовым ценам, чтобы не потерять все. Кроме того, их вербовали для принудительного труда на плантациях белых фермеров. «Экспансия плантаций (европейских землевладельцев),— пишет Хендерсон,—требовала дополнительной законтрактованной рабочей силы, и это подлило масла в огонь. Корреляция между числом и местом атак с применением насилия и экспансией европейских кофейных плантаций показывает обоснованность утверждений, что это и был тот горючий материал, который привел к взрыву. Загорелся ли он от стихийного самовоспламенения или от попавшей сюда искры?»

Искрой, которая зажгла пламя восстания, было известие о восстании 4 февраля в Луанде.

15 и 16 марта 1961 г. толпы африканцев напали на португальские мелкие поселения, административные посты и кофейные плантации в районах Сан-Салвадора и Дембуш. В течение четырех месяцев не прекращались крестьянские восстания, охватившие весь северо-запад Анголы — от Атлантики до реки Кванго . Наиболее заметных успехов повстанцы добились в северо-западных районах Дембуш и Намбуангонго, где антиколониальную борьбу возглавили члены МПЛА .

В это время МПЛА переживало серьезные трудности. Организация не имела четкой идеологической платформы. Наиболее видные лидеры и активисты МПЛА находились в тюрьмах. Организация имела мало подпольных ячеек, ПИДЕ внедряла в них своих агентов и ликвидировала многие из них в зародыше. Серьезным препятствием для освободительного движения в Анголе явились раскольнические организации ФНЛА и УНИТА.

Еще 7 июля 1954 г. группа ангольских эмигрантов из народности баконго, требовавших восстановления средневекового королевства Конго, создала в Заире Союз населения Северной Анголы. Эта организация настаивала на признании Португалией суверенитета королевства Конго и отделения его от Анголы. Она направляла петиции в ООН от имени королевства Конго, «не входящего в страну, называемую Анголой».

В ноябре 1957 г. лидеры Союза решили направить за границу своего представителя, который бы мог говорить от их имени в ООН и в других международных организациях. Выбор пал на Холдена Роберто, племянника президента Союза Мануэля Барруша Некака. В 1958 г. Роберто прибыл в Аккру, где присутствовал на первой Всеафриканской конференции. Там после встречи с лидерами panaфриканского течения он решил отказаться от национализма баконго и возглавить ангольское освободительное движение. В 1958 г. он переименовал свою организацию в Союз народов Анголы (УПА). Однако и эта организация осталась связанной главным образом с протестантами-баконго.

В 1959 г. Х. Роберто посетил США и присутствовал на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он путешествовал с гвинейским паспортом и работал в миссии Гвинеи в ООН. В этот период он расширял свои американские контакты главным образом через Американский комитет для Африки, возглавлявшийся Дж. Хаузером. Роберто получал финансовую и иную поддержку от американских протестантских групп и миссионерских обществ, сочувствовавших борьбе протестантов-баконго за свои права. В тот же период на него впервые обратило внимание ЦРУ.

Оно установило с ним контакты через генерального секретаря туниских профсоюзов Ахмеда Тили и кубинского контрреволюционера Карлоса Касселя. Последний работал в Тунисе вместе с А. Тили, который и познакомил его с Роберто. С помощью Касселя была учреждена в 1962 г. Всеобщая лига ангольских трудящихся (ЛГТА), которая ни в какой степени не представляла ангольский пролетариат. Она получала щедрую финансовую

помощь от АФТ—КПП, которая оказывалась в распоряжении Х. Роберто. Установив с ним тесные связи, ЦРУ с 1962 г. стало финансировать возглавлявшуюся им организацию. Сделав на него ставку, США не без оснований считали его «своим человеком» в Анголе. По некоторым данным, Соединенные Штаты Америки даже оказывали нажим на Португалию с целью заставить ее пойти на переговоры с Роберто о «мирном достижении самоуправления».

Позже Ж. Савимби, занимавший одно время пост министра иностранных дел в ГРАЕ*, свидетельствовал, что Роберто был начиная с 1961 г. «креатурой» США, которые держали его «как резерв и как затычку в расколотом ангольском национализме». Это подтвердил и вице-президент АДП Манутома, который заявил 5 февраля 1962 г.: «УПА является объектом американского нажима: доказательством этого служит то, что вся материальная и финансовая помощь, получаемая УПА, идет из США, а точнее, из Американского комитета для Африки. Эта финансовая помощь предоставляется при условии, что УПА не пойдет на объединение с МПЛА, которое в американских кругах считают коммунистическим».

* Революционное правительство Анголы в эмиграции. Образовано в апреле 1962 г.

По авторитетному свидетельству американского исследователя Дж. Маркума, Роберто получал тайную помощь в форме денег и оружия от ЦРУ с 1962 по 1969 г.

В качестве посредников для передачи этой помощи ЦРУ использовало Тунис и Заир. Роберто пользовался симпатией и поддержкой влиятельных кругов США, в том числе протестантской церкви, профсоюзов и т. п. Некоторые португальские авторы даже называли УПА «поистине североамериканским движением».

Весьма красноречивое подтверждение ставки Вашингтона на Х. Роберто появилось в «Нью-Йорк тайме» 26 сентября 1975 г.: «Х. Роберто, лидер ФНЛА, был выбран в 1962 г. президентом Кеннеди и ЦРУ, чтобы

установить связь США с автохтонными группами, которые, как предполагалось, в один прекрасный день выставят Португалию из Анголы» .

Весьма показательно, что этот ангольский лидер был окружен американскими советниками .

После того как в августе 1961 г. премьер-министром Конго стал Сирил Адула, позиции УПА окрепли. Адула разрешил Роберто создать в Кинкузу (Конго) военную базу, где началось обучение так называемой Армии национального освобождения Анголы (ЕЛНА)⁶. В марте 1962 г.. УПА объединился с Ангольской демократической партией* (ее этническую основу составляло племя зомбо, входящее в народность баконго) в ФНЛА. Спустя месяц было создано ГРАЕ во главе с Х. Роберто.

* АДП непосредственно связана с историей токоизма. Часть последователей этого мессианского учения создали легальное общество взаимопомощи в Леопольдвиле в 1956г. После провозглашения независимости Конго оно было переименовано в Союз беженцев зомбо (АЛИАЗО). В январе 1962 г. Союз отказался от узкоплеменного характера и превратился в АДП, которая пыталась играть роль посредника между УПА и МПЛА.

Лидеры ФНЛА основной своей задачей считали борьбу не против колонизаторов, а против МПЛА, за власть в будущей независимой Анголе. Один из участников этих событий, Ж. А. Валентин, примкнувший позже к УНИТА, свидетельствовал: «Убийства, постоянно совершавшиеся на севере людьми Холдена Роберто, были самым серьезным препятствием для развития национальной борьбы до 1966 года, года создания новой национальной партии УНИТА».

МПЛА также справедливо обвиняло ФНЛА в уничтожении его отрядов, действовавших на севере Анголы. Сам Роберто заявлял, что силам МПЛА не будет позволено действовать в этих районах, и отвергал предложения МПЛА об объединении.

Главная задача, которую поставили перед Роберто его американские хозяева, заключалась в уничтожении сил МПЛА, с тем чтобы эта организация не могла прийти к власти в независимой Анголе. Исходя из этого, ФНЛА полностью свернул военные действия против португальцев и наносил удары по колоннам МПЛА, которые должны были тайно пересекать Заир, чтобы прибыть в Анголу. На пресс-конференции в Киншасе 3 марта 1962 г. бывший начальник штаба УПА Маркос Кассанга признал: «Война на севере Анголы — это в полном смысле слова братоубийственная война. Около 8 тыс. ангольцев были зверски убиты трайбалистскими элементами УПА...»

Весной 1967г., большая группа членов МПЛА возвращалась в Конго-Браззавиль, выполняя важную миссию по доставке материальной помощи бойцам Первого военно-политического района. 2 марта ослабленная голодом, болезнями и засадами бандитов колонна была атакована головорезами Роберто.

Немногие оставшиеся в живых выполнили поручение МПЛА. 20 членов движения попали в руки ФНЛА и были зверски убиты. Среди них было пять девушек, в том числе Деолинда Родригеш де Алмейда, руководительница Организации ангольских женщин (ОМА). 2 марта — день героической гибели руководительниц ОМА от рук бандитов УПА—ФНЛА — ежегодно отмечается в независимой Анголе как День ангольской женщины.

Какова же была социальная природа и политическая программа ФНЛА?

Некоторые западные авторы придерживаются точки зрения, что ФНЛА и МПЛА были разделены классовой границей: в то время как ФНЛА представлял крестьянские массы, МПЛА представляло «ассимиладуш»

городов и некоторые привилегированные слои рабочих . Однако внимательный анализ обнаруживает несостоятельность этого утверждения.

Хотя ФНЛА был действительно по преимуществу крестьянской организацией, но большую часть его членов составляли крестьяне-баконго, эмигрировавшие в свое время из Анголы и жившие в Заире. Социальная база ФНЛА была очень узка, так как она сознательно ограничивалась трайбалистско-религиозными принципами, положенными Роберто в основу своей организации. Это хорошо видно из следующего свидетельства М. Кассанги: «Эта бесчеловечная резня, учиняемая ангольцами против ангольцев, имеет своим источником слепой трайбализм, выражающийся в четырех аспектах: религиозном, лингвистическом, этническом и идеологическом. Религиозный трайбализм — поскольку все должны быть протестантами, этнический — поскольку все должны быть уроженцами Сан-Салвадора, идеологический — поскольку все должны защищать интересы Холдена» .

ФНЛА представлял не всех баконго, а лишь население проживавшее в районах Сан-Салвадора и Микеладу-Зомбо—I в пограничной полосе протяженностью примерно 200 км и шириной 60 км 70.

Основную социальную базу ФНЛА составляли проживавшие здесь мелкие африканские владельцы кофейных ферм*. В колониальный период они были самой зажиточной частью африканского населения Анголы. Их хозяйства давали до 25% валового сбора кофе, а сами они имели собственные счета в Банке торгово-промышленного кредитования .

* «В дистрикте Конго ситуация особая... - писал А.Каштру. — в 1956г. власти приняли решение освободить от работы «по контракту» жителей дистрикта Конго, имеющих не менее 300 кофейных деревьев. Легко убедиться, что африканский земледелец, имеющий до 3000 кофейных деревьев (к тому же он обычно выращивает другие культуры, такие, как маниок, и разводит коров и кур), располагает доходом, намного превышающим ту заработную плату, которую он получил бы, если бы

работал на других, причем он получает этот доход, не подвергаясь насилию. Например, если у него 2000 кофейных деревьев, он может получить от 1000 до 2000 кг кофе, что даже при минимальной цене от 3 до 4 эскудо за 1 кг даст ему от 3000 до 8000 эскудо. Кроме того, он еще получает доход от других продуктов» (Castro A. Op. cit., p. 196).

Во главе ФНЛА стояла группа эмигрантов, проживавших в Заире. По свидетельству Маркума, «ангольцы, на которых Роберто опирался для неформального распространения своей личной власти, были все баконго... связанные с группами из Матади и Леопольдвилля, которые и основали УПА» . Социально-экономическая программа ФНЛА требовала проведения буржуазно-демократических реформ в деревне, призывая к «ликвидации всех форм сельского феодального и докапиталистического производства», из чего можно заключить, что ФНЛА выступал за развитие там капиталистических производственных отношений. Была предусмотрена «национализация всех энергетических ресурсов», в то же время говорилось об «участии государства во всех горнодобывающих предприятиях».

Идеологические взгляды руководства ФНЛА представляли собой эклектическую мешанину из антикоммунизма, расизма и мистицизма, при котором протестантизм Роберто был замешан на магии баконго. Сам Роберто изображался его последователями как «черный Иисус, который должен спасти народ от «португальского демона» . Руководству ФНЛА было свойственно расистское отношение к мулатам и европейцам, которых оно независимо от социального положения и политических взглядов последних считало врагами. Один из основных лозунгов ФНЛА был: «Убивайте всех белых, всех мулатов, всех, кто умеет читать, всех людей МПЛА» . В одном из документов ФНЛА от 15 марта 1970 г. читаем: «Мулаты — это продукты сожительства белого мужчины, представляющего фашизм, колониализм и империализм, и туземной женщины» .

Рассматривая все исторические и социально-экономические процессы в обществе сквозь призму расовых категорий, теоретики ФНЛА считали, что

через культурную ассимиляцию и расовое смешение правящий класс, состоящий из белых, усилил и умножил свои ряды, добавив к ним «ассимиладуш» и мулатов. По мере укрепления европейского колониального господства этот «добавочный компонент» все больше становился «португальским». Не будучи достаточно многочисленными и влиятельными, чтобы существенно модифицировать колониальный режим, мулаты и «ассимилированные» африканцы, с точки зрения ФНЛА, стали в определенном смысле «белыми» :

Руководство ФНЛА приписывало большинству мулатов сегрегационистские и негрофобские чувства и считало, что те стремятся монополизировать доступ к высшему и техническому образованию. В то же время оно утверждало, что его отношение к мулатам определяется степенью, в которой они «интегрированы в колониальное общество», а следовательно, отчуждены от африканского общества. Наиболее враждебно лидеры ФНЛА относились к мулатам, признанным их отцами-португальцами,; на том основании, что они якобы отвергают культуру их африканских матерей и объединяют силы с белыми против африканских националистов . Свою враждебность: к МПЛА они объясняли тем, что его лидеры вышли из «ассимиладуш». Считая мультирасовый характер МПЛА компромиссом с врагами африканцев, ФНЛА объявил себя борцом за полное уничтожение колониальной культуры и за туземную национальную культуру, основанную на «негро-африканской цивилизации» .

Особенно враждебно ФНЛА относился к белым. С его точки зрения, коллективные интересы белых находились в непримиримом противоречии с интересами африканцев, которые составляли «обреченную на эксплуатацию расовую касту». Отсюда вытекал политический вывод о том, что союзы с любыми группами белых могут лишь повредить африканцам. Теоретики ФНЛА утверждали, что европейский мелкий буржуа или пролетарий, движимый страхом перед конкуренцией квалифицированных образованных африканцев, может поддержать компартию (как это было в Алжире), однако

«лишь за немногими героическими исключениями» он останется союзником (как это произошло в Алжире) «колониальной буржуазии», враждебно относящейся к африканскому национализму. Даже наиболее обездоленные среди «цивилизованных», по их мнению, находились в привилегированном положении, которое стоило того, чтобы защищать его от африканских масс .

Стиль руководства Х. Роберто своей организацией характеризовался авторитаризмом, жестокостью в отношении подчиненных и непотизмом (все высшие посты в организации занимали его близкие родственники). После 1964 г. единственным функционером, занимавшим высокий пост в ФНЛА, который не был ни баконго, ни членом многочисленной семьи Роберто, был вице-президент УПА Розариу Нето. В то же время Роберто беспощадно расправлялся со всеми потенциальными соперниками в борьбе за высшую власть в УПА—ФНЛА.

В ФНЛА то и дело возникали группировки недовольных своим лидером и происходили расколы. Будучи генеральным секретарем УПА, Ж. Савимби, по словам Маркума, «создал свою независимую базу власти. Он создал собственную сеть дипломатических контактов (особенно с арабскими странами) и попытался реорганизовать и ввести своих сторонников в секретариат УПА». К так называемому «южному руководству» УПА во главе с Савимби, имевшему этническую базу среди овимбунду, позже примкнул Р. Нето, имевший собственные связи с вождями амбунду, и командующий войсками УПА в Кабинде А. Тати, имевший последователей среди кабиндских беженцев в Заире .

Весной 1962 г. в организации произошел раскол. Начальник штаба армии М. Кассанга и лидер Всеобщей лиги трудящихся Анголы А. Кассинда обвинили Роберто в преднамеренном физическом уничтожении прогрессивных деятелей освободительного движения, в разжигании братоубийственной войны и в растрате на личные нужды средств, предоставленных организации некоторыми африканскими государствами. В 1964 г. с Роберто порвал генеральный секретарь ФНЛА и министр

иностранных дел Ж. Савимби. В июне 1965 г. из ФНЛА и ГРАЕ вышел «военный министр» А. Тати, перешедший на сторону португальских колонизаторов.

В июле—августе 1966 г. в Луака (Заир) собралась ассамблея региональных руководителей ФНЛА, чтобы обсудить причины широкого недовольства руководством организации. В ее адрес была послана жалоба от солдат ФНЛА на нехватку и низкое качество питания. Ассамблея направила послание Х. Роберто, требуя принятия необходимых мер для улучшения положения в ФНЛА. Тот ответил быстро и своеобразно. Он отправил в Луака грузовик с заирскими солдатами, которые арестовали участников ассамблеи, избили их и привезли в Киншасу, где Роберто устроил им соответствующую «проработку».

В 1971 г. на военной базе в Кинкузу произошел мятеж солдат ФНЛА, и лишь вмешательство заирских войск спасло Роберто от угрожавшего ему отстранения от власти.

Подробности этих событий сообщил организатор мятежа Маргозу Вафуакула в беседе с У. Барчеттом: «13 сентября 1971 г. после разговора с солдатами и офицерами я созвал митинг, на котором рассказал им об истинном положении дел. Роберто заинтересован не в войне с португальцами, а лишь в истреблении МПЛА, в ангольцах, воюющих против ангольцев... Было решено вызвать Х. Роберто на базу и, когда тот приедет, застрелить его. Однако два офицера (земляки Роберто) предупредили его, и тот явился на базу 14 октября вместе с заирскими войсками. Был созван митинг, на котором мятежники высказали свои претензии: «Ни униформ, ни оружия, ни реальной битвы против колонизаторов!» Роберто крикнул: «Ваши люди подкуплены коммунистами. Я не желаю больше с вами разговаривать!» Он сел в автомашину и уехал в Киншасу. С этого момента мы порвали с ним все отношения и спустили флаг ФНЛА... 26 ноября он с несколькими высшими заирскими офицерами прибыл на вертолете. Целью Роберто было разделить офицеров и солдат. Все были очень злы. В Роберто полетели

камни, некоторые из которых попали в цель». Роберто предложил офицерам поехать к Мобуту. Солдаты ответили: «Мы не отпустим офицеров. Вы убьете их». Вскоре над базой появились четыре истребителя с явным намерением обстрелять мятежников. В Кинкузу вошли заирские войска и арестовали всех 45 офицеров, большинство из которых спустя два месяца были расстреляны перед строем их солдат. Другие были сожжены заживо в электрической печи в пригороде Киншасы. Ликвидировав офицерский корпус, Роберто обезглавил и деморализовал свои войска...»

В то время как группировка Х. Роберто переживала серьезный кризис и ослаблялась внутренними распрями, авторитет и военная сила МПЛА непрерывно росли.

На конференции МПЛА в 1960 г. почетным председателем МПЛА был избран выдающийся ангольский поэт и революционер А. Нето, находившийся в то время в тюрьме .

Вскоре Нето удалось бежать на свободу. Его прибытие в Киншасу сразу же дало новый импульс деятельности МПЛА. Во главе движения в то время стояли Руководящий комитет и группа действия. Председателем МПЛА был Марио де Андради, а Генеральным секретарем — В. да Круш. Последний имел даже больше политического веса и власти в организации, чем М. де Андради. Стремясь сохранить свои командные позиции, Круш с нескрываемой враждебностью воспринял прибытие почетного президента.

Созданная В. да Крушем фракционная группа отстаивала тезис о том, что ангольская революция не может рассчитывать на поддержку извне, и прежде всего из социалистических и независимых африканских стран, и поэтому должна руководствоваться маоистским принципом «опоры на собственные силы». Фракционеры начали клеветническую кампанию против Нето и его сторонников . Таким образом, группа Круша явилась инструментом раскольнической политики, направленной на то, чтобы подорвать политическую и военную силу МПЛА и ослабить ангольское освободительное движение. Однако руководство МПЛА во главе с А. Нето

вовремя распознало и разоблачило политическую сущность группы В. да Круша.

В декабре 1962 г. была созвана I Национальная конференция МПЛА, на которой развернулась острая борьба между последовательно антиимпериалистической, революционно-демократической линией А. Нето и его сторонников и фракционистской, в основе промаоистской платформой группы В. да Круша. МПЛА пресекло деятельность этой группировки и исключило ее из своих рядов. Круш был снят с поста Генерального секретаря за систематические нарушения устава и за использование служебного положения в целях борьбы за единоличную власть в МПЛА, что привело к ослаблению внутренней безопасности и дисциплины. Не создав своей собственной партии, Круш в 1964 г. примкнул к организации Х. Роберто.

Очищение МПЛА от сторонников Круша способствовало идейному и организационному сплочению патриотов вокруг революционных демократов во главе с Нето, который был избран президентом МПЛА. Решительная борьба против раскольников и фракционеров привела к победе революционно-демократического направления и превращению МПЛА в революционно-демократическую организацию.

I Национальная конференция была знаменательной еще и потому, что положила начало процессу превращения МПЛА из организации, представлявшей преимущественно интересы городских слоев населения, в подлинно общенародный антиколониальный фронт.

Об этом свидетельствует тот факт, что в решениях конференции был сделан акцент на роли крестьянства, которое характеризовалось как «наиболее эксплуатируемый» и «самый многочисленный социальный класс» Анголы. Пересматривая прежнее отношение к крестьянству, отмеченное некоторой недооценкой его роли, конференция поставила вопрос о необходимости земельной реформы, считая, что крестьяне сражались бы «с большей решительностью», если бы понимали, что борются за свою землю. В резолюции конференции подчеркивалось, что крестьянство должно быть

достаточно широко представлено в руководстве движением и в его организациях, ведущих борьбу внутри страны.

Преодоление «предрассудков, мифов и трайбалистских чувств» политически недоверчивого крестьянства стало «насущнейшей задачей, вставшей перед движением» .

На конференции была принята Программа действий МПЛА, в которой были сформулированы основные принципы организации.

Конференция подвергла критике организационную структуру МПЛА. Отмечалось, что в ней отсутствует механизм контроля за выполнением директив руководства, которое в свою очередь плохо информировано о внутренних проблемах. Критиковалась также работа секретариата, который не смог наладить систематический отбор и обучение новых квалифицированных руководящих кадров, а армия МПЛА была оставлена на произвол судьбы и стала действовать как некоординируемый «самостоятельный организм», находящийся вне политического контроля .

Была сформирована новая структура руководящих органов МПЛА. Высшим его органом стал Национальный политический совет, состоявший из 70 делегатов. Из их числа формировались исполнительные органы — Руководящий комитет (президент, вице-президент, руководители отделов; военного, внешних сношений, информации, социальных вопросов, финансов и экономики, безопасности) и Военно-политический комитет (президент, вице-президент, руководители нескольких отделов). Кроме того, из состава Национального политического совета формировалась Контрольная комиссия из 10 членов. Отделы делились на подотделы, секции и подсекции. На них возлагалась ответственность за различные участки работы.

Вскоре после конференции руководство МПЛА приняло решение передислоцировать штаб и военные базы в Браззавиль. Это мероприятие началось 15 августа 1963 г. Оно дало возможность перегруппировать силы, реорганизовать МПЛА и начать новый этап борьбы с португальскими колонизаторами. 3—10 января 1964 г. в Браззавиле состоялось совещание,

получившее название Конференция кадров МПЛА. На ней было принято решение о реорганизации Народно-освободительной армии Анголы в партизанские отряды. В тогдашних условиях партизанская война была наиболее эффективной и целесообразной формой ведения военных действий против колонизаторов, а создание регулярной армии было признано преждевременным.

Несмотря на переброску значительных подкреплений из метрополии, объявление мобилизации в самой Анголе, широкие карательные операции, зверские репрессии, применявшиеся колонизаторами, вооруженная борьба патриотов распространилась на обширные территории. Первый военно-политический район МПЛА открыло в марте 1961 г. в районе Дембуш, Намбуангонго и в провинции Уижи. Командующим силами МПЛА в первом районе был Томаш Феррейра, одним из его помощников — Ожи-я-Энда.

В боях против португальских карателей МПЛА применяло тактику, заимствованную у Фронта национального освобождения Алжира, используя главным образом методы партизанской войны. Вооруженные силы движения были разбиты на мобильные партизанские отряды численностью 30 человек, из которых для отдельных операций формировались колонны численностью до 150 человек. Партизаны нападали на отдельные португальские гарнизоны, устраивали засады, разрушали мосты, перерезали коммуникации, а впоследствии стали совершать нападения на хорошо укрепленные португальские опорные пункты, города, фермы, железнодорожные станции, захватывая их и оставляя там свои гарнизоны. Бойцы МПЛА получали значительную помощь от местного населения, которому разъясняли смысл происходившей борьбы.

В середине 60-х гг. ангольские патриоты, руководимые МПЛА, активизировали вооруженную борьбу и распространили ее на анклав Кабинду, ставшую подлинной кузницей политических и военных кадров МПЛА. Вспоминая об этом времени, А. Нето писал: «Фронт в Кабинде был действительно полезен для нашего Движения. Там были подготовлены

многие кадры, создан первый революционный центр, и там мы приобрели ценный опыт для ведения партизанской войны. Большинство наших командиров было подготовлено на той территории. Кабинда являлась школой, в которой были отработаны важные элементы для развития борьбы в других районах» .

Как отмечалось в одной из брошюр, изданных МПЛА, война в Кабинде «имела огромное психологическое воздействие на все население Анголы. Она восстановила доверие старых активистов, которые в городах и сельской местности Анголы сохраняли веру в Движение. Партизанский район в Кабинде был не только лабораторией, где МПЛА реализовало на практике свою концепцию партизанской войны и подготовило высококвалифицированные кадры, но он был также и первым в истории Анголы ядром национальной и народной вооруженной борьбы» .

Развертывание национально-освободительного движения в Кабинде напугало американскую монополию «Галфойл», бельгийскую компанию «Петрофина» и другие компании, получившие право на добычу кабиндской нефти. Они стали в спешном порядке разрабатывать планы отделения Кабинды от Анголы. В этих целях было решено использовать местную сепаратистскую организацию Фронт освобождения анклава Кабинды (ФЛЕК), которая была создана в августе 1963 г. в Пуэнт-Нуаре (Конго) в результате объединения трех мелких сепаратистских организаций. Лидером ФЛЕКа являлся Луиш Ранк Франк — ставленник многонациональных корпораций. По словам Дж. Маркума, «независимость Кабинды оставалась незатухающей страстью кабиндских националистов»*.

* Кабиндская нефть к 1974 г. давала колоннальным властям доход в 450 млн. долл. В год, что могло означать в случае отделения Кабинды от Анголы средний годовой доход на душу населения 5600 долл. для 70-80 тыс. кабиндцев. Эти расчеты занимали центральное место в демагогических заявлениях и документах кабиндских сепаратистов²⁶⁷.

²⁶⁷ Marcum J. Op. Cit., vol. II, p. 253, 205

ФЛЕК даже создал правительство Кабинды в изгнании. 10 января 1967 г. это «правительство» направило письмо в ООН, в котором сообщило, что «народы фиот в Кабинде», желая «полной, немедленной и безусловной независимости», создали «временное правительство революционеров-фиот в изгнании». Это «правительство» нашло себе приют в Заире, а штаб-квартира ФЛЕК находилась в Пуэнт-Нуаре (Конго).

МПЛА с полным основанием квалифицировало ФЛЕК как «новую трайбалистскую игрушку колониализма, рассчитанную на подрыв военных действий МПЛА и готовящую путь к «балканизации Анголы»».

Финансировавшие Франка транснациональные корпорации требовали от него прежде всего активных военных действий против МПЛА, с тем чтобы не допустить вхождения Кабинды в состав будущей независимой Анголы. Начиная с 1965 г., когда МПЛА перешло к активным операциям по всей территории анклава, не прекращались вооруженные стычки между патриотами МПЛА и сепаратистами ФЛЕК. Как писала газета «Гардиан», «ФЛЕК никогда не сражался против португальцев в Кабинде, но именно его члены участвовали в бесчисленных кровавых стычках с бойцами соперничающей группировки—МПЛА».

После того как в октябре 1964 г. Замбия стала независимой, член Руководящего комитета МПЛА Анибал де Мелу сумел открыть бюро в Лусаке. Ценой героических усилий активисты МПЛА переправляли военные материалы из Танзании (где в Дар-эс-Саламе А. Нето открыл бюро МПЛА) партизанам в Восточной Анголе через территорию Замбии. Из-за враждебной позиции правительства Заира в отношении МПЛА партизанам приходилось иногда делать круг в 6 тыс. км, чтобы прибыть в нужный пункт, до которого они могли бы идти всего 300 км, если бы для них была открыта граница Заира.

Проведя большую подготовительную работу в Замбии, МПЛА начало военные акции в районе Мошико, которые явились успешными. В этом районе были созданы первые военные базы движения.

Несмотря на все препятствия, МПЛА в эти годы утвердилось в Африке и на международной арене как самое представительное политическое движение ангольского народа.

24 августа 1969 г. Нето выступил с речью по радиостанции «Сражающаяся Ангола». В ней он говорил о необходимости международного признания МПЛА как единственного эффективно борющегося освободительного движения в Анголе. Нето ясно дал понять, что МПЛА оставляет двери открытыми для возвращения тех его бывших членов, которые отошли от движения во время кризисов. Он также возражал тем, кто критиковал лозунг «Все во внутренние районы», и опровергнул их аргументацию, сводящуюся к тому, что нельзя рисковать кадрами специалистов, которые должны не сражаться, а учиться за границей. Подобная позиция демобилизующе воздействовала на членов МПЛА, руководство которого убедительно доказывало, что кадры должны помогать вооруженной борьбе и получать закалку в ее горниле. Нето выдвинул лозунг: «Создать школу и пашню в каждом лагере, в каждом пункте, где есть ячейка МПЛА» Этот лозунг сыграл большую мобилизующую роль и вскоре был претворен в жизнь.

В 1970 г. был создан новый руководящий орган МПЛА— Комитет военно-политической координации, возглавляемый А. Нето. Комитет должен был облегчить координацию между пятью фронтами, на которых МПЛА вело военные действия. Каждый из членов комитета должен был в течение полугода находиться на одном из фронтов и держать постоянную связь с председателем МПЛА.

Крупные военные успехи были достигнуты МПЛА в 1971 г. 15 июля 1971 г. после трехлетнего окружения войсками МПЛА пал хорошо укрепленный португальский военный пост в Карипанде, в муниципалитете Казомбо (недалеко от границы с Замбией). Летом 1972 г. португальские войска пытались предпринять генеральное наступление (частично вдоль Бенгельской железной дороги), но войска МПЛА не только остановили его,

но и уничтожили при этом гарнизон в Лумбала на Восточном фронте. К тому времени линии снабжения бойцов МПЛА протянулись от границы Замбии на запад почти через всю территорию страны. «Что игнорирует общественное мнение, но не игнорируют офицеры генштаба в Лиссабоне,—писали авторы книги «Африканские войны Португалии»,—так это то, что «тропа Нето» в Анголе уже достаточно длинна, чтобы породить страх, что она может достичь атлантического побережья раньше, чем можно было ожидать... Из головы португальцев не выходила мысль о том, что МПЛА сможет благополучно достигать Атлантики со своих баз из «Земли на краю света» (так португальцы называют территорию Восточной Анголы)». Главнокомандующий в Анголе генерал Кошта Гомеш в интервью в октябре 1970 г. признал, что МПЛА предпринимает усилия, чтобы начать партизанские акции в дистриктах Бие, Маланже, Уамбо для того, чтобы «открыть ворота к морю».

В одном из интервью в середине 1971 г. Нето заявил, что треть территории Анголы находится под контролем МПЛА. Он сообщил о том, что движение создает массовые организации: Организацию ангольских женщин, профсоюзы и организацию молодежи (ЖМПЛА), пионерскую организацию и т. д. «Они помогают укреплять единство нашего народа вокруг нашего движения для продолжения борьбы». Говоря о международных позициях МПЛА, Нето отметил: «Во внешнеполитическом плане за последние годы произошла позитивная революция международного общественного мнения, которая является следствием нашей борьбы. Это общественное мнение все более позитивно относится к независимости колоний. Сегодня мы уже признаны многими странами как подлинные представители народа Анголы».

С момента своего основания МПЛА вело настойчивую борьбу за объединение всех ангольских освободительных движений. 8-я сессия Совета министров ОАЕ в июле 1971 г., отказав в признании ГРАЕ, признала МПЛА законным представителем ангольского народа и назначила комиссию по примирению обеих организаций. При посредничестве этой комиссии в июне

1972 г. в Браззавиле состоялась встреча Нето и Роберто . 13 декабря 1972 г. в Киншасе лидеры двух организаций подписали соглашение об объединении МПЛА и ФНЛА. По вине руководства ФНЛА это соглашение оказалось не имевшим никакого практического значения клочком бумаги.

К 1974 г. освобожденные зоны были созданы в трех из шести военно-политических районов и составляли треть территории Анголы с населением почти в 1 млн. человек. В освобожденных зонах народ под руководством МПЛА приступил к строительству нового общества, свободного от колониального гнета и эксплуатации. На этих территориях вводился принцип самоуправления. Органами народной власти стали создававшиеся МПЛА «Комитеты действия».

Кроме чисто военных аспектов борьбы с колонизаторами МПЛА придавало большое значение духовной деколонизации ангольского общества. В освобожденных зонах создавалась сеть бесплатных медицинских учреждений, проводились массовые вакцинации населения против различных эпидемий. Особое значение придавалось созданию школ и распространению грамотности. Были подготовлены школьные учебники на местных ангольских языках. Важными событиями явились создание ангольского института и двух школ в Долизи (Народная Республика Конго). Среди населения освобожденных районов проводилась широкая политико-воспитательная работа.

Уже в годы вооруженной борьбы разрабатывались основы нового законодательства, по которому практически жило население освобожденных районов. В этот свод законов были включены положения традиционного права, положения, определяющие права и обязанности членов нового общества свободной Анголы.

В 1970 г., вернувшись из Анголы, Б. Дэвидсон писал: «Начиная со своего возникновения ангольское национально-освободительное движение постоянно росло и ныне представляет собой могучую силу, осуществляющую полный контроль над значительными районами страны».

«Мы побеждаем португальцев, и они знают об этом, сказал в беседе с Б. Дэвидсоном А. Нето. — Мы боремся за интересы всех ангольцев и получаем поддержку со стороны большинства населения, интеллигенции и даже части португальских поселенцев, которые тайно оказывают нам помощь» .

В январе 1972 г. МПЛА организовало вооруженное восстание в юго-западном районе страны, в Кунене. Здесь патриоты действовали совместно с повстанческими отрядами из Намибии, где проживали тысячи ангольцев завербованных СВАПЛА (Ассоциацией по вербовке туземной рабочей силы ЮЗА). События на юге Анголы вызвали столь сильное беспокойство колонизаторов, что туда прибыл генерал-губернатор колонии Р. Ваз. По его приказу в восставший район были срочно переброшены тысячи солдат, полицейских, агентов секретных служб, специалистов по «психологической войне». Несмотря на эти меры и на помощь южноафриканских расистов, португальские колонизаторы не смогли противостоять натиску патриотов. Руководство МПЛА в специальном обращении приветствовало смелые действия повстанцев и призвало их к продолжению борьбы .

Большой вред освободительному движению в Анголе нанесли раскольнические группы и организации.

В марте 1966 г. на конференции в местечке Муангаи (округ Мошико) при содействии маоистов была создана пропекинская организация, названная Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), которую возглавил вышедший в июле 1964 г. из ГРАЕ Ж. Савимби.

Социальная база УНИТА была несколько отлична от социальной базы ФНЛА. Это связано прежде всего с тем, что социальная конфигурация деревень Бие и Центрального плато, откуда вышли Савимби и большинство его сторонников, отличается от социальной конфигурации деревень северных районов. На плато к югу от Нового Лиссабона преобладало мелкое крестьянское хозяйство, занятое культивацией сизаля, кукурузы, а также разведением скота. Значительную экономическую и политическую роль

играли здесь мелкобуржуазные торговцы, составлявшие важное звено торговой экономики этой житницы Анголы. Как писал К. Габриэль, советы вождей не только выполняли здесь иную роль, они даже не сталкивались «с теми феноменами колонизации, что вожди Севера, сочленяя свою власть с властью мелкобуржуазных торговцев Нового Лиссабона и Силва Порту... Несомненно, в указанном случае с УНИТА мы имеем дело с отфильтрованным сгустком мелкобуржуазных ангольских слоев»

Таким образом, социальная база УНИТА была по преимуществу мелкобуржуазной, включая в себя городскую торговую мелкую буржуазию и зажиточное крестьянство овимбунду. УНИТА — это типичный пример мелкобуржуазного радикализма популистского типа. Советский исследователь В. Г. Хорос так определяет популистские течения: «Все это — идейные образования, характерные для обществ, находившихся или находящихся на этапе сравнительно позднего... развития капитализма, где последний внедряется в обширные крестьянские массивы, традиционные, докапиталистические структуры. Процесс «обуржуазивания» в этом случае приводит к ряду социальных коллизий, диспропорциям социально-экономического, социально-политического и социально-культурного развития и вызывает весьма сложную и противоречивую идеологическую реакцию» .

УНИТА имел трайбалистский характер — в него входили лишь представители овимбунду. Так же как ФНЛА, эта организация была однорасовой и питала расовую ненависть к белым и мулатам, считая их врагами африканцев. Эта ненависть нашла свое отражение и в публикациях УНИТА, в одной из которых, например, говорилось: «УНИТА осуществляет самую беспощадную революцию против португальского колониального марионеточного режима и его глупых мулатов, которые не могут видеть дальше своего носа» .

Создателем и душой этой промаоистской организации был беспринципный политический авантюрист Ж. Савимби. Он родился в 1934 г.

в Муньянго в дистрикте Бие в семье железнодорожника. Окончив миссионерскую школу, он продолжил свое образование в лицеях Силва Порту, Нового Лиссабона и Са-да-Бандейра. Изучал медицину в Лиссабонском университете, а переехав в 1960 г. в Швейцарию, политические и юридические науки во Фрибурском и Лозаннском университетах. Однако научная карьера не импонировала снедаемому жаждой славы и власти честолюбцу. Встреча с прозападным кенийским лидером Томом Мбойей в 1961 г. окончательно определила его решение стать профессиональным политиком. Лишенный принципов и убеждений, он был одержим всепоглощающим желанием заполучить как можно больше власти и денег. В том же году он примкнул к УПА, в 1964 г. порвал с ним, создав в 1966 г. собственную организацию.

В промежутке между этими событиями Савимби искал для себя новую роль в политической жизни Анголы. За это время он совершил путешествие в Китай, где уведомил пекинских лидеров, что, будучи вдохновлен идеями председателя Мао, намерен вести в Анголе «народную войну» по маоистским рецептам. Эти заявления пришлись по душе Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю, и Савимби, щедро оплачиваемый Пекином, получает отныне возможность в течение многих лет вести сладкую жизнь в лучших отелях Каира и Алжира как «борец» за свободу Анголы*

* Один из африканцев, знавший его тогда, писал Маркуму в декабре 1969 г.: «Савимби набрал в Анголе несколько мешков денег и уехал с ними, сказав, что едет покупать оружие. Когда я приехал в Замбию в 1968 г., я встретил несколько южноафриканок с великолепными транзисторами и другими вещами. Имя Савимби было у них на устах — они постоянно говорили о подарках, на которые он не скупился, о том, какой он хороший танцор, гостеприимный хозяин и т.п. В конечном счете он увез одну из них (она была замужем) в Каир»²⁶⁸.

²⁶⁸ Marcum J. Op.Cit. vol. II, p.193

Маоистской фразеологией пестрят основные идеологические принципы УНИТА, принятые уже на конференции в Муангаи (1966 г.). Савимби в одном из писем сформулировал их так: «Чтобы иметь успех в борьбе за национальное освобождение, мы должны рассчитывать главным образом на собственные силы... Мы ведем народную войну, основанную на всеобщей и систематической мобилизации крестьян под руководством революционной партии... Мы должны научиться вести войну в процессе самой войны...» В документах УНИТА, речах Савимби и других лидеров этой организации постоянно варьировались одни и те же темы, почерпнутые из идеологического арсенала маоистов

На своем III съезде в августе 1973 г. УНИТА выразил благодарность пекинскому руководству за его постоянную поддержку и приветствовал вступление Китая в ООН как «сенсационную победу угнетенных народов мира».

УНИТА поддерживал тесные связи с маоистскими организациями в других африканских странах, в том числе с КОРЕМО и СВАНУ *.

* О КОРЕМО см. в главе IV. СВАНУ — Национальный союз Юго-Западной Африки. Создан в сентябре 1959 г. в Намибии.

Маоисты оказывали Савимби всемерную помощь: снабжали его оружием, финансировали УНИТА, обучали в Китае унитовцев. Действуя под диктовку Пекина, УНИТА вел борьбу не против португальских колонизаторов, а прежде всего против революционных сил Анголы, возглавляемых МПЛА.

Имелись сведения о связях Савимби с Вашингтоном. Главари УНИТА были частыми гостями в посольстве США в Лусаке (Замбия), где с ними среди прочих беседовал и агент ЦРУ М. Каннингэм. Они поддерживали тесные связи с португальскими властями, которые часто перебрасывали их отдельные группы в районы, где действовали отряды МПЛА, с целью уничтожения последних.

В июле 1974 г. были опубликованы документы, извлеченные из архивов ПИДЕ/ДЖС капитаном Отелу Сарайва де Карвалью (их публикации помог мозамбикский ученый Акину де Браганса). Документы свидетельствуют о том, что Савимби предлагал свои услуги португальскому командованию в сборе разведывательной информации. Взамен он просил, чтобы отрядам УНИТА было позволено беспрепятственно проходить по узкому коридору, ведущему к базам МПЛА в Кванду-Кубанго, около границы с Замбией. Чтобы показать, насколько выгодным для португальцев может быть такое сотрудничество, Савимби привел список баз МПЛА в этом районе с указанием точного числа людей и типов оружия на каждой из них .

В одном из писем португальскому командованию Савимби сообщал: «...существует неопровержимый факт: мы активно участвуем в ослаблении МПЛА в восточных районах» .

В середине 1971 г. Лиссабон подписал с Савимби секретное соглашение. Обе стороны выражали единодушие в том, что «главным препятствием к миру... на всей территории Анголы было МПЛА» . Поэтому, как заявил Савимби, «ослабление и даже ликвидация сил МПЛА в Анголе было главной задачей, которая должна быть доведена до конца совместными усилиями португальских вооруженных сил и УНИТА».

Таким образом, деятельность УНИТА была направлена на подрыв единства антиколониальных сил и играла на руку португальским колонизаторам, использовавшим предательство Ж. Савимби для борьбы против МПЛА. Как указывалось в заявлении МПЛА в августе 1971 г., главная цель УНИТА — «проведение систематической работы для саботажа борьбы нашего народа, попытки деморализовать население вредными трайбалистскими и расистскими лозунгами» . Будучи образованным человеком, Савимби тем не менее стремился всячески поддерживать трайбалистские и мессианские представления и предрассудки, широко распространенные среди овимбунду. Это дало основание французским авторам характеризовать его как «харизматическую личность,

эксплуатирующую в своих корыстных интересах мессианские суеверия, свойственные племенам центральных районов» .

События последних лет существования колониального режима в Анголе со всей очевидностью показали, что трайбалистские соглашательские организации, фракции и группы не имели никаких перспектив и что МПЛА утвердилось как самая организованная и наиболее влиятельная сила в стране, которой предстояло стать главным политическим фактором, определяющим будущее Анголы.

На заключительном этапе борьбы за независимость МПЛА столкнулось с новыми трудностями, связанными с активизацией раскольнических элементов, которая явилась следствием начатой в 1973 г. в организации кампании критики и самокритики. Эта кампания фактически приняла форму чистки МПЛА.

В этой обстановке некоторые раскольнические элементы, опасаясь быть исключенными из организации, стали объединяться во фракции, выступавшие против руководства. Бывший член руководства МПЛА Д. Чипенда*, подвергшийся резкой критике и полностью скомпрометированный в ходе «чистки», создал фракцию «Восточное восстание». Выступление группы Чипенды явилось одной из акций, которая была проведена не без ведома и содействия португальского военного командования. Существуют убедительные свидетельства о давних связях Чипенды с ПИДЕ. Губернатор Анголы Роза Коутиню заявил в 1975 г., что имеет «доказательства того, что Чипенда был информатором ПИДЕ... когда он был студентом Коимбры... Согласно заявлениям, опубликованным в «Африк-Ази», он лично давал информацию политической полиции о своих друзьях из МПЛА. И это,— продолжал Коутиню,— я готов доказать» .

* Д. Чипенда происходил из народности овимбунду и был сыном священника Жесси Чипенды, первого генерального секретаря Совета церквей Центральной Анголы, арестованного португальскими властями в 1968 г. и умершего в тюрьме в 1969 г. В 1964 г. Д. Чипенда стал президентом

ЖМПЛА, а в конце 60-х гг.— членом Руководящего комитета МПЛА, ответственным за информацию. В 1970 г. он вошел в Военно-политический координационный комитет, состоявший из пяти членов, и был назначен командующим партизанскими силами на Восточном фронте.

Чипенда обвинял руководство МПЛА в пренебрежительном отношении к «людям с Востока», в неумении обращаться с сельским населением, которое еще находилось в «племенном состоянии».

По словам Чипенды, руководители МПЛА — это интеллектуалы, учившиеся в Европе и незнакомые с традиционными ценностями и специфическими проблемами ангольского общества. Поэтому они якобы стремятся уничтожить многое из того, что, по их мнению, вредно, а в глазах сельского населения представляется важным. Отсюда Чипенда делал вывод о том, что интеллектуалы МПЛА не связаны с массами, что они проявляют неуважение к древним и ценным обычаям, и выражал недовольство тем, что руководство движением, политкомиссары и командующие были «людьми с Севера». Он обвинял Нето в авторитарных методах руководства, в том, что последний много лет не созывает съезд и что «все в его руках: финансы, внешние сношения, организация... все». Он инкриминировал МПЛА насаждение диктаторской власти, основанной на «харизматической личности» Нето.

Группа «Восточное восстание» не ограничилась лишь демагогическими наскоками на руководство МПЛА. Она предприняла преступные попытки физически уничтожить Нето и его ближайших соратников. Когда президент МПЛА совершал поездку в Шиконко, группа людей, вооруженных гранатами, устроила засаду и пыталась убить А. Нето. Лишь чудом он остался жив. Попытки покушения имели место также в отношении Энрике (Ико) Каррейра, Шиету и других лидеров МПЛА.

В то же время против руководства МПЛА выступила другая раскольническая группировка — «Активное восстание», которую возглавили братья Пинту и Марио де Андради. Пытаясь захватить в свои руки

руководство движением, эта группа опубликовала 11 мая 1974 г. «Обращение ко всем активистам и ко всем кадрам МПЛА» (его подписали около 60 человек). В этом документе выдвигались ничем не подкрепленные обвинения в адрес руководства МПЛА в расизме, трайбализме, регионализме, и президенциализме. «Активное восстание» приписывало Нето «привычку навязывать директивы сверху, злоупотребления администрированием» и т. д. Все эти обвинения были выдвинуты с целью скомпрометировать лидера и других руководителей МПЛА, что, по их расчетам, должно было деморализовать и развалить движение.

Подталкиваемые честолюбивым стремлением захватить в свои руки руководство МПЛА, а затем взять власть в независимой Анголе, лидеры «Активного восстания» в большой степени рассчитывали на поддержку западных держав. Чтобы заручиться ею, они вошли в контакт с посольствами Франции и других западных стран в Браззавиле, пообещав всевозможные льготы западным компаниям в Анголе, в случае если они придут к власти.

Таким образом, в исключительно сложной и напряженной обстановке после революции 25 апреля 1974 г. в Португалии, когда МПЛА должно было готовить силы для решающего этапа борьбы за независимость, оно вынуждено было вступить в противоборство с раскольническими фракциями, возникшими внутри движения. Под нажимом правительств нескольких африканских государств в июле 1974 г. в Букаву (Заир) была проведена встреча, в которой участвовали МПЛА, фракционеры («Активное восстание» и «Восточное восстание») и ФНЛА.

На совещании в Букаву было принято решение о необходимости единства в МПЛА и о выступлении МПЛА и ФНЛА единым фронтом на переговорах с Португалией о предоставлении независимости.

В результате маневров империализма и сил внутренней контрреволюции МПЛА, оказавшись в изоляции, вынуждено было принять участие в псевдосъезде Народного движения (август 1974 г., Лусака). Там были предприняты попытки навязать МПЛА «единство» с

фракционистскими группами. Псевдосъезд проходил в обстановке открытого давления на членов МПЛА, которым явно угрожали. Территория, где проходил этот «съезд», была ограждена колючей проволокой. Учитывая неприемлемые условия, в которых работал «съезд», представители большинства МПЛА покинули Лусаку.

Воспользовавшись этим, сообщники Чипенды продолжили «съезд» и избрали его «президентом МПЛА». В конце августа 1974 г. в Браззавиле была сделана новая попытка восстановить единство МПЛА с учетом подлинного соотношения сил в движении: Нето был признан президентом МПЛА, а Чипенда и Пинту де Андради избраны его заместителями. Был создан центральный орган, в который вошли 16 представителей большинства, 13 — Чипенды и 10 — Пинту де Андради.

Но Чипенда сразу же нарушил соглашение, уехав с 700 сторонниками в Киншасу и учредив там свой «центр МПЛА». 5 сентября 1974 г. МПЛА опубликовало заявление о «заговоре против революции в наших рядах», которое полностью разоблачило Чипенду. Руководство МПЛА приняло решение о его исключении из МПЛА. После этого Чипенда вступил в ФНЛА, став его генеральным секретарем. Вместе с ним на сторону ФНЛА перешли 2 тыс. его сторонников.

19—20 сентября 1974 г. в провинции Мошико состоялась межрегиональная конференция МПЛА, которая полностью отмежевалась от «псевдосъезда» в Лусаке и, осудив деятельность фракционных групп, определила стратегию и тактику своей организации, выбрала ЦК и Политбюро. Конференция способствовала преодолению кризиса в МПЛА, сплочению его рядов вокруг испытанного революционного руководства во главе с А. Нето.

В этот период МПЛА окончательно становится революционно-демократической организацией, ведущую роль в которой играет воспринявшее марксистско-ленинскую идеологию ядро во главе с Нето. Большой интерес в этой связи представляет вопрос о том, какие факторы

имели решающее значение в формировании идейно-политической платформы МПЛА, каковы были источники идеологической доктрины этого движения.

Важнейшую роль в идейно-политической эволюции МПЛА к середине 70-х гг. сыграло перерастание вооруженной антиколониальной борьбы в национально-демократическую революцию. С конца 60-х гг. ее общедемократические тенденции приобрели четко выраженную антикапиталистическую направленность. Радикализации движения в значительной степени содействовала длительная вооруженная освободительная борьба против португальского колониализма. История подтверждает, писал в этой связи М. де Андради, что «в странах, где освобождение от полуколониального или колониального империалистического господства было достигнуто через народную борьбу, одновременно осуществлялась социальная революция или были созданы ее предпосылки».

В начале 60-х гг. МПЛА взяло курс на укрепление боевого союза с революционными силами мира, прежде всего с социалистическими странами, и стало рассматривать себя как составную часть всемирного революционного движения трудящихся. Оно стало участвовать в конференциях и других международных форумах прогрессивных и антиимпериалистических сил. Лидеры МПЛА внимательно изучали опыт алжирской и вьетнамской освободительных войн. Последняя произвела на них сильное впечатление, так как во многом походила на войну в Анголе.

Значительное влияние на выработку революционно-демократической платформы МПЛА оказала также революционная теория А. Кабрала. Определяющее воздействие на формирование идейно-политической основы МПЛА оказало, однако, марксистско-ленинское учение.

Борьба против раскольников и фракционеров, являясь отражением процесса размежевания социально-классовых сил в МПЛА, содействовала

идейному и организационному очищению организации от мелкобуржуазных элементов.

Народ Мозамбика берется за оружие.

В Мозамбике первые африканские политические организации появились в 20-х гг. нынешнего века. В 1920 г. группа африканских студентов, учившихся в Лиссабоне, создала «Африканскую лигу». Эта организация ставила своей целью борьбу против португальского колониализма и ратовала за единство народов всех колоний Португалии в борьбе за освобождение. Члены лиги приняли активное участие в проведенной в Лиссабоне в 1923 г. сессии III panaфриканского конгресса. Однако «Африканская лига» так и осталась организацией горстки революционеров-эмигрантов, оторванных от своей родины.

В последнее время стали известны любопытные исторические документы, свидетельствующие о том, что марксистско-ленинские идеи стали проникать в Мозамбик уже в середине 20-х гг. Английский исследователь Т. Хенриксен обнаружил депешу американского консула в Мозамбике Дж. Моффитта государственному секретарю США, датированную 1927 г., в которой отмечалось, что в Лоренсу-Маркише ведется «открытая большевистская пропаганда». Как явствует из этого документа, мозамбикские шахтеры, работавшие в Ранде (ЮАС), «вошли в контакт с Коминтерном». Один из европейских представителей Коминтерна распространял в 1924 г. в Мозамбике коммунистическую литературу, напечатанную на местных диалектах.

К тому же времени относится возникновение в Мозамбике организации под названием «Африканская гильдия», позже переименованной в «Африканскую ассоциацию». Радикальный характер программы «Африканской ассоциации» не на шутку встревожил колониальные власти. В начале 30-х гг., после установления фашистского режима в метрополии, они повели решительную борьбу против этой организации, внедрили в нее свою агентуру и с ее помощью сумели разложить ассоциацию, превратив ее в более или менее лояльный к властям культурно-просветительный кружок либеральствующих интеллигентов.

В начале 30-х гг. возникла «Ассоциация уроженцев Мозамбика». Вначале она была создана для защиты интересов белых уроженцев Мозамбика, но уже в 50-х гг. превратилась в организацию, состоявшую главным образом из африканцев и мулатов. Появился также ряд организаций, защищавших права и интересы небольших групп населения, в частности африканцев-мусульман, индийцев и др.

Все эти организации были по своему характеру политическими, хотя из конспиративных соображений старались представить свою деятельность как культурно- просветительную. Они издавали свои газеты, например «Браду африкану» — орган «Африканской ассоциации», основанный в 20-х гг.

В 40-х гг. в Мозамбике наметилось некоторое оживление национальной культурной жизни. С антиколониальными произведениями выступили многие видные деятели мозамбикской литературы и искусства, в том числе новеллист Бернарду Онвана, поэт Жозе Кравейринья, художник Малангабана Валенти и др.

Преднамеренная консервация отсталых социальных отношений вела к тому, что в Мозамбике, как и в других колониях Португалии, процесс консолидации сил национального освобождения шел медленными темпами. Это было обусловлено также и репрессивными мерами колониальных властей, жестоко подавлявших любые проявления протеста со стороны местного населения. Антиколониальное движение в Мозамбике долгое время не выходило за рамки стихийных выступлений .

Национально-освободительное движение в Мозамбике вступило в новый этап в 50-х гг. под влиянием глубочайших изменений, которые происходили на международной арене в связи с укреплением мировой социалистической системы, ростом антиимпериалистического, антиколониального движения.

Однако вплоть до начала 60-х гг. в этой стране отмечаются два мало связанных между собой потока антиколониального движения: стихийные,

разрозненные выступления народных масс и политическая борьба немногочисленной мозамбикской интеллигенции. Развитие антиколониального движения этой части мозамбикского общества проходило вплоть до возникновения ФРЕЛИМО изолированно от борьбы трудящихся.

Характерной чертой послевоенных лет в Мозамбике был быстрый рост национального сознания африканцев, особенно ярко проявившийся в сфере культурной жизни. Этот «культурный национализм» оказал огромное влияние на молодое поколение мозамбикских интеллигентов, которые трансформировали его в политическую форму национализма и принесли свои антиколониальные взгляды в политические движения. Таким образом, антипортугальская оппозиция в Мозамбике в 50-е гг. дала импульс росту рабочего движения, а десятилетие спустя поднялась на качественно новую ступень, заложив основы для широкого и разнородного в социальном плане политического антиколониального движения, принявшего в середине 60-х гг. форму освободительной вооруженной борьбы.

«Культурный национализм» в значительной степени стимулировал забастовочную борьбу африканского пролетариата. Первой ласточкой революционных бурь в португальских колониях была забастовка мозамбикских докеров в 1947 г. Доки Лоренсу-Маркиша для капитанов судов из многих стран ассоциировались прежде всего с тем, что там очень быстро проводились погрузочно-разгрузочные работы и существовали ужасающие условия для черных докеров. Забастовка, вспыхнувшая в доках в 1947 г., распространилась и на плантационных рабочих. В 1948 г. в Лоренсу-Маркише вспыхнуло плохо подготовленное восстание, которое было жестоко подавлено колонизаторами. Более 200 его участников было арестовано, многие из них брошены в тюрьмы или сосланы на Сан-Томе .

В 1956 г. докеры Лоренсу-Маркиша снова забастовали. 49 из них заплатили за это своими жизнями. В 1963 г. началась стачка докеров столичного порта, перекинувшаяся на порты Бейра и Накала. Но и эта волна забастовок закончилась поражением и гибелью многих рабочих. Все эти

события свидетельствовали о нарастании антиколониальной борьбы, застрельщиком которой выступил африканский пролетариат.

В 50—60-е гг. антиколониальное движение стало принимать организованные формы. Начался процесс возникновения сплоченных политических организаций, имевших уже довольно разнородный социальный состав. Этому в огромной степени способствовали бурные события, происходившие в мире и на континенте. Несмотря на усилия португальцев изолировать африканцев от внешнего мира и не допустить проникновения в колонию известий о независимости других африканских стран и о росте освободительного движения (власти запрещали слушать непортугальские радиостанции, читать какие-либо газеты, кроме контролируемых правительством), в эти годы одна за другой стали возникать политические организации и группы.

В литературе утвердилась не совсем обоснованная точка зрения, что якобы все мозамбикские политические организации, существовавшие в 50—60-х гг., были созданы эмигрантами за границей. Есть свидетельства в пользу того, что в рассматриваемый период такие организации существовали и в самом Мозамбике.

По словам Т. Хенриксена, «их организаторы обладали политическим сознанием, поднятым Нкрумой в Гане, Ньерере в Танзании, конголезской независимостью, борьбой африканцев против создания Центральноафриканской федерации и... визитом мозамбикца Э. Мондлане (тогда служащего ООН) на родину в 1961 г.».

В провинции Маника-и-Софала в 1953 или 1954 г. был создан Прогрессивный союз Мозамбика, выступивший с требованием независимости и установивший контакт с МПЛА. В то же время в Иньямбане возникла Католическая социалистическая партия, в начале 50-х гг. была основана антиколониальная группа «Нуклео негро фико». По свидетельству известного политического деятеля Ш. Гвамбе, в 1960 г. существовала так

называемая Партия национального единства, выдвигавшая антиколониальные лозунги.

В стране действовала также «Африканская ассоциация», созданная на основе группы «Гремио Африкано». Эта организация всячески подчеркивала свой африканский характер, что имело большое политически-пропагандистское значение. Дело заключалось в том, что в ассоциации вместе с африканцами работало много мулатов которые таким образом бросали смелый вызов расизму и выступали против каких-либо расовых барьеров. Колониальные власти отлично осознавали опасность подобного единства и пытались создать проколониалистскую организацию, которая служила бы противовесом «Африканской ассоциации». Такой организацией стал «Институт негрофилов», позже переименованный в «Объединенный центр негров Мозамбика» (САНМ).

Не меньшую опасность власти усматривали в существовании «смешанных» спортивных клубов. Африканцам и мулатам было запрещено выступать в соревнованиях по боксу против белых, хотя мулатам было разрешено становиться членами футбольного клуба для белых. Однако большинство из них в столице демонстративно вступили в «Африканскую ассоциацию футбола», что само по себе явилось актом сопротивления. В 1962 г. после создания ФРЕЛИМО власти запретили африканцам иметь свою футбольную организацию.

Вернувшись после учебы в Южной Африке, Мондлане в 1949 г. принял участие в основании молодежной организации НЕСАМ (Нуклеус африканских мозамбикских студентов), которая отвергала какие-либо расовые и этнические различия.

В 50-х гг. НЕСАМ вел разъяснительную работу среди членов САНМ, помогая им преодолеть расистские и элитистские предрассудки. Он издавал свой журнал «Алвор», распространявший освободительные идеи. Из НЕСАМ вышли многие будущие лидеры ФРЕЛИМО — Арманду Гебуза, Жоакин Чиссано, Марианьо Матсинья, Паскоал Мокумби и др. Все они преподавали

в школе, созданной при САНМ. В результате власти, придя к заключению, что школа является источником опасных подрывных «идей», решили ее закрыть.

В 1964 г. НЕСАМ был запрещен, часть его членов арестована, а другая часть вынуждена была эмигрировать.

Несколько антиколониальных организаций были основаны в 50-х гг. представителями демократически настроенной белой интеллигенции. К ним относились: Общество исследований, Нуклеус искусств, Спортивная группа 1-го Мая и др. Наибольшей популярностью пользовалось Движение молодых мозамбикских демократов. Внутри Движения существовала маленькая группа — Коммунистическая организация Мозамбика, непосредственно связанная с ПКП. В Движение принимались все мозамбикцы независимо от расы, возраста и пола. Предпринимались попытки основать ячейки Движения в средних школах и в других организациях.

В конце 50-х гг. центром антиколониального движения белых стала Ассоциация уроженцев Мозамбика (АНМ) — клуб для европейцев мозамбикского происхождения. Во главе АНМ встала группа радикально настроенных интеллигентов. Они открыли двери Ассоциации для представителей других рас, и ко времени ее запрещения в 1961 г. в ней насчитывалось 10 тыс. членов, в том числе индийцев, белых и африканцев, причем последние составляли большинство. А. Гебуза окончил курсы машинописи при Ассоциации, а М. Матсинья получил от нее стипендию на учебу в Португалии. Школу этой Ассоциации одно время посещал С. Машел.

Свидетельства об этих и других оппозиционных к колониальному режиму организациях содержатся и в петициях в ООН и в других документах того времени. По словам Хенриксена, «их эффективность была ничтожной, но некоторые из их членов позже участвовали в создании более значительных групп». Что касается дальнейшей их судьбы, то все они были ликвидированы фашистским режимом, который в отличие даже от режима

апартеида в ЮАР никогда не разрешал независимо организованных африканских групп или профсоюзов.

Характерной чертой всех этих организаций было отстаивание мирных средств борьбы за независимость. Их манифесты и петиции защищали мирный переход Мозамбика к африканскому правлению.

К концу 50-х гг. в соседних с Мозамбиком африканских странах начали возникать патриотические организации мозамбикских эмигрантов. В связи с тем что в сопредельных с Мозамбиком государствах осело большое число беженцев, а также благодаря тому, что эти молодые африканские государства готовы были предоставить всю необходимую помощь организациям, борющимся против португальского колониализма, создались благоприятные условия для возникновения и деятельности эмигрантских организаций.

Особенность раннего этапа освободительного движения в Мозамбике состояла в том, что в отличие от Анголы его фрагментарность, наличие большого числа организаций не были связаны с трайбалистскими или регионалистскими различиями. Это обстоятельство позже облегчило интеграцию движения в единую организацию ФРЕЛИМО. Один из его лидеров, Марселину душ Сантуш, отмечал в 1963 г., что объединение не создало больших проблем, так как «разделение мозамбикских сил было результатом не непримиримых политических позиций или племенных различий, как часто случалось в других местах», а окружения Мозамбика странами, где господствовали белые. Эта ситуация была изменена завоеванием независимости Танганьикой в 1961 г.

Незадолго до создания ФРЕЛИМО в городе Муэда (провинция Кабу-Делгаду) имели место события, оказавшие большое влияние на формирование национального сознания мозамбикцев. В 1960 г. несколько местных вождей вели агитацию среди коренного населения, призывали его добиваться либерализации колониального режима и повышения оплаты труда. Некоторые агитаторы были арестованы португальцами. Затем

местный администратор пригласил крестьян из окрестных деревень прийти со своими жалобами в Муэду. Когда 16 июня 1960 г. несколько тысяч человек пришло туда послушать, что скажут португальцы, губернатор провинции приказал солдатам арестовать активистов, а затем открыть огонь по толпе. Было убито более 500 человек.

Расправа в Муэде свидетельствовала о том, что португальские власти, с одной стороны, напуганные стремительной деколонизацией африканских стран, а с другой— вдохновленные примером расистов в ЮАР (которые за два месяца до событий в Муэде устроили кровавую резню в Шарпевилле), решили вступить на путь беспощадных полицейских репрессий, считая их единственно эффективным средством против растущего африканского протеста.

События в Муэде, ясно показавшие, каков будет португальский ответ на африканское требование независимости, укрепили убеждение мозамбикских патриотов в необходимости, во-первых, создавать организации не внутри страны, а вне ее, а во-вторых, использовать для завоевания независимости не мирные, а вооруженные средства борьбы.

В октябре 1960 г. в Булавайо (Родезия) был основан Национальный демократический союз Мозамбика (УДЕНАМО). В феврале 1961 г. мозамбикские эмигранты, проживавшие в Танганьике и Кении, создали в Момбасе Африканский национальный союз Мозамбика (МАНУ), а эмигранты из района Тете, жившие в Малави, — Африканский союз независимого Мозамбика (УНАМИ). Тогда же на основе НЕСАМ был создан Национальный союз студентов Мозамбика (УНЕМО).

Наиболее последовательно революционной из этих организаций был УДЕНАМО. Именно из него вышли многие будущие руководители и активисты ФРЕЛИМО. С этой организацией имел тесные связи Э. Мондлане. УДЕНАМО имел программу и устав. Согласно уставу, членом УДЕНАМО мог быть «любой гражданин Мозамбика, независимо от пола, этнического происхождения, вероисповедания и места жительства». Целью организации

объявлялась «полная ликвидация португальского господства в Мозамбике». В программе подчеркивалось, что УДЕНАМО выступает за «создание республиканского, демократического правительства, равенство всех перед законом, создание Национальной ассамблеи и правительства народа и для народа».

В социально-экономической сфере программой предусматривались: реконструкция экономики и производства, уничтожение всех форм колониализма и превращение Мозамбика в развитую и сильную страну, введение равной оплаты за равный труд, независимо от пола и расы, передача земли тем, кто ее обрабатывает, развитие образования и культуры.

Как видно из положений устава и программы УДЕНАМО, он представлял собой революционную националистическую организацию с весьма радикальной антиколониалистской программой.

Существенной слабостью национально-освободительного движения в Мозамбике в начале 60-х гг. оставалась организационная разобщенность патриотических сил. Настоятельной необходимостью на этом этапе развития антиколониалистского движения стало их объединение. Эту необходимость осознавали наиболее передовые и революционно настроенные лидеры националистических организаций, прежде всего руководство УДЕНАМО, выступившее в качестве инициатора и наиболее последовательного сторонника объединения.

Состоявшаяся в 1961 г. в Касабланке Конференция национально-освободительного движения португальских колоний (КОНКП), на которой присутствовала делегация УДЕНАМО, призвала к единству сил, борющихся против португальского колониализма. Большую роль в подготовке и практическом осуществлении слияния антиколониалистских организаций Мозамбика сыграли президент Танзании Джулиус Ньерере, а также пользовавшиеся исключительно высоким авторитетом среди мозамбикских националистов Э. Мондлане и М. душ Сантуш.

Ни один из этих двух наиболее выдающихся мозамбикских эмигрантов того времени не идентифицировался ни с одной из трех организаций, и это обстоятельство помогло им в усилиях, направленных на создание ФРЕЛИМО.

Руководители УДЕНАМО, МАНУ и УНАМИ, встретившись в Дар-эс-Саламе 25 июня 1962 г., приняли решение об объединении их во Фронт Освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).

Во ФРЕЛИМО вошли также молодые революционеры, жившие в самом Мозамбике. Они стали играть ведущую роль в новой организации. По свидетельству М. душ Сантуша, относящемуся к 1973 г., «только четверо из избранных в руководство пришли из эмигрантских групп. Остальные были из Мозамбика. Таким образом, единство было достигнуто в значительной степени благодаря участию активистов в Мозамбике». Это объяснялось тем, что «уровень политического сознания живших вне страны... был ниже, чем у активистов — «инсайдеров»». Фронт возглавили талантливые и образованные лидеры.

Председателем ФРЕЛИМО стал Э. Мондлане. Он родился в 1920 г. и был младшим сыном третьей жены вождя в провинции Газа. Окончив начальную школу, он самостоятельно выучил английский язык и получил стипендию для продолжения учёбы в Южной Африке. Взяв рекомендательные письма своих учителей, Мондлане нелегально перешёл границу Южно-Африканского Союза, выдал там себя за местного жителя и поступил в один из колледжей Северного Трансвааля. Окончив колледж, он, наконец, завершил своё среднее образование в возрасте 27 лет. После этого Мондлане успешно выдержал вступительные экзамены и поступил учиться в университет Витватерсранда в Йоханнесбурге. Там в 1949г. он создал организацию мозамбикских студентов, за что был исключён со второго курса и выслан южноафриканскими властями в Мозамбик, с этого времени он привлёк к себе внимание ПИДЕ и находился под его неусыпным наблюдением.

Он учился в Лиссабонском университете, затем в США. Одно время работал в ООН, был преподавателем в Сиракузском университете. Работая в ООН, подружился с Ньерере, который оказал на него огромное влияние.

В сферу его деятельности в ООН входили вопросы, связанные с подготовкой подопечных территорий ООН к самоуправлению. Работая в этой международной организации, Мондлане не только наблюдал за процессом деколонизации и возникновения новых государств, но и содействовал ему. В одном из выступлений в Гарвардском университете он сказал: «В период моей работы в ООН только некоторые государства были самостоятельными. Я считал, что, находясь так далеко, ничего не смогу сделать для своей родины... Когда Танганьика в декабре 1961 г. стала независимым государством, я тотчас же начал готовиться к возвращению в Восточную Африку». В июне 1962 г. Мондлане прибыл в Дар-эс-Салам со своей молодой женой, хорошо образованной американкой Жанет Рае Джонсон.

Вице-председателем ФРЕЛИМО стал поэт М. душ Сантуш. Он родился в 1929 г. от смешанного брака в прибрежном городе Лумбо. Окончив школу, продолжал образование в Португалии. Но за участие в революционной деятельности подвергся преследованию фашистских властей и вынужден был продолжать университетское образование во Франции, где учился в Сорбонне под руководством известного африканиста — профессора Ж. Баландые.

В то же время он стал печатать под псевдонимами (Калунгану и др.) проникнутые революционным пафосом и ненавистью к колонизаторам стихи, принесшие ему огромную популярность. Когда в апреле 1961 г. в Касабланке была создана уже упоминавшаяся КОНКП, М. душ Сантуш был избран ее генеральным секретарем. Используя эту организационную базу, он внес выдающийся вклад в создание условий для появления ФРЕЛИМО.

На I съезде ФРЕЛИМО (23—28 сентября 1962 г.) были приняты программа и устав фронта, а также «Обращение к мозамбикскому народу», которое призвало мозамбикцев объединиться вокруг ФРЕЛИМО для борьбы

за независимость. Значение I съезда состояло в том что он выработал платформу, на которой можно было сплотить все социальные силы мозамбикского общества в борьбе против колониализма. Съезд провозгласил главной целью ФРЕЛИМО освобождение страны и выработал стратегию и тактику для достижения этой цели. Президент Мозамбика Самора М. Машел позже следующим образом определил значение съезда: «Выработав обоснованную платформу единства, I съезд правильно определил в качестве врага португальский колониализм; разработал программу борьбы всеми средствами включая вооруженные, против иностранного господства; решительно осудил империализм, надежную опору колониализма, и правильно назвал наших друзей за рубежом — антиколониальные, антиимпериалистические, демократические и миролюбивые силы; продемонстрировал интернационализм нашего народа, выразил нашу солидарность с борьбой всех народов против любых форм угнетения; наделил ФРЕЛИМО органами, позволившими развернуть борьбу за национальное освобождение; принял на вооружение демократический централизм, обеспечив таким образом единство и действенность нашей организации» .

ФРЕЛИМО возник как фронт, представлявший по социальному составу широкий спектр национальных сил. Подавляющее большинство его членов составляли интеллигенты, мелкая буржуазия и крестьяне, унаследовавшие от многолетнего колониального прошлого забитость, неграмотность и всякого рода предрассудки и суеверия. Именно этим объяснялось то, что, хотя в программе ФРЕЛИМО и решениях I съезда содержались элементы революционно-демократической идеологии, в целом они представляли собой идеологический компромисс, который только и мог быть в тот период базой для создания объединенного фронта столь разнородных социальных сил.

Если сравнить устав ФРЕЛИМО с уставом УДЕНАМО, то сходство их первых 18 статей наводит на мысль, что второй послужил моделью для

первого. Однако, формулировка задач (ст. 4 в обоих уставах) УДЕНАМО отличалась большей радикальностью. Задачами ФРЕЛИМО были объявлены «полная ликвидация португальского колониального гнета в Мозамбике и всех проявлений колониализма и империализма, завоевание немедленной и полной независимости Мозамбика, защита и выполнение требований всех мозамбикцев, угнетаемых и эксплуатируемых колониальным португальским режимом», УДЕНАМО считал своей обязанностью «служить авангардом в упорной борьбе за свободу африканского народа и независимость Мозамбика. Укреплять дух panaфриканизма, чтобы избавить Мозамбик от империалистической экономической эксплуатации, социальной деградации и прочих следов колониализма и империализма. Полная ликвидация португальского господства в Мозамбике. Защищать и осуществлять чаяния всего народа Мозамбика, исходящие от всех социальных слоев, страдающих от гнета и эксплуатации, особенно крестьянских и рабочих масс».

Контраст между двумя этими документами очевиден. Он обнаруживается в обязательстве УДЕНАМО «служить авангардом в упорной борьбе за свободу африканского народа», другими словами, в принятии им на себя политической роли в интернационалистском масштабе. Другое отличие — упоминания об «империалистической экономической эксплуатации», «социальных слоях» и «крестьянских и рабочих массах», отсутствующие в уставе Фронта Освобождения Мозамбика. Чем объяснить эти различия?

Некоторые исследователи усматривают в этом поражение радикальных элементов и победу более консервативных мелкобуржуазных националистов на съезде в 1962 г. Другие видят здесь поражение ультралевых и победу радикалов. На самом деле устав ФРЕЛИМО был своего рода компромиссом, обусловленным необходимостью сохранить национальный фронт с широкой социальной базой в течение всего начального этапа борьбы. С этим же было связано отсутствие единой идеологической платформы новой организации. Хотя во ФРЕЛИМО с самого начала была группа лидеров (Э. Мондлане, М. душ Сантуш и др.) —

носителей революционно-демократических и социалистических идей, наряду с этим существовали многочисленные буржуазно-националистические и мелкобуржуазные идеологические течения.

М. душ Сантуш свидетельствовал в одном из интервью 1973 г.: «Это верно, что ФРЕЛИМО не имел идеологической линии, кроме изначального национализма. Тот факт, что руководство было разнородным, означал, что в нем с момента создания были представлены различные типы идеологий... Но задачи, стоявшие перед нами в этот ранний период, требовали, чтобы мы создали коллектив, который примирил бы всех, кто был готов работать совместно, чтобы начать основную борьбу. Итак, характер политических, социальных и экономических реалий требовал прагматического подхода. Но борьба росла, и возникали новые ситуации. И в этом процессе росли и развивались политическое сознание и осведомленность...»

С. Машел в 1976 г. на вопрос журналиста П. Петруччи, верно ли, что «на первых фазах освободительной борьбы «идеологический вопрос» может разделять силы вместо того, чтобы их объединять», ответил: «Наш опыт свидетельствует об обратном. Правда, есть начальная фаза, фаза национального единства, когда необходимо прежде всего конституировать первооснову, на которой можно объединить все силы. Но как только они мобилизованы вокруг такой платформы, настоятельно необходимо добиваться их единства на идеологическом уровне. Дать им ясную и общую перспективу» .

Широкий и разнородный социальный состав ФРЕЛИМО заключал в себе потенциальную опасность будущих конфликтов и расколов в организации. Эти конфликты не были, однако, результатом борьбы соперничающих элит, как считают некоторые западные историки . Они были, как обоснованно отмечал Е. Элперс, «результатом возникающей классовой борьбы по вопросу о будущей форме независимости Мозамбика» .

В организацию входили представители рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, интеллигенции и феодализирующейся племенной знати. Столь

широкий спектр социальных сил, составляющих базу движения, неизбежно должен был привести к процессу классового размежевания и поляризации революционно-демократических и всех прочих национально-демократических сил .в движении.

Как отмечал Мондлане, разнородный состав членов ФРЕЛИМО таил в себе известную опасность. «Мы были уроженцами различных районов Мозамбика, принадлежали к различным социальным слоям и представляли различные языковые и этнические группы, различные расы, различные вероисповедания, различные общественные и политические взгляды. В связи с этим возможности возникновения разногласий были неограниченными...»

Определенную почву для разногласий создавало и то обстоятельство, что руководство фронта включало в себя представителей всех прежних организаций, слившихся во ФРЕЛИМО. Бывшие члены УДЕНАМО заняли несколько ключевых постов: Давид Мабунда стал Генеральным секретарем, Паулу Гумане — его заместителем, Уриа Симанго — вице-президентом, из МАНУ пришел Матью Ммоле, занявший должность казначея, и т. п.

Многие из них долго жили за пределами Мозамбика, не имея прямых контактов с населением и не зная действительного положения дел. Свой политический опыт и взгляды они приобрели в постоянном контакте с националистическими организациями Родезии, Малави, Замбии, Танганьики, Кении, которые придерживались преимущественно мирных, ненасильственных методов антиколониальной борьбы. «Эти люди,— писал позже С. Машел,— ставили на одну доску Великобританию — развитую империалистическую, индустриальную колониальную державу и Португалию — отсталую, слаборазвитую страну, находящуюся на положении полуколонии. Эти люди игнорировали разницу между страной буржуазной демократии, где общественное мнение способно оказывать влияние на правящие круги, и фашистской страной, где цензура и полицейские репрессии препятствуют любому проявлению инакомыслия» .

Под влиянием упомянутой группы, занимавшей ключевые посты в руководстве организацией, ФРЕЛИМО в 1962—1963 гг., действуя в тесной координации с МПЛА, направил португальскому правительству через ООН и ОАЕ ряд петиций и посланий, призывающих к переговорам о предоставлении независимости португальским колониям.

Поскольку президентом ФРЕЛИМО стал Мондлане, это сразу внесло новый, революционный дух в концепцию и политическую практику организации. Он, как и его последователи, выступал против эксплуатации в любой форме, а также против засилья традиционных вождей. В основе революционной философии Мондлане лежало стремление радикально перестроить мозамбикское общество, избавив его не только от колониального гнета, но и от традиционных феодальных и патриархальных институтов. Приход Мондлане к руководству фронтом привел к резкой радикализации его платформы, что в свою очередь обострило и катализировало конфликт между революционно-демократическими и правонационалистическими силами в руководстве движением.

Этот конфликт принял открытую форму и привел к серии расколов уже через несколько месяцев после создания организации. В конце 1962 г. Генеральный секретарь ФРЕЛИМО Д. Мабунда и его заместитель П. Гумане заявили о своем несогласии с линией Мондлане и пытались клеветнически обвинить его в том, что он незаконно стал председателем Фронта освобождения Мозамбика. Попытки руководства ФРЕЛИМО избежать раскола оказались безрезультатными. Мабунда и Гумане продолжали свою раскольническую деятельность. ЦК ФРЕЛИМО вынужден был исключить их из организации.

Когда Мондлане вернулся в США для последнего года чтения лекций в Сиракузском университете, он оставил в качестве своего «личного представителя» во ФРЕЛИМО Лео Клинттона Олдриджа (или Лео Миласа), занимавшего пост секретаря ЦК по вопросам обороны и безопасности. Олдридж, хотя и родился в Техасе (США), выдавал себя за мозамбикца

зулусского происхождения. Спекулируя на доверии к нему Мондлане, он исключил из ФРЕЛИМО ряд активистов, которые тотчас были арестованы танганьикской полицией. К концу 1962 г. многие члены фронта вышли из него, восстановив старые и создав новые организации. Лишь в августе 1964 г. Олдридж был изобличен как авантюрист, связанный с ЦРУ, и исключен из ФРЕЛИМО.

В числе изгнанных из ФРЕЛИМО был и Гвамбе, основатель УДЕНАМО, претендовавший на руководство в организации. Власти Танганьики выдворили его из страны как португальского агента, а ЦК ФРЕЛИМО, исключил его из фронта. Гвамбе основал в Кампале (Уганда) Тайный комитет восстановления УДЕНАМО, в мае 1963 г. реорганизованный в УДЕНАМО — Момотапа. Гумане и Мабунда создали в Каире Новый УДЕНАМО, а Ммоле создал Новый МАНУ. Встретившись в Кампале в мае 1963 г., Ммоле, Гвамбе и Себастьян Сикауке, лидер Африканского национального конгресса Мозамбика, приняли решение о создании Объединенного антиимпериалистического народного африканского фронта Мозамбика (ФУНИПАМО). Они выступили с клеветническими обвинениями в адрес ФРЕЛИМО и Э. Мондлане и стали проводить раскольническую тактику, направленную на подрыв единства и влияния фронта.

Сколачивание этой организации имело своей целью объединение всех антифрелимовских сил, с тем чтобы создать противовес ФРЕЛИМО и вырвать из его рук руководство процессом национального освобождения Мозамбика.

Вскоре ФУНИПАМО изменил свое название на МОРЕКО (Революционный совет Мозамбика). В начале 1965 г. УДЕНАМО и МОРЕКО объединились в одну организацию.

Выход из ФРЕЛИМО правонационалистических деятелей и образование ими раскольнических организаций нанесли определенный ущерб национально-освободительному движению Мозамбика. Эти события

получили неоднозначную оценку правительств независимых африканских государств. Руководство Танзании твердо поддерживало ФРЕЛИМО, отказавшись признать существование других групп. Правительство Замбии настаивало на воссоединении всех националистических групп и взяло на себя инициативу по организации переговоров между ними. Мондлане покинул переговоры после того, как другие участники отказались распустить свои группы и вернуться во ФРЕЛИМО на индивидуальной основе .

Существование множества мелких оппозиционных организаций объективно ослабило и нанесло большой вред освободительному движению, поставив в трудное положение те страны, которые готовы были оказать помощь, но не знали, какая организация действительно пользуется поддержкой в самом Мозамбике.

Несмотря на все эти сложности, в 1962—1964 гг. ФРЕЛИМО сумел окрепнуть в организационном и политическом отношении. Уход из его рядов раскольников и правонационалистических элементов привел к консолидации прогрессивного крыла фронта и к росту руководящей роли в организации группы революционных демократов во главе с Э. Мондлане.

ФРЕЛИМО поставил своей задачей создание по всей стране разветвленной сети партийных ячеек и групп. С этой целью в различные районы страны были посланы члены ФРЕЛИМО, которые вели среди населения широкую агитационную и пропагандистскую работу. В результате их активной деятельности фронту удалось создать свои нелегальные ячейки во многих городах и деревнях страны. Быстро росли численность членов ФРЕЛИМО и их политическое сознание. Были сорваны неоднократные попытки ПИДЕ внедрить своих агентов в организацию .

В этот период ФРЕЛИМО стал еще активнее утверждать себя на международной и африканской арене как законный представитель интересов мозамбикского народа. Огромный вклад в укрепление международных контактов ФРЕЛИМО и в его деятельность в различных международных организациях внес президент фронта Э. Мондлане, который во время своих

многочисленных поездок в США и Европу, в своих выступлениях в ООН и в других международных организациях неустанно разъяснял цели и характер ФРЕЛИМО и призывал к осуждению португальского колониализма и к действенной поддержке освободительного движения в Мозамбике.

Революционно-демократическое крыло ФРЕЛИМО, сплотившееся вокруг своего лидера, довольно быстро осознало тщетность надежд на мирное решение вопроса о независимости Мозамбика и стало готовиться к неизбежному вооруженному столкновению с португальским колониализмом. Учитывая эту перспективу, было принято решение создать нелегальную военную организацию и начать подготовку военных кадров. Уже в январе 1963 г. по решению ЦК ФРЕЛИМО в Алжир была направлена группа членов фронта для военного обучения .

Руководство ФРЕЛИМО приложило немало сил, чтобы добиться независимости мирным путем, путем переговоров и соглашения с Португалией. Однако Лиссабон на все предложения такого рода отвечал категорическим отказом и усилением репрессий в колонии. Для народа Мозамбика не оставалось иного выхода, как взяться за оружие. Э. Мондлане вспоминал: «...мы были поставлены перед такой альтернативой: продолжать бесконечно жить под репрессивным имперским правлением или искать средства использовать силу против Португалии, которая была бы достаточно эффективна, чтобы нанести ущерб метрополии и в то же время не позволить ей расправиться с нами. Вот почему лидеры ФРЕЛИМО сочли, что единственным правильным методом может быть вооруженное действие» .

На пленуме ЦК ФРЕЛИМО в июне 1964 г. было принято решение о переходе к вооруженной борьбе. Предполагалось начать революционную освободительную войну, в ходе которой, нанося удары по врагу то в одном, то в другом месте, измотать его, создав условия для краха колониального режима. В соответствии с решениями июньского пленума ЦК из Танзании во внутренние районы Мозамбика — в провинции Ньяса, Кабу- Делгаду, Замбезию и Тете — были направлены партизанские группы общей

численностью 250 человек . Все они прошли специальную военную подготовку.

25 сентября 1964 г. ФРЕЛИМО в обращении к населению Мозамбика провозгласил всеобщее вооруженное восстание. В тот же день группа из 11 бойцов фронта совершила первую атаку на португальский военный пост в Чаи (провинция Кабу-Делгаду) , положив тем самым начало 10-летней освободительной войне за независимость Мозамбика. Командовавший этой группой Алберту Жоакин Чипанде (впоследствии министр обороны Мозамбика) позже вспоминал: «После того как силы ФРЕЛИМО были информированы (о резне в Муэде.— А. Х), меня послали в Алжир с целью прохождения военной подготовки. В июне 1964 г. я получил приказ непосредственно от президента Мондлане провести военную операцию. Инструкции Э. Мондлане были очень точными: «Вы были посланы народом. Вы сын народа. Теперь Вы должны вернуться к народу, чтобы начать вооруженную борьбу» .

Колонизаторы были застигнуты врасплох. Они ожидали отдельных рейдов с территории Танзании, но не предполагали, что силы ФРЕЛИМО находятся в самом Мозамбике.

Выбор руководством организации северных районов страны для начала вооруженной борьбы был не случайным. Туда легче было проникать из Танзании и Замбии, где находились базы ФРЕЛИМО. Кроме того, на Севере португальское присутствие было выражено слабее, чем на Юге. Большинство португальских поселенцев концентрировалось вокруг Лоренсу-Маркиша и в плодородных долинах рек Замбези и Лимпопо. Малозаселенные португальцами северные районы слабо административировались и были плохо обеспечены дорогами и другой инфраструктурой .

Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в северных районах живет народ маконде, крайне враждебно относившийся к португальцам. Сочувственное отношение маконде к партизанам ФРЕЛИМО

дало последним возможность получать продовольствие и информацию о контрмерах португальцев.

Когда ФРЕЛИМО начал военные действия, он имел, по его собственным оценкам, всего 250 бойцов. Ряд военных успехов на севере поощрил руководство ФРЕЛИМО на проведение крупномасштабных операций и в других провинциях. С ноября 1964 г. фронт распространил боевые действия еще на три провинции — Ньяса, Замбезию и Тете, и португальские войска были вынуждены перейти к обороне. Открытие фронта боевых действий в провинции Тете было особенно неприятным сюрпризом для португальцев. В этой провинции находятся богатейшие залежи минералов (в том числе уран, золото, медь, титан, бериллий, бокситы, уголь, железная руда, марганец, вольфрам), а также гигантский гидроэнергетический комплекс Кабора Басса. В Лиссабоне полагали, что Кабора Басса и вложенные в ее сооружение южноафриканские инвестиции в сочетании с перспективностью еще не эксплуатируемых полезных ископаемых могут быть средством интернационализации войны, если позиции Португалии в Мозамбике окажутся под угрозой. В городе Тете находилась к тому же штаб-квартира Совета планирования Замбезии, которая подчинялась только Лиссабону и занималась разработкой амбициозных проектов развития долины Замбези .

Хотя действия ФРЕЛИМО вплоть до 1968 г. имели характер лишь партизанских рейдов, они нанесли чувствительный удар по португальскому колониализму. Партизанская война способствовала оттягиванию значительных контингентов португальских войск из Анголы и Гвинеи-Бисау в Мозамбик и концентрации их в крупных городах. Этим сумело воспользоваться руководство ФРЕЛИМО, по существу изолировав войска колонизаторов от сельского населения, составлявшего главную социальную базу освободительного движения. ФРЕЛИМО ставил своей первоочередной целью освобождение сельских районов. Эта тактика позволила ему, распространив борьбу на ряд южных и центральных провинций страны,

освободить значительную часть Мозамбика. Несмотря на то, что португальцы стянули в Мозамбик 70-тысячную армию, к 1974 г. ФРЕЛИМО освободил четверть территории страны (200 тыс. кв. км), на которой проживало более 1 млн. человек. На освобожденной территории проводились прогрессивные социально-экономические мероприятия, отвечавшие коренным интересам населения, открывались школы и больницы, возникали «народные магазины», принимались меры для обеспечения населения продовольствием, промышленными товарами и т. п.

Еще в 1965 г. были открыты первые начальные школы. Спустя пять лет их стало уже 150, и в них обучалось 20 тыс. детей. Успешно работали также медицинские центры, больницы и госпитали. Наиболее крупные из них могли принять в течение года 3—4 тыс. больных. Медицинский центр в Тете в 1968—1970 гг. провел вакцинирование против оспы 15 тыс. человек. Предпринимались серьезные усилия в борьбе с такими опасными заболеваниями, как чесотка, малярия, проказа, сонная болезнь, туберкулез, трахома и др.

На освобожденных территориях велась подготовка резерва для вооруженных сил в форме отрядов самообороны. В 1963 г. ФРЕЛИМО приступил к всеобщему военному обучению как мужчин, так и женщин.

Были организованы сельскохозяйственные кооперативы, что дало возможность обеспечить продовольствием местное население и партизанские отряды ФРЕЛИМО, а также организовать экспорт сельскохозяйственной продукции в Танзанию. Существовали и личные крестьянские хозяйства. Их владельцы обменивали свою продукцию на рынках на промышленные изделия, одежду, предметы обихода. Как сообщил ФРЕЛИМО, к 1968 г. крестьяне в освобожденных зонах начали экспортировать орехи кешью, кунжут, а маконде — резьбу по дереву в Танзанию. В 1973 г. из освобожденных районов было экспортировано 222 т орехов кешью и 500 т семян кунжута.

На освобожденных территориях вводился принцип самоуправления. Органами самоуправления стали провинциальные советы, состоявшие главным образом из выборных представителей населения, и их исполнительные органы — провинциальные комитеты.

Важным аспектом деятельности ФРЕЛИМО в этих районах являлись его мероприятия по формированию нового мировоззрения и новой системы ценностей у населения, которые должны были в своей совокупности способствовать формированию всесторонне развитой личности гражданина будущего независимого Мозамбика. Говоря об этом, президент НРМ С. Машел в беседе с У. Барчеттом отметил: «...опыт освобожденных зон составляет ценное наследие для нас. Это нечто такое, что мы должны защищать и использовать, чтобы осуществить на национальном уровне разрыв со старыми мифами, ценностями и привычками, со структурой социальной жизни, организацией и производством, унаследованными от колониального общества и еще существующими в нашей среде. Практика показала, что мы смогли решить производственные и другие проблемы без огромных ресурсов или ультрасовременной техники, а просто опираясь на нашу собственную силу и организацию. Освобожденные зоны были политической лабораторией, научной лабораторией, лабораторией идей. Там мы смогли испытать то, что должно было быть сделано позже» .

К концу 1965 г. вооруженные силы ФРЕЛИМО насчитывали 2 тыс., в 1967 г.— 8 тыс., а в 1969 г.— 10 тыс. хорошо обученных бойцов.

Фронт стал направлять многих своих бойцов для военного обучения в Алжир и ОАР, готовя таким образом для себя военные и политические кадры. Получившие военную подготовку за границей члены ФРЕЛИМО обучали партизан в военных лагерях в Танзании. Первый лагерь был открыт в Багамойо, второй — в Конгва (инструкторами в нем были Самора Машел и Жоакин Чиссано).

Вплоть до окончания освободительной войны на территории Танзании существовали четыре военных лагеря ФРЕЛИМО, на которых

мозамбикские патриоты проходили военное обучение. Хотя условия жизни и учебы бойцов в этих лагерях были очень трудными из-за нехватки финансовых и материальных средств, в них царили железная дисциплина и высокое сознание патриотического долга. Последнее было в большой степени связано с огромной политико-воспитательной работой, которую вели среди бойцов активисты ФРЕЛИМО.

В связи с началом вооруженной борьбы на территории Мозамбика возникла необходимость коренной перестройки организационной структуры фронта, создания централизованного механизма по руководству партизанской армией. Пленум ЦК в октябре 1966 г. принял решение о создании единого военно-политического центра при президенте ФРЕЛИМО — Высшего военного совета. В него вошли сам президент, его заместитель и два руководителя отделов ЦК. Отдел ЦК по вопросам обороны и безопасности был разделен на два самостоятельных отдела. Эта организационная перестройка позволила повысить эффективность работы всех звеньев ФРЕЛИМО, активизировать военные действия, улучшить снабжение партизан всем необходимым, усилить дисциплину в их рядах.

«На наш взгляд,— писал С. Машел,— дисциплина вытекает из политического сознания бойца, она основана на принципах и правилах, которыми руководствуемся мы — активисты ФРЕЛИМО, бойцы Народных сил освобождения Мозамбика и слуги народа. Дисциплина подобна часовому, охраняющему политический курс и предупреждающему нас о всякой попытке изменить этот курс или сорвать его».

Партизанская армия ФРЕЛИМО, насчитывавшая 7 тыс. бойцов, была разбита на отряды численностью 30—50 человек. Каждый отряд действовал в определенном боевом районе — «зоне наступления». Несколько боевых районов составляли оперативную зону. Она имела оперативные базы, служившие местом сосредоточения и снабжения партизанских отрядов в течение определенного времени, пока ее местонахождение не становилось

известным противнику. Развертывая партизанскую войну, ФРЕЛИМО умело использовал опыт алжирских и вьетнамских патриотов.

Исключительно большую роль в политико-воспитательной работе и повышении сознательности бойцов ФРЕЛИМО играли политкомиссары, которые были при каждом партизанском отряде. Институт политкомиссаров был введен в 1964 г. Октябрьский пленум ЦК фронта в 1966 г. особо подчеркнул значение деятельности политкомиссаров в деле воспитания бойцов партизанской армии. Они проводили широкую разъяснительную и воспитательную работу и среди населения освобожденных районов и районов, находившихся под португальским господством. Задача политической мобилизации* населения в них ставила перед активистами ФРЕЛИМО ряд специфических и сложных проблем. Касаясь этого вопроса, У. Барчетт писал о мозамбикских крестьянах: «Любые изменения в их жизни, предлагавшиеся португальскими властями, всегда были к худшему. Они обнаруживали, что даже когда им казалось, что они достигли предела безнадежной нищеты, всегда находилась возможность довести их до нищеты еще более ужасающей. Если удавалось принудить их рисковать жизнью, устраивая засады транспортным колоннам, везшим материалы к плотине Кабора Басса, так это только потому, что кадры ФРЕЛИМО умели объяснить, что один из проектов Совета планирования Замбезии состоял в том, чтобы использовать плотину для ирригации долины Замбези и, выгнав живущих там африканцев, поселить на их месте до 1 млн. португальских крестьян».

* Мобилизационной функцией какой-либо партии в Африке принято называть ее организаторскую функцию.

Степень восприимчивости различных слоев населения к агитации фронта была неодинакова. Интересно в этом смысле свидетельство члена ФРЕЛИМО М. Матсинге, который отмечал: «Мы... обнаружили, что продолжительность времени, необходимого для мобилизации группы людей, различна в зависимости от интенсивности их колониального опыта. Например, люди, вернувшиеся в города после принудительной работы по

контрактам, были наиболее восприимчивы к нашей агитации. К этой категории относились и те, кто работали на строительстве мостов и дорог или выращивали сахарный тростник, чай, рис или кокосовые орехи на плантациях» .

ФРЕЛИМО придерживался гибкой и осторожной тактики в отношении местных традиционных вождей. Хотя их власть была ослаблена колониальной администрацией, они пользовались еще значительным влиянием среди соплеменников. Как пишет Б. Манслов, «для движения идти одновременно и против колониальных властей и против традиционных вождей... было бы политическим самоубийством. Завоевать поддержку вождя значило обеспечить себе поддержку его народа» .

И ФРЕЛИМО повел настойчивую и нелегкую работу за завоевание такой поддержки, добившись в этом значительного успеха. Многие вожди вступили в движение. На ранних стадиях борьбы колониальные административные структуры в освобожденных районах заменялись традиционными. Власть передавалась вождю, которому вменялось в обязанность снабжать пищей и одеждой не только местное население, но и партизан, а также организовать деревенскую милицию.

Развертывая широкую партизанскую войну на территории Мозамбика, ФРЕЛИМО столкнулся с трудностями военного, политического и психологического характера.

Одной из главных трудностей была постоянная нехватка оружия и военного снаряжения. «Освобождение Мозамбика,— отмечал С. Машел,— шло бы более быстрыми темпами, если бы у нас было больше оружия. Мы имеем бойцов, но у нас мало оружия. Обучено уже 10 тыс. бойцов, но это партизаны без оружия» .

Серьезные препятствия на пути развертывания национально-освободительной борьбы в Мозамбике создавала раскольническая политика маоистов. Летом 1965 г. они предприняли попытку объединить раскольнические силы и создать широкую оппозицию ФРЕЛИМО. П. Гумане

нанес визит в Пекин, где он, видимо, получил инструктаж по созданию «объединенного» фронта .

В июне 1965 г. в результате слияния УДЕНАМО— Мономотапа, Нового УДЕНАМО, МАНУ, МАНКО и УНАМИ была создана новая раскольническая организация КОРЕМО (Революционный комитет Мозамбика). К созданию этой организации имели прямое отношение не только маоисты, но и португальская, американская и израильская разведки. Во время суда над Гумане в 1975 г. он признал, что начиная с 1962 г. получал деньги от ПИДЕ, а также от США и Израиля. По его словам, американский дипломат в Лусаке (Замбия) К. Дж. Тэйлор сказал ему: «Если вы откроете свой офис в Мозамбике, мы готовы помочь деньгами, но только если вы обоснуетесь внутри страны» . Президентом КОРЕМО стал Гвамбе (через год его сменил Гумане), генеральным секретарем — Ж. Читежи. Штаб-квартира КОРЕМО размещалась в Лусаке .

КОРЕМО не получил какого-либо международного признания. Несмотря на свои огромные усилия, предпринятые на X сессии Комитета Освобождения Африки ОАЕ в 1967 г., КОРЕМО не смог добиться большего, чем признания де-факто его деятельности. Ему было отказано в материальной и финансовой помощи и даже в разрешении открыть свое отделение в Дар-эс-Саламе, где находилась штаб-квартира Комитета .

В августе 1965 г. Гумане открыто заявил о своей ориентации на маоистское руководство КПК. КОРЕМО, видимо, по указанию из Пекина установил тесные связи с рядом прокитайских организаций в Африке, в том числе с ПАК, ГРАЕ, УНИТА и СВАНУ. Хотя Гумане утверждал, что его организация имеет 5 тыс. последователей в Мозамбике, КОРЕМО не вел каких-либо боевых действий против португальцев. Он сосредоточил свою деятельность главным образом на создании тайной сети кадров и их военном обучении, чтобы использовать их в будущем против ФРЕЛИМО, а также осуществлял террористические акции в отношении руководителей ФРЕЛИМО. Видимо, с его деятельностью следует связать серию

нераскрытых убийств видных деятелей ФРЕЛИМО (Ф. Магайя, Ж. Сигуак и др.) в 1966-1968 гг.

К концу освободительной войны КОРЕМО полностью сошел с политической арены, так как его иностранные покровители, разочаровавшись в Гумане, перестали оказывать ему финансовую и другую помощь.

В ходе размежевания классовых и политических сил во ФРЕЛИМО выявились острые противоречия, проявившиеся в серьезных идейно-политических разногласиях по таким вопросам, как стратегия и тактика вооруженной борьбы, социально-экономические преобразования в освобожденных районах, степень демократизации власти в этих районах и т.д.

Идейно-политическая борьба во ФРЕЛИМО резко обострилась в конце 60-х гг. в связи с радикализацией движения. Одним из проявлений этой борьбы явился «студенческий бунт» в Мозамбикском институте. Этот институт был создан ФРЕЛИМО в 1963 г. в Танзании и имел своей задачей подготовку медсестер, учителей, а также кандидатов для обучения в зарубежных университетах*. Он был как бы высшим звеном образовательной системы ФРЕЛИМО. Однако то обстоятельство, что многие его студенты происходили из привилегированных слоев населения, а ряд преподавателей были приглашены из капиталистических стран, предопределило растущее недовольство студентов политикой руководства ФРЕЛИМО. Особое влияние среди них приобрел молодой мозамбикский католический священник Матеус Гвенжере. Он прибыл в Дар-эс-Салам в конце 1967 г. и без всяких трудностей устроился в Мозамбикский институт. По словам Б. Корнуэлл, в это время «никто не спрашивал новых сотрудников, были ли они правыми, левыми или центристами». Придерживаясь расистских и элитистских идеологических воззрений, Гвенжере выступил с резкими нападками на революционно настроенных белых руководителей института (в том числе на супругу Э. Мондлане - Ж.

Мондлане). Он обвинил Э. Мондлане в том, что тот является «изменником», который «двигается слишком медленно и говорит слишком мягко» .

* После создания ФРЕЛИМО в 1962 г. супруга Э. Мондлане Жанет обратилась с просьбой к Фонду Форда в Нью-Йорке о выделении средств на строительство в Дар-эс-Саламе большого здания, где бы могли жить и получать среднее образование молодые мозамбикские беженцы. Фонд Форда выделил такие средства, но уже через год перестал возобновлять пожалования, поскольку стало ясно, что ФРЕЛИМО в первую очередь помогал борцам за свободу и их детям. Было построено хорошее здание, в котором вначале жили и учились всего 50 студентов. В Мозамбикском институте изучали португальский язык, математику, историю и географию Португалии. Преподавателями были экспатрианты из Швеции, США, Англии и т. д.

Подстрекаемые Гвенжере студенты выступили в марте 1968 г. с требованием отменить контроль ФРЕЛИМО над институтом, отстранить Ж. Мондлане от его руководства и изменить программу обучения.

Провокационная деятельность Гвенжере не могла быть более терпима, и в марте 1968г. ЦК ФРЕЛИМО, резко осудив ее, потребовал его исключения из штата института. Тогда Гвенжере создал антифрелимовскую организацию из числа мозамбикцев, живших в Дар-эс-Саламе. В начале мая этой группой были предприняты два нападения на штаб-квартиру ФРЕЛИМО в столице Танзании. Во время второй атаки два активиста фронта были тяжело ранены (один смертельно). После этих инцидентов, сопровождавшихся студенческими беспорядками, правительство Танзании потребовало, чтобы белые, входящие во ФРЕЛИМО, покинули пределы страны .

Критикуя студентов Мозамбикского института, Мондлане писал: «Подчиняться ФРЕЛИМО — значит подчиняться Отечеству, осуществлять цель, являющуюся исторической задачей народа на нынешней фазе национального освобождения... Все должны понимать это. Хотя Отечество

нуждается в подготовленных руководителях, сегодня, как и завтра, оно нуждается только в руководителях-революционерах, иначе нам превосходно подошли бы и колониалистские лидеры, поскольку они имеют академические звания и техническую квалификацию... Необходимо понять, что борьба — это важнейшая и лучшая в мире школа обучения» .

В результате «студенческого бунта» институт был закрыт. Вместо него была открыта школа в Багамоё, чтобы удалить студентов от «соблазнов городской жизни». Это был не первый конфликт Мондлане со студентами. За год до этого он стал объектом аналогичной критики мозамбикских студентов, обучавшихся в США, некоторые из которых отказались участвовать в антиколониальной войне. Мондлане резко осудил их за то, что они позволили, идя на поводу своих «эгоистических чувств», устроить обструкцию «нашему общему участию в борьбе», отказавшись вернуться в Африку после получения образования, которое было оплачено ФРЕЛИМО,

В мае 1968 г. право-националистические элементы из числа студентов распространили клеветнический памфлет, в котором называли Мондлане «марионеткой американского капитала» .

В это же время против руководства ФРЕЛИМО выступила раскольническая трайбалистская группировка во главе с Лазару Нкавандаме, который был одним из вождей маконде. В 1957 г. он основал крестьянский кооператив по возделыванию хлопка, продаваемого португальской компании, экспортировавшей его за границу. Этот кооператив, названный Добровольным хлопководческим сельским обществом африканцев Мозамбика, к 1958 г. имел 1 тыс., а к июлю 1959 г.— 1500 членов. Напуганные развитием кооперативного движения, португальские власти завербовали некоторых членов кооператива на принудительные работы на сизалевых и хлопковых плантациях, а в 1959 г. арестовали Нкавандаме, сослав в Порту-Амелия. После резни в Муэде они освободили его и сняли запрет на добровольные кооперативы при условии, что в них будет не более

30 членов . Кооперативы были поставлены под португальский контроль, а сам Нкавандаме наживался на сдаче напрокат трактора тем, кто в нем нуждался. С 1962 г. кооперативы Нкавандаме установили связи с ФРЕЛИМО, стремившимся использовать их как средство усиления поддержки крестьян в Кабу-Делгаду .

Нкавандаме и некоторые другие вожди маконде выступали за сохранение родоплеменных институтов, против эмансипации женщин, были сторонниками «черного расизма», призывая убивать всех белых, включая военнопленных. Нкавандаме одобрял нападения крестьян маконде на португальских поселенцев и рассматривал конфликт с колонизаторами в категориях расовой эмансипации. Он пользовался поддержкой так называемого Совета старейшин маконде, пытавшегося убедить ФРЕЛИМО сохранить традиционные племенные структуры. Машел и другие лидеры фронта выступили против таких «феодалных пережитков», считая, что они представляют собой систему эксплуатации, столь же достойную осуждения, как и эксплуатация колонизаторов .

Будучи избран на I съезде ФРЕЛИМО членом ЦК и став секретарем провинции Кабу-Делгаду, Нкавандаме сосредоточил в своих руках практически неограниченную власть в провинции, рассматривая ее как свою феодальную вотчину. Став председателем Провинциального кооперативного комитета, он контролировал с его помощью всю торговлю между Мозамбиком и Танзанией, которая проходила через его провинцию. Хотя программа деятельности кооперативов была выработана ЦК ФРЕЛИМО в сотрудничестве с правительством Танзании, он всячески противился контролю со стороны членов ЦК, а узнав, что ЦК собирается реорганизовать кооперативы, с тем чтобы ликвидировать злоупотребления и коррупцию, начал выступать с обвинениями в адрес руководства ФРЕЛИМО .

К середине 1968 г. революционно-демократическое ядро в ЦК ФРЕЛИМО пришло к следующим выводам: когда в ЦК возникало «различие мнений», против этого ядра всегда выступали одни и те же люди; последние

события прояснили характер оппозиции; взгляды оппозиции поддерживал вице-президент У. Симанго .

Стало предельно ясно, что во ФРЕЛИМО существуют два течения — революционно-демократическое, основанное на марксистской идеологии, и контрреволюционное, базирующееся на мелкобуржуазной националистической идеологии. Возникла необходимость в созыве II съезда ФРЕЛИМО. 26 мая 1968 г. Мондлане объявил, что съезд начнет работу 31 июля, но не указал место его проведения. Вопросы, которые должны были решаться на съезде, были определены с предельной четкостью: «Мозамбикский народ имеет право знать, что недавно произошло в Танзании... Именно на съезде этот вопрос будет разъяснен нашему народу».

Делегаты съезда должны были обсудить «проблемы развития политико-социальных структур, в том числе следующие: 1) выработка отношений между военной и гражданской администрацией; 2) средства увеличения производства в сельском хозяйстве, кооперативах, торговле, хлопчатобумажной промышленности и т. д.; 3) создание и улучшение школ, курсов для взрослых, медицинских центров и других социальных служб; 4) совершенствование внешней политики, направленной на дружбу и сотрудничество с прогрессивными силами и враждебной империализму» .

Революционно-демократическое крыло ЦК во главе с Мондлане выступило за проведение съезда в одном из освобожденных районов страны, в то время как Нкавандаме и его сторонники потребовали, чтобы он прошел в Южной Танзании . Другим спорным вопросом был состав делегаций от провинций, где шла вооруженная борьба (Кабу-Делгаду, Ньяса, Тете). В конечном счете было решено, что каждая провинция пошлет по 17 делегатов (9 военных и 8 политических работников). Это решение, а также решение провести съезд в Ньяса означали поражение фракции Нкавандаме .

Открытый конфликт между руководством ФРЕЛИМО и группой Нкавандаме произошел на самом съезде, который состоялся в июле 1968 г. Попытка Нкавандаме обеспечить себе большинство голосов на съезде,

включив в число делегатов членов Совета старейшин маконде, окончилась провалом. Тогда делегация Кабу-Делгаду во главе с Нкавандаме покинула съезд и организовала свой «съезд» в Мтвара (Танзания) в начале августа.

Попытки руководства ФРЕЛИМО и членов правительства Танзании убедить Нкавандаме и старейшин маконде пересмотреть свои ошибочные позиции с тем, чтобы избежать раскола фронта, ни к чему не привели. На II съезде победила линия руководства ФРЕЛИМО. Были приняты решения об эмансипации женщин, о гуманном обращении с военнопленными, о замене племенных старейшин выборными комитетами самоуправления др. Съезд высказался за то, что военные задачи ФРЕЛИМО должны быть подчинены политическим целям, главная из которых — создание нового Мозамбик

Нкавандаме отказался признать решения съезда и провозгласил Кабу-Делгаду независимой республикой. Он приказал закрыть границу между Танзанией и провинцией Кабу-Делгаду и расстреливать всех членов ФРЕЛИМО, которые попытаются нарушить этот приказ. Для этой цели организовали специальные вооруженные отряды, которые должны были патрулировать южную границу Танзании в поисках членов ФРЕЛИМО осмелившихся ее пересечь без разрешения Нкавандаме. По его распоряжению 22 декабря 1968 г. на границе был убит командующий вооруженными силами ФРЕЛИМО Паулу Канкомба*.

* Паулу Самуэл Канкомба родился 18 августа 1937 г. в Кобве (провинция Ньяса). Он вступил во ФРЕЛИМО в 1963 г. и, пройдя военное обучение за границей, был назначен военным и политическим комиссаром. В ноябре 1966 г. стал командующим партизанскими отрядами в Кабу-Делгаду, а в августе 1968 г. — командующим вооруженными силами ФРЕЛИМО.

Исполком ЦК ФРЕЛИМО, проанализировав обстоятельства убийства Канкомбы и роль, которую сыграли в этом Нкавандаме и старейшины маконде, решительно осудил это преступление и пришел к выводу, что Нкавандаме стал врагом ФРЕЛИМО и мозамбикского народа и вступил на путь борьбы с ними. Исполком освободил Нкавандаме от обязанностей члена

ЦК ФРЕЛИМО, провинциального секретаря и председателя Провинциального кооперативного комитета и просил правительство Танзании арестовать этого деятеля и его сподвижников и репатриировать их в Мозамбик.

Будучи исключен из ФРЕЛИМО, Нкавандаме начал открыто сотрудничать с португальскими колонизаторами.

Главной движущей силой антиколониальной революции ФРЕЛИМО считал крестьянство. Это определило и выбор тактики вооруженной борьбы, которая должна была вначале охватить сельские районы и лишь на последнем этапе революции постепенно распространиться на промышленные центры. «Борьба в сельских зонах, где враг слаб, позволяет нам освобождать обширные территории со значительным населением,— писал С. Машел.— Мы все более изолируем противника и уменьшаем возможность для него эксплуатировать наш народ. Численность освобождённого населения растет, что приумножает наши силы... Партизанская война вынуждает врага сражаться в окружении народа, который ему враждебен».

Исходя из этой тактической линии, ФРЕЛИМО еще за несколько месяцев до начала вооруженной борьбы направил своих агитаторов в сельские районы с целью политической мобилизации крестьян. Такая работа была связана с большими трудностями и не всегда давала результаты из-за неграмотности, низкого классового и национального сознания крестьян, их этнических предрассудков и определенной восприимчивости к вражеской пропаганде, использовавшей этнические противоречия.

Побывавшая в Мозамбике в тот период журналистка Б. Корнуэлл писала: «Поскольку большинство мозамбикцев не умеют ни читать, ни писать, это означало, что агитаторы не могли воздействовать на них с помощью листовок, подпольно издаваемых газет или других подобных каналов. Они не могли влиять на аудиторию и на общественных митингах, так как португальцы быстро прервали бы революционную деятельность. Необходим был личный и устный контакт, осуществляемый агитаторами,

шедшими из деревни в деревню, из района в район, и все это тайно и пешком». Как правило, ФРЕЛИМО направлял агитаторов в те районы, где они выросли, были знакомы с языком, обычаями населения и, что было не менее важно, с местностью и лесными тропами. Работа агитаторов была связана с большим риском, так как, по словам Б. Корнуэлл, «реальная опасность исходила от самих черных жителей деревень, которых организовывали агитаторы, поскольку среди этой запуганной массы находились десятки людей, готовых передать их властям за несколько долларов. По местным стандартам это была существенная сумма, которая могла быть равна годовому заработку.

А если агитатор был из другого племени или провинции, он подвергался еще большему риску. Многие из них в те дни были схвачены солдатами, подвешены за ноги и сожжены заживо. Те, кому удавалось избежать патрулей, передвигались только ночью и питались лесными мышами, кореньями — диетой, которая иногда дополнялась миской риса, принесенной в джунгли тайным сочувствующим» .

Тем не менее, неистребимая вера в победу, смелость и настойчивость этих голодных, оборванных и босоногих политагитаторов постепенно завоевывали сердца и мысли крестьян, поскольку в своих лекциях у лесного костра они говорили о вопросах, волновавших их слушателей: о хроническом голоде, огромной детской смертности, принудительном труде, подводя слушателей к пониманию целей ФРЕЛИМО.

Так же как в Анголе и Гвинее-Бисау, португальские колонизаторы применяли варварские репрессии против мирного населения Мозамбика с целью заставить его отказаться от поддержки повстанцев. При этом в Мозамбике широко использовался опыт войны американских агрессоров во Вьетнаме. В частности, африканцев заставляли селиться в «алдеаментуш», чтобы легче было осуществлять над ними контроль и препятствовать их связям с партизанами. Насильно согнанным в «алдеаментуш» крестьянам строжайшим образом запрещали вернуться в родные места.

Назначенный в 1970 г. главнокомандующим португальской армией в Мозамбике генерал К. де Арриага начал широко применять методы «психологической войны». Как он сам впоследствии вспоминал, «специфические военные операции проводились под девизом: «Убеждать умы и завоевывать сердца»» .

Португальцы сбрасывали с самолетов тысячи листовок, призывавших партизан прекратить борьбу и обменять оружие на денежные награды. В то же время колониальные власти стали создавать из африканцев «милицию» и другие полувоенные формирования, чтобы использовать их в войне с ФРЕЛИМО. Мозамбикский миллионер Ж. Жардин, известный тесными связями с правительством Португалии, в своих воспоминаниях пишет, что даже М. Каэтану признавал, что эти формирования «имеют жестокую концепцию войны и сохраняют свои племенные предрассудки» . 23 августа 1973 г. был издан закон о призыве на военную службу всех мозамбикцев в возрасте от 20 до 44 лет.

В то же время была развернута кампания террора и насилия против мирного населения. Широкую волну возмущения и протестов во всем мире вызвало сообщение двух испанских миссионеров о кровавом преступлении в деревне Вирияму, где 16 декабря 1972г. каратели зверски убили 400 мозамбикцев.

Летом 1970 г. К. де Арриага предпринял решительное наступление на освобожденные районы, контролируемые ФРЕЛИМО. В этой операции, имевшей кодовое название «Гордиев узел», участвовало 35 тыс. до зубов вооруженных солдат. Португальским войскам удалось блокировать ряд дорог, окружить некоторые партизанские базы и захватить склады оружия, которые позже были выставлены для всеобщего обозрения. Арриага объявил о военной победе, которая «нуждалась лишь в дополнении психологическими и социальными операциями, чтобы стать окончательной». Однако генерал выдавал желаемое за действительное. Вспоминая об этом, А. Ж. Чипанде отмечал: «„Гордиев узел" был операцией по принципу „убивай

всех, сжигай все, уничтожай все" и имел целью проникновение в освобожденные зоны, чтобы уничтожить не только базы ФРЕЛИМО, наши вооруженные силы, кадры и организации, но и, устроив массовую резню, уничтожить все, что там сделано. Но К. де Арриага опоздал. Если бы «Гордиев узел» был начат в начале нашей борьбы, возможно, мы были бы сокрушены. С профессиональной и военной точки зрения это была хорошо подготовленная и хорошо выполненная операция. Но мы были гораздо сильнее идейно — обстоятельство, значение которого враг никогда не мог понять». Генерал Кошта Гомеш назвал операцию «Гордиев узел» «самым крупным поражением империи».

Результатом действий колонизаторов явился поток беженцев из Мозамбика в соседние страны — Танзанию и Малави. Наряду с массовыми репрессиями колонизаторы применяли и индивидуальный террор в отношении лидеров национально-освободительного движения. 3 февраля 1969 г. в Дар-эс-Саламе был злодейски убит основатель и первый председатель ФРЕЛИМО Э. Мондлане.

После гибели Мондлане Исполком ЦК ФРЕЛИМО «в соответствии с Уставом ФРЕЛИМО до следующего пленума ЦК» 11 февраля 1969 г. возложил «функции президента» на У. Симанго. На состоявшемся в апреле 1969 г. III пленуме ЦК Симанго был подвергнут резкой критике за то, что в 1968 г. защищал и оправдывал действия Гвенжере и Нкавандаме. ЦК осуществил свое уставное право решать, как будет организовано президентство до следующего съезда. Он создал Президентский совет, в котором У. Симанго контролировался С. Машелом и М. душ Сантушем как наиболее испытанными и последовательными членами руководства.

Однако У. Симанго, нарушив существовавшие во ФРЕЛИМО правила, опубликовал в танзанийской прессе в ноябре 1969 г. статью о внутренних делах в организации, назвав ее «Мрачная ситуация во ФРЕЛИМО». В статье он обвинил фронт в том, что он заражен «сектантством, регионализмом и трайбализмом», вызывающими

междоусобицы. Он обвинил вдову Мондлане в том, что она является «источником колоссальной коррупции», а Машела и М. душ Сантуша в том, что они «готовят преступные заговоры».

В области идеологии Симанго объявлял себя приверженцем «традиционного национализма» и «элитизма» Гвенжере и Нкавандаме. Он требовал отставки Машела и М. душ Сантуша. Выступление Симанго против руководства организации было проявлением борьбы правонационалистических сил против революционных демократов во ФРЕЛИМО. Однако последние взяли верх в этой борьбе.

За свою раскольническую деятельность и попытки захватить единоличную власть Симанго был выведен решением Исполкома ЦК ФРЕЛИМО в ноябре 1969 г. из Президентского совета, а в мае 1970 г. по решению Исполкома ЦК исключен из организации как «предатель народа Мозамбика».

Симанго выступил с ультралевыми декларациями на сессии Комитета Освобождения Африки ОАЕ, а после исключения из ФРЕЛИМО и выдворения его из Танзании упражнялся в злобных выпадах против живых и покойных лидеров ФРЕЛИМО. В конечном счете Симанго присоединился к КОРЕМО.

На чрезвычайном заседании Исполкома ЦК ФРЕЛИМО в мае 1970 г., исключившем Симанго из организации, председателем фронта был избран Самора Машел, а вице-председателем ветеран движения М. душ Сантуш.

С. Машел родился в 1933 г. на юге Мозамбика в крестьянской семье. Проучившись шесть лет в католической начальной школе, он отказался продолжить учебу в семинарии, хотя это давало право стать католическим священником. Благодаря своему статусу «ассимиладу», упорству и незаурядным способностям он сумел окончить среднюю школу и медицинские курсы, получив относительно привилегированную профессию брата милосердия, что дало ему возможность свободно и много ездить по стране. Все, что он видел, потрясало и возмущало. Очень скоро он понял, что

в основе политики португальских властей лежит расовая дискриминация. За одну и ту же работу белые получали в несколько раз больше, чем черные. Расовая дискриминация на всех уровнях, во всех областях вызывала в душе молодого человека не только горькое ощущение несправедливости, но и дух активного протеста.

Позже Машел вспоминал: «Постепенно я осознал, что ничто не может помочь, кроме коллективных действий. Человек, опирающийся лишь на свои силы, не в состоянии чего-либо достичь. На той стадии (это было после 1956 г.) я начал понимать ключевые экономические и политические проблемы и причины, по которым африканцы находятся в столь невыгодном положении. Затем 1960 год — независимость Конго... Я начал всерьез задумываться о возможностях добиться независимости Мозамбика... В это время португальские власти усилили репрессии против всех грамотных африканцев. Было еще нечто, что разжигало наше любопытство: мы старались понять, почему власти не хотят, чтобы мы читали газеты и слушали иностранное радио. Ну а затем пришел 1961 год в Анголе». Вскоре после основания ФРЕЛИМО С. Машел вступает в него и включается в активную борьбу с колонизаторами. В составе группы членов ФРЕЛИМО он отправляется в Алжир для прохождения военной подготовки. С началом вооруженной борьбы С. Машел стал командиром первой военной базы на мозамбикской территории.

В 1964 г. возглавляемая Машелом группа мозамбикских партизан развернула боевые действия против колонизаторов, переросшие вскоре во всенародную национально-освободительную борьбу. Проявив незаурядные военные способности, Машел стал заместителем главнокомандующего вооруженными силами ФРЕЛИМО, а после его гибели — главнокомандующим национально-освободительной армией. В 1968 г. на II съезде был избран членом ЦК ФРЕЛИМО и секретарем департамента: обороны ЦК. Он выступал в поддержку линии Мондлане против националистической платформы Нкавандаме.

После майского 1970 г. заседания Исполкома ЦК ФРЕЛИМО эта организация окончательно превратилась в революционно-демократическую. В тот же период руководство ФРЕЛИМО во главе с С. Машелом приступило к изучению вопроса о целесообразности создания авангардной партии трудящихся. Иначе говоря, в руководстве фронта обдумывалась перспектива перерастания мозамбикской национально-демократической революции в революцию народно-демократическую.

Постепенно выкристаллизовывалась идеологическая доктрина ФРЕЛИМО, вобравшая в себя в синтезированном виде многие положения научного социализма (например, в области партийного и государственного строительства, отрицания капиталистического общества и буржуазной морали, отказа от каких бы то ни было эксплуататорских отношений, идеи о переходе к социализму, минуя капитализм, и т. д.).

О том, что уже тогда руководство фронта взяло курс на создание авангардной партии трудящихся, свидетельствует, например, послание Машела ФРЕЛИМО 25 сентября 1971 г., в котором говорилось: «Седьмой год (1970—1971 гг.— А. Х.) был точкой отсчета сознательного развития характера нашей организации, ее превращения в авангардную партию трудящихся масс в нашей стране, авангардную партию с авангардной идеологией» .

В июне 1971 г. делегация ФРЕЛИМО во главе с С. Машелом посетила СССР, Болгарию, Румынию и ГДР. К 1973 г. лидеры фронта открыто говорили о необходимости создать революционную партию и о том, что ФРЕЛИМО идет в этом направлении. В 1970г. ФРЕЛИМО провел ряд крупных военных операций в провинциях Тете, Ньяса и Кабу-Делгаду. Несмотря на то, что португальцы стянули в Мозамбик 50-тысячную армию, они несли значительные потери. Только за год— с июня 1970 по июль 1971г.— бойцы ФРЕЛИМО уничтожили 1500 солдат и офицеров противника. В начале 1972 г. войска ФРЕЛИМО развернули активные боевые действия южнее Замбези.

Особое значение ФРЕЛИМО придавал военным операциям в Тете. Стремясь сорвать строительство плотины Кабора Басса, партизаны с сентября 1971 г. стали устраивать завалы на дороге Шангара—Зомба (одном из двух путей, по которым португальцы доставляли стройматериалы) и нападать на сопровождаемые солдатами противника обозы. В феврале 1972 г. отрядам фронта, действовавшим в Тете, удалось также перерезать железную дорогу Блантайр—Солсбери, взорвать мост и таким образом приостановить доставку материалов для строительства плотины. К июлю 1974 г. эта дорога была взорвана в 75 местах.

Минирование и засады, устраиваемые партизанами ФРЕЛИМО на дороге, соединяющей Солсбери и Блантайр, блокировали единственный сухопутный путь между ЮАР и ее государством-сателлитом Малави. Активность партизан в Тете вызвала шок в Лиссабоне. Португальское командование вынуждено было в срочном порядке перебросить войска из Кабу-Делгаду и Ньяса в северо-западный район страны, что дало возможность фронту начать активные наступательные действия на Севере. Лиссабон передал всю полноту гражданской и военной власти в Тете в руки высшего армейского офицера. С. Машел подытожил результаты операций ФРЕЛИМО в Тете в 1972 г., сказав: «Тете подобен горбу верблюда — именно там сосредоточены (португальские.— А. Х.) войска и резервы» .

В июле 1972 г. партизаны начали военные действия в районах Вила Пери и Бейры. Опасаясь, что будут блокированы экономически важные для него дороги Умтали—Бейра и Солсбери—Блантайр, расистское правительство Родезии направило в Мозамбик войска и ВВС, которые выступили на стороне португальцев уже с апреля 1971 г.

Действуя мелкими партизанскими группами, ФРЕЛИМО наносил большой ущерб живой силе и технике противника. По свидетельству Хенриксена, использование советского оружия «иногда давало партизану превосходство в огневой мощи над португальским солдатом» Обстрел ракетами таких целей, как Эстима (оборонительная база в 20 милях от

плотины Каборабасса), вызывал панику среди португальских войск. По некоторым данным, к весне 1974 г. фронт имел внутри страны 10 тыс. вооруженных бойцов и 25 тыс. членов организации. Только в 1972—1974 гг. число бойцов возросло на 4 тыс. человек.

К 1974 г., хотя португальцы располагали в Мозамбике более чем 70-тысячной армией, ФРЕЛИМО контролировал четверть территории страны (200 тыс. кв. км), в которой проживало более 1 млн. человек. После победы революции в Португалии начались переговоры между новым португальским правительством и ФРЕЛИМО. Первая встреча состоялась в Лусаке 5 июня 1974 г. Она закончилась неудачей, так как португальский представитель — заместитель командующего Оперативным командованием на континенте (КОПКОН) Сарайва ди Карвалью был уполномочен президентом Спинолой вести переговоры лишь о прекращении огня, в то время как мозамбикцы требовали признания их права на независимость и признания ФРЕЛИМО единственным законным представителем народа Мозамбика.

Последнее условие было принципиально важным, так как Спинола, явно взяв курс на неокOLONIALISTское решение проблемы колоний, всячески благоприятствовал появлению в Анголе и Мозамбике проимпериалистических коллаборационистских и сепаратистских группировок. По возвращении в Лиссабон С. ди Карвалью представил Спиноле доклад, в котором говорилось об ухудшении для Португалии военной ситуации в Мозамбике и предлагалось пойти на уступки ФРЕЛИМО. Это вызвало раздражение генерала, обвинившего Карвалью в трусости.

Он назначил губернатором Мозамбика своего верного сторонника Силвину Силверину Маркеша, дав ему широкие политические и военные полномочия. Спинола намеревался создать так называемый «выборочный совет», который обеспечил бы португальское господство в Мозамбике в течение неопределенно долгого переходного периода. Вот как вспоминал Жардин о своей встрече со Спинолой: «Я утверждал, что мы хотим солидных

гарантий для всех заинтересованных групп относительно независимости Мозамбика, интегрированного в широкое «Лузитанское сообщество»... Он заметил мне, что убежден, что сможет принять наилучшее решение, и высказал туманные предположения о форме, в коей следует готовить и избрать выборочный совет» .

К этому времени ФРЕЛИМО добился военных успехов, 24 июля 1974 г. С. Машел следующим образом охарактеризовал изменения, происшедшие в военно-политической ситуации в Мозамбике после революции в Португалии: «В Замбезии, хотя вооруженная борьба началась там менее месяца назад, она уже охватила более трети территории в течение нескольких недель более 5 тыс. патриотов вступили добровольцами в наши Народные силы освобождения. Народ Мозамбика с энтузиазмом приветствует более тысячи португальских солдат, отказавшихся воевать в составе колониальной армии» .

Португальская армия не хотела продолжать проигранную войну. Военные опередили дипломатов и в июле 1974 г. начали секретные переговоры с руководством ФРЕЛИМО, результатом которых было прекращение огня де-факто. В августе 1974 г. в Дар-эс-Салам для переговоров с ФРЕЛИМО прибыли представители португальского правительства Мариу де Соареш и майор Мелу Антуниш. На этот раз переговоры прошли быстро и успешно. Португальская делегация приняла основные требования фронта. Оставшиеся нерешенными вопросы — о гарантиях интересов Португалии в Мозамбике, о механизме передачи власти, о составе переходного правительства — были согласованы во время новой встречи в Лусаке в сентябре 1974 г. 7 сентября 1974 г. там было подписано соглашение о предоставлении Мозамбику независимости с 25 июня 1975 г. По этому соглашению было создано переходное правительство, возглавленное членом Исполкома ФРЕЛИМО Ж. Чиссано.

Началась последняя, заключительная фаза ликвидации колониального режима в Мозамбике. Вместе с тем наступил первый этап создания новой

африканской республики. На этом этапе народу Мозамбика пришлось преодолеть сопротивление сил внутренней и внешней реакции, которые пытались помешать процессу деколонизации и навязать стране неоколониалистские порядки. Опираясь на поддержку империалистических сил и расистских режимов на юге Африки, проколониалистские элементы в Мозамбике начали создавать нелегальные политические организации. Португальские поселенцы вынашивали планы достижения «независимости по родезийскому образцу». Уже упоминавшийся Жардин, близкий друг Салазара, задолго до «революции гвоздик» разработал план создания в Мозамбике «белого сепаратистского государства» - двойника Родезии Яна Смита. Хотя Жардин и считал Каэтану «слабым и нерешительным», он представил ему свой план в феврале 1974 г., но не получил одобрения. Тогда Жардин и его сторонники решили действовать на свой страх и риск. По его собственному свидетельству, он мог рассчитывать на поддержку португальских «командос», других военных и полувоенных формирований, а также контролировавшихся им прессы и радио («Нотисиаш да Бейра», «Вож африкана», «Экономия ди Мосамбик», радиостанция Аэроклуба Бейры) .

В феврале 1974 г. белые поселенцы создали Объединенную группу Мозамбика (ГУМО), выдвинувшую требование автономии при сохранении политических и экономических связей с Португалией. ГУМО насчитывала около 300 членов (главным образом из богатых поселенцев). Во главе ГУМО стояли Максиму Диаш и Жуана Симеан — одна из основательниц КОРЕМО. Эту организацию поддерживал губернатор страны Б. Ребелу де Соуза. Целью Объединенной группы было оказание сопротивления ФРЕЛИМО. После того как митинг ее сторонников в Бейре был разогнан местным населением, ГУМО 11 мая 1974 г. распалась, а Ж. Симеан вместе с исключенными в 1969 г. из ФРЕЛИМО Нкавандаме и У. Симанго создала Общий фронт Мозамбика (ФРЕКОМО).

В мае 1974 г. была создана организация «Фико», что в переводе означает «Я остаюсь». В нее вошли 500 экстремистски настроенных белых

поселенцев, решивших объединиться по образцу ОАС в Алжире для вооруженной борьбы за создание режима «белого меньшинства» в Мозамбике. Лидером «Фико» стал богатый владелец гаражей Гомиш душ Сантуш.

Вскоре на свет появилась другая расистская организация — Демократическая конвергенция Мозамбика (ДКМ). Она состояла из нескольких сот белых, а также зажиточных африканцев — высокооплачиваемых служащих крупных компаний и банков, инженеров, адвокатов, врачей и т. д. Члены ДКМ не скрывали, что имеют могущественных покровителей в Лиссабоне из числа лиц, близких к генералу Спиноле.

Они утверждали, что сумеют сделать так, чтобы Спинола изгнал левых офицеров из Мозамбика и вернул войска в Португалию. Имея тесные связи с финансовыми кругами в метрополии и в ЮАР, ДКМ предприняла попытку скупить газеты в Бейре и других городах Мозамбика. Программа ДКМ сводилась к устранению ФРЕЛИМО от власти, отсрочке предоставления независимости, проведению всеобщих выборов и введению «демократической конституции».

В конце августа 1974 г. в Бейре ФРЕКОМО, КОРЕМО и три другие организации объединились в Национальную коалиционную партию Мозамбика (НКПМ), которую возглавил П. Гумане.

Сразу же после революции в Португалии он вместе с агентами США, ЮАР и сторонниками Спинолы стал разрабатывать планы, имевшие целью помешать ФРЕЛИМО прийти к власти. НКПМ поддержала требование Спинолы о проведении референдума и стремилась создать в стране неокOLONиалистский режим. Она пыталась воспрепятствовать соглашению между Португалией и ФРЕЛИМО, а когда это не удалось, присоединилась 7 сентября 1974 г. к путчу правых поселенцев. Путчисты захватили радиостанцию в Мапуту, провозгласили Мозамбик «независимым» и призвали своих единомышленников в ЮАР и Родезии оказать им помощь.

В конце октября 1974 г. в Лоренсу-Маркише была предпринята новая попытка военного переворота. Португальские «командос» спровоцировали вооруженное столкновение с бойцами ФРЕЛИМО, открыли огонь по безоружной толпе, убив десятки людей. Всего в этих инцидентах было убито более 100 и ранено более 150 человек.

Подразделения португальской армии и войска ФРЕЛИМО приняли энергичные меры для охраны общественного порядка. Организаторы путча были арестованы. ФРЕЛИМО провел массовые митинги в столице, разъясняя свою политику и особо подчеркивая ее нерасистский характер. Переходное правительство Мозамбика приняло закон, карающий тюремным заключением сроком до 8 лет за распространение слухов, нарушающих общественный порядок.

Переходный период сыграл важную роль в поддержании политической стабильности в Мозамбике и подготовил условия для решения задач независимого развития страны. 25 июня 1975 г. в Лоренсу-Маркише (Мапуту) был спущен португальский флаг и провозглашена независимость Мозамбика.

Крах фашистского режима в Португалии.

Накануне революции 25 апреля 1974 г. в Португалии горстка финансовых и промышленных магнатов сосредоточивала в своих руках всю полноту экономической и политической власти. Несколько семейств, таких как, Шампалимо, Мелу, Эспириту Санту, Кина, монополизировали банки, страховые общества, газеты и делили с мультинациональными компаниями контроль над португальской промышленностью. Одна только монополия КУФ (Компания «Униан Фабрил», собственность Мелу) владела десятой частью национального капитала.

К югу от р. Тежу класс крупных землевладельцев скупил практически все пахотные земли. Эти феодалы жили в роскошных отелях Лиссабона или на своих виллах в Кашкаисе или Эстуриале, в то время как их огромные латифундии часто не возделывались. Крупная монополистическая буржуазия и латифундисты составляли правящую элиту страны до революции 25 апреля.

Социальной базой фашистского режима, просуществовавшего в Португалии 48 лет, был союз монополистической буржуазии и латифундистов с мелкими сельскими собственниками. Католическая церковь служила идеологическими подпорками этому нерасторжимому блоку, связанному с архаической аграрной структурой.

Накануне апрельской революции экономическое положение Португалии стало чрезвычайно тяжелым. В стране наблюдался хронический дефицит торгового баланса, который составил в 1972 г. астрономическую цифру — 23 млрд. эскудо. По уровню инфляции Португалия стала своего рода рекордсменкой среди всех европейских стран. Соглашения с «Общим рынком» еще более обострили и без того крайне нестабильное положение слабой португальской промышленности и отсталого сельского хозяйства. Правительство пыталось преодолеть эти трудности за счет усиления эксплуатации трудящихся, увеличения налогового пресса. Сумма налогов, ежегодно уплачиваемая португальским народом, увеличилась с 17 млрд. в

1969 г. до 30 млрд. эскудо в 1972 г. Путем широкого привлечения в страну иностранного капитала правящая верхушка стремилась исправить дело.

Открыв двери для иностранных монополий, руководители «эштаду нуэво»* рассчитывали, опираясь на поддержку западных держав, продлить существование прогнившего фашистского режима. Экономика Португалии стала почти полностью зависимой от транснациональных корпораций, легко уязвимой, чувствительной к малейшим конъюнктурным колебаниям в системе мирового капиталистического хозяйства. Особенно сложная экономическая ситуация сложилась в месяцы, непосредственно предшествовавшие революции 25 апреля 1974 г. От засилья крупных монополий страдали не только трудящиеся массы, но и мелкие и средние предприниматели.

*«Новое государство». Так именовался фашистский режим в Португалии.

Репрессии, голод, болезни и хроническая нищета — таков был удел португальских трудящихся в условиях фашистской диктатуры. Это вынудило многих из них эмигрировать за границу. Только за 10 лет (с 1962 по 1972 г.) около миллиона португальцев покинули свою родину, в том числе 600 тыс. эмигрировали во Францию, 50 тыс. — в ФРГ, 50 тыс. — в Испанию, 30 тыс. — в ЮАР, 20 тыс. — в Бельгию, 20 тыс. — в Канаду, 15 тыс. — в Англию и 10 тыс. — в Люксембург. Население Португалии в 1961 г. составляло 8 800 тыс. человек, а в 1972 г. только 7 800 тыс.

Тяжелое положение народных масс явилось главной причиной подъема антифашистского движения в Португалии, которое охватило самые различные классы и социальные слои — от пролетариата до либеральной буржуазии. При всех внутренних противоречиях, существовавших между составляющими его социальными силами, участников этого движения сплачивала одна общая цель — создание антимонополистического фронта, способного свергнуть фашистский режим. Главной движущей силой этого фронта был рабочий класс, а его основными союзниками в Португалии

являлись крестьянство и мелкая буржуазия, а за ее пределами — крестьянство, нарождающийся рабочий класс и интеллигенция португальских колоний .

Борьбу рабочего класса возглавлял испытанный в боях пролетарский авангард — героическая Португальская коммунистическая партия. ПКП вела неустанную борьбу за единство антифашистских сил, разоблачала классовую природу фашистской диктатуры, а также питаемые некоторыми буржуазными элементами иллюзии в отношении «демократизации» режима. Через коммунистическую прессу португальский народ узнавал об успехах Советского Союза и других социалистических стран, о развитии национально-освободительного движения в колониях, о растущем движении международной солидарности с борьбой португальских патриотов и освободительной борьбой народов португальских колоний. ПКП непосредственно руководила многими выступлениями португальского пролетариата. Численность членов ПКП непрерывно росла.

Выступая на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в Москве, Генеральный секретарь ПКП Алвару Куньял заявил: «Именно под воздействием победы Октября и опыта партии большевиков рабочий класс нашей страны создал в 1921 году свой революционный авангард — Португальскую коммунистическую партию. Именно вдохновляемая идеями, учением Ленина, наша партия, действуя в трудных условиях подполья, смогла определить свою политическую линию и тактику, установить тесную связь с рабочим классом и массами, возглавить их борьбу и руководить ею, достигнуть той степени организации, единства и дисциплины, которые позволили нашей партии не только противостоять фашистским репрессиям, но и стать самой крупной антифашистской силой в Португалии» .

Никогда еще в Португалии репрессии не достигали таких масштабов, как в последние годы существования фашизма. Была значительно увеличена численность всех органов репрессивного аппарата режима — политической

полиции, национальной республиканской гвардии, полиции охраны общественного порядка, фашистской организации «Португальский легион», фискальной гвардии, пограничной полиции. Сотрудничая между собой под руководством Генерального управления безопасности, эти карательные органы контролировали все населенные пункты и средства сообщения, устраивали массовые облавы, держали страну в состоянии страха. Вездесущие тайные агенты шпионили за всеми, кто казался подозрительным. В школах детей спрашивали, не читают ли их родители газету «Аванте», не слушают ли московское радио или радио «Свободная Португалия».

В стране ширилось массовое антивоенное движение. В 1968 г. 14 тыс. португальских юношей отказались ехать воевать в колониях. Начало 70-х гг. было отмечено бурным подъемом антифашистских и антивоенных выступлений. Большую известность приобрела голодовка 150 католиков в одном из лиссабонских костелов в январе 1973 г. в знак протеста против колониальной войны в Африке .

Студентам университета Коимбры удалось осуществить бойкот экзаменов. Фашисты пытались убедить португальских рабочих отчислять часть заработной платы на ведение колониальной войны на Африканском континенте. Однако 80% рабочих отказались давать деньги на колониальные авантюры правительства. Обострение классовой борьбы и кризис фашистской диктатуры в метрополии, тяжелые военные поражения в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и, наконец, растущая изоляция Португалии на международной арене поставили лиссабонский режим на грань катастрофы.

В условиях вооруженной борьбы в колониях и обострения классовой и политической борьбы в метрополии центральной задачей, вставшей перед правящими кругами Португалии, стало изыскание путей и средств для максимального ослабления национально-освободительного движения и «успокоения» мирового общественного мнения.

В сентябре 1968 г. разбитый параличом диктатор Салазар оставил свой пост после почти 40 лет бессменного правления Португалией. Премьер-

министром был назначен один из высших сановников фашистской олигархии — Марселу Каэтану. Придя к власти, Каэтану тотчас же дал понять, что будет продолжать политический курс своего предшественника. Он заявил, что в Африке Португалия не имеет другой альтернативы для своей политики. То же подтвердил и министр иностранных дел Франко Ногейра.

В апреле 1969 г. новый премьер-министр совершил вояж по португальским колониям в Африке. «Визит Каэтану в португальские колонии,— писал в связи с этим выходящий в Париже журнал «Презанс африкэн»,— первый визит такого рода в португальской колониальной истории, так как в течение 36 лет своего правления... диктатор Салазар ни разу не ступал на землю португальских владений в Африке... Действительная причина визита — это, по всей вероятности, непомерные для истощенной Португалии расходы на... войну против африканских националистов. В то время как они идут от успеха к успеху, Португалия должна увеличить военные усилия, чтобы улучшить свое военное положение».

Согласно официальным данным, в 1970 г. из общей суммы расходов в 29 млрд. эскудо 58% предназначались для вооруженных сил.

Военные расходы Португалии за десятилетие — с 1961 по 1971 г.— составили 80 млрд. эскудо. Метрополия держала в своих африканских колониях 180-тысячную армию, в том числе 70 тыс. в Анголе, 70 тыс. в Мозамбике и 40 тыс. в Гвинее-Бисау.

В то же время, стремясь успокоить мировую общественность, Каэтану демагогически заявлял о каких-то несуществующих демократических тенденциях своей политики. Он выступил с обещаниями широкой либерализации во всех областях, в том числе и в области колониальной политики. Лозунгом Каэтану было «Обновление через продолжение!». Однако элементов «обновления» в политике Каэтану оказалось значительно меньше, чем элементов «преемственности» и «продолжения». Для реформ этого буржуазного фашистского политика трудно подобрать лучший эпитет, чем слово «куцые». Он издал несколько

менее жесткий закон о профсоюзах, ограничил цензуру, переименовал ПИДЕ в ДЖС. Хотя так называемые «подрывные элементы» продолжали подвергаться преследованиям, умеренная оппозиция получила больше возможностей для легальной деятельности. Каэтану издал новый избирательный закон, снизивший избирательный ценз и предоставивший право голоса женщинам и бедным.

Правящая фашистская партия Национальный союз была переименована в Национальное народное действие. Во главе ее был поставлен известный «либеральными» взглядами Жозе Гилерме ди Мелу-и-Кастру. Каэтану разрешил вернуться из эмиграции многим деятелям антифашистской оппозиции, в том числе Мариу Соарешу, епископу г. Порту Антониу и др.

Однако все эти ухищрения вряд ли могли ввести в заблуждение тех, кто знал Каэтану. В течение многих лет он был правой рукой Салазара и играл не последнюю роль в выработке конституции 1933 г., утвердившей фашистскую «унитарную и корпоративную республику». Впрочем, Каэтану, став премьер-министром, в первой же речи заявил о своей верности фашистской идеологической доктрине, ясно дав понять, что цели правительства остаются прежними и все изменения будут касаться только тактики и методов их достижения. Это следовало понимать так: «Салазар умер, но салазаризм жив».

«Структура «Нового государства» по существу сохраняется,— писал в связи с этим О. С. ди Карвалью.— В новом правительстве остались министры Салазара. Португальские войска продолжают высаживаться в Африке, чтобы убивать и умирать в сражениях против партизан. Политические партии все также запрещены. Не последовало никакой амнистии. Нет никакой свободы ассоциаций. Внешняя политика не претерпела изменений. Не появилось нового закона о печати. Ничего не изменилось в корпоративной системе... «Дух обновления», который Каэтану

обещал ввести, был полностью принесен в жертву «преемственности» режима под нажимом... крайне правых» .

В 1971 г. Каэтану начал новый тур конституционного маневрирования. В частности, были внесены изменения в португальскую конституцию, которые должны были создать видимость серьезных позитивных сдвигов в положении колоний. Ангола и Мозамбик получили статус штатов и так называемую автономию «без ущерба для единства страны». «Заморские штаты» должны были иметь собственные правительственные органы, армию, полицию, суд, финансовую систему и автономию во внешних сношениях.

Однако то, что на первый взгляд казалось значительной уступкой Лиссабона освободительному движению, при более глубоком анализе оборачивалось фикцией. С ловкостью политического шулера Каэтану так сформулировал новые законодательные положения, что одни из них практически сводились на нет другими. Так, с одной стороны, закон давал право Анголе и Мозамбику иметь «собственные правительственные органы», причем ст. 5 административно-политического статута предусматривала, что «генерал-губернатор и законодательная ассамблея— это правительственные органы самой провинции». С другой стороны, в ст. 8 того же статута говорилось, что «губернатор является на территории провинции высшим агентом и представителем правительства Республики (Португалии.—А. Х.), высшей властью над всеми другими гражданскими и военными лицами, которые служат в провинции».

С одной стороны, штатам предоставлялась автономия в области внешней политики, а с другой — на них распространяли «свою власть государственные органы нации (Португалии.— А. Х), неуклонно исходящие из того, что условия, в которых осуществляются внешние сношения, подлежат компетенции государственных органов Республики» (т. е. опять-таки Португалии. А.Х.) .

Таким образом, «реформы» Каэтану представляли собой конституционный трюк, имевший целью приукрасить фасад колониального режима, сохранив в неприкосновенности его сущность, а заодно ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Разоблачая эту лицемерную демагогию, А. Куньял заявил на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.: «С момента формирования нового правительства фашисты стараются с помощью своей пропаганды внушить идею, что их политика изменилась и что Марселу Каэтану, новый председатель Совета Министров, намеревается «либерализовать», если не демократизировать, португальскую политическую жизнь. Но в действительности речь идет о крупной демагогической уловке, которая имеет целью спасти фашистскую диктатуру в наиболее тяжелый для нее момент» .

Клика Каэтану переживала трудные дни. Фашистский режим агонизировал, находясь в состоянии кризиса и разложения. Чуть ли не каждый день судьба обрушивала на головы лиссабонской правящей верхушки ощутимые удары. Восстание на лайнере «Санта-Мария», освобождение Индией своих законных территорий Гоа, Дамана и Диу, восстание в Бежа (Португалия), расширяющееся, как лесной пожар, пламя освободительной борьбы в Анголе, Гвинее-Бисау и Мозамбике — вот далеко не полный перечень событий, явившихся симптомами неизлечимой болезни, которой был смертельно болен тоталитарный режим в Португалии. Летальный исход этой болезни был для всех очевиден. Процессы, протекавшие в Португалии и ее империи, были необратимыми. Самое большое потрясение фашистской диктатуре было нанесено в португальских колониях в Африке, где отмечался небывалый рост освободительного движения. Его подъем в этих колониях стал результатом и проявлением кризиса португальской колониальной системы, явившегося в свою очередь составной частью кризиса фашистского режима.

«В настоящий момент,— отмечал Алвару Куньял в интервью газете «Франс Нувель» в апреле 1973 г.,— для политического положения Португалии характерны следующие основные черты: ухудшение экономического положения, растущая внутренняя и международная изоляция фашистского правительства, назревание условий, которые поставят на повестку дня политическое решение колониальной проблемы, и, наконец, новый подъем народной борьбы, демократического движения» .

Активизировалась борьба трудящихся за свои права. Победой закончились стачки рабочих компаний ЖИАЛКО и Абелейра, занявших заводы, забастовки рыбаков северного побережья страны, продолжавшиеся 22 дня, и рабочих Матозиньюша, длившиеся 72 дня.

В забастовочное движение, охватившее всю страну, активно включились профсоюзы текстильщиков, торговых и банковских служащих, металлургов, шоферов, химиков, электриков и других. Больших успехов добилась демократическая оппозиция, укрепившаяся в организационном отношении и расширившая свое влияние в массах. В апреле 1973 г. в Авейру состоялся III Конгресс демократической оппозиции, который продемонстрировал сплоченность ее рядов на основе общей политической платформы, включавшей в себя требования демократизации политического строя, прекращения колониальной войны, повышения уровня жизни . В работе конгресса приняли участие 2 тыс. представителей всех оппозиционных политических течений — либералов, прогрессивных католиков, социалистов, монархистов и др.

Конгресс явился важным вкладом в дело сплочения всех антифашистских сил и крупным шагом к созданию объединенного фронта борцов за свободное и демократическое развитие Португалии. В день закрытия форума его участники и многие жители Авейру пришли отдать дань уважения и возложить венки на могилы известных португальских демократов. Однако по приказу властей полиция открыла огонь по мирной демонстрации, в результате чего несколько десятков человек были ранены.

Кампания против колониальной войны приняла исключительный размах и осуществлялась в самых различных формах (отказ от отчислений от заработка на военные расходы, отказ платить чрезвычайный (военный) налог, бойкот товаров, цены на которые включали военную надбавку, дезертирство из армии, антивоенные демонстрации и т. д.). Как отмечал А. Куньял, характерной чертой общественной жизни Португалии в последние годы существования фашизма было всеобщее осуждение колониальной войны и португальского колониализма, признание почти всеми политическими кругами прав народов колоний на самоопределение. «Португальское революционное движение,— подчеркивал он,— развивалось... в очень тесной связи с борьбой против колониальной войны. Оно рассматривало эту борьбу и свою солидарность с народами колоний как национальную задачу первостепенной важности, видя в ней форму сохранения независимости нашей родины, обеспечения подлинной независимости самой Португалии» .

В этой обстановке в португальской армии возникло организованное революционное движение, получившее название Движение вооруженных сил (ДВС). Оно выдвинуло следующую программу: выборы на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, роспуск всех фашистских органов власти, амнистия и освобождение политзаключенных, отмена цензуры, свобода собраний и ассоциаций, свобода создания профсоюзов .

И сегодня ДВС для многих остается загадкой. Как могло возникнуть движение со столь радикальной антифашистской, демократической программой среди офицеров, ведших многолетнюю колониальную войну, находившихся на службе у фашистской диктатуры и получавших от нее многочисленные привилегии и блага? Как эта армия, которая была частью государственной машины, могла превратиться в мотор революции?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо, очевидно, обратиться к социальной природе португальского офицерского корпуса, и прежде всего капитанов, составивших ядро ДВС.

Капитаны редко бывали выходцами из трудящихся классов. Салазар и Каэтану не делали исключения из правила. Обыкновенно офицеры были представителями наиболее обеспеченных слоев общества. Однако в последние годы существования фашистского режима социальный состав португальского офицерства стал меняться. Профессия военного перестала быть престижной и привлекательной, ибо означала прозябание в джунглях. Генеральный штаб, служивший прежде синекурой для аристократов, заполнялся офицерами без лицевых счетов в банках, без поместий в Португалии или Африке .

Кроме того, в 60—70-х гг. крупная буржуазия испытывала острую нужду в кадрах для промышленности. Поэтому она посылала своих сыновей учиться не в Военную академию, а в технические вузы. Их места в Академии заняли дети провинциальной мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Многие окончившие лицей поступали в Военную академию только потому, что у них не было денег, чтобы поступить в университет . Трансформация социального состава офицерского корпуса могла иметь роковые последствия для фашистского режима, и эту опасность понимали некоторые наиболее проникательные его представители. Так, по словам О. С. ди Карвалью, один из высших военных руководителей, Каулза ди Арриага, еще в 1960 г. предупреждал португальское правительство «о серьезном риске, которым чревата для режима «пролетаризация вооруженных сил», если молодые кадеты — выходцы из низших классов станут офицерами» .

Именно в социальном происхождении португальского офицерства 70-х гг. следует искать ключ к объяснению причин революции 25 апреля. Конечно, процессы, происходившие в португальской армии, были самым непосредственным образом связаны с общим демократическим движением за политические, экономические и социальные преобразования в стране.

Среди офицеров (особенно капитанов) росло недовольство, связанное прежде всего с затянувшейся колониальной войной, которую многие из них считали не только бессмысленной, но и безнадежной. Большинство

капитанов были до призыва в армию гражданскими лицами, окончившими трехмесячные курсы командиров рот, и перемена профессии и образа жизни порождала в них враждебное отношение к правительству. Их недовольство вызывало также и то, что капитанам очень долго приходилось ждать повышения по службе и присвоения чина майора. По словам О. С. ди Карвалью, «чрезмерная задержка в повышении, вследствие чего они старились в своем звании, делала их нетерпимыми к трудностям военной службы, порождая неизбежное недовольство» . Последней каплей, переполнившей чашу терпения капитанов, был правительственный циркуляр от 12 июля 1973 г., согласно которому на чин майора могли рассчитывать только окончившие Военную академию. Этот циркуляр, утвержденный президентским декретом 353/73 от 13 июля 1973 г., явился побудительным толчком к созданию ДВС .

Рано утром 25 апреля 1974 г. по радио Лиссабона была передана песня Жозе Афонсу «Грандула, вила морена».

Один из руководителей апрельской революции О. С. ди Карвалью, вспоминал: «Всем нам казалось, что минутная стрелка часов невероятно медленно ползет по циферблату, приближаясь к цифре 12. В полночь по всей стране от севера до юга проворные и нервные пальцы искали на сотнях радиоприемников программу «Лимите», которую вели... дикторы Паулу Коэлью и Лейте де Васконселуш. В 0 часов 20 минут мы услышали голос Васконселуша, темпераментно продекламировавшего первую строку стихотворения «Грандула, вила морена». За этим последовал ритм шагов марширующих колонн и голос Ж. Афонсу, который ни с каким другим невозможно спутать, запевший песню «Грандула»» .

Это был сигнал к восстанию. Войска под командованием членов ДВС быстро овладели всеми ключевыми центрами в городе. Почти полувековой период фашистской диктатуры закончился бескровным переворотом. В Португалию пришла весна. Через несколько часов после начала восстания Революционный Совет обратился к народу со своим первым заявлением:

«Принимая во внимание, что после 13 лет вооруженной борьбы в заморских территориях нынешняя политическая система оказалась неспособной выработать заморскую политику, ведущую к миру... принимая во внимание необходимость очистить государственные органы и пресечь злоупотребления властью... принимая во внимание долг армии перед нацией... Движение Вооруженных Сил... объявляет нации о своем намерении осуществить программу национального спасения и восстановить для португальского народа гражданские свободы, которых он был лишен» .

В этой прокламации обращает на себя внимание мягкость критики фашистского режима и отсутствие резких формулировок. В ней нет упоминания о 48 годах жестоких репрессий, убийств, пыток, невыносимого существования, на которые обрекла португальский народ диктатура Салазара — Каэтану. Не упоминается даже слово «фашизм». «Нынешняя политическая система» осторожно критиковалась за то, что не выработала «заморскую политику, ведущую к миру». В прокламации говорилось лишь о «злоупотреблениях властью», о намерении осуществить программу национального спасения и обещании восстановить гражданские свободы.

Такой умеренный, приглушенный тон первого заявления Революционного Совета отражал ситуацию, сложившуюся в то время в ДВС. Оно представляло собой компромисс между двумя фракциями, одна из которых считала, что свержение Каэтану — это лишь первый необходимый шаг к глубокому революционному сдвигу, а другая видела в этом свержении начало и конец революции. Каэтану, нашедший убежище в казарме республиканской гвардии на площади Кармо, используя чиновников министерства информации в качестве посредников, попытался передать власть генералу Спиноле, «чтобы власть не попала в руки людей с улицы». Связавшись с ним по телефону, Каэтану заявил: «Сеньор генерал, я должен признать себя побежденным... Но если правительство должно капитулировать, оно сделает это перед тем, кто мог бы взять на себя ответственность за общественный порядок и успокоить страну. Прошу вас

приехать ко мне как можно скорее». «Но, сеньор президент, я не участвую в заговоре»,— возразил Спинола. Каэтану прервал его: «Это не имеет значения. Если вы не участвуете в заговоре, вы можете принять мой приказ... Приезжайте как можно скорее» .

Затем Спинола вступил в переговоры с руководством ДВС, которое вынуждено было снабдить его полномочиями принять отставку Каэтану. В 6 часов вечера Спинола в генеральской форме явился в казарму на площади Кармо. Каэтану, встретивший его в сопровождении нескольких министров, произнес: «Я передаю вам власть» .

Таким образом, фашистскому диктатору было позволено самому выбрать человека, который стал бы его преемником. Выбрав Спинолу, Каэтану знал, что делает. За семь недель до того, как военные захватили власть, Спинола имел публичное столкновение с Каэтану по вопросам колониальной политики.

После революции в среде ДВС и нового правительства возникли острые политические разногласия, явившиеся отражением существовавших в этой среде фундаментальных классовых и социальных различий. В общей форме эти разногласия концентрировались вокруг вопросов: каким путем должна пойти страна, каков реальный курс к достижению базисных революционных изменений? Наиболее острыми и очевидными были разногласия по колониальной политике. Новый президент Португалии Спинола был сторонником прекращения колониальных войн. Но он ратовал за заключение таких соглашений о независимости бывших колоний, которые обеспечили бы экономические интересы западных держав, заменив классический колониализм новыми формами неоколониалистской зависимости. Генерал считал также, что не следует торопиться с предоставлением независимости. Лучше оттянуть это событие на неопределенное время.

Спинола предлагал провести в колониях референдум и на этой основе предоставить им право на самоопределение, но в рамках «лузитанской федерации» с сильной центральной властью.

Против такой позиции решительно выступили левые силы страны во главе с ПКП, потребовавшие скорейшего решения колониальной проблемы. Разногласия, возникшие в ДВС по вопросу колониальной политики, выразились, в частности, в том, что существовали два варианта «Программы ДВС». В официальном тексте программы, опубликованном в «Диариу ду Говерну», один из принципов заморской политики ДВС был сформулирован так: «Выработка основ заморской политики, которая приведет к миру».

В тексте «Программы», отредактированном МелуАнтунишем и опубликованном в журнале «Република», тот же пункт был сформулирован более радикально, решительно и определенно: «Ясное признание права народов на самоопределение и скорейшее принятие мер, ведущих к административной и политической автономии «заморских территорий», с эффективным и широким участием автохтонного населения». ДВС объявило о замене генерал-губернаторов секретарями, о ликвидации тайной полиции ДЖС. Но большинство колониальных чиновников остались на своих постах, а в Мозамбике некоторые высшие функционеры ДЖС даже направили в Лиссабон приветственные телеграммы Совету Национального спасения. 5 мая 1974 г. генерал Кошта Гомеш по поручению президента обратился к освободительным движениям в Африке с призывом сложить оружие. Этот призыв, однако, не был принят. А. Нето заявил, что борьба может прекратиться лишь после предоставления Анголе независимости. Такую же позицию заняли лидеры освободительных движений в Мозамбике и Гвинее-Бисау.

Спинола отражал интересы монополий и крупных землевладельцев, стремившихся после 25 апреля прервать революционный процесс возможно быстрее и наиболее эффективными способами. Хотя генерал, по их мнению, грешил либерализмом по колониальной проблеме, правящий класс отлично

сознавал, что он стал временным президентом не для того, чтобы способствовать развалу империи. Они знали, что он покончит с игрой в либерализм, как только столкнется с угрозой власти и господству правящей эксплуататорской элиты, к которой принадлежал сам .

Но повернуть вспять демократический поток было уже нелегко. Доминирующее настроение в стране было определено в пользу революционных изменений и дальнейшего движения в социалистическом направлении. Спинола и те социальные круги, которые он представлял, признавали, что в этих условиях необходимо двигаться вместе с потоком до тех пор, пока не появится возможность для обратного курса. Под нажимом Революционного Совета ДВС Спинола сформировал правительство, состоявшее из представителей всех главных демократических течений, включая коммунистов и социалистов. М. Соареш (лидер социалистов) был назначен министром иностранных дел, А. Куньял—министром без портфеля, Аделину де Палма Карлуш (либеральный профессор права)— премьер-министром.

Затем Спинола стал прилагать усилия, чтобы удалить ДВС с политической арены. Через несколько недель после 25 апреля он обратился с речью к армейским офицерам, смысл которой сводился к следующему: «Вы отлично потрудились, но теперь должны вернуться в казармы и доверить работу по руководству страной нашим более опытным рукам» .

Внешняя политика генерала Спинолы разворачивалась на трех континентах. В Африке он имел тесные связи с президентом Сенегала Сенгором, который был первым африканским лидером, посетившим Лиссабон в то время, когда колониальная политика нового португальского правительства подвергалась резким нападкам ОАЕ. Спинола установил также тесный контакт с президентом Заира Мобуту, встреча с которым на о-ве Сал явилась прологом к империалистической интервенции в Анголу в 1975—1976 гг. Спинола всегда сохранял хорошие отношения с ЮАР. Значительную дипломатическую активность развил новый президент в

отношении Латинской Америки. Он направил в Бразилию в качестве посла одного из самых реакционных генералов, стремясь добиться поддержки бразильского военного режима, традиционно связанного с фашистской Португалией. Посол Бразилии в Лиссабоне был частым гостем и сотрапезником Спинолы. Что касается США, то Спинола постоянно подчеркивал свое стремление к «дружбе» с ними во имя общей цели — защиты «свободного мира» и западных ценностей. Такие заявления он делал, в частности, во время встречи с президентом Никсоном на Азорских островах и в обмене телеграммами с президентом Фордом. Связи генерала с госдепартаментом США осуществлялись через верного ему человека профессора Вейга Симан, которого он назначил послом в ООН, что освободило его от возможного контроля со стороны министерства иностранных дел, руководимого М. Соарешем.

В европейской политике этот деятель отдавал приоритет соседней Испании, где франкистская клика одобрительно отнеслась к его приходу к власти, принимая во внимание его прошлое (Спинола, будучи молодым офицером, добровольно вступил в ряды франкистов, боровшихся против Испанской республики, а в годы второй мировой войны служил в «голубой дивизии» вермахта).

Не будучи в состоянии удалить ДВС со сцены и в то же время не желая быть подотчетным перед Революционным Советом, Спинола решил получить для себя народный мандат независимо от ДВС и через его голову. При содействии премьер-министра П. Карлуша новый глава государства начал маневры с целью проведения скорейших президентских выборов. Он рассчитывал таким путем покончить со своим временным статусом президента и получить столь желанную власть.

Однако генерал натолкнулся на решительное противодействие Революционного Совета, который расценил эти демарши как попытку установления режима личной диктатуры. В результате в июле 1974 г. Карлуш вынужден был уйти в отставку, уступив свое место по требованию

Революционного Совета Васку Гонсалвишу, который был убежденным революционером и интеллектуальным лидером ДВС. А. Куньял занял пост государственного министра, а генеральный секретарь социалистической партии М. Соареш сохранил пост министра иностранных дел. Таким образом, попытка Спинолы захватить власть и ослабить революционные силы привела к обратному результату — эти силы в стране и в правительстве значительно укрепились.

Правительство В. Гонсалвиша приступило к реализации широкой революционно-демократической программы, включавшей в себя национализацию крупных иностранных и местных предприятий, аграрную реформу и деколонизацию.

В исторической декларации 26 июля 1974 г. новое правительство заявило, что Португалия готова начать процесс передачи власти в африканских колониях местным освободительным движениям. В тот же день в Букаву состоялась встреча руководителей четырех африканских стран (Замбии, Танзании, Заира и Конго) с целью примирить враждующие группировки в Анголе и открыть путь к независимости этой страны.

1 августа 1974 г. министр по делам заморских территорий Алмейда Сантуш заявил, что решение о быстром предоставлении колониям независимости вызвано отказом освободительных движений сложить оружие и провести референдум по вопросу независимости. Так были заложены основы для радикального и справедливого решения колониальной проблемы на основе принципа самоопределения.

В этих условиях Спинола решил пойти на риск насильственного захвата власти. Он обратился через голову правительства к «молчаливому большинству» с призывом провести марш в Лиссабон 28 сентября 1974г. Однако трудящиеся поднялись на борьбу против сил контрреволюции и преградили путь к столице маршу сторонников Спинолы. Вместе с ДВС 100 тыс. человек строили баррикады, блокировали и контролировали весь дорожный транспорт. Спинола пытался обратиться за поддержкой к

парашютистам, но получил отказ. Потерпев полное политическое фиаско, он вынужден был уйти в отставку с поста временного президента. Премьер-министр В. Гонсалвиш, выступая от имени временного правительства, заявил, что нация отбила «первую атаку» реакции против революции.

Временным президентом был назначен генерал Кошта Гомеш. Он выступал за деколонизацию, способствовал проведению аграрной реформы, национализации крупных монополий. Хотя К. Гомеш не был столь радикально настроен, как В. Гонсалвиш, он работал с ним в тесном контакте и защищал его от нападков реакционеров. Спинола и двое его последователей были исключены из Революционного Совета. 11 марта 1975 г. была предпринята новая попытка контрреволюционного переворота. Но она провалилась благодаря бдительности ДВС и рабочих Лиссабона. Солдаты и рабочие снова возвели баррикады и отстояли революцию.

Шесть правительств, три премьер-министра и два президента за два года после революции. Столь частые смены кабинетов отражали происходивший в ходе революции процесс размежевания социально-классовых и политических сил, в результате которого к власти пришло революционное крыло ДВС во главе с В. Гонсалвишем.

После событий 11 марта ДВС приняло решение о своем вхождении в систему политических учреждений государства. С этого момента все решения ДВС принимали силу закона. На заседании Революционного Совета в ночь на 14 марта был принят закон о национализации всех банков и кредитных учреждений, принадлежавших частному португальскому капиталу. Правительство В. Гонсалвиша национализировало ряд металлургических, нефтеперерабатывающих предприятий, транспортные фирмы. Португальский народ вступал в новый этап своей истории. С фашизмом и колониализмом он покончил навсегда.

Национализация собственности крупнейших монополистических групп, а также предприятий, принадлежавших бывшим фашистским деятелям, и аграрная реформа привели к ликвидации засилья

монополистического капитала во всех основных отраслях португальской экономики. Положение трудящихся значительно улучшилось. В августе 1975 г. был опубликован закон, восстанавливавший право на забастовки, отмененное Салазаром в сентябре 1933 г. Были повышены почасовые ставки для промышленных рабочих и оплата труда сельскохозяйственных рабочих, рыбаков. Во второй половине августа была увеличена заработная плата всем государственным служащим. Правительство повысило пособия многодетным, безработным, пересмотрев в сторону увеличения размеры пенсий для инвалидов и лиц старше 65 лет. Одной из важнейших задач, решения которых требовали демократические силы Португалии, была задача деколонизации португальской колониальной империи. Борьбу за ликвидацию колониализма и предоставление колониям независимости возглавляла ПКП. Она с самого начала активно участвовала в революционном процессе, поддерживая ДВС и мобилизуя массы на срыв заговоров и маневров контрреволюции. На состоявшемся в октябре 1974 г. VII чрезвычайном съезде была принята новая программа партии. В ней был специальный раздел, озаглавленный «Признать и обеспечить народам португальских колоний право на немедленную независимость». В программе, в частности, говорилось: «Война, развязанная фашистским правительством против борющихся народов, поддерживаемая НАТО, была не только преступлением против этих народов, но и преступлением против португальского народа... Демократический режим в Португалии будет жизнеспособным, и подлинная независимость Португалии может быть гарантирована лишь в том случае, если будет гарантировано также право народов португальских колоний на самоопределение и немедленную и полную независимость».

VII чрезвычайный съезд ПКП подчеркнул, что «самоопределение и независимость португальских колоний составляют одну из центральных задач национально-демократической революции».

Когда была провозглашена независимость Анголы, ПКП была единственной партией в Португалии, выступившей за признание

правительства МПЛА. Она была единственной политической силой в стране, занимавшей последовательно интернационалистскую позицию на протяжении всего периода вооруженной борьбы за независимость народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау. Говоря об этом, видный деятель ПКП Октавиу Пату подчеркнул в своей речи в Брага 20 марта 1976 г.: «В течение многих лет борьбы против колониальной войны и сейчас в плане защиты установления отношений дружбы и сотрудничества с новыми независимыми государствами (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Острова Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи) ПКП была единственной партией, которая всегда сохраняла последовательную интернационалистскую позицию, единственной партией, всегда признававшей МПЛА, ФРЕЛИМО, ПАИГК как законных представителей своих народов. Развитие ситуации показало, как права была ПКП и какой огромный ущерб национальным интересам нанесен тем обстоятельством, что Португалия оказалась одной из последних стран, признавших правительство НРА».

Таким образом, в результате решительных и солидарных действий демократических сил Португалии удалось сорвать вынашиваемые португальской и международной реакцией замыслы навязать народам колоний план «лузитанской федерации» и найти неоколониалистское решение колониальной проблемы.